Новая
Библіотека

Три Мушкетера

Александра Дюма

Изданіе
А. Суворина
С.П.Б.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА СУВОРИНА
60 КОПѢЕКЪ КАЖДЫЙ ТОМЪ 60

ТРИ МУШКЕТЕРА

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

АЛЕКСАНДРА ДЮМА

(Les trois mousquetaires)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ,

въ которомъ устанавливается, что выведенныя въ романѣ главныя дѣйствующія лица, не взирая на имена ихъ съ окончаніемъ на «os» и «is», вовсе не вымышленныя.

Годъ тому назадъ, занимаясь въ королевской библіотекѣ и дѣлая выписки и замѣтки для моей «Исторіи Людовика XIV», я случайно напалъ на «Записки д'Артаньяна», напечатанныя въ Амстердамѣ, у Пьера Ружа, какъ большая часть сочиненій той эпохи, авторы которыхъ, сообщая истину и исторически вѣрные факты, не имѣли ни малѣйшаго желанія отсиживать болѣе или менѣе продолжительное время въ Бастиліи. Заглавіе меня соблазнило и я взялъ записки къ себѣ домой, конечно, съ разрѣшенія хранителя библіотеки и, весьма понятно, съ жадностью набросился на нихъ.

Я въ настоящей книгѣ не намѣренъ давать разбора этихъ интересныхъ записокъ, и тѣмъ изъ моихъ читателей, которые интересуются картинами описываемой эпохи, посовѣтую самимъ пробѣжать ихъ. Они найдутъ въ нихъ написанные мастерской рукой портреты, и хотя эти очерки большею частью рисуютъ казарменные и трактирные нравы, тѣмъ не менѣе читатели отыщутъ въ изображеніяхъ

Людовика XIII, Анны Австрійской, Ришелье, Мазарини и большей части придворныхъ того времени не меньшее сходство, чѣмъ и въ «Исторіи Анкетиля». Но само собою разумѣется, что то, что поражаетъ прихотливую и своенравную фантазію поэта, иногда совершенно не замѣчается массою читателей. И такъ, восхищаясь, какъ это будутъ дѣлать и другіе, тѣми историческими подробностями, которыя мною подчеркнуты въ романѣ, я лично болѣе всего заинтересовался тѣмъ, на что до меня рѣшительно никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Д'Артаньянъ разсказываетъ, что во время своего перваго визита къ де-Тревилю, капитану королевскихъ мушкетеровъ, онъ встрѣтилъ въ его пріемной трехъ молодыхъ людей, служившихъ въ знаменитомъ полку, въ который онъ добивался чести быть принятымъ. Ихъ звали Атосъ, Портосъ и Арамисъ.

Признаюсь, что эти три иностранныхъ имени поразили меня и у меня тотчасъ же блеснула мысль, что это псевдонимы, подъ которыми д'Артаньяну хотѣлось скрыть какихъ нибудь знаменитостей, если только носители этихъ вымышленныхъ именъ не избрали ихъ сами для себя въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда, по какому нибудь капризу, недовольству или за неимѣніемъ средствъ къ жизни, они облеклись въ простой плащъ мушкетера.

Съ этой минуты я уже не успокоивался до тѣхъ поръ, пока въ современныхъ имъ произведеніяхъ мнѣ не удавалось найти какой бы то ни было намекъ на эти странныя имена, въ высшей степени возбудившія мое любопытство.

Одно перечисленіе тѣхъ книгъ, которыя мнѣ пришлось перечитать для достиженія моей цѣли, заняло бы цѣлую главу, что, можетъ быть, было бы очень поучительно, но ужъ, навѣрно, вовсе не интересно для моихъ читателей. Ограничусь только сообщеніемъ, что въ ту минуту, когда, подъ впечатлѣніемъ безплодныхъ поисковъ, я палъ духомъ и хотѣлъ уже оставить всѣ дальнѣйшія изысканія, я, руководимый совѣтами моего знаменитаго и ученаго

друга Полена Пари (Paulin Pâris), нашелъ, наконецъ, рукопись въ четверку (in-folio), помѣченную № 4772 или 4773 — въ точности не помню,— озаглавленную:

ЗАПИСКИ ГРАФА ДЕ-ЛА-ФЕРЪ

О НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ, ПРОИСШЕДШИХЪ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ КОНЦѢ ЦАРСТВОВАНІЯ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XIII

И

ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XIV.

Можно себѣ представить, какъ велика была моя радость, когда, перелистывая эту рукопись,—мою послѣднюю надежду,—я встрѣтилъ на двадцатой страницѣ имя Атоса, на двадцать седьмой — Портоса и на тридцать первой — Арамиса.

Находка совершенно неизвѣстной рукописи въ эпоху, когда историческая наука достигла своего высшаго развитія, показалась мнѣ почти какимъ-то чудомъ, и я поспѣшилъ испросить разрѣшенія на изданіе ея, имѣя въ виду попасть когда нибудь въ академію словесныхъ наукъ съ чужимъ вкладомъ въ литературу, если только, что очень возможно, мнѣ не удастся проникнуть во французскую академію благодаря моимъ собственнымъ произведеніямъ.

Позволеніе это, признаться сказать, было дано съ полной любезностью, и я отмѣчаю здѣсь это обстоятельство, чтобы публично изобличить во лжи людей злорадныхъ, утверждающихъ, что мы живемъ при такомъ правленіи, которое особенно неблагосклонно относится къ людямъ науки.

И такъ, я предлагаю въ настоящее время моимъ читателямъ первую часть этой драгоцѣнной рукописи, возстановляя ея прежнее заглавіе и обѣщая, если только,—

въ чемъ, впрочемъ, я не сомнѣваюсь,—эта часть будетъ имѣть тотъ успѣхъ, который она вполнѣ заслуживаетъ, немедленно издать и вторую.

А пока, такъ какъ воспріемникъ — второй отецъ, я прошу читателя считать за виновника своего удовольствія или скуки — меня, а не графа де-ла-Феръ.

Объяснившись, перехожу къ нашей исторіи.

ТРИ МУШКЕТЕРА.

I.

Три подарка отца д'Артаньяна.

Въ первый понедѣльникъ апрѣля 1625 года, предмѣстье города Менга, гдѣ родился авторъ «Романа Розы», было въ такомъ сильномъ волненіи, какъ будто вновь появились гугеноты и собиралисъ устроить вторую ла-Рошель*). Многіе граждане, завидѣвъ бѣгущихъ по направленію къ Большой улицѣ женщинъ, слыша крики дѣтей на порогѣ домовъ, торопливо надѣвали свои доспѣхи и, захвативъ съ собой, чтобы придать себѣ болѣе внушительный видъ, мушкетъ или бердышъ, направлялись къ трактиру Франкъ-Менье, передъ которымъ собралась и шумѣла возраставшая съ минуты на минуту толпа любопытныхъ. Въ тѣ времена случаи всеобщей паники были довольно часты и рѣдко проходилъ день безъ того, чтобы тотъ или другой городъ не вписалъ въ свою лѣтопись какого нибудь приключенія въ этомъ родѣ: вельможи воевали другъ

*) Главный городъ департамента Нижней Шаранты. Этотъ городъ былъ главнымъ убѣжищемъ гугенотовъ въ теченіе болѣе 75 лѣтъ (1557—1628 г.), пока, послѣ упорной осады, не былъ взятъ кардиналомъ Ришелье.

съ другомъ; король воевалъ съ кардиналомъ; испанцы воевали противъ короля. Помимо такихъ непрерывныхъ войнъ, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, тайныхъ или явныхъ, всюду гнѣздились массы воровъ, нищихъ, гугенотовъ, бродягъ и всякой челяди, которые воевали съ цѣлымъ свѣтомъ. Граждане вооружались всегда противъ воровъ, бродягъ и челяди, часто противъ вельможъ и гугенотовъ,—иногда противъ короля, но никогда не поднимали оружія противъ кардинала и испанцевъ.

И такъ, въ силу привычки, въ вышепомянутый понедѣльникъ апрѣля мѣсяца 1625 года граждане Менга, замѣтивъ уличное движеніе, но не видя ни желтаго, ни краснаго значка, ни ливреи герцога Ришелье, спѣшили къ гостинницѣ Франкъ-Менье.

Тамъ каждый могъ лично видѣть и узнать причину смятенья.

Молодой человѣкъ... но лучше всего нарисуемъ его портретъ однимъ почеркомъ пера. Вообразите себѣ восемнадцатилѣтняго донъ-Кихота — донъ-Кихота безъ нагрудника, кольчуги и кирасы, одѣтаго въ шерстяной камзолъ, голубой цвѣтъ котораго превратился въ какой-то неопредѣленный, напоминающій цвѣтъ винныхъ дрожжей и небесной лазури. Смуглое продолговатое лицо, красныя выдающіяся скулы—признакъ лукавства, хитрости; сильно развитая челюсть, отличительный признакъ, по которому узнають гасконца, хотя бы онъ былъ безъ характернаго берета, а на нашемъ молодомъ человѣкѣ былъ и беретъ, украшенный чѣмъ-то въ родѣ перьевъ; открытое, умное выраженіе глазъ; съ легкой горбинкой, но тонко очерченный носъ; слишкомъ большой ростъ, чтобы его принять за юношу, и недостаточно большой для вполнѣ сложившагося человѣка. Неопытный наблюдатель легко могъ принять его за странствующаго сына фермера, если бы только онъ не обратилъ вниманія на длинную шпагу, висѣвшую на кожаной перевязи, которая била по ногамъ чужестранца, когда онъ слѣзалъ съ лошади, и по бедрамъ лошади, когда онъ ѣхалъ на ней.

Надо прибавить, что и лошадь, на которой сидѣлъ нашъ

молодой человѣкъ, въ свою очередь, была такъ оригинальна, что невольно обращала на себя вниманіе: это была маленькая беарнская лошадка, лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, желтоватаго цвѣта, безъ волосъ на хвостѣ, съ ссадинами на ногахъ, съ опущенной внизъ головою, что дѣлало вполнѣ безполезнымъ употребленіе уздечки, но не мѣшало ей, однако, пробѣгать по восьми лье въ день. Къ несчастью, прекрасныя качества этой лошадки были менѣе замѣтны, чѣмъ ея странная масть и некрасивый ходъ, а потому появленіе ея въ Менгѣ въ тѣ времена, когда всѣ болѣе или менѣе понимали толкъ въ лошадяхъ, произвело настолько сильное и неблагопріятное впечатлѣніе, что оно отразилось отчасти и на всадникѣ, хотя не прошло еще и четверти часа, какъ онъ въѣхалъ въ городъ черезъ ворота Божанси.

Произведенное впечатлѣніе было тѣмъ болѣе непріятно д'Артаньяну (такъ звали донъ-Кихота, владѣльца новой Россинанты), что онъ, самъ превосходный наѣздникъ, отлично сознавалъ, что долженъ былъ казаться смѣшнымъ на такомъ конѣ—недаромъ онъ глубоко вздохнулъ, принимая этотъ подарокъ отъ отца. Онъ, впрочемъ, хорошо понималъ, что некрасивое животное во всякомъ случаѣ стоитъ не менѣе двадцати ливровъ, тогда какъ слова, сопровождавшія подарокъ, не имѣли ровно никакой цѣны.

— Мой сынъ, сказалъ гасконскій дворянинъ, съ тѣмъ особеннымъ, отличающимъ каждаго беарнца акцентомъ, отъ котораго Генрихъ IV во всею свою жизнь не могъ избавиться, — сынъ мой, лошадь эта родилась въ домѣ отца вашего и съ самаго своего рожденья не покидала его, что заставитъ васъ, конечно, любить ее еще болѣе: недавно ей исполнилось ровно тринадцать лѣтъ. Никогда не продавайте ее и дайте ей возможность спокойно и съ честью умереть отъ старости, а если вамъ придется участвовать въ войнѣ, заботьтесь о ней и берегите ее, какъ своего вѣрнаго, стараго слугу. При дворѣ, продолжалъ д'Артаньянъ-отецъ,—если только вы будете имѣть честь быть принятымъ тамъ, на что, впрочемъ,

происходя отъ старой дворянской фамиліи, вы имѣете полное право, держите себя достойно дворянина и оберегайте ради себя лично и вашихъ близкихъ то имя, которое въ продолженіе пятисотъ лѣтъ съ такой честью носили ваши предки; подъ именемъ близкихъ я подразумѣваю вашихъ родныхъ и друзей. Никогда никому не спускайте обиды и не уступайте, кромѣ короля и кардинала. Въ нашъ вѣкъ,—запомните это хорошенько,—дворянинъ можетъ проложить себѣ дорогу исключительно благодаря своей смѣлости и мужеству. Кто колеблется и труситъ хоть одну секунду, упускаетъ то счастье, которое судьба, можетъ быть, посылала ему именно въ эту минуту. Вы молоды и должны быть доблестны по двумъ причинамъ: вы гасконецъ и мой сынъ. Не бойтесь столкновеній, а напротивъ—ищите случаевъ выказать свою храбрость. Я научилъ васъ владѣть шпагою; вы твердо стоите на ногахъ и рука у васъ вѣрная; деритесь на дуэли при всякомъ удобномъ случаѣ — дѣлайте это еще и потому, что дуэли запрещены, и, бросая перчатку, вы вдвойнѣ выказываете свою храбрость. Я могу дать вамъ, сынъ мой, только пятнадцать экю, лошадь и тѣ совѣты, которые вы выслушали. Ваша мать прибавитъ къ этому еще рецептъ одного бальзама, полученнаго ею отъ какой-то цыганки и обладающаго свойствомъ исцѣлять всѣ раны, кромѣ сердечныхъ. Извлекайте себѣ пользу рѣшительно изъ всего и живите счастливо и долго. Мнѣ остается прибавить вамъ еще только одно слово; мнѣ хочется указать вамъ на одинъ примѣръ — я говорю не про себя,— я никогда не былъ при дворѣ и только въ качествѣ волонтера принималъ участіе въ войнѣ за нашу религію; я говорю о де-Тревилѣ; онъ былъ когда-то моимъ сосѣдомъ и, будучи еще ребенкомъ, удостоился чести играть съ королемъ Людовикомъ XIII—Господь да сохранитъ его на многія лѣта! Иногда ихъ игры переходили въ рукопашную, при чемъ побѣда далеко не всегда оставалась на сторонѣ короля, и удары, которые пришлось ему получить отъ своего маленькаго товарища игръ, внушили къ нему уваженіе и

скрѣпили дружбу короля съ де-Тревилемъ. Позже де-Тревилю приходилось драться много разъ: во время первой поѣздки въ Парижъ онъ дрался пять разъ; со времени смерти покойнаго короля и до совершеннолѣтія молодого, не считая войнъ и осадъ—семь разъ и со дня совершеннолѣтія до настоящей минуты, можетъ быть, еще сто разъ. Вопреки всѣмъ указамъ, предписаніямъ и арестамъ, никто иной какъ онъ сдѣланъ капитаномъ мушкетеровъ, то есть главой роты королевскихъ тѣлохранителей, которому король придаетъ такое важное значеніе и который внушаетъ страхъ самому кардиналу,— человѣку, какъ извѣстно всему свѣту, далеко не трусливаго характера. Помимо всего, де-Тревиль получаетъ десять тысячъ экю въ годъ,—очевидно, это настоящій вельможа. Онъ началъ свою жизнь точно такъ же, какъ и вы, не имѣя ровно ничего; передайте ему это письмо и старайтесь подражать ему, чтобы достигнуть того же.

Д'Артаньянъ-отецъ опоясалъ сына собственной шпагой, нѣжно поцѣловалъ его въ обѣ щеки и далъ ему свое благословеніе.

Простившись съ отцомъ, молодой человѣкъ отправился къ матери, ожидавшей его съ знаменитымъ рецептомъ, которому предстояло, принимая во вниманіе только что приведенные совѣты, играть не послѣднюю роль въ его жизни.

Прощанье матери было гораздо продолжительнѣе и нѣжнѣе, но вовсе не потому, чтобы д'Артаньянъ-отецъ не любилъ сына, единственную отрасль своего рода,— д'Артаньянъ прежде всего былъ мужчина и считалъ бы недостойнымъ себя поддаться движенію сердца, тогда какъ госпожа д'Артаньянъ была женщина и къ тому же—мать. Она горько плакала, разставаясь съ сыномъ, и нельзя не сказать въ похвалу молодому д'Артаньяну, что, не смотря на всѣ усилія и старанія его удержаться и остаться твердымъ, какъ это, можетъ быть, подобало бы будущему мушкетеру, природа одержала верхъ и онъ расплакался, хоть и старался напюловину скрыть свои слезы. Молодой человѣкъ, ни мало не медля, пустился въ

дорогу въ тотъ же самый день, увозя съ собой изъ родительскаго дома три подарка, состоявшіе, какъ мы уже знаемъ, изъ пятнадцати экю, лошади и письма къ г. де-Тревилю; понятно, что совѣты пошли не въ счетъ, на придачу.

Съ такимъ vade mecum д'Артаньянъ очутился и въ нравственномъ и физическомъ отношеніи вѣрной копіей героя Сервантеса, съ которымъ мы такъ удачно сравнили его, когда, по обязанности историка, принуждены были нарисовать его портретъ. Донъ-Кихотъ принималъ вѣтряныя мельницы за великановъ и стада барановъ за полки солдатъ, д'Артаньянъ въ каждой улыбкѣ видѣлъ оскорбленіе и каждый взглядъ принималъ за вызовъ, вслѣдствіе чего на пути отъ Тарбъ до Менга его сжатый кулакъ былъ постоянно на-готовѣ нанести ударъ и по десяти разъ въ день онъ хватался за эфесъ шпаги. Впрочемъ, все обошлось пока благополучно: кулакъ не разбилъ ни одной челюсти и шпага спокойно оставалась въ ножнахъ, и это не потому, что несчастная желтая лошадка не вызывала улыбки прохожихъ, но скорѣе потому, что о бока ея побрякивала шпага очень почтенныхъ размѣровъ, а владѣлецъ ея глядѣлъ скорѣе свирѣпо, чѣмъ гордо,—прохожіе сдерживали свою веселость, и если она, не поддаваясь благоразумію, прорывалась, то они, подражая античнымъ маскамъ, старались по крайней мѣрѣ улыбаться только одной стороной своего лица. И такъ, до своего вступленія въ несчастный городъ Менгъ, д'Артаньянъ не имѣлъ ни съ кѣмъ ни одного столкновенія и ему вполнѣ удалось сохранить свое величіе.

Но тутъ,—такъ какъ, когда онъ слѣзалъ съ лошади у входа въ гостинницу Франкъ-Менье, ни хозяинъ, ни конюхъ и вообще никто не вышелъ подержать ему стремя,—д'Артаньянъ сталъ озираться и замѣтилъ у полуоткрытаго окна нижняго этажа господина высокаго роста и надменной наружности, хотя и съ немного нахмуреннымъ лицомъ, разговаривающаго съ двумя особами, которыя, казалось, слушали его съ большимъ почтеніемъ. Д'Артаньянъ, по своей привычкѣ, вполнѣ естественно, вообразилъ, что раз-

говоръ шелъ о немъ, и сталъ прислушиваться. На этотъ разъ д'Артаньянъ ошибся только въ половину: разсуждали не о немъ, а объ его лошади. Дворянинъ, повидимому, перечислялъ своимъ слушателямъ всѣ ея качества, и такъ какъ, я объ этомъ уже упоминалъ, — слушатели относились съ большимъ почтенiемъ къ разсказчику, то и разражались ежеминутно смѣхомъ. Чтобы пробудить вспыльчивость молодого человѣка, достаточно было одной полуулыбки, и потому легко понять, какое впечатлѣнiе произвела на него эта шумная веселость. Однако, д'Артаньянъ пожелалъ прежде всего разсмотрѣть лицо того дерзкаго, который насмѣхался надъ нимъ. Онъ устремилъ гордый взглядъ на незнакомца и увидѣлъ человѣка лѣтъ сорока или сорока-пяти, съ черными, проницательными глазами, блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ рѣзко очерченнымъ носомъ и съ прекрасно подстриженными черными усами; на немъ былъ камзолъ и нижнее платье фiолетоваго цвѣта со шнурками такого же цвѣта, безъ всякихъ другихъ украшенiй, кромѣ обыкновенныхъ прорѣзовъ, изъ которыхъ высовывалась рубашка. Камзолъ и штаны, хотя и были новы, но казались измятыми, какъ дорожное платье, долгое время лежавшее въ чемоданѣ.

Д'Артаньянъ подмѣтилъ всѣ эти подробности съ быстротою самаго строгаго наблюдателя и, безъ сомнѣнiя, съ тѣмъ чувствомъ инстинкта, который говорилъ ему, что этотъ незнакомецъ долженъ имѣть большое влiянiе на его будущность.

Такъ какъ въ ту минуту, когда д'Артаньянъ устремилъ свой взглядъ на господина въ фiолетовомъ камзолѣ, кавалеръ этотъ сообщилъ о беарнской лошадкѣ одно изъ своихъ самыхъ ученыхъ и глубокомысленныхъ объясненiй, и оба его слушателя разразились громкимъ смѣхомъ и даже на лицѣ самого разсказчика, противъ обыкновенiя, скользнула слабая улыбка, то на этотъ разъ нельзя было болѣе сомнѣваться, что д'Артаньянъ былъ дѣйствительно оскорбленъ. Убѣжденный въ этомъ, онъ надвинулъ беретъ на глаза и, стараясь подражать нѣкоторымъ

придворнымъ манерамъ, подмѣченнымъ имъ въ Гасконіи у путешествующихъ вельможъ, онъ подошелъ, положивъ одну руку на рукоятку шпаги, а другою упираясь въ бокъ. Къ несчастію, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, гнѣвъ все болѣе и болѣе ослѣплялъ его; вмѣсто надменной, полной достоинства рѣчи, которую онъ приготовилъ для вызова по всей формѣ, онъ не нашелъ сказать ничего, какъ грубую колкость, сопровождая ее бѣшенымъ жестомъ.

— Эй, милостивый государь, воскликнулъ онъ,—вы, который прячетесь за этимъ ставнемъ! Да, вы. Скажите-ка, надъ чѣмъ вы смѣетесь, и мы посмѣемся вмѣстѣ!

Господинъ, къ которому онъ обратился, медленно перевелъ глаза съ лошади на всадника, точно ему нужно было нѣкоторое время, чтобы понять, что эти странныя слова были обращены къ нему; затѣмъ, когда онъ не могъ уже болѣе въ томъ сомнѣваться, брови его слегка сдвинулись, и послѣ довольно длинной паузы съ ироніей и заносчивостью, не поддающимися описанію, онъ отвѣтилъ д'Артаньяну:

— Я съ вами не говорю, милостивый государь!

— Но я говорю съ вами, я! вскричалъ молодой человѣкъ, раздраженный этой смѣсью наглости и хорошихъ манеръ, приличія и высокомѣрія.

Незнакомецъ поглядѣлъ на него еще съ минуту съ своей легкой усмѣшкой и, удалившись отъ окна, медленно вышелъ изъ гостиницы, чтобы стать въ двухъ шагахъ отъ д'Артаньяна какъ разъ противъ его лошади. Его спокойный видъ и насмѣшливое выраженіе лица удвоили веселость тѣхъ, съ которыми онъ разговаривалъ и которые остались у полуоткрытаго окна.

Д'Артаньянъ, увидѣвъ, что онъ приблизился, вынулъ на цѣлый футъ свою шпагу изъ ноженъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, эта лошадь цвѣта лютика или скорѣе она была такою въ своей молодости, продолжалъ незнакомецъ, возобновивъ начатыя имъ наблюденія и обращаясь къ своимъ слушателямъ, бывшимъ у окна и, повидимому, нисколько не замѣчая раздражительности д'Артаньяна, который, однако, гордо стоялъ какъ разъ

между ними. Это очень извѣстный цвѣтъ въ ботаникѣ, но до сихъ поръ очень рѣдко встрѣчаемый у лошадей.

— Надъ лошадью смѣется тотъ, кто не посмѣлъ бы смѣяться надъ ея владѣльцемъ! вскричалъ взбѣшенный послѣдователь Тревиля.

— Я смѣюсь не часто, милостивый государь, возразилъ незнакомецъ, что можете вы и сами замѣтить по выраженію моего лица, но тѣмъ не менѣе я очень стою за сохраненіе за мной привилегіи смѣяться тогда, когда мнѣ этого хочется.

— А я, вскричалъ д'Артаньянъ,—не хочу, чтобы смѣялись тогда, когда мнѣ это не нравится!

— Въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь? продолжалъ незнакомецъ, болѣе спокойный, чѣмъ когда либо,—ну, что же! это вполнѣ справедливо и, повернувшись на каблукахъ, онъ хотѣлъ вернуться въ гостинницу черезъ главную дверь, подлѣ которой д'Артаньянъ, еще подъѣзжая къ гостинницѣ, замѣтилъ совершенно осѣдланную лошадь.

Но д'Артаньянъ былъ не такого характера, чтобы отпустить безнаказанно человѣка, имѣвшаго дерзость посмѣяться надъ нимъ. Онъ выдернулъ свою шпагу совсѣмъ изъ ноженъ и пустился въ погоню съ крикомъ:

— Вернитесь, вернитесь же, господинъ насмѣшникъ, не то я ударю васъ сзади!

— Ударить меня! сказалъ незнакомецъ, сдѣлавъ быстрый поворотъ на каблукахъ и бросивъ на молодого человѣка взглядъ, въ которомъ было столько же удивленія, сколько и презрѣнія.—Полноте, полноте, любезный, вы съ ума сошли!

Затѣмъ вполголоса, какъ бы говоря съ самимъ собой:

— Досадно, продолжалъ онъ; какая находка для его величества, который всюду ищетъ храбрыхъ молодцовъ, чтобы завербовать въ свои мушкетеры.

Едва успѣлъ онъ это проговорить, какъ д'Артаньянъ нанесъ ему такой бѣшеный ударъ концомъ шпаги, что если бы ему не удалось сдѣлать быстрый скачокъ назадъ, вѣроятно его шутка была бы на этотъ разъ по-

слѣднею. Незнакомецъ, увидя, что дѣло перешло границы шутки, вынулъ свою шпагу, сдѣлалъ поклонъ своему противнику и важно принялъ оборонительное положеніе. Но въ эту самую минуту двое изъ его слушателей, вмѣстѣ съ хозяиномъ гостинницы, набросились на д'Артаньяна и стали наносить ему сильные удары палкой, лопатой и щипцами. Это нападеніе дало такой быстрый и противоположный оборотъ борьбѣ, что противникъ д'Артаньяна, въ то время какъ послѣдній повернулся, чтобы стать лицомъ подъ градъ ударовъ, съ прежнимъ спокойствіемъ вложилъ свою шпагу въ ножны, и изъ дѣйствующаго лица, которымъ ему не удалось сдѣлаться, превратился въ зрителя сраженія, — роль, которую онъ исполнилъ съ своимъ обычнымъ безстрастіемъ, однако же ворча про себя:

— Чортъ побери этихъ гасконцевъ! Посадите его на его оранжевую лошадь и пусть онъ убирается!

— Но не прежде, чѣмъ я тебя убью, трусъ! кричалъ д'Артаньянъ, не отступая ни одного шага назадъ и по возможности удачно обороняясь отъ своихъ трехъ противниковъ, которые осыпали его ударами.

— Опять новое хвастовство! ворчалъ дворянинъ.—Клянусь честью, эти гасконцы неисправимы! Продолжайте же танецъ, такъ какъ онъ этого непремѣнно желаетъ! Когда онъ устанетъ, то скажетъ, что съ него довольно.

Но незнакомецъ еще не зналъ, съ какого рода упрямцемъ онъ имѣлъ дѣло; д'Артаньянъ не былъ изъ породы тѣхъ людей, которые когда либо просятъ пощады. И такъ бой продолжался еще нѣсколько секундъ; наконецъ д'Артаньянъ, истощивъ свои силы, выпустилъ изъ рукъ шпагу, сломанную на-двое ударомъ. Почти въ то же самое время другой ударъ, который разсѣкъ ему лобъ, сбилъ его съ ногъ, всего окровавленнаго и почти безъ чувствъ.

Именно въ эту самую минуту со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ на мѣсто побоища. Хозяинъ гостинницы, опасаясь скандала, съ помощью своихъ слугъ унесъ раненаго въ свою кухню, гдѣ ему была оказана нѣкоторая помощь. Что же касается до дворянина, онъ вернулся на

свое прежнее мѣсто у окна и съ выраженіемъ нѣкотораго нетерпѣнія посматривалъ на всю эту толпу, присутствіе которой, казалось, видимо досаждало ему.

— Ну, что! Какъ себя чувствуетъ этотъ бѣшеный? спросилъ онъ, повернувшись на шумъ отворившейся двери и обращаясь къ хозяину, который пришелъ справиться объ его здоровьѣ.

— Ваше превосходительство цѣлы и невредимы? спросилъ хозяинъ.

— Вполнѣ цѣлъ и невредимъ, мой любезный хозяинъ, и спрашиваю васъ, что сталось съ нашимъ молодымъ человѣкомъ.

— Ему лучше, отвѣчалъ хозяинъ: — онъ въ обморокѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ дворянинъ.

— Но прежде, чѣмъ окончательно лишиться чувствъ, онъ собралъ послѣднія силы, чтобы позвать васъ и вызвать на бой.

— Да это, должно быть, самъ чортъ, этотъ весельчакъ! воскликнулъ незнакомецъ.

— О, нѣтъ, ваше превосходительство, это не чортъ, возразилъ хозяинъ съ презрительной гримасой;—во время обморока мы обыскали его и въ его мѣшкѣ оказалась только одна рубашка, а въ кошелькѣ всего двѣнадцать экю, что, однако, не помѣшало проговорить ему, прежде чѣмъ лишиться чувствъ, что если бы подобная вещь случилась въ Парижѣ, вы раскаялись бы въ этомъ сейчасъ же, тогда какъ теперь вы раскаетесь только позже.

— Въ такомъ случаѣ, холодно замѣтилъ незнакомецъ,— это, должно быть, какой нибудь переодѣтый принцъ крови.

— Я говорю вамъ это для того, сударь, чтобы вы были осторожны, замѣтилъ хозяинъ.

— И онъ не назвалъ никого въ своемъ гнѣвѣ?

— Напротивъ, онъ хлопалъ себя по карману и говорилъ: мы посмотримъ, какъ взглянетъ де-Тревиль на это оскорбленіе, нанесенное его протеже.

— Де-Тревиль, повторилъ незнакомецъ, дѣлаясь внимательнѣе;—онъ хлопалъ себя по карману, произнося имя де-Тревиля?.. Послушайте, любезный хозяинъ, ужъ, вѣрно,

въ то время, какъ молодой человѣкъ лежалъ безъ чувствъ, вы не упустили случая заглянуть въ его карманъ. Что въ немъ было?

— Одно письмо, адресованное де-Тревилю, капитану мушкетеровъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?!

— Такъ точно, какъ имѣю честь доложить вашему превосходительству.

Хозяинъ, не одаренный большой проницательностью, не замѣтилъ вовсе того выраженія, которое приняло лицо незнакомца при послѣднихъ словахъ его. Онъ отошелъ отъ окна, у котораго стоялъ все время, опираясь на локоть, и нахмурилъ брови съ видомъ человѣка, котораго что-то безпокоитъ.

— Чортъ возьми! пробормоталъ онъ сквозь зубы,—неужели де-Тревиль подослалъ мнѣ этого гасконца? Онъ слишкомъ молодъ. Но ударъ шпаги все-таки остается ударомъ шпаги, каковы бы ни были года того, кто нанесъ его, и ребенка боятся менѣе, чѣмъ всякаго другого; достаточно иногда самаго пустого случая, чтобы разстроить цѣлый планъ.

И незнакомецъ на нѣсколько минутъ предался размышленію.

— Послушайте, хозяинъ, сказалъ онъ,—развѣ вы меня не избавите отъ этого съумасшедшаго? Говоря по совѣсти, я не могу убить его, а между тѣмъ, прибавилъ онъ съ выраженіемъ холодной угрозы,—онъ меня стѣсняетъ. Гдѣ онъ?

— Въ первомъ этажѣ, въ комнатѣ моей жены, гдѣ ему перевязываютъ раны.

— Его пожитки и дорожный мѣшокъ при немъ? Онъ не снималъ камзола?

— Напротивъ, всѣ эти вещи въ кухнѣ. Но такъ какъ этотъ съумасшедшій васъ стѣсняетъ...

— Безъ сомнѣнія. Онъ производитъ въ вашей гостинницѣ скандалъ, котораго порядочные люди выносить не могутъ. Подите къ себѣ наверхъ, сведите мой счетъ и предупредите моего лакея.

— Какъ, ваша милость насъ уже оставляетъ?

— Вамъ это хорошо извѣстно, такъ какъ я отдалъ приказъ осѣдлать мою лошадь. Развѣ мое приказаніе не исполнено?

— Въ точности, и ваше превосходительство могли видѣть, что лошадь стоитъ у главнаго входа, совершенно готовая къ отъѣзду.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ исполните то, что я вамъ сказалъ.

— Неужели, подумалъ про себя хозяинъ,—онъ боится этого мальчика?

Но повелительный взглядъ незнакомца быстро остановилъ его размышленія. Онъ подобострастно поклонился и вышелъ.

— Не слѣдуетъ, чтобы этотъ плутъ увидѣлъ милэди: она не замедлитъ своимъ проѣздомъ; она даже ужъ опоздала немного. Положительно будетъ лучше, если я сяду на лошадь и выѣду ей навстрѣчу... Если бы только я могъ узнать содержаніе письма, адресованнаго Тревилю!

И незнакомецъ, ворча сквозь зубы, направился къ кухнѣ.

Тѣмъ временемъ хозяинъ, не сомнѣвавшійся въ томъ, что именно присутствіе мальчика побуждало незнакомца покинуть его гостинницу, вернулся наверхъ къ своей женѣ и нашелъ д'Артаньяна уже пришедшимъ въ чувство. Тогда, стараясь дать ему понять, что полиція легко можетъ надѣлать ему непріятностей за то, что онъ затѣялъ ссору съ вельможей, такъ какъ, по мнѣнію хозяина, незнакомецъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ вельможой, онъ уговорилъ его, не смотря на слабость, встать и продолжать свой путь. Д'Артаньянъ, наполовину оглушенный, безъ камзола, съ головой, обернутой въ тряпки, всталъ и, побуждаемый хозяиномъ, сталъ спускаться съ лѣстницы; но когда онъ пришелъ въ кухню, первое, что онъ замѣтилъ,—это своего врага, спокойно разговаривающаго у подножки тяжелой кареты, запряженной двумя большими нормандскими лошадьми.

Его собесѣдница, голова которой, выдѣляясь въ дверцѣ, казалась точно въ рамкѣ, была женщина лѣтъ двад-

цати, двадцати-двухъ. Мы уже сказали о способности д'Артаньяна съ необыкновенной быстротой схватывать всѣ черты лица; онъ съ перваго же взгляда увидѣлъ, что женщина была молода и прекрасна. Красота ея поразила его тѣмъ болѣе, что подобнаго рода красота была окончательно чужда южнымъ странамъ, гдѣ до тѣхъ поръ жилъ д'Артаньянъ. Это была блѣдная блондинка, съ длинными вьющимися волосами, ниспадающими на плечи, съ большими голубыми томными глазами, съ розовыми губами и съ бѣлыми, какъ алебастръ, руками. Она очень оживленно разговаривала съ незнакомцемъ.

— Итакъ, его высокопреосвященство приказываетъ мнѣ... говорила дама,—немедленно вернуться въ Англію и тотчасъ же извѣстить его, если бы герцогъ оставилъ Лондонъ.

— А мои дальнѣйшія инструкціи? спросила прекрасная путешественница.

— Они заключаются въ этой шкатулкѣ, которую вы откроете только по ту сторону Ла-Манша.

— Очень хорошо; а что подѣлываете вы?

— Я, я возвращаюсь въ Парижъ.

— Не наказавши этого дерзкаго мальчишку? спросила дама.

Незнакомецъ собирался отвѣтить: но въ ту минуту, какъ онъ только что открылъ ротъ, д'Артаньянъ, который все слышалъ, устремился на порогъ выхода.

— Этотъ дерзкій мальчишка самъ наказываетъ другихъ, вскричалъ онъ, и надѣюсь, что на этотъ разъ тотъ, кого онъ долженъ проучить, не увернется отъ него, какъ въ первый разъ!

— Не увернется отъ него? повторилъ незнакомецъ, нахмуривая брови.

— Нѣтъ, на глазахъ у женщины вы не осмѣлитесь бѣжать, я полагаю.

— Подумайте, вскричала милэди, видя, что дворянинъ поднесъ руку къ шпагѣ, подумайте, что малѣйшее промедленіе можетъ все испортить!

— Вы правы, воскликнулъ кавалеръ—поѣзжайте же вы своей дорогой, а я своей!

И, поклонившись дамѣ, онъ вскочилъ на свою лошадь, между тѣмъ какъ кучеръ кареты сталъ сильно хлестать лошадей. Оба собесѣдника пустились въ галопъ, каждый въ противоположный конецъ улицы.

— А вашъ счетъ, завопилъ хозяинъ, расположеніе котораго къ путешественнику смѣнилось глубокимъ презрѣніемъ, когда онъ увидѣлъ, что тотъ удаляется, не расплатившись по счетамъ.

— Заплати! закричалъ путешественникъ, продолжая скакать въ галопъ, своему лакею, который бросилъ къ ногамъ хозяина двѣ или три серебряныхъ монеты и въ галопъ же пустился за своимъ господиномъ.

— О! трусъ, о! негодяй, о! самозванный дворянинъ, кричалъ д'Артаньянъ, въ свою очередь бросаясь вслѣдъ за лакеемъ. Но раненый былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы перенести подобное потрясеніе. Едва онъ сдѣлалъ десять шаговъ, какъ у него начался звонъ въ ушахъ, сдѣлалось головокруженіе, потемнѣло въ глазахъ и онъ упалъ посреди улицы крича: Трусъ! трусъ! трусъ!

— Онъ, дѣйствительно, трусъ, бормоталъ хозяинъ, подходя къ д'Артаньяну и пробуя съ помощью этой лести помириться съ бѣднымъ малымъ, какъ въ баснѣ цапля съ улиткой.

— Да, ужасный трусъ, прошепталъ д'Артаньянъ;—но она—какъ она прекрасна!

— Кто она? спросилъ хозяинъ.

— Милэди, пролепеталъ д'Артаньянъ и вторично лишился чувствъ.

— Все равно, сказалъ хозяинъ,—я теряю двухъ, но мнѣ остается этотъ, котораго, я увѣренъ, удастся удержать по крайней мѣрѣ еще на нѣсколько дней. Все-таки эти одиннадцать экю въ выигрышѣ! Какъ извѣстно, одиннадцать экю составляли ровно ту сумму денегъ, которая оставалась въ кошелькѣ д'Артаньяна.

Хозяинъ разсчиталъ на одиннадцать дней болѣзни, по одному экю въ сутки; но онъ не принялъ въ разсчетъ

самого путешественника. На слѣдующій день, съ пяти часовъ утра, д'Артаньянъ всталъ, спустился въ кухню, спросилъ, кромѣ всякихъ другихъ снадобій, перечень которыхъ не дошелъ до насъ, вина, масла, розмарину и по рецепту матери составилъ себѣ бальзамъ, помазалъ имъ свои многочисленныя раны и перемѣнилъ самъ себѣ новые компрессы, не желая принять помощь доктора. Благодаря, безъ сомнѣнія, цѣлебному свойству цыганскаго бальзама, а также, можетъ быть, и отсутствію всякаго доктора, д'Артаньянъ былъ уже на ногахъ въ тотъ же самый вечеръ и на другой день почти здоровъ.

Но когда пришло время расплатиться за розмаринъ, масло и вино, — единственный расходъ молодого человѣка, соблюдавшаго самую строгую діэту, между тѣмъ какъ, наоборотъ, его желтая лошадка—по крайней мѣрѣ, по словамъ хозяина, съѣла втрое болѣе того, чѣмъ можно было предположить по ея росту,—д'Артаньянъ нашелъ въ своемъ карманѣ одинъ маленькій кошелекъ потертаго бархата, а также лежавшія въ немъ одиннадцать экю; что же касается до письма къ де-Тревилю, то оно исчезло.

Молодой человѣкъ съ большимъ терпѣніемъ принялся за поиски этого письма, двадцать разъ вытряхивая и выворачивая всѣ карманы, роясь и обшаривая свой дорожный мѣшокъ, открывая и закрывая кошелекъ, но когда убѣдился, что письма нигдѣ не было, онъ въ третій разъ впалъ въ бѣшенство; это обстоятельство едва не заставило его снова прибѣгнуть къ употребленію ароматическаго вина и масла, такъ какъ хозяинъ, видя раздраженіе молодого сумасброда и слыша его угрозы все переломать въ заведеніи, если письмо его не отыщется, вооружился рогатиной, его жена — палкой отъ метлы, а его работники схватили тѣ самыя палки, которыми отдубасили его наканунѣ.

— Мое рекомендательное письмо! кричалъ д'Артаньянъ, мое рекомендательное письмо! или, клянусь дьяволомъ, я посажу васъ всѣхъ на шпагу, какъ на вертелъ овсянокъ.

Увы, одно обстоятельство помѣшало исполненію угрозы

молодого человѣка, а именно его шпага, какъ мы уже сказали, еще во время перваго сраженія была сломана надвое, о чемъ онъ совершенно забылъ. Изъ этого вышло то, что когда д'Артаньянъ хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ обнажить шпагу, то оказалось, что онъ вооруженъ просто обломкомъ шпаги, приблизительно въ восемь или десять дюймовъ длиною, который былъ заботливо вложенъ въ ножны хозяиномъ. Что же касается до остальной части клинка, то ее онъ укрылъ, чтобы сдѣлать себѣ изъ него шпиковальную иглу. Однако, это заблужденіе, вѣроятно, не остановило бы нашего горячаго молодого человѣка, если бы хозяинъ не разсудилъ, что требованіе, обращенное къ нему путешественникомъ, было совершенно справедливо.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, опуская рогатину,— гдѣ же это письмо?

— Да, гдѣ это письмо? вскричалъ д'Артаньянъ.—Прежде всего я васъ предупреждаю, что это письмо къ де-Тревилю и оно должно найтись, а если оно не найдется, онъ съумѣетъ заставить найти его!

Эта угроза окончательно запугала хозяина. Послѣ короля и кардинала, де-Тревиль былъ человѣкомъ, имя котораго, можетъ быть, чаще всего повторялось военными и даже гражданами.

Былъ еще, правда, отецъ Іосифъ, но его имя не произносилось никогда иначе, какъ шопотомъ,—такъ былъ великъ ужасъ, внушаемый «сѣрымъ кардиналомъ», какъ обыкновенно называли друга кардинала.

Далеко отбросивъ отъ себя рогатину и отдавъ приказаніе женѣ и слугамъ сдѣлать тоже съ метлой и палками, онъ первый подалъ примѣръ и принялся за поиски потеряннаго письма.

— Развѣ это письмо заключало въ себѣ что нибудь драгоцѣнное? спросилъ хозяинъ послѣ минутныхъ безполезныхъ поисковъ.

— Я думаю! вскричалъ гасконецъ, разсчитывавшій этимъ письмомъ проложить себѣ дорогу при дворѣ;—въ немъ заключалось все мое состояніе.

— Испанскіе боны *)?—съ безпокойствомъ спросилъ хозяинъ.

— Чеки на полученіе денегъ изъ частнаго казначейства его величества, отвѣтилъ д'Артаньянъ, который, разсчитывая съ помощью этого письма поступить на службу короля, не счелъ ложью этотъ нѣсколько смѣлый отвѣтъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ хозяинъ въ отчаяніи.

— Это не важно! продолжалъ д'Артаньянъ съ національнымъ апломбомъ,—это не важно и деньги ничего не значатъ, а это письмо для меня составляло все. Я гораздо охотнѣе бы согласился потерять тысячу пистолей, чѣмъ потерять это письмо.

Онъ не больше бы рисковалъ, сказавши и двадцать тысячъ, но какая-то юношеская скромность остановила его.

Лучъ свѣта вдругъ озарилъ хозяина, который посылалъ уже себя къ чорту, не находя ничего.

— Письмо это не потеряно! воскликнулъ онъ.

— А! произнесъ д'Артаньянъ.

— Нѣтъ; оно было у васъ похищено.

— Взято! но кѣмъ?

— Вчерашнимъ господиномъ. Онъ спускался въ кухню, гдѣ лежалъ вашъ камзолъ, и оставался тамъ одинъ. Я подержу пари, что это онъ укралъ его.

— Вы думаете? отвѣтилъ д'Артаньянъ, далеко не увѣренный въ этомъ, такъ какъ онъ отлично зналъ, что письмо это исключительно лично для него имѣло значеніе, и онъ не видѣлъ въ немъ ничего, что могло бы послужить искушеніемъ для чьей нибудь алчности. Дѣло въ томъ, что никто изъ прислуги, никто изъ присутствующихъ путешественниковъ ровно бы ничего не выигралъ, обладая этой бумагой.

— И такъ, вы говорите, продолжалъ д'Артаньянъ,—что вы подозрѣваете этого грубаго господина.

— Я вамъ говорю, что увѣренъ въ этомъ, продолжалъ хозяинъ:—когда я доложилъ ему, что ваша милость лю-

*) Финансовый терминъ—чекъ, росписка, ассигновка на полученіе денегъ.

бимецъ де-Тревиля и что у васъ есть даже письмо къ этому извѣстному вельможѣ, онъ, казалось, очень встревожился и спросилъ меня, гдѣ это письмо, и немедленно спустился въ кухню, гдѣ, онъ зналъ, находится вашъ камзолъ.

— Въ такомъ случаѣ, это онъ укралъ, отвѣтилъ д'Артаньянъ;—я пожалуюсь на него де-Тревилю, а де-Тревиль пожалуется королю.

Затѣмъ онъ важно вынулъ два экю изъ кармана, отдалъ ихъ хозяину, проводившему его со шляпой въ рукѣ до двери, и сѣлъ на свою желтую лошадь, которая довезла его безъ дальнѣйшихъ приключенiй до воротъ Сентъ-Антуанъ въ Парижѣ, гдѣ ея хозяинъ продалъ ее за три экю, что составляло еще очень хорошую цѣну, принявъ во вниманiе, что д'Артаньянъ очень надорвалъ ея силы во время своего послѣдняго переѣзда. Барышникъ, которому д'Артаньянъ уступилъ ее за вышеупомянутые девять ливровъ, не скрылъ отъ молодого человѣка и того, что онъ далъ такую чудовищную цѣну исключительно только благодаря ея оригинальной масти. Такимъ образомъ д'Артаньянъ вошелъ въ Парижъ пѣшкомъ, неся свой маленькiй узелокъ подъ мышкой, и бродилъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ комнату, соотвѣтствующую скуднымъ его средствамъ. Эта комната была родъ чердака и находилась въ улицѣ Могильщиковъ, близко отъ Люксембурга.

Отдавши задатокъ, д'Артаньянъ тотчасъ же водворился въ своей квартирѣ и провелъ остальную часть дня въ обшиванiи своего камзола и панталонъ галунами, которые тайкомъ дала ему его мать, споровши ихъ съ почти новаго камзола д'Артаньяна-отца; затѣмъ онъ отправился въ желѣзный рядъ, чтобы заказать новый клинокъ для своей шпаги, и вернулся потомъ въ Лувръ спросить у перваго попавшагося мушкетера, гдѣ находится отель де-Тревиля, который, оказалось, расположенъ въ улицѣ Старой Голубятни, такъ сказать, совершенно по сосѣдству съ комнатой, занятой д'Артаньяномъ—обстоятельство, которое ему показалось счастливымъ предзнаменова-

ніемъ для успѣха его путешествія. Послѣ всего этого, довольный собой за поведеніе въ Менгѣ, безъ упрековъ совѣсти въ прошедшемъ, полагаясь на настоящее и полный надеждъ на будущее, онъ легъ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Заснувши крѣпко, еще по старой деревенской привычкѣ, онъ проспалъ до девяти часовъ и затѣмъ всталъ, чтобы отправиться къ знаменитому де-Тревилю, по мнѣнію его отца, третьему лицу въ королевствѣ.

II.

Передняя де-Тревиля.

Де-Труавиль, какъ еще произносилась его фамилія въ Гасконіи, или де-Тревиль, какъ онъ въ концѣ концовъ сталъ называть себя самъ въ Парижѣ, дѣйствительно началъ свою карьеру такъ, какъ и д'Артаньянъ, то есть безъ гроша въ карманѣ, но съ большимъ запасомъ смѣлости, ума и здраваго смысла, что въ сущности дѣлаетъ то, что съ такимъ наслѣдствомъ часто самый бѣдный гасконскій дворянчикъ получаетъ въ своихъ надеждахъ гораздо болѣе, чѣмъ самый богатый перегорецъ или беріецъ наслѣдуетъ въ дѣйствительности.

Его необыкновенная храбрость, его еще болѣе необыкновенное счастье въ тѣ трудныя времена подняли его на вершину той крутой лѣстницы, которая называется милостью двора и на которую онъ взобрался, перескакивая черезъ четыре ступеньки заразъ. Онъ былъ другомъ короля, который, какъ всѣмъ извѣстно, очень уважалъ память своего отца Генриха IV. Отецъ де-Тревиля такъ честно помогалъ ему во всѣхъ его войнахъ противъ Лиги, что, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, которыхъ всю жизнь не хватало у беарнца, постоянно платившаго свои долги единственно умомъ, позаимствоваться которымъ отъ кого бы то ни было у него никогда не было нужды,—такъ, повторяемъ, за недостаткомъ наличныхъ денегъ, Генрихъ IV далъ ему право, въ награду, послѣ

своего вступленія въ Парижъ, взять для своего герба изображеніе золотого льва на красномъ полѣ съ надписью: fidelis et fortis. Это было много для чести, но очень мало для благосостоянія, а потому, когда знаменитый товарищъ великаго Генриха умеръ, онъ оставилъ своему сыну единственное наслѣдство: девизъ и шпагу. Благодаря этому двойному подарку и вмѣстѣ незапятнанному имени, де-Тревиль былъ принятъ ко двору молодого принца, гдѣ онъ такъ хорошо служилъ своей шпагой и былъ такъ вѣренъ своему девизу, что Людовикъ XIII—самъ одинъ изъ первыхъ бойцовъ на шпагахъ въ королевствѣ—говорилъ обыкновенно, что если бы онъ имѣлъ друга, которому пришлось бы драться, то онъ посовѣтовалъ бы ему взять въ секунданты прежде всего себя, потомъ де-Тревиля, а можетъ быть даже де-Тревиля и прежде.

За то Людовикъ XIII питалъ дѣйствительную привязанность къ де-Тревилю, привязанность короля,—привязанность эгоиста, это правда, но которая тѣмъ не менѣе все-таки привязанность. Дѣло въ томъ, что въ тѣ несчастныя времена короли старались окружить себя людьми одного покроя съ де-Тревилемъ. Многіе изъ дворянъ могли избрать девизомъ эпитетъ: сильный, составляющій вторую часть его герба, но немногіе изъ нихъ могли претендовать на эпитетъ вѣрный, составляющій его первую половину. Де-Тревиль принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ; это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ организацій, съ гибкимъ умомъ, слѣпой храбростью, быстротой соображенья, дерзкій на руку, которому были даны глаза только на то, чтобы видѣть, когда король бывалъ недоволенъ кѣмъ нибудь, и готовый нанести ударъ этому послѣднему, кто бы онъ ни былъ—Бесма, Мореверъ, Польтро де-Мере, Витри. Однимъ словомъ, де-Тревилю не доставало только случая, но онъ подстерегалъ его и твердо рѣшился ухватиться за его три волоса, если только когда нибудь онъ попадется ему подъ руку. Не мудрено, что Людовикъ XIII сдѣлалъ де-Тревиля капитаномъ своихъ мушкетеровъ, которые были для Людовика XIII по своей преданности или, скорѣе, фанатизму, тѣмъ же, чѣмъ для Ген-

риха III его ординарцы и шотландская гвардія для Людовика XI.

Съ своей стороны кардиналъ въ этомъ отношеніи не хотѣлъ отстать отъ короля.

Когда онъ увидѣлъ грозное отборное войско, какимъ окружилъ себя Людовикъ XIII, этотъ второй, или не первый ли скорѣе, король Франціи захотѣлъ имѣть тоже свою гвардію. Онъ завелъ тоже своихъ мушкетеровъ, какъ Людовикъ XIII своихъ, и можно было видѣть, какъ эти двѣ соперничающія власти набирали къ себѣ на службу во всѣхъ французскихъ провинціяхъ и даже въ чужихъ государствахъ людей, извѣстныхъ искусствомъ наносить ловкіе удары шпагой. Случалось, Ришелье и Людовикъ XIII, играя вечеромъ въ шахматы, часто спорили по поводу достоинства своихъ слугъ. Каждый изъ нихъ выхвалялъ выправку и храбрость своихъ и, порицая громко дуэли и драки, они втихомолку подстрекали вступить въ рукопашную и искренно печалились или чрезвычайно радовались пораженію или побѣдѣ своихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ записки одного изъ современниковъ, который самъ лично нѣсколько разъ бывалъ побѣжденъ въ подобныхъ поединкахъ и много разъ оставался побѣдителемъ.

Де-Тревиль понялъ слабую сторону своего повелителя и только этой хитрости былъ обязанъ продолжительнымъ и непрерывнымъ благоволеніемъ короля, который не оставилъ по себѣ репутацію человѣка, очень постояннаго въ своей дружбѣ. Онъ заставлялъ своихъ мушкетеровъ проходить церемоніальнымъ маршемъ передъ кардиналомъ Арманомъ Дюплесси съ лукавымъ видомъ, при видѣ котораго сѣдые усы его высокопреосвященства щетинились отъ гнѣва. Де-Тревиль превосходно понялъ войну той эпохи, когда, если не имѣли возможности жить на счетъ врага, жили на счетъ своихъ соотечественниковъ: его солдаты составляли сбродъ разнузданныхъ дворянъ, неповинующихся рѣшительно никому, кромѣ его одного.

Небрежно одѣтые, пьяные, исцарапанные, королевскіе

мушкетеры, или, вѣрнѣе, мушкетеры де-Тревиля шлялись по кабакамъ, гуляньямъ, на публичныхъ зрѣлищахъ громко кричали, покручивая усы, позвякивая своими шпорами и побрякивая шпагами, и съ удовольствіемъ при встрѣчѣ давали пинки тѣлохранителямъ кардинала; тутъ же открыто по самой срединѣ улицы обнажали съ тысячью шутокъ свои шпаги; иногда ихъ убивали, но они умирали спокойно, вполнѣ увѣренные, что будутъ отмщены и оплаканы; большею частью они сами убивали и вполнѣ бывали увѣрены, что имъ не придется заплѣснѣть въ тюрьмѣ: де-Тревиль всегда выручалъ ихъ. Поэтому и превозносили же де-Тревиля всюду эти люди, обожавшіе его, и отъявленные разбойники и мошенники дрожали передъ нимъ, какъ ученики передъ учителемъ, послушные малѣйшему его слову и готовые позволить убить себя, чтобы очиститься отъ малѣйшаго упрека.

Де-Тревиль пользовался этимъ могущественнымъ рычагомъ прежде всего для короля и друзей короля, а затѣмъ для себя и своихъ друзей. Впрочемъ, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ мемуаровъ того времени не говорится, чтобы этотъ достойный уваженія человѣкъ былъ кѣмъ нибудь обвиняемъ,—даже своими врагами, а ихъ у него было такъ же много и между писателями, какъ и между военными — повторяемъ, — нигдѣ не говорится, чтобы этотъ достойный уваженія человѣкъ былъ обвиняемъ въ томъ, что бралъ плату за содѣйствіе подчиненныхъ ему людей. Съ рѣдкими геніальными способностями къ интригамъ, что дѣлало его равнымъ самымъ сильнымъ интриганамъ, онъ все-таки остался порядочнымъ человѣкомъ. Больше того — не смотря на частыя битвы на шпагахъ, дѣлающія походку неровной, и трудныя упражненія, которыя сильно утомляютъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ милыхъ ночныхъ гулякъ, однимъ изъ самыхъ изящныхъ поклонниковъ прекраснаго пола, однимъ изъ самыхъ остроумныхъ разсказчиковъ своего времени; объ успѣхахъ де-Тревиля у женщинъ говорили такъ же, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ говорили объ удачахъ Бассонпьера, а это значило не мало. И такъ, капитаномъ

мушкетеровъ любовались, его любили и боялись, что составляетъ верхъ человѣческаго счастья.

Людовикъ XIV лучами своего обширнаго сіянія затмевалъ всѣ маленькія свѣтила своего двора, но отъ его отца, солнца pluribus impar, каждый изъ его приближенныхъ унаслѣдовалъ часть его личнаго блеска, каждый изъ его придворныхъ часть его личнаго достоинства.

Кромѣ утреннихъ выходовъ короля и кардинала, въ Парижѣ насчитывали тогда болѣе двухсотъ малыхъ выходовъ, попасть на которые многіе добивались; въ числѣ этихъ двухсотъ малыхъ утреннихъ выходовъ чести попасть на выходъ къ де-Тревилю добивались особенно.

Дворъ его дома, находившагося въ улицѣ Старой Голубятни, походилъ на лагерь, и это начиналось лѣтомъ съ шести часовъ утра, а зимою—съ восьми. Пятьдесятъ или шестьдесятъ мушкетеровъ, пополняясь новыми смѣнами, какъ бы для того, чтобы число ихъ было всегда достаточно внушительно, постоянно прохаживались тамъ, въ полномъ вооруженіи и готовые на все. По одной изъ большихъ лѣстницъ, занимающей такое пространство, на которомъ въ наше время выстроили бы цѣлый домъ, поднимались и спускались парижскіе просители, искавшіе какой нибудь милости, и провинціальные дворяне, жаждавшіе записаться въ солдаты, и лакеи, обшитые галунами разныхъ цвѣтовъ, которые явились, чтобы вручить де-Тревилю посланія отъ своихъ господъ. Въ пріемной, на длинныхъ, полукруглыхъ скамейкахъ, расположились избранные, которые были приглашены. Съ утра до вечера здѣсь слышался говоръ, между тѣмъ какъ де-Тревиль въ своемъ кабинетѣ, смежномъ съ пріемней, принималъ визиты, выслушивалъ жалобы, отдавалъ приказанія, причемъ стоило ему только подойти къ окну, какъ онъ, подобно королю съ своего Луврскаго балкона, могъ, когда вздумается, сдѣлать смотръ людямъ и войску.

Въ тотъ день, какъ къ нему явился д'Артаньянъ, собраніе имѣло очень внушительный видъ, въ особенности поразившій провинціала, пріѣхавшаго изъ глуши: правда,

что этотъ провинціалъ былъ гасконецъ и жилъ въ то время, когда соотечественники д'Артаньяна пользовались репутаціей людей, которыхъ не очень-то легко удивить. И дѣйствительно, только что переступали порогъ массивныхъ воротъ, скрѣпленныхъ длинными гвоздями съ четыреугольными шляпками, сразу попадали въ толпу вооруженныхъ людей, которые фехтовали, ссорились и играли между собой. Чтобы проложить себѣ дорогу между этими кружащимися воинами, надо было быть офицеромъ, вельможей или хорошенькой женщиной.

Очутившись посреди этой шумной и необузданной толпы, нашъ молодой человѣкъ, съ бьющимся сердцемъ, сталъ пробираться впередъ, прижимая длинную рапиру къ своимъ длиннымъ ногамъ и держа руку у полей войлочной шляпы съ той полуулыбкой смущеннаго провинціала, который хочетъ казаться развязнымъ. Миновавъ какую нибудь группу, онъ вздыхалъ съ облегченіемъ, но онъ чувствовалъ, что на него оглядывались, и въ первый разъ въ своей жизни д'Артаньянъ, бывшій о себѣ довольно высокаго мнѣнія, почувствовалъ себя смѣшнымъ.

Когда онъ приблизился къ лѣстницѣ, положеніе его сдѣлалось еще затруднительнѣе: на первыхъ ея ступенькахъ стояли четыре мушкетера и забавлялись, тогда какъ десять или болѣе человѣкъ товарищей дожидались на площадкѣ очереди принять участіе въ игрѣ.

Забава ихъ состояла въ слѣдующемъ:

Одинъ изъ нихъ, стоя на верхней ступенькѣ съ обнаженной шпагой въ рукѣ, мѣшалъ или, по крайней мѣрѣ, старался помѣшать остальнымъ тремъ взойти.

Эти трое защищались отъ него своими очень легкими шпагами, которыя д'Артаньянъ принялъ сначала за фехтовальныя рапиры, но по нѣкоторымъ царапинамъ онъ убѣдился скоро въ противномъ—каждая изъ нихъ была отточена и навострена по желанію, и когда наносили кому нибудь ударъ или дѣлали царапину, то не только зрители, но и сами дѣйствующія лица смѣялись, какъ съумасшедшіе. Тотъ изъ нихъ, который въ эту минуту занималъ верхнюю ступеньку, съ замѣчательной ловкостью

держалъ своихъ противниковъ на почтительномъ разстояніи. Около нихъ образовался кругъ: по условію, при всякомъ ударѣ, тотъ, до кого дотрагивались, оставлялъ игру, лишаясь очереди въ пользу нанесшаго ударъ. Въ пять минутъ трое были оцарапаны: одинъ былъ раненъ въ кисть руки, другой—въ подбородокъ, а третій—въ ухо, защитникомъ верхней ступеньки, который самъ остался нетронутымъ: ловкость, которая доставила ему по условію три удара не въ очередь. Это времяпрепровожденіе, не столько рискованное само по себѣ, какъ его дѣлали участвующіе въ игрѣ, удивило нашего молодого путешественника; въ своей провинціи — странѣ, гдѣ, между прочимъ, головы такъ быстро разгорячаются, онъ видѣлъ дуэли, обставленныя большими формальностями, и бравада этихъ четырехъ игроковъ показалась ему превосходящей все, о чемъ ему приходилось когда либо слышать даже въ Гасконіи. Онъ вообразилъ себя перенесеннымъ въ знаменитую страну великановъ, куда ходилъ Гуливеръ и натерпѣлся такого страху, а между тѣмъ не все еще было кончено: оставалась площадка и пріемная. На площадкѣ не дрались, а разсказывали исторіи о женщинахъ, а въ пріемной—исторіи, касающіяся двора. На площадкѣ д'Артаньянъ покраснѣлъ, а въ передней задрожалъ. Его возбужденному, необузданному воображенію, дѣлавшему его опаснымъ молодымъ горничнымъ и даже иногда ихъ молодымъ госпожамъ, никогда не мечталась, даже во снѣ, и половина этихъ любовныхъ чудесъ и четвертъ этихъ удальскихъ подвиговъ, украшенныхъ самыми извѣстными именами и самыми нескромными подробностями. Но если его любовь къ благонравію была оскорблена на площадкѣ, то его уваженіе къ кардиналу было скандализировано въ пріемной. Тамъ, къ своему большому удивленію, д'Артаньянъ услышалъ громкое осужденіе политики, заставлявшей дрожать всю Европу, и частной жизни кардинала, за попытку проникнуть въ которую поплатилось такъ много знатныхъ и могущественныхъ вельможъ: этотъ великій человѣкъ, передъ которымъ благоговѣлъ отецъ д'Артаньяна, служилъ посмѣшищемъ для

мушкетеровъ де-Тревиля, которые смѣялись надъ его кривыми ногами и сгорбленной спиной; нѣкоторые пѣли пѣсни, составленныя на госпожу д'Егельонъ, его любовницу, и госпожу Камбаль, его племянницу, тогда какъ другіе составляли партіи противъ пажей и стражи кардинала-герцога; все видѣнное и слышанное казалось д'Артаньяну чудовищнымъ и невозможнымъ.

Между тѣмъ, когда вдругъ и совершенно неожиданно посреди этихъ глупыхъ шутокъ произносилось имя короля, эти насмѣшники немедленно смолкали; они нерѣшительно оглядывались кругомъ и, казалось, боялись нескромности перегородки, отдѣляющей кабинетъ де-Тревиля, но вскорѣ какой нибудь намекъ возвращалъ разговоръ на прежнюю тему о его высокопреосвященствѣ, и тогда смѣхъ возобновлялся, и они безпощадно осуждали и осмѣивали всѣ малѣйшія дѣйствія его.

— Вотъ люди, которые, навѣрно, попадутъ въ Бастилію или будутъ повѣшены, подумалъ д'Артаньянъ съ ужасомъ, — и, безъ сомнѣнія, я попаду туда же съ ними, такъ какъ съ той минуты, какъ я услышалъ ихъ и продолжаю слушать, меня примутъ за ихъ сообщника. Что сказалъ бы мой отецъ, такъ строго наказывавшій мнѣ относиться съ уваженіемъ къ кардиналу, если бы онъ зналъ, что я нахожусь въ обществѣ такихъ богохульниковъ!

Понятно—въ чемъ едва ли кто усумнится и безъ моего поясненія—что д'Артаньянъ не смѣлъ вмѣшаться въ разговоръ: онъ только глядѣлъ во всѣ глаза, слушалъ внимательно, жадно напрягая всѣ свои пять чувствъ, чтобы ничего не пропустить, и, не смотря на свое довѣріе къ родительскимъ наставленіямъ, по своему собственному вкусу и инстинкту, чувствовалъ себя болѣе расположеннымъ хвалить, чѣмъ осуждать неслыханныя вещи, которыя творились передъ нимъ.

Такъ какъ онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ толпѣ придворныхъ де-Тревиля и его въ первый разъ видѣли здѣсь, то подошли спросить, что ему надо. При этомъ вопросѣ д'Артаньянъ очень скромно назвалъ свое имя, особенно

ударяя на словѣ соотечественникъ, и обратился съ просьбой къ камердинеру, подошедшему къ нему съ этимъ вопросомъ, попросить де-Тревиля дать ему минутную аудіенцію, на что этотъ послѣдній покровительственнымъ тономъ изъявилъ согласіе и обѣщалъ въ свое время и въ свой часъ передать его просьбу де-Тревилю.

Д'Артаньянъ, немного придя въ себя отъ своего перваго изумленія, имѣлъ, такимъ образомъ, свободное время ознакомиться немного съ костюмами и внѣшностью окружающихъ его лицъ.

Центръ самой оживленной группы составлялъ одинъ мушкетеръ высокаго роста, съ надменною наружностью, странный костюмъ котораго привлекалъ на себя всеобщее вниманіе.

На немъ не было въ эту минуту форменнаго плаща съ широкими рукавами и камзола, который, впрочемъ, въ эту эпоху меньшей свободы и большей самостоятельности, былъ совершенно необязательнымъ, но полукафтанье небесно-голубого цвѣта, немножко помятое и потертое, а поверхъ этой одежды—великолѣпная съ золотою вышивкой перевязь, которая блестѣла на солнцѣ, какъ чешуя. На плечи былъ граціозно накинутъ длинный бархатный плащъ малиноваго цвѣта, изъ-подъ котораго только спереди виднѣлась роскошная перевязь, на которой висѣла гигантскихъ размѣровъ рапира.

Этотъ мушкетеръ только что смѣнился, жаловался, что простудился, и отъ времени-до-времени притворно кашлялъ; поэтому-то, если вѣрить ему, онъ и завернулся въ плащъ, и въ то время, какъ онъ говорилъ это свысока, съ презрительнымъ видомъ покручивая усы, всѣ съ восторгомъ любовались его вышитой перевязью, и д'Артаньянъ болѣе всѣхъ.

— Что дѣлать, говорилъ мушкетеръ,—это въ модѣ; сознаюсь, это глупо, но это — мода. Къ тому же, надо на что нибудь тратить деньги, полученныя въ наслѣдство.

— Э, Портосъ! вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ,— не трудись насъ увѣрять, что эта перевязь досталась тебѣ отъ родительской щедрости: она подарена

тебѣ той дамой подъ вуалью, съ которой я встрѣтилъ тебя въ прошлое воскресенье около воротъ Сентъ-Оноре.

— Нѣтъ, клянусь честью и словомъ дворянина, я купилъ ее самъ и на собственныя деньги, отвѣчалъ тотъ, котораго только что назвали Портосомъ.

— Да, такъ же, какъ и я, сказалъ другой мушкетеръ,— купилъ вотъ этотъ новый кошелекъ, воспользовавшись тѣмъ, что моя любовница положила въ старый.

— Вѣрно, сказалъ Портосъ,— и доказательствомъ можетъ служить то, что я заплатилъ за нее двѣнадцать пистолей.

Восхищеніе удвоилось, хотя сомнѣніе не исчезло.

— Не правда ли, Арамисъ? сказалъ Портосъ, обратившись къ третьему мушкетеру.

Этотъ мушкетеръ составлялъ совершенную противоположность съ тѣмъ, который спрашивалъ и который его называлъ Арамисомъ; это былъ молодой человѣкъ, которому съ трудомъ можно было дать двадцать-два, двадцать-три года, съ наивнымъ и кроткимъ выраженіемъ лица, съ черными спокойными глазами, съ розовыми, покрытыми пушкомъ, точно спѣлый персикъ, щеками; его тонкіе усы обрисовывали надъ его верхней губой самую правильную линію; казалось, онъ опасался опустить руки внизъ изъ боязни, чтобъ ихъ жилы не налились кровью, и отъ времени до времени пощипывалъ кончики своихъ ушей, чтобы поддерживать ихъ нѣжный, прозрачный алый цвѣтъ. Обыкновенно онъ говорилъ мало и медленно, часто кланялся, смѣялся тихо, показывая зубы, которые были у него прелестны и о которыхъ, какъ, впрочемъ, и о всей своей особѣ, онъ, видимо, очень заботился. Онъ отвѣчалъ утвердительно кивкомъ головы на вопросъ своего друга.

Это подтвержденіе, казалось, устранило всѣ сомнѣнія относительно перевязи; любоваться ею продолжали, но говорить о ней перестали, и вслѣдствіе непонятныхъ быстрыхъ поворотовъ въ мысляхъ, разговоръ вдругъ перескочилъ на другую тему.

— Что вы думаете о томъ, что разсказываетъ конюшій

Шале? спросилъ одинъ изъ мушкетеровъ, не относясь съ вопросомъ ни къ кому въ частности, но обращаясь, напротивъ, ко всѣмъ.

— А что онъ разсказываетъ? спросилъ Портосъ съ самодовольнымъ видомъ.

— Онъ разсказываетъ, что нашелъ въ Брюсселѣ Рошфора—тѣнь кардинала, переодѣтаго капуциномъ; этотъ проклятый Рошфоръ, благодаря переодѣванью, поддѣлъ Лега, какъ настоящаго идіота, каковъ онъ и на самомъ дѣлѣ.

— Какъ настоящаго идіота, сказалъ Портосъ; — но правда ли это?

— Я слышалъ это отъ Арамиса, отвѣчалъ мушкетеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Э! вы это хорошо знаете, Портосъ, сказалъ Арамисъ,—я самъ разсказывалъ вамъ вчера объ этомъ и потому не будемъ больше говорить.

— Не надо больше объ этомъ говорить—это ваше мнѣніе! возразилъ Портосъ.—Не надо больше объ этомъ говорить! Чортъ возьми! Какъ вы скоро это рѣшили! Какъ! кардиналъ заставляетъ шпіонить за дворяниномъ, заставляетъ какого-то измѣнника, разбойника, бездѣльника похитить его переписку и, съ помощью этого шпіона и благодаря этой перепискѣ, казнитъ Шале подъ глупѣйшимъ предлогомъ, что этотъ послѣдній хотѣлъ убить короля и женить старшаго брата короля на королевѣ. Никто не зналъ ни одного слова изъ этой загадки—вы, къ удивленію всѣхъ, вчера намъ сказали объ этомъ, и когда мы еще не пришли въ себя отъ изумленія, вы вдругъ говорите намъ сегодня: не будемъ объ этомъ больше говорить!

— Въ такомъ случаѣ будемъ говорить, такъ какъ вы этого хотите, сказалъ Арамисъ терпѣливо.

— Ужъ этотъ Рошфоръ! вскричалъ Портосъ,—будь я наѣздникомъ Шале, провелъ бы онъ со мною очень дурную минуту.

— А вамъ бы пришлось провести грустную четверть часа съ краснымъ герцогомъ, замѣтилъ Арамисъ.

— А! красный герцогъ! браво, браво, красный герцогъ, отвѣчалъ Портосъ, ударяя въ ладоши и одобрительно кивая головой.—Это названіе красный герцогъ—прелестно. Я пущу въ ходъ это слово, мой милый, будьте спокойны. Каковъ умница этотъ Арамисъ! Какое несчастіе, что вы не могли слѣдовать вашему призванію, мой милый! какой прелестный аббатъ вышелъ бы изъ васъ!

— О! это не болѣе, какъ минутная отсрочка, отвѣтилъ Арамисъ,—когда нибудь я имъ буду; вы знаете, Портосъ, что я для этого продолжаю изучать богословіе.

— Онъ сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ, сказалъ Портосъ: — рано или поздно, но сдѣлаетъ.

— Скоро! сказалъ Арамисъ.

— Онъ ждетъ только одного обстоятельства, чтобы принять окончательное рѣшеніе и надѣть рясу, которая теперь надѣта у него подъ мундиромъ, сверхъ мундира, замѣтилъ одинъ мушкетеръ.

— А чего ждетъ онъ? спросилъ кто-то.

— Онъ ждетъ, чтобы королева дала Франціи наслѣдника престола.

— Не будемъ этимъ шутить, господа, сказалъ Портосъ,—благодаря Бога, королева въ такихъ годахъ, что еще можетъ дать намъ его.

— Говорятъ, что Бокингемъ во Франціи, сказалъ Арамисъ съ лукавой усмѣшкой, что придало его, повидимому, простой фразѣ довольно двусмысленный оттѣнокъ.

— Арамисъ, мой другъ, на этотъ разъ вы были не правы, прервалъ его Портосъ,— и ваша страсть къ краснымъ словцамъ увлекаетъ васъ всегда перейти границы; если бы де-Тревиль васъ слышалъ—за ваши слова вамъ пришлось бы плохо.

— Не думаете ли вы учить меня, Портосъ! вскричалъ Арамисъ, въ глазахъ котораго блеснула молнія.

— Любезный, будьте или мушкетеромъ, или аббатомъ. Будьте тѣмъ или другимъ, но ни тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, возразилъ Портосъ.— Послушайте, Атосъ сказалъ вамъ еще въ прошлый разъ: вы получаете доходы съ разныхъ мѣстъ. О! не будемъ ссориться, пожалуйста, это было бы

безполезно—вы знаете хорошо, что условлено между вами, Атосомъ и мною. Вы бываете у госпожи д'Егильонъ и ухаживаете за нею; вы бываете у госпожи де-Буа-Траси, кузины госпожи де-Шеврезъ, и про васъ ходитъ слухъ, что вы въ большой милости у этой дамы. О, мой Богъ, не признавайтесь въ вашемъ счастьѣ, васъ не просятъ выдавать вашу тайну—ваша скромность извѣстна. Но разъ вы обладаете этой добродѣтелью, извлекайте изъ нея пользу для его величества. Пусть интересуется королемъ и кардиналомъ всякій, кто и какъ хочетъ; но особа королевы священна, и если о ней говорить, то только хорошее.

— Портосъ, вы высокомѣрны, какъ Нарциссъ, предупреждаю васъ, отвѣтилъ Арамисъ; — вы знаете, что я ненавижу наставленія, исключая тѣхъ, которыя позволяетъ себѣ Атосъ. Что же касается до васъ, мой милый, то на васъ слишкомъ роскошная перевязь, доказывающая, что вы неособенно сильны въ этомъ. Если мнѣ вздумается — я сдѣлаюсь аббатомъ, а пока я мушкетеръ и, какъ мушкетеръ, говорю все, что мнѣ вздумается, а въ данную минуту мнѣ хочется сказать вамъ, что вы меня раздражаете.

— Арамисъ!

— Портосъ!

— Э! господа! господа! закричали окружающіе ихъ.

— Господинъ де-Тревиль ожидаетъ господина д'Артаньяна, прервалъ камердинеръ, отворяя дверь кабинета.

При этомъ возгласѣ, во время котораго дверь оставалась открытой, всѣ смолкли и посреди всеобщаго молчанія молодой гасконецъ пересѣкъ пріемную во всю ея длину и вошелъ къ капитану мушкетеровъ, отъ всего сердца радуясь, что ему во-время удалось убѣжать отъ конца этой странной исторіи.

III.

Аудіенція.

Де-Тревиль былъ въ данную минуту въ очень дурномъ расположеніи духа; тѣмъ не менѣе онъ вѣжливо поклонился молодому человѣку, отвѣсившему ему поклонъ до земли; такое привѣтствіе вызвало его улыбку, а беарнскій выговоръ его напомнилъ ему въ одно и то же время его молодость и родину — двойное воспоминаніе, заставляющее человѣка улыбнуться во всякомъ возрастѣ. Но приблизившись почти тотчасъ же къ пріемной и сдѣлавъ д'Артаньяну знакъ рукою, какъ бы спрашивая у него позволенія покончить съ другими, прежде чѣмъ начать съ нимъ, онъ три раза кликнулъ, каждый разъ постепенно возвышая голосъ, перейдя всѣ промежуточные тоны отъ повелительнаго до раздражительнаго:

— Атосъ! Портосъ! Арамисъ!

Два мушкетера, носившіе два послѣднихъ имени и съ которыми мы уже познакомились, тотчасъ отдѣлились отъ группъ, часть которыхъ они составляли, и вошли въ кабинетъ, дверь котораго захлопнулась за ними, какъ только они переступили за его порогъ. Ихъ внѣшній видъ, хотя и не особенно спокойный, возбудилъ тѣмъ не менѣе своей непринужденностью, полной въ одно и то же время достоинства и покорности, восхищеніе д'Артаньяна, который видѣлъ въ этихъ людяхъ полубоговъ, а въ ихъ начальникѣ олимпійскаго Юпитера, вооруженнаго всѣми своими перунами.

Когда два мушкетера вошли, когда дверь затворилась за ними, когда жужжащій говоръ—которому только что случившееся обстоятельство, безъ сомнѣнія, дало еще новую пищу для разговора — возобновился; когда, наконецъ, де-Тревиль, молча, съ нахмуренными бровями прошелся раза три или четыре вдоль всего своего кабинета, каждый разъ мимо Портоса и Арамиса, стоявшихъ молча навытяжкѣ, точно на парадѣ, онъ вдругъ оста-

новился прямо противъ нихъ и окинулъ ихъ съ ногъ до головы сердитымъ взглядомъ.

— Знаете, что сказалъ мнѣ король, воскликнулъ онъ,— и это не дальше, какъ вчера вечеромъ,—знаете ли, господа, что?

— Нѣтъ, отвѣтили послѣ минутнаго молчанія оба мушкетера; — нѣтъ, капитанъ, намъ это неизвѣстно.

— Но надѣемся, что вы сдѣлаете намъ честь сообщить, прибавилъ, кланяясь, Арамисъ самымъ вѣжливымъ и почтительнымъ тономъ.

— Онъ сказалъ мнѣ, что отнынѣ онъ будетъ набирать мушкетеровъ изъ гвардейцевъ кардинала!

— Изъ гвардейцевъ кардинала! но отчего такъ? съ живостью спросилъ Портосъ.

— Потому что онъ находитъ, что его плохое вино нуждается въ примѣси болѣе хорошаго.

Оба мушкетера покраснѣли до корня волосъ. Д'Артаньянъ не зналъ, что ему дѣлать, и хотѣлъ бы провалиться сквозь землю на сто метровъ.

— Да, да, продолжалъ де-Тревиль, все болѣе горячась,— и его величество былъ правъ, потому что, клянусь честью, дѣйствительно мушкетеры имѣютъ жалкій видъ при дворѣ. Кардиналъ разсказывалъ вчера во время игры съ королемъ, съ видомъ соболѣзнованія, который мнѣ очень не понравился, что третьяго дня эти проклятые мушкетеры, эти разнузданные черти—и при этомъ съ ироніей онъ особенно напиралъ на послѣднія слова, что мнѣ не понравилось еще болѣе,—эти жалкіе рубаки, прибавилъ онъ, смотря на меня своими кошачьими глазами, запоздали въ улицѣ Феру, въ одномъ кабакѣ, и ночной дозоръ его гвардейцевъ принужденъ былъ арестовать нарушителей ночной тишины. Чортъ возьми! Вы должны что нибудь знать объ этомъ! Арестовать моихъ мушкетеровъ. Вы были между ними, не запирайтесь — васъ узнали, и кардиналъ назвалъ васъ по именамъ. Конечно, это собственно моя ошибка, да, моя собственно, такъ какъ я самъ лично выбираю своихъ людей. Послушайте, Арамисъ, зачѣмъ вы, чортъ возьми, такъ домогались мун-

дира, когда вамъ было бы такъ хорошо подъ рясой, а вы, Портосъ, неужели на васъ такая чудная золотая перевязь только для того, чтобы на ней болталась соломенная шпага. А Атосъ! я не вижу Атоса. Гдѣ онъ?

— Капитанъ, онъ боленъ, грустно отвѣтилъ Арамисъ,— очень боленъ.

— Боленъ, вы говорите очень боленъ?—но какой болѣзнью?

— Опасаются, чтобы это не была натуральная оспа, отвѣчалъ Портосъ, желая, въ свою очередь, вставить слово въ разговоръ,— и досаднѣе всего то, что это, очень вѣроятно, испортитъ его лицо.

— Натуральной оспой? Вотъ еще славную басню вы мнѣ выдумываете, Портосъ!? Въ его года, и боленъ натуральной оспой? Не можетъ быть!.. Безъ сомнѣнія, раненъ, можетъ быть убитъ. Ахъ! Еслибъ я зналъ это!.. Sangdieu! Господа мушкетеры, я не допускаю, чтобы вы шлялись по такимъ дурнымъ мѣстамъ, чтобы затѣвали ссоры на улицахъ и чтобъ позорили шпагу на перекресткахъ. Однимъ словомъ, я не хочу, чтобы вы дѣлались посмѣшищемъ гвардейцевъ кардинала, людей храбрыхъ, спокойныхъ, ловкихъ, которые не ставятъ себя никогда въ такое положеніе, чтобы ихъ арестовывали, да и не позволили бы себя арестовать, я увѣренъ въ этомъ. Они предпочли бы лучше умереть на мѣстѣ, чѣмъ отступить хотя бы на шагъ. Спасаться, удирать, бѣжать, это идетъ только королевскимъ мушкетерамъ!

Портосъ и Арамисъ были внѣ себя, дрожали отъ бѣшенства. Они охотно задушили бы де-Тревиля, если бы не чувствовали, что въ основѣ всего этого кроется сильная любовь къ нимъ, которая и заставляетъ его говорить такимъ образомъ. Они били ногой по ковру, кусали до крови губы и изо всей силы сжимали эфесъ шпаги. Снаружи, какъ мы сказали, слышали, какъ позвали Атоса, Портоса и Арамиса, и по голосу де-Тревиля догадывались, что онъ очень сердится. Десять любопытныхъ головъ навострили уши и блѣднѣли отъ ярости, потому что ихъ напряженный слухъ не пропускалъ ни одного звука изъ того, что

говорилось, и время отъ времени передавали оскорбительныя слова капитана всѣмъ присутствующимъ въ пріемной.

Въ одну минуту весь домъ, начиная отъ кабинетныхъ дверей до выходныхъ, пришелъ въ волненіе.

— А! королевскіе мушкетеры позволяютъ гвардейцамъ кардинала брать себя подъ арестъ, продолжалъ де-Тревиль, внутренно бѣсившійся не менѣе своихъ солдатъ, но произнося слова отрывисто и погружая ихъ, такъ сказать, одно за другимъ, какъ удары стилета, въ грудь своихъ слушателей.—А! шестеро гвардейцевъ его высокопреосвященства арестовываютъ шестерыхъ мушкетеровъ его величества! Чортъ возми! я рѣшился! Я немедленно отправляюсь въ Лувръ, подаю прошеніе объ увольненіи меня изъ капитановъ королевскихъ мушкетеровъ; поступаю поручикомъ въ гвардію кардинала, и если онъ мнѣ откажетъ,—чортъ возьми! — сдѣлаюсь аббатомъ!

При этихъ словахъ ропотъ, слышавшійся снаружи, превратился въ взрывъ. Со всѣхъ сторонъ ничего не было слышно—можно было разобрать только ругательства и проклятія; восклицанія: «Чортъ возьми! смерть всѣмъ чертямъ!»—скрещивались въ воздухѣ.

Д'Артаньянъ искалъ мѣста, гдѣ бы ему спрятаться, и чувствовалъ непреодолимое желаніе сунуться подъ столъ.

— Ну, что-жъ! капитанъ, сказалъ Портосъ внѣ себя, истина та, что насъ было шестеро противъ шестерыхъ, но мы были схвачены измѣннически и, прежде чѣмъ мы успѣли обнажить шпаги, двое изъ насъ пали мертвыми, и Атосъ, раненый опасно, былъ не въ лучшемъ состояніи. Вы вѣдь знаете Атоса, капитанъ, онъ пробовалъ встать два раза и снова падалъ. Тѣмъ не менѣе мы не сдались, нѣтъ! насъ утащили силой. Дорогой мы спаслись. Что же касается до Атоса, то его сочли мертвымъ и преспокойно оставили на мѣстѣ битвы, полагая, что не стоитъ труда его уносить. Вотъ вся исторія. Чортъ возьми!—не всѣ, вѣдь, сраженія выигрываются! Великій Помпей потерялъ сраженіе при Фарсалѣ, а король Францискъ I, ко-

торый, какъ мнѣ приходилось слышать, не уступалъ Помпею, все-таки проигралъ сраженіе при Паліи.

— А я имѣю честь увѣрить васъ, — я прокололъ одного его же собственной шпагой, сказалъ Арамисъ,—такъ какъ моя переломилась при отраженіи перваго удара.— Прокололъ или убилъ, капитанъ, какъ вамъ будетъ пріятнѣе и угодно.

— Я не зналъ этого, возразилъ де-Тревиль болѣе мягкимъ тономъ,—кардиналъ, какъ я вижу, преувеличилъ.

— Но ради Бога, капитанъ, продолжалъ Арамисъ, который, видя, что капитанъ успокоивается, осмѣлился высказать просьбу,—ради Бога, капитанъ, не говорите, что самъ Атосъ раненъ: онъ былъ бы въ отчаяніи, если бы это дошло до слуха короля, и такъ какъ рана одна изъ самыхъ опасныхъ, потому что черезъ плечо она проникаетъ въ грудь, то можно опасаться...

Въ эту самую минуту поднялась портьера и изъ-подъ ея бахромы показалась голова съ благороднымъ, прекраснымъ, но страшно блѣднымъ лицомъ.

— Атосъ! вскричали оба мушкетера.

— Атосъ! повторилъ самъ де-Тревиль.

— Вы меня требовали, капитанъ, сказалъ Атосъ де-Тревилю ослабѣвшимъ, но совершенно спокойнымъ голосомъ, вы меня спрашивали, какъ мнѣ передали товарищи, и я поспѣшилъ явиться за вашими приказаніями; что вамъ угодно, капитанъ?

И съ этими словами мушкетеръ, — одѣтый безукоризненно, какъ всегда, затянутый, вошелъ твердой поступью въ кабинетъ. Де-Тревиль, растроганный до глубины души этимъ доказательствомъ храбрости, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Я только что говорилъ этимъ господамъ, прибавилъ онъ, что я запрещаю моимъ мушкетерамъ подвергать свою жизнь безъ нужды опасности, потому что храбрые люди очень дороги королю и король знаетъ, что его мушкетеры самые храбрые люди на землѣ: Вашу руку, Атосъ.

И не успѣлъ новопришедшій протянуть ему руку въ отвѣтъ на это доказательство своего къ нему располо-

женія, какъ де-Тревиль схватилъ его правую руку и изо всѣхъ силъ сжалъ ее, не замѣчая, что Атосъ, какъ ни велика была его власть надъ собой, сдѣлалъ болѣзненное движеніе и поблѣднѣлъ еще болѣе, что казалось почти невозможнымъ.

Дверь оставалась полуотворенной, такъ было сильно волненіе, произведенное появленіемъ Атоса, о которомъ было всѣмъ извѣстно, что онъ раненъ, не смотря на желаніе сохранить это въ тайнѣ. Послѣднія слова капитана были встрѣчены одобрительными восклицаніями и двѣ или три головы, увлеченныя восторгомъ, показались изъ-за портьеры. Безъ сомнѣнія, де-Тревиль тотчасъ бы остановилъ это нарушеніе правилъ этикета, какъ вдругъ почувствовалъ въ своей рукѣ, что рука Атоса судорожно сжимается и, взглянувъ на него, замѣтилъ, что тотъ падаетъ въ обморокъ. Атосъ, собравшій свои послѣднія силы, чтобы превозмочь свою боль, въ эту самую минуту, наконецъ, побѣжденный ею, какъ мертвый свалился на паркетъ.

— Хирурга! вскричалъ де-Тревиль. Королевскаго хирурга! лучшаго! Хирурга! или, Sangdieu! — мой храбрый Атосъ умретъ.

На крикъ де-Тревиля всѣ бросились въ его кабинетъ, двери котораго оставались открытыми, и каждый суетился около раненаго. Но всѣ эти хлопоты были бы безполезны, если бы требуемый докторъ не оказался въ самомъ зданіи; онъ раздвинулъ толпу, приблизился къ Атосу, все еще лежавшему безъ чувствъ, и такъ какъ весь этотъ шумъ и все это движеніе очень стѣсняли его, онъ прежде всего счелъ необходимымъ попросить, чтобы мушкетера перенесли въ сосѣднюю комнату. Тотчасъ же де-Тревиль отворилъ двери и указалъ дорогу Портосу и Арамису, которые унесли на рукахъ своего товарища. За этой группой послѣдовалъ хирургъ, а за хирургомъ двери снова затворились.

Тогда кабинетъ де-Тревиля, это обыкновенно столь уважаемое мѣсто, мгновенно превратился во вторую пріемную.

Всякій разсуждалъ, разглагольствовалъ, громко говорилъ, клянясь и проклиная и посылая кардинала и его гвардейцевъ ко всѣмъ чертямъ.

Минуту спустя Портосъ и Арамисъ вернулись; де-Тревиль и хирургъ одни остались около раненаго.

Наконецъ, вернулся и де-Тревиль. Раненый пришелъ въ чувство; хирургъ объявилъ, что состояніе мушкетера не представляетъ ничего такого, что могло бы безпокоить его друзей, и его слабость была, просто, только слѣдствіемъ большой потери крови.

Затѣмъ де-Тревиль сдѣлалъ знакъ рукою и всѣ удалились, исключая д'Артаньяна, который ни на минуту не забывалъ, что онъ на аудіенціи и съ упорствомъ гасконца оставался все на томъ же мѣстѣ.

Когда всѣ вышли и двери снова затворились, де-Тревиль обернулся и увидѣлъ себя наединѣ съ молодымъ человѣкомъ. Только что случившееся происшествіе заставило его, нѣкоторымъ образомъ, потерять нить своихъ мыслей. Онъ освѣдомился, чего отъ него хочетъ настойчивый проситель. Д'Артаньянъ назвалъ себя и де-Тревиль, сразу вернувшись ко всѣмъ своимъ воспоминаніямъ настоящаго и прошлаго, вспомнилъ, въ чемъ дѣло.

— Простите, сказалъ онъ, улыбаясь, простите, мой милый землякъ, но я объ васъ окончательно позабылъ. Что дѣлать! Капитанъ — отецъ семейства, взявшій на себя большую отвѣтственность, чѣмъ всякій обыкновенный отецъ семейства. Солдаты—взрослыя дѣти, но такъ какъ я стою за то, чтобы приказы короля, и въ особенности кардинала, были исполняемы...

Д'Артаньянъ не могъ скрыть улыбки. По этой улыбкѣ де-Тревиль разсудилъ, что имѣетъ дѣло вовсе не съ дуракомъ и, прямо переходя къ дѣлу, перемѣнилъ разговоръ:

— Я очень любилъ вашего отца, сказалъ онъ.—Что могу сдѣлать для его сына? Торопитесь, мое время не принадлежитъ мнѣ.

— Капитанъ, сказалъ д'Артаньянъ, пріѣхавъ изъ Тарбъ сюда, я имѣлъ намѣреніе, въ знакъ вашего расположенія къ моему отцу, объ которомъ вы сохранили воспоминаніе,

просить васъ принять меня въ мушкетеры, но послѣ того, что мнѣ пришлось увидѣть въ эти два часа, я понимаю, что такая милость была бы слишкомъ велика, и я боюсь, что не заслуживаю ея.

— Дѣйствительно, это большая милость, молодой человѣкъ, отвѣчалъ де-Тревиль, но она можетъ быть не на столько выше вашихъ силъ, какъ это вы думаете или дѣлаете видъ, что думаете. Во всякомъ случаѣ, постановленіе его величества предугадало подобный случай, и я съ сожалѣніемъ долженъ сообщить вамъ, что въ мушкетеры принимаютъ только послѣ предварительнаго испытанія въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, послѣ какихъ нибудь особенно блистательныхъ подвиговъ или послѣ двухъ лѣтъ службы въ какомъ нибудь полку, пользующемся меньшимъ покровительствомъ, чѣмъ нашъ.

Д'Артаньянъ молча поклонился. Онъ чувствовалъ еще болѣе сильное желаніе надѣть мундиръ мушкетера съ тѣхъ поръ, какъ явились такія сильныя препятствія достигнуть этого.

— Но, продолжалъ де-Тревиль, устремляя на своего земляка такой проницательный взглядъ, точно, казалось, онъ хотѣлъ проникнуть до глубины его сердца; но, во вниманіе къ вашему отцу, моему старому пріятелю, какъ я сказалъ, я хочу что нибудь для васъ сдѣлать, молодой человѣкъ. Наши беарнскіе молодые люди обыкновенно не особенно богаты и я сомнѣваюсь, чтобы положеніе вещей очень измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ провинціи. Вѣроятно, вы не много лишнихъ денегъ привезли съ собой?

Д'Артаньянъ гордо выпрямился, показывая этимъ, что онъ не проситъ милостыни ни у кого.

— Хорошо, молодой человѣкъ, хорошо, продолжалъ де-Тревиль, я знаю этотъ гордый видъ; я явился въ Парижъ съ четырьмя экю въ карманѣ, готовый подраться со всякимъ, кто мнѣ сказалъ бы, что я не въ состояніи купить цѣлый Лувръ.

Д'Артаньянъ выпрямился еще болѣе; благодаря продажѣ своей лошади, онъ начиналъ свою карьеру имѣя

четырьмя экю болѣе, чѣмъ имѣлъ де-Тревиль, когда начиналъ свою.

— И такъ, вы должны, говорю я, сберечь то, что вы имѣете, какъ бы велика эта сумма ни была; но въ то же время вы должны усовершенствоваться въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, какъ подобаетъ каждому дворянину. Сегодня же я напишу письмо директору королевской академіи и съ завтрашняго дня онъ приметъ васъ безъ всякой платы. Не отказывайтесь отъ этого одолженія. Наши дворяне изъ самыхъ богатыхъ и лучшихъ семействъ добиваются этого иногда безъ всякаго успѣха. Вы выучитесь верховой ѣздѣ, фехтованью, танцамъ; вы сдѣлаете тамъ хорошій кругъ знакомства и, отъ времени до времени, будете приходить повидаться со мной, чтобы разсказать, какъ идутъ ваши занятія, и я увижу, могу ли я что нибудь сдѣлать для васъ.

Какъ мало ни былъ знакомъ д'Артаньянъ съ придворнымъ обращеніемъ, онъ все же замѣтилъ холодность этого пріема.

— Увы, капитанъ, сказалъ онъ, я вижу сегодня, какъ мнѣ недостаетъ рекомендательнаго письма, даннаго мнѣ моимъ отцомъ для передачи вамъ.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ де-Тревиль, я удивляюсь, что вы предприняли такое длинное путешествіе безъ этого необходимаго для васъ подспорья — для насъ, беарнцовъ, это единственная надежда.

— Я имѣлъ письмо, капитанъ, и, благодаря Бога, написанное, какъ слѣдуетъ, по всей формѣ, вскричалъ д'Артаньянъ, но у меня его измѣннически украли.

И онъ разсказалъ всю исторію, приключившуюся въ Менгѣ, обрисовалъ незнакомаго господина въ его малѣйшихъ подробностяхъ и передалъ все съ такимъ увлеченіемъ и правдивостью, что привелъ въ восхищеніе де-Тревиля.

— Вотъ такъ странно, сказалъ де-Тревиль, призадумываясь; вы, значитъ, говорили обо мнѣ вслухъ?

— Да, капитанъ, безъ сомнѣнія я сдѣлалъ эту неосторожность; что дѣлать — такое имя, какъ ваше, должно

было служить мнѣ щитомъ въ дорогѣ: судите сами, часто ли я становился подъ его защиту.

Въ то время лесть была въ большомъ ходу и де-Тревиль любилъ, такъ же, какъ король и кардиналъ, чтобы ему курили ѳиміамъ, а потому, съ видимымъ удовольствіемъ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, но эта улыбка скоро исчезла и онъ вернулся къ происшествію въ Менгѣ:

— Скажите мнѣ, не было ли у этого господина на щекѣ рубца?

— Да, точно царапина, сдѣланная пулей.

— Не былъ ли этотъ человѣкъ красивой наружности?

— Да.

— Высокаго роста?

— Да.

— Брюнетъ, блѣдный?

— Да, да, все такъ. Какъ это можетъ быть, капитанъ, что вы знаете этого человѣка? Ахъ! если только я его когда нибудь найду, а я найду его, клянусь вамъ въ этомъ, будь это хоть въ аду...

— Онъ ожидалъ женщину? продолжалъ спрашивать де-Тревиль.

— По крайней мѣрѣ, онъ уѣхалъ послѣ минутнаго разговора съ той, которую ждалъ.

— Вы не знаете, о чемъ они говорили?

— Онъ передалъ ей шкатулку, говорилъ, что въ этой шкатулкѣ заключаются инструкціи, и наказывалъ ей открыть ее только въ Лондонѣ.

— Эта женщина была англичанка?

— Онъ называлъ ее милэди.

— Это онъ! прошепталъ де-Тревиль,—это онъ! я думалъ, что онъ еще въ Брюсселѣ.

— О! капитанъ, если вы знаете, кто этотъ человѣкъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—объясните мнѣ, кто и откуда онъ, и затѣмъ я освобождаю васъ отъ всего, даже отъ вашего обѣщанія принять меня въ мушкетеры, потому что прежде всего я хочу отомстить за себя.

— Берегитесь его, молодой человѣкъ; напротивъ, если

вы увидите его на одной сторонѣ улицы, переходите на другую! Не ударьтесь о такую скалу: она разобьетъ васъ, какъ стекло.

— Это нисколько не мѣшаетъ, сказалъ д'Артаньянъ,— тому, что если когда нибудь я его найду...

— А пока, возразилъ де-Тревиль,— послушайтесь моего совѣта: не ищите его.

Де-Тревиль вдругъ остановился, пораженный однимъ внезапнымъ подозрѣніемъ. Страшная ненависть, которую такъ открыто выказывалъ молодой путешественникъ къ этому человѣку, который, что довольно неправдоподобно, похитилъ письмо его отца,—эта ненависть, не скрывала ли она какое нибудь вѣроломство? не былъ ли подосланъ этотъ молодой человѣкъ его высокопреосвященствомъ? не явился ли онъ для того, чтобы разставить ему какую нибудь ловушку? Этотъ самозванный д'Артаньянъ, не лазутчикъ ли онъ кардинала, котораго старались ввести къ нему въ домъ и приставить къ нему, чтобы обманомъ вызвать его довѣріе и затѣмъ погубить его, какъ это тысячу разъ уже практиковалось. Онъ посмотрѣлъ на д'Артаньяна въ этотъ второй разъ еще пристальнѣе, чѣмъ въ первый, и видъ этого лукаваго лица, сверкающаго умомъ и притворною покорностью, мало успокоилъ его.

— «Я знаю хорошо, что онъ гасконецъ, подумалъ онъ,— но онъ можетъ быть такъ же хорошъ для кардинала, какъ и для меня. Увидимъ, испытаемъ его».

— Мой другъ, сказалъ онъ съ разстановкой,—я хочу, какъ сыну моего стараго друга,—такъ какъ я считаю правдивой исторію этого потеряннаго письма,—я хочу, говорю я, чтобы загладить холодность моего пріема, которую вы замѣтили, открыть вамъ тайны нашей политики. Король и кардиналъ лучшіе друзья между собой; они ссорятся между собою только для вида, чтобы обмануть глупцовъ. Я не хочу, чтобъ мой землякъ, красивый кавалеръ, храбрый молодой человѣкъ, созданный для того, чтобы сдѣлать карьеру, повѣрилъ всѣмъ этимъ притворствамъ и, какъ идіотъ, попался бы въ сѣти по слѣдамъ столь мно-

гихъ, которые въ нихъ погибли. Подумайте хорошенько о томъ, что я преданъ этимъ двумъ всемогущимъ повелителямъ и что мои серьезные поступки никогда не будутъ имѣть другой цѣли, какъ служеніе королю и кардиналу, одному изъ славнѣйшихъ геніевъ, когда либо созданныхъ Франціей. Теперь, молодой человѣкъ, сообразите все это, и если вы питаете къ кардиналу непріязнь или злобу вслѣдствіе какихъ нибудь фамильныхъ или другихъ причинъ, или даже просто инстинктивно, какъ это мы видимъ иногда у нѣкоторыхъ дворянъ, простимся и разстанемся. Я помогу вамъ въ тысячѣ другихъ обстоятельствъ, но не оставлю васъ при себѣ. Надѣюсь, что моею откровенностью, во всякомъ случаѣ, я пріобрѣту въ васъ друга, такъ какъ до сихъ поръ вы первый молодой человѣкъ, кому я говорилъ такимъ образомъ.

А въ то же время де-Тревиль думалъ про себя: если кардиналъ подослалъ мнѣ эту молодую лисицу, онъ, который знаетъ, до какой степени я его ненавижу, конечно, не преминулъ сказать своему шпіону, что лучшій способъ понравиться мнѣ, это поносить его самымъ жесточайшимъ образомъ, а потому, не смотря на всѣ мои увѣренія, хитрый землякъ отвѣтитъ мнѣ навѣрно, что онъ питаетъ отвращеніе къ его высокопреосвященству. Случилось совершенно иначе, а не такъ, какъ этого ожидалъ де-Тревиль. Д'Артаньянъ отвѣтилъ съ большимъ простосердечіемъ:

— Капитанъ, я явился въ Парижъ съ точно такими же намѣреніями. Мой отецъ наказывалъ мнѣ никому не спускать обиды, кромѣ короля, кардинала и васъ, которыхъ онъ считаетъ тремя первыми лицами во Франціи.

Какъ могли замѣтить, д'Артаньянъ прибавилъ имя де-Тревиля къ двумъ первымъ, но онъ думалъ, что это прибавленіе ничего не испортитъ.

— Я питаю большое благоговѣніе къ кардиналу, продолжалъ онъ,—и самое глубокое уваженіе ко всѣмъ его дѣйствіямъ. Тѣмъ лучше для меня, капитанъ, если вы говорите со мной, какъ вы мнѣ сказали, откровенно, потому что тогда вы сдѣлаете мнѣ честь оцѣнить это сходство

нашихъ вкусовъ, но если вы имѣете ко мнѣ какое либо недовѣріе, что, впрочемъ, очень естественно, я чувствую, что я гублю себя, говоря правду; но тѣмъ не менѣе вы не перестанете меня уважать, а я дорожу этимъ болѣе всего на свѣтѣ.

Де-Тревиль былъ удивленъ въ высшей степени. Столько проницательности, такая, наконецъ, откровенность восхитили его, но не совсѣмъ разсѣяли его сомнѣнія. Чѣмъ выше этотъ молодой человѣкъ казался передъ другими молодыми людьми, тѣмъ болѣе онъ внушалъ страха, если въ немъ ошибиться. Тѣмъ не менѣе де-Тревиль пожалъ руку д'Артаньяну и сказалъ ему:

— Вы благородный молодой человѣкъ, но въ настоящее время я не могу сдѣлать ничего, кромѣ того, что я вамъ только что предложилъ. Мой домъ будетъ всегда открытъ для васъ. Впослѣдствіи, имѣя возможность явиться ко мнѣ во всякій часъ и, слѣдовательно, пользоваться всякимъ случаемъ, вѣроятно, вамъ удастся добиться того, чего вы желаете.

— То есть, капитанъ, возразилъ д'Артаньянъ,— вы ожидаете, чтобы я сдѣлался достойнымъ этой чести. Въ такомъ случаѣ будьте покойны, прибавилъ онъ съ фамильярностью гасконца, вамъ не придется ждать долго.

И онъ поклонился, чтобы уйти, какъ будто съ этихъ поръ все остальное касалось его одного.

— Но подождите же, сказалъ де-Тревиль, останавливая его,— я вамъ обѣщалъ письмо къ директору академіи. Или вы слишкомъ горды, чтобы принять его, молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, капитанъ, сказалъ д'Артаньянъ;—я вамъ отвѣчаю, что съ этимъ письмомъ не случится того, что случилось съ письмомъ, адресованнымъ вамъ; я буду его беречь такъ, что оно дойдетъ, клянусь вамъ, по своему назначенію, и горе тому, кто попытается похитить его у меня!

При этомъ хвастовствѣ де-Тревиль улыбнулся и, оставивъ своего молодого земляка въ амбразурѣ окна, гдѣ они были и разговаривали, онъ сѣлъ у стола и началъ пи-

сать обѣщанное рекомендательное письмо. Въ это время д'Артаньянъ, которому нечего было дѣлать, принялся выбивать маршъ по стеклу окна и смотрѣлъ на мушкетеровъ, которые уходили одинъ за другимъ, провожая ихъ взглядомъ до тѣхъ поръ, пока они исчезали, повернувъ въ улицу. Де-Тревиль, написавши письмо, запечаталъ его, и, вставши, подошелъ къ молодому человѣку, чтобы отдать ему; но въ ту самую минуту, какъ д'Артаньянъ протянулъ руку, чтобы взять его, де-Тревиль очень удивился, увидѣвъ, что его протеже вдругъ сдѣлалъ скачокъ, покраснѣлъ отъ гнѣва и стремительно бросился изъ кабинета, вскричавъ:

— А! Sangdieu! Онъ не ускользнетъ отъ меня на этотъ разъ.

— Но кто? спросилъ де-Тревиль.

— Онъ, мой воръ, отвѣтилъ д'Артаньянъ. — А! измѣнникъ!

И онъ скрылся.

— Съумасшедшій чортъ! проворчалъ де-Тревиль.—Если еще только, прибавилъ онъ,—это не одна изъ уловокъ улизнуть, видя, что онъ промахнулся.

IV.

Плечо Атоса, перевязь Портоса и платокъ Арамиса.

Взбѣшенный д'Артаньянъ въ три прыжка перескочилъ пріемную и бросился на лѣстницу, по которой хотѣлъ сбѣжать перескакивая по четыре ступеньки заразъ, какъ вдругъ, въ своемъ бѣгствѣ съ опущенной головой, онъ столкнулся съ однимъ мушкетеромъ, выходившимъ отъ де-Тревиля по черному ходу, и ударился головою объ его плечо, что заставило того испустить крикъ или, скорѣе, рычаніе.

— Извините, сказалъ д'Артаньянъ и хотѣлъ продолжать бѣжать,—извините, я очень спѣшу.

Едва онъ спустился съ первой лѣстницы, какъ сильная рука схватила его за шарфъ и остановила.

— Вы спѣшите, вскричалъ мушкетеръ, блѣдный какъ саванъ;—подъ этимъ предлогомъ вы меня толкаете, говорите: «Извините», и воображаете, что этого довольно? Не совсѣмъ-то, молодой человѣкъ. Вы предполагаете, что разъ де-Тревиль при васъ говорилъ сегодня съ нами немножко рѣзко, съ нами и въ самомъ дѣлѣ можно обращаться такъ же, какъ и онъ. Образумьтесь, товарищъ; вѣдь вы не де-Тревиль.

— Честное слово, возразилъ д'Артаньянъ, узнавъ Атоса, который послѣ перевязки, сдѣланной ему докторомъ, возвращался въ свою квартиру;—честное слово, я это сдѣлалъ не нарочно, а потому я извинился передъ вами; мнѣ кажется этого довольно. Но я, впрочемъ, снова,—что можетъ быть ужъ слишкомъ,—извиняюсь, такъ какъ, честное слово, я спѣшу, очень спѣшу. Пустите же меня, прошу васъ, и позвольте мнѣ идти, куда мнѣ надо.

— Милостивый государь, сказалъ Атосъ, отпуская его,—вы невѣжа; видно, это вы пріѣхали издалека.

Д'Артаньянъ перескочилъ уже три или четыре ступеньки, но при этомъ замѣчаніи Атоса вдругъ остановился.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ, какъ бы ни было далеко то мѣсто, откуда я пріѣхалъ, ужъ никакъ не вы будете давать мнѣ уроки хорошихъ манеръ, предупреждаю васъ.

— Можетъ быть, сказалъ Атосъ.

— Ахъ! еслибъ я не такъ спѣшилъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—и еслибъ я не бѣжалъ за нѣкоимъ господиномъ...

— Господинъ спѣшащій, меня вы найдете, не имѣя надобности бѣгать, слышите?

— А гдѣ это, скажите, будьте добры.

— Около монастыря босоногихъ кармелитовъ.

— Въ которомъ часу?

— Около двѣнадцати.

— Около двѣнадцати. Хорошо, я буду тамъ.

— Постарайтесь не заставить меня ждать себя, потому что въ двѣнадцать часовъ съ четвертью я вамъ обрѣжу уши на бѣгу.

— Хорошо! вскричалъ д'Артаньянъ,—я тамъ буду въ двѣнадцать безъ 10 минутъ.

И онъ пустился бѣжать, какъ будто чортъ уносилъ его, надѣясь еще найти своего незнакомца, который, идя своимъ медленнымъ шагомъ, не могъ уйти особенно далеко. Но у двери, выходящей на улицу, Портосъ разговаривалъ съ какимъ-то гвардейцемъ. Между разговаривающими было пространство какъ разъ только для одного человѣка. Д'Артаньянъ думалъ, что этого пространства будетъ для него достаточно, и бросился между ними, чтобы пролетѣть, какъ стрѣла, но д'Артаньянъ не принялъ въ разсчетъ вѣтра. Когда онъ проходилъ, вѣтеръ распахнулъ длинный плащъ Портоса и д'Артаньянъ влетѣлъ прямо въ плащъ. Безъ сомнѣнія, Портосъ имѣлъ причины не снимать эту необходимую часть своей одежды, потому что вмѣсто того, чтобы опустить полу, которую онъ держалъ, онъ потянулъ ее, такъ что д'Артаньянъ, повернувшись кругомъ, что объясняется сопротивленіемъ упрямаго Портоса, завернулся въ бархатный плащъ. Д'Артаньянъ, слыша проклятія мушкетера, хотѣлъ высвободиться изъ-подъ плаща, который мѣшалъ ему видѣть, и старался выпутаться изъ складокъ. Онъ болѣе всего страшился попортить новую чудную перевязь, о которой мы уже говорили, но, робко открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что уткнулся носомъ между плечами Портоса, то есть какъ разъ въ перевязь. Увы! какъ большинство вещей на этомъ свѣтѣ, которыя имѣютъ за собой только внѣшность, перевязь была изъ золота только спереди, а сзади изъ простой буйволовой кожи. Портосъ, какъ истый гордецъ, не имѣя возможности имѣть перевязь всю изъ золота, имѣлъ ее, по крайней мѣрѣ, вполовину: съ этой минуты становилась понятнымъ необходимость насморка и крайняя нужда въ плащѣ.

— Vertubleu! вскричалъ Портосъ, дѣлая усилія, чтобы освободиться отъ д'Артаньяна, который копошился у него на спинѣ;—взбѣсились вы, что ли, что такъ бросаетесь на людей?

— Извините, сказалъ д'Артаньянъ, снова показываясь

изъ-за плеча гиганта, но я очень спѣшу, я бѣгу въ догонку за однимъ...

— Забываете вы, что ли, гдѣ ваши глаза, когда вы бѣжите? спросилъ Портосъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ, задѣтый за живое,— нѣтъ и, благодаря моимъ глазамъ, я вижу даже то, чего не видятъ другіе.

Понялъ ли Портосъ или нѣтъ, но только разсердился не на шутку:

— Вы заставите себя хорошенько вздуть, предупреждаю васъ, если только будете такъ тереться около мушкетеровъ.

— Вздуть! вскричалъ д'Артаньянъ,—это грубость!

— Эти грубости говоритъ человѣкъ, привыкшій смотрѣть въ лицо своимъ врагамъ.

— Тьфу пропасть! знаю я хорошо, что вы не поворачиваете спины ни передъ кѣмъ!

И молодой человѣкъ, въ восторгѣ отъ своей шутки, удалился, смѣясь во все горло.

Портосъ пришелъ въ ярость и сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься на д'Артаньяна.

— Послѣ, послѣ! закричалъ этотъ,—когда на васъ не будетъ уже вашего плаща.

— И такъ, въ часъ, сзади Люксембурга.

— Очень хорошо, въ часъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ, поворачивая за уголъ.

Но ни въ улицѣ, которую онъ пробѣжалъ, ни въ той, которую теперь обнималъ взглядомъ, онъ никого не увидѣлъ. Какъ бы тихо ни шелъ незнакомецъ, онъ скрылся изъ виду; быть можетъ, онъ вошелъ въ какой нибудь домъ. Д'Артаньянъ справлялся о немъ у всѣхъ встрѣчныхъ, спустился до парома, поднялся по улицѣ Сены и Краснаго Креста, но нигдѣ, рѣшительно нигдѣ не нашелъ его. Между тѣмъ эта скорая ходьба оказалась для него очень полезна въ томъ смыслѣ, что чѣмъ болѣе выступало поту на его чело, тѣмъ болѣе отлегало отъ сердца. Онъ принялся тогда размышлять о только что случившихся обстоятельствахъ; они были многочисленны и пе-

чальнаго свойства: почти еще не было одиннадцати часовъ утра, а ужъ это утро принесло не мало непріятностей.

Де-Тревиль, который, конечно, не могъ не найти немножко рѣзкимъ то, какъ умчался отъ него д'Артаньянъ. Кромѣ того, ему предстояли двѣ дуэли съ людьми, изъ которыхъ каждый способенъ былъ убить трехъ д'Артаньяновъ, однимъ словомъ, съ двумя мушкетерами, то есть съ двумя личностями, которыхъ онъ такъ сильно уважалъ и которыхъ и въ мысляхъ, и въ сердцѣ считалъ выше всѣхъ остальныхъ. Обстоятельства складывались неутѣшительно. Убѣжденный, что онъ будетъ убитъ Атосомъ, понятно, молодой человѣкъ не очень много думалъ о Портосѣ. Однакожъ, такъ какъ надежда послѣдняя угасаетъ въ сердцѣ человѣка, онъ кончилъ тѣмъ, что авось либо ему удастся пережить, само собою разумѣется съ ужасными ранами, эти двѣ дуэли и на случай, если онъ останется въ живыхъ, онъ принялся читать себѣ наставленія.

— Какого безмозглаго я корчу изъ себя, и что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуралей! Этотъ храбрый и несчастный Атосъ былъ раненъ именно въ то плечо, въ которое, какъ баранъ, я толкнулъ его головой. Единственная вещь, которая удивляетъ меня, это то, что онъ не уложилъ меня на мѣстѣ;—онъ имѣлъ на это право, и боль, которую я причинилъ ему, должна быть ужасной. Что касается до Портоса,—о! что касается до Портоса, честное слово, это болѣе забавно.

И, противъ собственнаго желанія, молодой человѣкъ принялся хохотать, оглядываясь, однако же, какъ бы этотъ смѣхъ, одинъ на одинъ, безъ видимой причины, въ глазахъ тѣхъ, которые видѣли его смѣющимся, не оскорбилъ бы кого нибудь изъ прохожихъ.

— Что касается до Портоса, это болѣе забавно; но тѣмъ не менѣе я все же несчастный вѣтренникъ. Развѣ такъ бросаются на людей, не сказавши: посторонитесь; развѣ можно заглядывать имъ подъ плащи, чтобы видѣть то, чего тамъ нѣтъ! Онъ навѣрно бы извинилъ меня, если бы я не сказалъ ему про эту проклятую перевязь,

намекнулъ, правда, не прямо, а все-таки намекнулъ. Ахъ, я проклятый гасконецъ,—я, кажется, не перестану острить и на сковородѣ. Послушай, д'Артаньянъ, мой другъ, продолжалъ онъ говоря самъ съ собой со всею любезностью, къ которой по отношенію къ себѣ считалъ себя обязаннымъ—если ты избѣжишь смерти, что не правдоподобно, то на будущее время надлежитъ быть безукоризненно вѣжливымъ. Съ этой минуты нужно, чтобы тобою восхищались, чтобы тебя ставили въ примѣръ. Быть предупредительнымъ и вѣжливымъ, это не значитъ быть трусомъ. Взгляните лучше на Арамиса: Арамисъ, это сама кротость, сама грація. А развѣ кто нибудь посмѣетъ когда нибудь сказать, что Арамисъ трусъ? Нѣтъ, навѣрно, и отнынѣ я хочу во всѣхъ отношеніяхъ брать его за образецъ. А! вотъ и онъ.

Д'Артаньянъ, идя и разговаривая самъ съ собою, очутился въ нѣскольких шагахъ отъ отеля д'Эгильона и перdъ этимъ отелемъ онъ замѣтилъ Арамиса, весело разговаривающаго съ тремя кавалерами изъ гвардіи короля. Съ своей стороны Арамисъ замѣтилъ д'Артаньяна, но такъ какъ онъ не забылъ, что именно передъ этимъ молодымъ человѣкомъ де-Тревиль такъ сильно погорячился сегодня утромъ и, какъ свидѣтель упрековъ, сдѣланныхъ мушкетерамъ, не былъ ему никоимъ образомъ пріятенъ, онъ сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его. Д'Артаньянъ, напротивъ, всецѣло занятый своими планами примиренія и учтивости, подошелъ къ четыремъ молодымъ людямъ и съ самой любезной улыбкой низко поклонился имъ. Арамисъ слегка наклонилъ голову, но не улыбнулся. Всѣ четверо, впрочемъ, сейчасъ же прекратили разговоръ.

Д'Артаньянъ былъ не настолько глупъ, чтобы не замѣтить, что онъ лишній, но былъ недостаточно опытенъ въ пріемахъ большого свѣта, чтобы ловко выйти изъ ложнаго положенія, въ которое обыкновенно попадаетъ человѣкъ, вступающій въ разговоръ, вовсе до него не касающійся, съ людьми, едва ему знакомыми. Онъ мысленно подыскивалъ какой нибудь предлогъ, чтобъ сдѣлать свое отступленіе болѣе удобнымъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что

Арамисъ уронилъ платокъ и, безъ сомнѣнія нечаянно, наступилъ на него ногой. Эта минута показалась ему очень удобной, чтобы загладить свое неприличіе; онъ наклонился и съ самымъ любезнымъ видомъ выдернулъ платокъ изъ-подъ ноги мушкетера, не смотря на всѣ усилія, которыя дѣлалъ послѣдній, чтобы удержать его, и сказалъ, подавая его:

— Я думаю, милостивый государь, что вамъ было бы досадно потерять этотъ платокъ.

Платокъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ богато вышитъ, съ гербомъ и коронкой на одномъ изъ угловъ. Арамисъ страшно покраснѣлъ и скорѣе вырвалъ, чѣмъ взялъ его изъ рукъ гасконца.

— А! А! вскричалъ одинъ изъ гвардейцевъ, будешь ли ты еще и теперь продолжать утверждать, скромный Арамисъ,—что ты въ дурныхъ отношеніяхъ съ г-жей де-Буа-де-Траси, когда эта любезная дама обязательно одолжаетъ тебѣ свои платки.

Арамисъ бросилъ на д'Артаньяна одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые даютъ понять человѣку, что онъ пріобрѣлъ смертельнаго врага; затѣмъ, снова принявъ свой кроткій видъ, онъ сказалъ:

— Вы ошибаетесь, господа,—это не мой платокъ и не знаю, зачѣмъ этому господину пришла фантазія отдать скорѣе его мнѣ, а не кому нибудь изъ васъ; и въ доказательство того, что я говорю: вотъ мой платокъ, который я вынимаю изъ моего кармана.

Съ этими словами онъ вынулъ свой собственный платокъ, тоже очень изящный, изъ тонкаго батиста, хотя батистъ въ тѣ времена стоилъ очень дорого, но безъ вышивки, безъ герба, только съ вензелемъ своего владѣльца. На этотъ разъ д'Артаньянъ не произнесъ ни слова: онъ понялъ свою ошибку; но друзья Арамиса не дали себя убѣдить его запирательствомъ и одинъ изъ нихъ обратился къ молодому мушкетеру съ притворною серьезностью:

— Если это такъ, я буду принужденъ, мой милый Арамисъ, взять его у тебя, потому что, какъ ты самъ знаешь,

де-Буа-де-Траси одинъ изъ моихъ интимныхъ друзей и я не хочу, чтобы тщеславились вещами его жены.

— Ты не такъ требуешь этого, отвѣчалъ Арамисъ,—и въ сущности вполнѣ сознавая справедливость твоего требованія, я отказываю, потому что просьба твоя плохо выражена.

— Дѣло въ томъ, осмѣлился робко замѣтить д'Артаньянъ,—что я не видѣлъ, выпалъ ли платокъ изъ кармана господина Арамиса. Онъ наступилъ на него ногой, вотъ почему я и подумалъ, что платокъ принадлежитъ ему.

— И вы ошиблись, холодно отвѣчалъ Арамисъ, какъ будто не замѣчая попытки д'Артаньяна исправить свою ошибку; затѣмъ, обращаясь къ тому изъ гвардейцевъ, который заявилъ себя другомъ де-Буа-де-Траси, онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, я передумалъ, дорогой пріятель де-Буа де-Траси; такъ какъ я ему не менѣе тебя нѣжный другъ, то этотъ платокъ могъ такъ же выпасть изъ моего кармана, какъ и изъ твоего.

— Нѣтъ, клянусь честью! вскричалъ гвардеецъ его величества.

— Ты будешь клясться своею честью, а я своимъ честнымъ словомъ, и тогда, очевидно, кто нибудь изъ насъ солжетъ. Послушай, сдѣлаемъ лучше вотъ какъ, Монтаранъ: возьмемъ каждый половину.

— Платка?

— Да.

— Превосходно, вскричали другіе два гвардейца.—Это рѣшеніе царя Соломона. Положительно, Арамисъ, ты мудрецъ.

Молодые люди расхохотались и, какъ легко понять, дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Спустя минуту, разговоръ прекратился и 3 гвардейца и мушкетеръ, дружески пожавъ другъ другу руки, разошлись—гвардейцы въ свою сторону, а Арамисъ въ свою.

— Вотъ удобная минута помириться съ этимъ любезнымъ господиномъ, подумалъ д'Артаньянъ, державшійся немного въ сторонѣ во время этого послѣдняго ихъ раз-

говора, и съ этимъ похвальнымъ намѣреніемъ онъ приблизился къ Арамису, который не обращалъ на него никакого вниманія.

— Милостивый государь, обратился онъ къ Арамису,— надѣюсь, вы меня извините.

— А! прервалъ Арамисъ,—позвольте вамъ замѣтить, что вы поступили въ данномъ случаѣ не такъ, какъ слѣдовало бы сдѣлать порядочному человѣку.

— Какъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—вы предполагаете!..

— Я предполагаю, что вы не дуракъ и что вы хорошо знаете, хотя и пріѣхали изъ Гасконіи, что безъ причины не ходятъ по батистовымъ платкамъ. Чортъ возьми, Парижъ не вымощенъ батистомъ!

— Да, вы не правы, стараясь меня унизить, вспылилъ д'Артаньянъ, у котораго природная наклонность къ спорамъ брала верхъ надъ намѣреніями мирнаго свойства.— Я изъ Гасконіи, это правда, и разъ вы это знаете, мнѣ не надобно вамъ говорить, что гасконцы нетерпѣливы, такъ что, если они разъ извинились, хотя бы въ глупости, они убѣждены, что они уже сдѣлали наполовину больше того, что должны сдѣлать.

— Все, что я сказалъ, отвѣтилъ Арамисъ, — я сказалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы искать ссоры съ вами. Слава Богу, я не забіяка и, будучи мушкетеромъ только на время, я дерусь только тогда, когда меня принуждаютъ, и всегда съ большимъ отвращеніемъ. Но на этотъ разъ дѣло очень серьезно, потому что вами скомпрометирована дама.

— То есть нами! вскричалъ д'Артаньянъ.

— Зачѣмъ вы имѣли неловкость отдать мнѣ платокъ?

— Зачѣмъ вы были такъ неловки, что уронили его?

— Я сказалъ и повторяю, что этотъ платокъ упалъ не изъ моего кармана.

— Ну, что-жъ? Вы солгали дважды, потому что я видѣлъ, какъ вы его уронили.

— А! вы заговорили другимъ тономъ, господинъ гасконецъ! Ну, что-жъ, я научу васъ вѣжливости!

— А я верну васъ въ монастырь, господинъ аббатъ! Обнажайте шпагу и не медля!

— Ну, нѣтъ; если вы этого хотите, мой прекрасный другъ, по крайней мѣрѣ только не здѣсь. Развѣ вы не видите, что мы стоимъ какъ разъ противъ отеля д'Эгильонъ, наполненнаго креатурами кардинала. Кто мнѣ поручится, что это не его высокопреосвященство поручило вамъ доставить мою голову. Къ тому же, я до смѣшного стою за свою голову, такъ какъ, мнѣ кажется, она какъ нельзя лучше подходитъ къ моимъ плечамъ. Я хочу васъ убить, будьте покойны, но убить тихо, безъ огласки, въ укромномъ и скрытомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ вы никому бы не могли похвастаться вашей смертью.

— Я согласенъ, но не очень надѣйтесь на это и унесите вашъ платокъ, принадлежитъ ли онъ вамъ, или нѣтъ; можетъ быть, придетъ случай, что онъ вамъ понадобится.

— Вы гасконецъ? спросилъ Арамисъ.

— Да, гасконецъ, который не откладываетъ свиданій изъ предосторожности.

— Осторожность—добродѣтель довольно безполезная для мушкетеровъ, но необходимая для людей духовнаго званія; и такъ какъ я мушкетеръ только случайно, я стою за то, чтобы быть осторожнымъ. Въ два часа я буду имѣть честь ждать васъ въ отелѣ де-Тревиля; тамъ я укажу вамъ удобное мѣсто.

Молодые люди раскланялись, затѣмъ Арамисъ удалился вверхъ по улицѣ, ведущей къ Люксембургу, между тѣмъ какъ д'Артаньянъ, видя, что скоро полдень, направился по дорогѣ къ монастырю босоногихъ кармелитовъ, говоря самъ съ собою:

— Положительно, я не могу придти въ себя; но, по крайней мѣрѣ, если меня убьютъ, я буду убитъ мушкетеромъ.

V.

Мушкетеры короля и гвардейцы кардинала.

Д'Артаньянъ никого не зналъ въ Парижѣ. Онъ отправился поэтому на свиданіе съ Атосомъ безъ секундантовъ, рѣшившись ограничиться тѣми, которыхъ выберетъ его противникъ. Къ тому же, онъ имѣлъ положильное намѣреніе извиниться передъ храбрымъ мушкетеромъ въ самой приличной формѣ, но безъ слабости, боясь, чтобы эта дуэль не имѣла того непріятнаго исхода, который всегда получается въ результатѣ подобнаго дѣла, когда сильный молодой человѣкъ дерется съ противникомъ, ослабѣвшимъ отъ ранъ: побѣжденный, онъ удвоиваетъ тріумфъ своего противника; побѣдивши, онъ бываетъ обвиненъ въ вѣроломствѣ и легкой побѣдѣ.

Впрочемъ, одно изъ двухъ: или мы плохо описали характеръ нашего искателя приключеній, или нашъ читатель долженъ былъ уже замѣтить, что д'Артаньянъ былъ человѣкъ, далеко не обыкновенный. И такъ, продолжаю повторять самъ себѣ, что его смерть неизбѣжна, онъ вовсе не покорился необходимости безропотно умереть потихоньку, какъ сдѣлалъ бы всякій менѣе отважный и сдержанный на его мѣстѣ. Онъ обсудилъ различные характеры тѣхъ людей, съ которыми ему придется драться, и началъ болѣе ясно представлять себѣ свое положеніе. Онъ надѣялся, съ помощью заранѣе приготовленныхъ прямодушныхъ извиненій, сдѣлаться другомъ Атоса, серьезный и важный видъ котораго очень ему нравился. Онъ льстилъ себя надеждой запугать Портоса приключеніемъ съ перевязью, про которое онъ могъ, если не будетъ убитъ на мѣстѣ, разсказать всему свѣту, а этотъ разсказъ, ловко пущенный въ ходъ, долженъ выказать Портоса съ смѣшной стороны; наконецъ, что касается до угрюмаго Арамиса, то къ нему онъ не чувствовалъ особенно большого страха и, предполагая, что доберется и до него, онъ ручался отправить его на тотъ свѣтъ,

или по крайней мѣрѣ, ударивъ въ лицо, какъ приказывалъ Цезарь поступать съ солдатами Помпея, навсегда испортить красоту, которой онъ такъ гордился.

Д'Артаньяна, къ тому же, ни за что не хотѣлъ отступать отъ своего рѣшенія, которое принято было имъ вслѣдствіе совѣтовъ отца, — совѣтовъ, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: — «Никому ничего не спускать, кромѣ короля, кардинала и де-Тревиля». А потому онъ скорѣе летѣлъ, чѣмъ шелъ къ монастырю босоногихъ кармелитовъ, родъ зданія безъ оконъ, окруженнаго полями предмѣстья Prês au Clercs, служившаго обыкновенно мѣстомъ для свиданій людей, не имѣющихъ возможности попусту тратить время.

Когда д'Артаньянъ дошелъ до небольшого пустопорожняго участка земли, расположеннаго у самыхъ стѣнъ монастыря, Атосъ уже ждалъ его, хотя только всего пять минутъ; пробило двѣнадцать часовъ. Онъ былъ пунктуаленъ, какъ самаритянинъ, и самый строгій казуистъ относительно дуэлей не нашелъ къ чему придраться.

Атосъ, который попрежнему очень страдалъ отъ раны, хотя на ней и была сдѣлана новая повязка хирургомъ де-Тревиля, сидѣлъ на межѣ и ожидалъ своего противника съ тѣмъ спокойнымъ и полнымъ достоинства видомъ, который никогда не покидалъ его. При видѣ д'Артаньяна, онъ вѣжливо всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу. Этотъ послѣдній съ своей стороны приблизился къ своему противнику со шляпой въ рукѣ, перо которой волочилось по землѣ.

— Милостивый государь, сказалъ Атосъ,—я предупредилъ двоихъ моихъ друзей, которые будутъ моими секундантами, но эти два друга еще не пришли. Удивляюсь, отчего они опоздали: это не въ ихъ привычкахъ.

— А у меня нѣтъ секундантовъ, сказалъ д'Артаньянъ,—потому что я только вчера пріѣхалъ въ Парижъ и никого здѣсь еще не знаю, кромѣ г. де-Тревиля, которому я былъ отрекомендованъ моимъ отцомъ, имѣвшимъ честь быть когда-то его другомъ.

Атосъ призадумался на минуту.

— Вы никого не знаете, кромѣ де-Тревиля? спросилъ онъ.

— Да, я здѣсь положительно никого, кромѣ него, не знаю.

— Но, продолжалъ Атосъ, говоря отчасти самъ съ собой, отчасти съ д'Артаньяномъ,—но если я васъ убью, я буду имѣть видъ какого-то изверга!

— Не совсѣмъ такъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ, съ поклономъ, не лишеннымъ достоинства;—не совсѣмъ такъ, потому что вы мнѣ дѣлаете честь драться со мной, имѣя рану, которая, по всей вѣроятно сти, очень безпокоитъ васъ.

— Очень безпокоитъ, честное слово; я долженъ признаться, что вы причинили мнѣ чертовскую боль, но я возьму шпагу въ лѣвую руку; въ подобныхъ случаяхъ я обыкновенно дѣлаю такъ. Не думайте же, что я васъ помилую: я такъ же хорошо владѣю и лѣвой рукой, это даже будетъ для васъ невыгодно: для людей, не подготовленныхъ имѣть дѣло съ лѣвшой, это даже очень стѣснительно. Я жалѣю, что раньше не сообщилъ вамъ объ этомъ обстоятельствѣ.

— Вы положительно такъ любезны, сказалъ д'Артаньянъ, снова кланяясь,—что я какъ нельзя болѣе вамъ благодаренъ.

— Вы меня смущаете, отвѣчалъ Атосъ съ свойственнымъ ему видомъ истаго джентльмена;—пожалуйста, поговоримте о чемъ нибудь другомъ, если вамъ только это непріятно.—Ахъ! чортъ возьми, какъ вы мнѣ сдѣлали больно! Плечо горитъ.

— Если бы вы только позволили, замѣтилъ робко д'Артаньянъ.

— Что?!

— У меня есть чудесный бальзамъ для ранъ, бальзамъ, полученный мною отъ матери, и дѣйствіе его я испыталъ на себѣ.

— Ну, что же?

— А то, что, я увѣренъ, менѣе чѣмъ въ три дня этотъ бальзамъ вылечилъ бы васъ и, по прошествіи трехъ

дней, когда вы выздоровѣли бы, я счелъ бы для себя, милостивый государь, большою честью быть къ вашимъ услугамъ.

Д'Артаньянъ произнесъ эти слова съ той простотой, которая дѣлала честь его любезности, никоимъ образомъ не умаляя его храбрости.

— Честное слово, сказалъ Атосъ,—вотъ предложеніе, которое мнѣ нравится, не потому, чтобы я принялъ его, но въ немъ за цѣлую милю чувствуется, что имѣешь дѣло съ джентльменомъ. Такъ именно говорили и поступали храбрые богатыри временъ Карла Великаго, которыхъ каждый благородный человѣкъ долженъ брать себѣ за образецъ. Къ несчастью, мы живемъ не во времена великаго императора, мы живемъ во время господина кардинала и черезъ три дня узнаютъ, какъ бы хорошо мы ни сохранили тайну,—узнаютъ, повторяю я, что мы должны драться и нашей дуэли воспрепятствуютъ. Однакожъ, что же эти гуляки не идутъ?

— Если вы спѣшите, сказалъ д'Артаньянъ Атосу съ той же самой простотой, съ которой за минуту до этого онъ предложилъ ему отложить дуэль на три дня;—если вы спѣшите и если вамъ будетъ угодно отправить меня на тотъ свѣтъ сейчасъ же, прошу васъ, не стѣсняйтесь.

— Вотъ еще слова, которыя мнѣ нравятся, сказалъ Атосъ, дѣлая учтивый поклонъ д'Артаньяну, и которыя доказываютъ, что вы человѣкъ съ умомъ и, навѣрно, съ сердцемъ. Милостивый государь, я люблю людей вашего закала и вижу, что если мы не убьемъ другъ друга, я буду впослѣдствіи находить истинное удовольствіе въ бесѣдѣ съ вами. Я прошу васъ, подождемте этихъ господъ, у меня есть время и это будетъ гораздо правильнѣе. А, вотъ, кажется, одинъ изъ нихъ.

И дѣйствительно, въ концѣ улицы Вожирара показался гигантъ Портосъ.

— Какъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—вашъ первый секундантъ Портосъ?

— Да развѣ вы имѣете что нибудь противъ этого?

— Нѣтъ, нисколько.

— А, вотъ и второй.

— Д'Артаньянъ обернулся въ сторону, указанную ему Атосомъ, и узналъ Арамиса.

— Какъ? вскричалъ онъ еще съ большимъ удивленіемъ, чѣмъ въ первый разъ,—вашъ второй секундантъ—Арамисъ?

— Безъ сомнѣнія; развѣ вы не знаете, что насъ никогда не видятъ одного безъ другого и что насъ зовутъ между мушкетерами и гвардейцами при дворѣ и въ городѣ: Атосъ, Портосъ и Арамисъ, или три неразлучки? Но такъ какъ вы пріѣхали изъ Дакса или изъ По...

— Изъ Тарбъ, поправилъ д'Артаньянъ.

— Вамъ позволительно не знать этихъ подробностей.

— Честное слово, вскричалъ д'Артаньянъ,—васъ справедливо такъ называютъ, господа, и мое приключеніе, если оно надѣлаетъ какого нибудь шума, докажетъ по крайней мѣрѣ, что вашъ союзъ основанъ не на контрастахъ.

Тѣмъ временемъ Портосъ приблизился и привѣтствовалъ Атоса рукой, затѣмъ, обернувшись къ д'Артаньяну, онъ остановился въ удивленіи.

Скажемъ мимоходомъ, что онъ перемѣнилъ перевязь и снялъ плащъ.

— А! а! сказалъ онъ,—что это значитъ?

— Я дерусь съ этимъ господиномъ, сказалъ Атосъ, указывая рукой на д'Артаньяна и тѣмъ же жестомъ отвѣчая на его привѣтствіе.

— Я тоже съ нимъ дерусь, сказалъ Портосъ.

— Но только въ часъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— И я тоже дерусь съ этимъ господиномъ, прибавилъ Арамисъ, приближаясь въ свою очередь.

— Но только въ два часа, замѣтилъ съ прежнимъ спокойствіемъ д'Артаньянъ.

— Но изъ-за чего ты, Атосъ, дерешься съ нимъ?

— Честное слово, самъ не знаю хорошо. Онъ толкнулъ меня въ больное плечо; а ты, Портосъ, изъ-за чего?

— Я дерусь, потому что дерусь, отвѣчалъ Портосъ, краснѣя.

Атосъ, ничего не упускавшій изъ виду, замѣтилъ, какъ легкая улыбка промелькнула на губахъ гасконца.

— У насъ вышелъ споръ относительно туалета, сказалъ молодой человѣкъ.

— А ты, Арамисъ? спросилъ Атосъ.

— А я дерусь вслѣдствіе спора по поводу одного богословскаго вопроса, отвѣчалъ Арамисъ, дѣлая знакъ д'Артаньяну, которымъ онъ просилъ сохранить втайнѣ причину ихъ дуэли.

Атосъ замѣтилъ, какъ у д'Артаньяна вторично промелькнула улыбка.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросилъ Атосъ.

— Да, мы поспорили по поводу св. Августина, относительно котораго мы не согласны, подтвердилъ гасконецъ.

— Положительно, это умный человѣкъ, прошепталъ Атосъ.

— А теперь, когда вы всѣ собрались, господа, сказалъ д'Артаньянъ,—позвольте мнѣ принести вамъ мои извиненія.

При словѣ «извиненіе» Атосъ нахмурился, на губахъ Портоса показалась презрительная улыбка и отрицательный знакъ былъ отвѣтомъ Арамиса.

— Вы меня не понимаете, господа, сказалъ д'Артаньянъ, поднявъ голову; на лицо его въ эту самую минуту упалъ лучъ солнца, освѣщая тонкія, смѣлыя черты,—я прошу у васъ извиненія на тотъ случай, если мнѣ не удастся расквитаться со всѣми вами, такъ какъ г. Атосъ имѣетъ право убить меня первымъ, что очень обезцѣниваетъ мой долгъ относительно васъ, г. Портосъ, и обращаетъ его въ ничто въ отношеніи г. Арамиса. А теперь, господа, я повторяю вамъ, извините меня, но только въ этомъ смыслѣ!

Съ этими словами, съ самымъ ловкимъ движеніемъ, которое когда либо удавалось видѣть, д'Артаньянъ обнажилъ шпагу. Кровь прилила къ головѣ д'Артаньяна и въ эту минуту онъ готовъ былъ обнажить шпагу противъ всѣхъ мушкетеровъ королевства, не только что противъ Атоса, Портоса и Арамиса.

Было ровно двѣнадцать часовъ съ четвертью. Солнце стояло въ зенитѣ и мѣсто, выбранное ими для дуэли, было совершенно открыто дѣйствію его лучей.

— Очень жарко, замѣтилъ Атосъ, въ свою очередь обнажая шпагу,—а между тѣмъ я не могу снять камзола, потому что я сейчасъ почувствовалъ, что изъ моей раны опять пошла кровь и я побоюсь смутить г. д'Артаньяна видомъ крови, которую не онъ мнѣ пустилъ.

— Совершенно вѣрно, подхватилъ д'Артаньянъ, — и будь вамъ пущена кровь мною или кѣмъ нибудь другимъ, увѣряю васъ, я всегда съ большимъ сожалѣніемъ увидѣлъ бы ее у такого храбраго человѣка, а потому я буду такъ же драться въ камзолѣ, какъ и вы.

— Ну, ну, вмѣшался Портосъ, довольно всѣхъ этихъ любезностей:—подумайте, что и мы ждемъ очереди.

— Говорите, Портосъ, только про себя, когда вамъ придетъ желаніе говорить такія глупости, прервалъ Арамисъ. — Я нахожу, что все, что говорятъ эти господа, сказано хорошо и вполнѣ достойно кавалеровъ.

— Когда вамъ угодно начать? обратился Атосъ къ д'Артаньяну, становясь въ позицію.

— Я ожидалъ вашихъ приказаній, сказалъ д'Артаньянъ, скрещивая оружіе.

Но едва рапиры коснулись одна другой, какъ на углу монастыря показался обходъ гвардейцевъ его высокопреосвященства Жюссака.

— Гвардейцы кардинала! вскричали въ одно время Портосъ и Арамисъ.—Шпаги въ ножны! Господа, шпаги въ ножны!

Но было уже слишкомъ поздно. Оба сражающихся были замѣчены въ позѣ, которая не позволяла сомнѣваться въ ихъ намѣреніяхъ.

— Ага! замѣтилъ Жюссакъ, приближаясь къ нимъ и давая знакъ своимъ людямъ поступить также,—ага! такъ мушкетеры здѣсь дерутся? А указы, на что-жъ они?

— Вы очень великодушны, господа гвардейцы, отвѣчалъ Атосъ со злобой, такъ какъ Жюссакъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ третьеводнишней драки.—Если бы

мы видѣли, что вы деретесь, ручаюсь вамъ, что мы не стали бы мѣшать вамъ. Оставьте же насъ дѣйствовать, и вы доставите себѣ удовольствіе безъ всякаго труда.

— Господа, обратился къ нимъ Жюссакъ, я съ большимъ сожалѣніемъ долженъ объявить вамъ, что это невозможно. Долгъ прежде всего: вложите же ваши шпаги и слѣдуйте за нами.

— Господа, произнесъ въ отвѣтъ Арамисъ, передразнивая Жюссака,—съ величайшимъ удовольствіемъ мы послѣдовали бы вашему любезному приглашенію, если бы это зависѣло отъ насъ, но, къ несчастію, это невозможно: г. де-Тревиль запретилъ намъ это. Отправляйтесь же своей дорогой, это самое лучшее, что вы можете сдѣлать.

Эта насмѣшка привела въ бѣшенство Жюссака.

— Въ такомъ случаѣ, мы силой возьмемъ васъ, если вы не повинуетесь намъ!

— Ихъ пятеро, вполголоса сказалъ Атосъ,—насъ всего трое, мы еще разъ будемъ побиты и должны будемъ умереть на мѣстѣ, такъ какъ я объявляю: снова побѣжденнымъ я не покажусь капитану.

Атосъ, Портосъ и Арамисъ въ ту же минуту приблизились одинъ къ другому, между тѣмъ, какъ Жюссакъ равнялъ своихъ солдатъ. Этой одной минуты достаточно было д'Артаньяну, чтобы принять окончательное рѣшеніе: это было одно изъ тѣхъ событій, которыя рѣшаютъ участь человѣка, это былъ выборъ между королемъ и кардиналомъ, и разъ выборъ былъ сдѣланъ, надо было не отступать отъ него. Драться, это значило ослушаться закона, то есть рисковать своей головой, иначе сказать однимъ ударомъ сдѣлаться врагомъ министра, болѣе могущественнаго, чѣмъ самъ король; все это предвидѣлъ молодой человѣкъ и, скажемъ ему въ похвалу, онъ не колебался ни секунды. И такъ, обратившись къ Атосу и его друзьямъ, онъ сказалъ:

— Господа, я возьму нѣсколько словъ назадъ изъ того, что вы сказали. Вы сказали, что васъ только трое, но, мнѣ кажется, что насъ четверо.

— Но вы не изъ нашихъ, сказалъ Портосъ.

— Это правда, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—я не вашъ по платью, но я вашъ душой. У меня сердце мушкетера, я это чувствую и оно меня увлекаетъ.

— Спасайтесь, молодой человѣкъ, вскричалъ Жюссакъ, который, безъ сомнѣнія, по жестамъ и по выраженію лица угадалъ о намѣреніяхъ д'Артаньяна.—Вы можете удалиться, мы на это согласны. Спасайте вашу шкуру; живѣе уходите.

Д'Артаньянъ не двигался съ мѣста.

— Положительно, вы славный малый, сказалъ Атосъ, пожимая ему руку.

— Ну же, ну! Рѣшайтесь же! настаивалъ Жюссакъ.

— Правда, сказали Портосъ и Арамисъ,— надо же на что нибудь рѣшиться.

— Этотъ господинъ очень великодушенъ, сказалъ Атосъ. Но всѣ трое думали, что д'Артаньянъ слишкомъ молодъ, и боялись его неопытности.

— Насъ будетъ только трое, изъ которыхъ одинъ раненый и затѣмъ одинъ ребенокъ, возразилъ Атосъ, — а тѣмъ не менѣе все-таки скажутъ, что насъ было четыре человѣка.

— Да, но отступить! сказалъ Портосъ.

— Это трудно, сказалъ Атосъ.

Д'Артаньянъ понялъ ихъ нерѣшительность.

— Господа, все-таки испытайте меня, сказалъ онъ, и я, клянусь вамъ честью,—не уйду съ этого мѣста, если мы будемъ побѣждены.

— Какъ зовутъ васъ, мой любезный храбрый молодой человѣкъ? спросилъ Атосъ.

— Д'Артаньянъ.

— И такъ, Атосъ, Портосъ, Арамисъ, впередъ! вскричалъ Атосъ.

— Ну, что-жъ, господа, рѣшаетесь вы на что нибудь? въ третій разъ спросилъ Жюссакъ.

— Рѣшено, отвѣчалъ Атосъ.

— А на что вы рѣшаетесь? спросилъ Жюссакъ.

— Мы будемъ имѣть честь напасть на васъ, сказалъ

Арамисъ, одной рукой снимая шляпу, а другой вынимая шпагу.

— А! вы сопротивляетесь? вскричалъ Жюссакъ.

— Чортъ возьми! это васъ удивляетъ?

И девять сражающихся бросились одинъ противъ другого съ яростью, которая, однако, не помѣшала соблюденію нѣкоторыхъ правилъ. Атосъ выбралъ себѣ противникомъ нѣкоего Каюзака, любимца кардинала; Портосъ— Бикара, а Арамисъ очутился противъ двухъ противниковъ. Что касается до д'Артаньяна, онъ принужденъ былъ бороться съ самимъ Жюссакомъ. Сердце молодого гасконца такъ билось, что, казалось, выскочитъ изъ груди, но не отъ страха,—слава Богу, этого не было и тѣни,—а отъ желанія одержать верхъ; онъ дрался, какъ бѣшеный тигръ, десять разъ обходя своего противника, двадцать разъ мѣняя свои движенія и мѣсто. Жюссакъ былъ, какъ говорили тогда, лакомка до клинка и очень много практиковался; а между тѣмъ ему стоило неимовѣрныхъ трудовъ защищаться противъ прыгающаго и ловкаго противника, который каждую минуту уклонялся отъ принятыхъ правилъ, нападая со всѣхъ сторонъ разомъ, и все это съ видомъ человѣка, очень дорожащаго своей шкурой.

Наконецъ эта борьба кончилась тѣмъ, что заставила Жюссака потерять всякое терпѣніе. Взбѣшенный тѣмъ, что его дѣйствіямъ мѣшалъ тотъ, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на ребенка, онъ сталъ горячиться и началъ дѣлать ошибки. Д'Артаньянъ, не особенно сильный въ практикѣ, но глубоко изучившій теорію, удвоилъ свою ловкость. Жюссакъ, желая покончить, нанесъ ужасный ударъ своему противнику, растянувшись на землѣ; но этотъ послѣдній отразилъ ударъ и въ то время, какъ Жюссакъ поднимался, д'Артаньянъ, успѣвъ проскользнуть, какъ змѣя, подъ его клинкомъ,—прокололъ его шпагой насквозь. Жюссакъ упалъ, какъ пластъ.

Д'Артаньянъ окинулъ быстрымъ, тревожнымъ взглядомъ поле сраженія.

Арамисъ уже убилъ одного изъ своихъ противниковъ,

но другой сильно тѣснилъ его. Все-таки Арамисъ былъ въ хорошихъ условіяхъ и могъ еще защищаться.

Бикара и Портосъ взаимно ранили другъ друга. Портосъ получилъ ударъ шпаги въ руку, а Бикара—въ бедро, но такъ какъ ни та, ни другая рана не были опасны, то они продолжали драться еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Атосъ, снова раненый Каюзакомъ, видимо, блѣднѣлъ, но не отступалъ ни на шагъ: онъ взялъ только шпагу въ другую руку и сражался теперь лѣвой рукой.

Д'Артаньянъ, по законамъ дуэли того времени, имѣлъ право придти кому нибудь на помощь; оглядываясь на своихъ товарищей, чтобы узнать, кто болѣе нуждается въ его помощи, онъ подмѣтилъ взглядъ Атоса. Этотъ взглядъ былъ въ высшей степени краснорѣчивъ. Атосъ скорѣй бы умеръ, чѣмъ позвалъ къ себѣ на помощь, но онъ могъ смотрѣть и взглядомъ просить поддержки. Д'Артаньянъ понялъ его, сдѣлалъ страшный скачокъ и съ фланга напалъ на Каюзака, вскричавъ:

— Ко мнѣ, г. гвардеецъ, я убью васъ!

Каюзакъ обернулся, и во-время. Атосъ, котораго поддерживало единственно мужество, упалъ на колѣна.

— Sangdieu! вскричалъ онъ д'Артаньяну,—не убивайте его, молодой человѣкъ, прошу васъ; мнѣ нужно покончить съ нимъ одно старое дѣло, когда я поправлюсь и буду здоровъ. Обезоружьте его только, возьмите у него шпагу. Вотъ такъ. Хорошо! Очень хорошо!

Это восклицаніе вырвалось у Атоса при видѣ того, какъ шпага Каюзака отлетѣла отъ него на двадцать шаговъ. Д'Артаньянъ и Каюзакъ стремительно бросились вмѣстѣ: одинъ, чтобы снова схватить ее, другой, чтобъ завладѣть ею; но д'Артаньянъ, болѣе легкій, успѣлъ опередить и сталъ на нее ногой.

Каюзакъ подбѣжалъ къ тому изъ гвардейцевъ, который былъ убитъ Арамисомъ, завладѣлъ его рапирой и хотѣлъ вернуться къ д'Артаньяну, но на своемъ пути встрѣтилъ Атоса, который во время минутнаго отдыха, доставленнаго ему д'Артаньяномъ, перевелъ духъ, и изъ боязни, чтобъ д'Артаньянъ не убилъ его врага, хотѣлъ

снова начать бой. Д'Артаньянъ понялъ, что помѣшать Атосу значило бы оскорбить его. И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько минутъ спустя Каюзакъ упалъ, пораженный шпагой въ горло.

Въ эту же самую минуту Арамисъ упиралъ свою шпагу въ грудь опрокинутаго противника и заставлялъ его просить пощады.

Оставались Портосъ и Бикара. Портосъ прибѣгалъ къ тысячѣ хвастовскихъ шутокъ, спрашивая Бикара, который можетъ быть часъ, и говоря ему всякія любезности и поздравляя его съ ротой, только что полученной его братомъ въ Наваррскомъ полку, но, подсмѣиваясь, онъ все-таки ничего не выигрывалъ. Бикара былъ одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ людей, которые падаютъ только мертвыми. Между тѣмъ пора было кончить: могъ придти обходъ и забрать всѣхъ сражающихся, раненыхъ или нѣтъ, приверженцевъ короля или кардинала.

Атосъ, Арамисъ и д'Артаньянъ окружили Бикара и требовали, чтобы онъ сдался. Хотя Бикара и оставался одинъ противъ троихъ и, къ тому же, былъ раненъ въ бедро, онъ все-таки не хотѣлъ отступать, но Жюссакъ, приподнявшись на локтѣ, закричалъ, чтобы онъ сдавался. Бикара былъ гасконецъ, какъ и д'Артаньянъ; онъ притворился, что не слышитъ, и сталъ смѣяться, а затѣмъ, уловивъ минуту между двумя ударами, онъ концомъ своей шпаги указалъ точку на землѣ и сказалъ, пародируя стихъ изъ Библіи:

— Здѣсь умретъ Бикара, единый изъ тѣхъ, которые съ нимъ.

— Но ихъ четверо противъ тебя; кончай, я тебѣ приказываю.

— А! если приказываешь, это другое дѣло, отвѣчалъ Бикара; — такъ какъ ты мой бригадиръ, я долженъ повиноваться.

Сдѣлавъ скачокъ назадъ, онъ переломилъ свою шпагу о колѣно, чтобы не отдавать ее, перебросилъ обломки черезъ стѣну монастыря и, скрестивъ руки, сталъ насвистывать кардинальскую пѣсню.

Храбрость всегда уважается, даже въ непріятелѣ. Мушкетеры отдали честь Бикара своими шпагами и вложили ихъ въ ножны. Д'Артаньянъ сдѣлалъ то же самое, затѣмъ, съ помощью Бикара, единственнымъ лицомъ, оставшимся на ногахъ, онъ снесъ на паперть монастыря Жюссака, Каюзака и того изъ противниковъ Арамиса, который былъ только раненъ. Четвертый, какъ мы уже сказали, былъ мертвъ. Послѣ этого они позвонили въ колоколъ и, унося четыре шпаги изъ пяти, они весело направились къ дому де-Тревиля.

Они шли, обнявшись, загораживая улицу во всю ея ширину и останавливая каждаго мушкетера, котораго встрѣчали, такъ что, наконецъ, образовалось тріумфальное шествіе.

Сердце д'Артаньяна сильно билось въ груди отъ восторга; онъ шелъ между Портосомъ и Атосомъ, нѣжно обнимая ихъ.

— Если я еще не мушкетеръ, говорилъ онъ своимъ новымъ друзьямъ, переступая порогъ отеля де-Тревиля,— по крайней мѣрѣ я уже принятъ ученикомъ. Не такъ ли?

VI.

Его величество король Людовикъ XIII.

Дѣло надѣлало много шуму. Де-Тревиль вслухъ очень бранилъ своихъ мушкетеровъ, а потихоньку поздравлялъ ихъ; но такъ какъ нельзя было терять время и надо было немедленно предупредить короля, де-Тревиль поспѣшилъ отправиться въ Лувръ. Но было уже слишкомъ поздно—король заперся съ кардиналомъ, и де-Тревилю сказали, что король занимается и въ эту минуту не можетъ принять его. Вечеромъ де-Тревиль явился къ королю во время игры. Король выигрывалъ, и такъ какъ его величество былъ очень скупъ,—онъ былъ въ отличномъ настроеніи духа и, еще издали замѣтивъ де-Тревиля, сказалъ ему:

— Подите сюда, г. капитанъ, подите, я васъ хочу бра-

нить; знаете ли вы, что его высокопреосвященство жаловался мнѣ на вашихъ мушкетеровъ и былъ при этомъ такъ взволнованъ, что сегодня вечеромъ даже боленъ отъ этого. Однакожъ! эти ваши мушкетеры какіе-то черти, люди, которыхъ надо перевѣшать!

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ де-Тревиль, который съ перваго взгляда увидѣлъ, какой оборотъ приняло дѣло;— нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, это добрыя созданія, кроткія, какъ агнцы, и у которыхъ нѣтъ иного желанія, въ чемъ я ручаюсь, какъ только пользоваться своими шпагами исключительно для службы его величеству. Но, что дѣлать, гвардейцы г. кардинала безпрестанно ищутъ ссоры съ ними и только для чести своего полка бѣдные молодые люди должны защищаться.

— Послушайте господина де-Тревиля! сказалъ король,—послушайте! можно подумать, что онъ говоритъ какой нибудь религіозной общинѣ! Право, мой милый капитанъ, у меня является желаніе отрѣшить васъ отъ должности и отдать ее дѣвицѣ Шамеро, которой я обѣщалъ аббатство. Но не думайте, чтобы я вамъ такъ и повѣрилъ на-слово. Меня называютъ Людовикомъ Справедливымъ, господинъ де-Тревиль, и сейчасъ, сейчасъ мы увидимъ.

— А именно потому, государь, что я полагаюсь на вашу справедливость,—я и буду терпѣливо и спокойно ждать рѣшенія вашего величества.

Дѣйствительно, счастье перемѣнилось, и такъ какъ король начиналъ проигрывать то, что онъ выигралъ, онъ былъ не противъ того, чтобы найти предлогъ оставить игру.

И такъ, спустя минуту, король всталъ и, кладя въ карманъ лежавшія передъ нимъ деньги, большая часть которыхъ была имъ выиграна, онъ сказалъ:

— Ля-Віевиль, займите мое мѣсто, мнѣ надо поговорить съ де-Тревилемъ по очень важному дѣлу. А!.. передо мной лежало восемьдесятъ луидоровъ; положите и вы такую же сумму, чтобы тѣ, которые проиграли, не могли бы жаловаться. Справедливость—прежде всего.

Затѣмъ, обернувшись къ де-Тревилю и направляясь съ нимъ къ амбразурѣ окна, онъ продолжалъ:

— И такъ, капитанъ, продолжалъ онъ, вы говорите, что именно гвардейцы его высокопреосвященства искали ссоры съ вашими мушкетерами?

— Да, государь, какъ всегда.

— А какъ все это произошло, разскажите-ка? Потому что, вы сами знаете, любезный капитанъ, судья непремѣнно долженъ выслушать обѣ стороны.

— Ахъ! мой Богъ! самымъ естественнымъ и простымъ образомъ. Трое изъ моихъ лучшихъ солдатъ, которыхъ ваше величество знаетъ по именамъ и преданность которыхъ не одинъ разъ была вами оцѣнена и которые— я могу въ этомъ завѣрить ваше величество—очень дорожатъ службой у вашего величества,—трое изъ моихъ лучшихъ солдатъ, говорю я, Атосъ, Портосъ и Арамисъ, отправились на прогулку съ однимъ молодымъ гасконцемъ, котораго я имъ рекомендовалъ въ то самое утро. Прогулку эту собирались, кажется, сдѣлать въ окрестностяхъ Сенъ-Жерменя, для чего назначили другъ другу свиданье у монастыря босоногихъ кармелитовъ, какъ вдругъ они были встревожены появленіемъ гг. Жюссака, Каюзака, Бикара и двухъ другихъ гвардейцевъ, которые, конечно, явились туда въ такой многочисленной компаніи не безъ злого умысла противъ указовъ.

— А! а! вы наводите меня на мысль, сказалъ король;—безъ сомнѣнія, они сами пришли туда драться.

— Я не обвиняю ихъ, государь, но предоставляю вашему величеству судить, что могутъ дѣлать пятеро вооруженныхъ людей въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, какъ окрестности монастыря кармелитовъ.

— Да, вы правы, де-Тревиль, вы правы.

— Тогда, увидя моихъ мушкетеровъ, они измѣнили свое намѣреніе и изъ-за полковой вражды позабыли свои личные счеты; вѣдь вашему величеству, конечно, не безъизвѣстно, что мушкетеры, состоящіе исключительно при особѣ короля и служащіе исключительно королю,—есте-

ственные враги гвардейцевъ, состоящихъ при особѣ кардинала.

— Да, де-Тревиль, да, сказалъ король грустно,—и очень печально, повѣрьте мнѣ, видѣть двѣ партіи во Франціи, двѣ главы въ королевствѣ; но всему этому настанетъ конецъ, Тревиль, настанетъ конецъ. И такъ, вы говорите, что гвардейцы искали ссоры съ мушкетерами.

— Я говорю, что, вѣроятно, дѣло произошло такъ, но я не ручаюсь въ этомъ, государь. Вамъ извѣстно, какъ трудно узнать истину, развѣ только надо обладать такимъ удивительнымъ инстинктомъ, за который Людовикъ XIII называется Справедливымъ.

— И ваша правда, Тревиль; но ваши мушкетеры были не одни, съ ними былъ какой-то ребенокъ.

— Да, государь, и еще одинъ изъ нихъ былъ раненый, такъ что трое мушкетеровъ короля, изъ которыхъ одинъ раненый, и еще ребенокъ, не только не уступили самымъ отчаяннымъ изъ гвардейцевъ кардинала, но еще четырехъ положили на мѣстѣ.

— Но это побѣда! вскричалъ король, весь сіяя;—полная побѣда!

— Да, государь, такая же полная, какъ у моста Се.

— Четыре человѣка, изъ которыхъ одинъ раненый и одинъ ребенокъ, говорите вы?

— Его едва можно назвать молодымъ человѣкомъ, но, однако, онъ велъ себя такъ превосходно въ этомъ дѣлѣ, что я возьму смѣлость рекомендовать его вашему величеству.

— Какъ его зовутъ?

— Д'Артаньянъ, государь. Это сынъ одного изъ моихъ старыхъ пріятелей; сынъ человѣка, участвовавшаго съ королемъ, родителемъ вашимъ, блаженная ему память, въ партизанской войнѣ.

— И вы говорите, что онъ хорошо себя велъ, этотъ молодой человѣкъ. Разскажите-ка мнѣ объ этомъ, Тревиль; вы знаете, что я люблю разсказы о войнахъ и сраженіяхъ.

И при этомъ король Людовикъ XIII гордо закрутилъ усы.

— Государь, сказалъ де-Тревиль,—какъ я уже сказалъ вамъ, д'Артаньянъ почти ребенокъ, и такъ какъ онъ не имѣетъ еще чести быть мушкетеромъ, то онъ и былъ въ гражданскомъ платьѣ; гвардейцы г. кардинала, видя его крайнюю молодость, тѣмъ болѣе, что онъ не принадлежалъ къ полку, предложили ему удалиться, прежде чѣмъ они нападутъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы ясно видите, Тревиль, прервалъ король, что они напали первые.

— Совершенно справедливо, государь: въ этомъ болѣе не можетъ быть сомнѣнія; они требовали, чтобы онъ удалился, но онъ отвѣтилъ, что онъ сердцемъ—мушкетеръ и весь преданъ его величеству, а потому и останется съ господами мушкетерами.

— Храбрый молодой человѣкъ! прошепталъ король.

— Дѣйствительно, онъ остался съ ними, и ваше величество имѣете въ немъ самаго искуснаго бойца, потому что это именно онъ нанесъ Жюссаку тотъ страшный ударъ шпагой, который такъ сильно прогнѣвилъ г. кардинала.

— Это онъ ранилъ Жюссака? вскричалъ король;—онъ— ребенокъ?! Но, Тревиль, это невозможно!

— Это было именно такъ, какъ я имѣлъ честь докладывать вашему величеству.

— Жюссака, одного изъ первыхъ бойцовъ въ королевствѣ!

— Ну, что-жъ! государь,—нашла коса на камень.

— Я хочу видѣть этого молодого человѣка, Тревиль, я хочу его видѣть, и если можно что нибудь для него сдѣлать, ну, что-жъ! мы позаботимся объ этомъ.

— Когда ваше величество удостоите принять его?

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ, Тревиль.

— Долженъ ли я привести только его одного?

— Нѣтъ, приведите ихъ мнѣ всѣхъ четверыхъ. Я хочу поблагодарить ихъ всѣхъ разомъ; преданные люди рѣдки, Тревиль, и надо вознаграждать преданность.

— Въ двѣнадцать часовъ, государь, мы будемъ въ Луврѣ.

— Да! съ малаго подъѣзда, Тревиль, съ малаго подъѣзда. Вовсе не слѣдуетъ, чтобы объ этомъ зналъ кардиналъ.

— Да, государь.

— Вы понимаете, Тревиль, указъ всегда остается указомъ. Въ концѣ концовъ драться все-таки запрещено.

— Но эта встрѣча, государь, совершенно не подходитъ подъ обыкновенныя условія дуэли, это — драка, доказательствомъ чего можетъ служить то, что пятеро гвардейцевъ г. кардинала были противъ моихъ трехъ мушкетеровъ и д'Артаньяна.

— Совершенно справедливо, согласился король; — но все равно, Тревиль, приходите съ малаго подъѣзда.

Тревиль улыбнулся. Но такъ какъ для него было много уже и достигнутаго результата, онъ почтительно откланялся королю и съ его соизволенія удалился.

Въ тотъ же самый вечеръ всѣ три мушкетера были увѣдомлены о предстоящей имъ чести. Такъ какъ они давно уже знали короля, то это извѣстіе не привело ихъ въ особенно сильное волненіе, но д'Артаньянъ, съ своимъ гасконскимъ воображеніемъ, видѣлъ уже въ этомъ свое будущее счастіе и провелъ ночь въ золотыхъ грезахъ. Неудивительно, что съ восьми часовъ утра онъ уже былъ у Атоса.

Д'Артаньянъ засталъ мушкетера совершенно одѣтымъ и готовымъ выйти со двора. Такъ какъ свиданіе у короля должно было состояться только въ двѣнадцать часовъ, онъ сговорился съ Портосомъ и Арамисомъ отправиться сыграть партію въ мячъ въ игорномъ домѣ, находящемся недалеко отъ конюшень Люксембурга. Атосъ пригласилъ д'Артаньяна отправиться вмѣстѣ и, не смотря на свое незнаніе этой игры, въ которую онъ никогда не игрывалъ, послѣдній принялъ приглашеніе, не зная, какъ убить все время отъ неполныхъ девяти часовъ до двѣнадцати.

Портосъ и Арамисъ уже были тамъ и, шутя, перебрасывались мячами. Атосъ, чрезвычайно искусный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, прошелъ съ д'Артаньяномъ на

противоположную сторону и хотѣлъ начать игру. Но при первомъ движеніи, какъ только онъ сдѣлалъ попытку бросить мячъ, не смотря на то, что онъ игралъ лѣвой рукой, Атосъ нашелъ, что его рана была еще слишкомъ свѣжа, чтобы позволять себѣ подобное упражненіе. Такимъ образомъ д'Артаньянъ остался одинъ, и такъ какъ онъ объявилъ, что еще слишкомъ неловокъ, чтобы вести игру по всѣмъ правиламъ, то всѣ продолжали только перекидываться мячами не въ счетъ игры. Но одинъ изъ мячей, пущенный геркулесовской рукой Портоса, пролетѣлъ такъ близко отъ лица д'Артаньяна, что если бы мячъ, вмѣсто того, чтобы пролетѣть мимо, попалъ въ него, аудіенція навѣрно была бы потеряна, потому что ему никоимъ образомъ нельзя было бы показаться передъ королемъ. А такъ какъ отъ этой аудіенціи, по его гасконскому воображенію, зависѣла вся его будущность, онъ вѣжливо поклонился Портосу и Арамису, объявивъ, что онъ приметъ участіе въ игрѣ только тогда, когда выучится играть не хуже ихъ, и съ этими словами, вернувшись въ галерею, занялъ мѣсто около веревки. Къ несчастью для д'Артаньяна, между зрителями находился одинъ изъ гвардейцевъ его высокопреосвященства, который, при извѣстіи о пораженіи своихъ товарищей, случившемся только наканунѣ, далъ слово воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ отомстить. Онъ нашелъ, что случай представился и, обращаясь къ сосѣду, онъ сказалъ:

— Неудивительно, что этотъ молодой человѣкъ испугался мячика; это, безъ сомнѣнія, ученикъ мушкетеровъ.

Д'Артаньянъ обернулся, точно ужаленный змѣей, и пристально посмотрѣлъ на гвардейца, сдѣлавшаго такое дерзкое предположеніе.

— Чортъ возьми! продолжалъ этотъ, нахально покручивая усы,—смотрите на меня, сколько угодно, маленькій господинчикъ, я сказалъ именно то, что хотѣлъ сказать.

— И такъ, какъ то, что вы сказали, слишкомъ ясно для того, чтобы ваши слова нуждались въ объясненіи, вполголоса отвѣтилъ д'Артаньянъ, — я попрошу васъ слѣдовать за мной.

— А когда это? спросилъ гвардеецъ съ тѣмъ же насмѣшливымъ видомъ.

— Сію же минуту, если угодно.

— А вы, безъ сомнѣнія, знаете, кто я?

— Мнѣ это рѣшительно все равно, да я нисколько и не безпокоюсь объ этомъ.

— И вы не правы, потому что если бы вы знали мое имя, можетъ быть вы не такъ бы спѣшили.

— Какъ васъ зовутъ?

— Бернажу, къ вашимъ услугамъ.

— Ну, что-жъ! господинъ Бернажу, спокойно сказалъ д'Артаньянъ,—я буду ждать васъ у двери.

— Идите, милостивый государь, я слѣдую за вами.

— Не слишкомъ торопитесь, чтобы не замѣтили, что мы выходимъ вмѣстѣ; вы понимаете, что для того, что мы намѣреваемся дѣлать, лишній народъ былъ бы помѣхой.

— Хорошо, отвѣчалъ гвардеецъ, удивленный, что его имя не произвело дѣйствія на молодого человѣка.

Дѣйствительно, имя Бернажу было извѣстно всему свѣту, исключая, можетъ быть, только одного д'Артаньяна, такъ какъ это былъ одинъ изъ тѣхъ личностей, которыя чаще всего фигурировали въ ежедневныхъ дракахъ и для обузданія которыхъ были совершенно безсильны указы короля и кардинала.

Портосъ и Арамисъ были такъ заняты своей игрой, а Атосъ смотрѣлъ на нихъ съ такимъ вниманіемъ, что они даже не замѣтили отсутствія своего молодого товарища, который, какъ было условлено съ гвардейцемъ его высокопреосвященства, остановился у двери; спустя минуту, туда прошелъ и Бернажу. Такъ какъ д'Артаньяну было некогда терять время въ виду того, что аудіенція у короля была назначена въ двѣнадцать часовъ, онъ оглянулся кругомъ, и видя, что на улицѣ никого нѣтъ, обратился къ своему противнику:

— Право же, большое счастье для васъ, хотя васъ и зовутъ Бернажу, что вы имѣете дѣло только съ учени-

комъ мушкетеровъ; впрочемъ, будьте спокойны, я приложу всѣ мои старанія.

— За дѣло!

— Но, сказалъ тотъ, котораго такимъ образомъ вызывалъ д'Артаньянъ,—мнѣ кажется, что это мѣсто дурно выбрано и что намъ было бы удобнѣе позади Сенъ-Жерменскаго аббатства, или Пре-о-Клеркъ.

— Ваше замѣчаніе вполнѣ справедливо, отвѣтилъ д'Артаньянъ;—къ несчастью, у меня нѣтъ времени, такъ какъ у меня назначено свиданіе ровно въ двѣнадцать часовъ. И такъ, за дѣло, милостивый государь, за дѣло!

Бернажу былъ не такой человѣкъ, чтобы заставить себѣ два раза повторять подобное приглашеніе. Въ ту же самую минуту шпага блеснула въ рукѣ и онъ бросился на своего противника, котораго, видя его крайнюю молодость, онъ надѣялся запугать.

Но д'Артаньянъ наканунѣ получилъ хорошій урокъ и, только что одержавъ блестящую побѣду, гордый предстоящей ему милостью, рѣшился не отступать ни на шагъ: обѣ рапиры были пущены въ дѣло до самаго эфеса, и такъ какъ д'Артаньянъ твердо держался на мѣстѣ, то противникъ отступилъ на шагъ. Но д'Артаньянъ уловилъ минуту, когда рапира Бернажу нѣсколько отклонилась въ сторону, бросился на него и дотронулся до плеча своего противника. Не медля затѣмъ, д'Артаньянъ тоже отступилъ на шагъ и поднялъ свою шпагу; но Бернажу закричалъ ему, что это ничего не значитъ и, безразсудно бросившись на него, самъ наткнулся на его шпагу. Однако, онъ не упалъ и не призналъ себя побѣжденнымъ, а только направился къ отелю де-Ла-Тремулля, у котораго служилъ одинъ изъ его родственниковъ. Д'Артаньянъ, самъ не зная, насколько была серьезна послѣдняя рана, нанесенная имъ противнику, сильно наступалъ на него и, безъ сомнѣнія, третьимъ ударомъ покончилъ бы съ нимъ но шумъ, поднявшійся на улицѣ, достигъ до игорнаго дома и двое изъ друзей гвардейца, слышавшіе ихъ разговоръ и видѣвшіе, какъ они вышли вслѣдъ за этимъ, бросились изъ игорнаго дома со шпагами въ рукахъ и напали на

побѣдителя. Но Атосъ, Портосъ и Арамисъ тоже бросились не медля туда и заставили двухъ гвардейцевъ, напавшихъ на ихъ молодого товарища, отступить. Въ эту самую минуту Бернажу упалъ, и такъ какъ гвардейцевъ было только двое противъ четверыхъ, они стали звать на помощь:

— На помощь къ намъ изъ отеля Тремулль!

На эти крики вышли всѣ бывшіе въ отелѣ и бросились на четырехъ товарищей, которые съ своей стороны начали кричать: «къ намъ, мушкетеры!» На этотъ крикъ имъ обыкновенно являлась помощь, потому что знали, что мушкетеры враги его высокопреосвященства, и ихъ любили за ту ненависть, которую они питали къ кардиналу, а потому гвардейцы другихъ ротъ, кромѣ ротъ «Краснаго герцога», какъ называлъ кардинала Арамисъ, обыкновенно въ ссорахъ подобнаго рода принимали сторону королевскихъ мушкетеровъ. Изъ числа трехъ гвардейцевъ роты г. де-Десессара, проходившихъ мимо, двое прибѣжали на помощь четыремъ друзьямъ, между тѣмъ какъ третій побѣжалъ къ отелю де-Тревиля, крича: «Сюда, мушкетеры, къ намъ!» Такъ какъ, по обыкновенію отель де-Тревиля былъ полонъ солдатами этого полка, то они поспѣшили на помощь къ товарищамъ. Произошла общая свалка, но сила была на сторонѣ мушкетеровъ: гвардейцы кардинала и люди изъ дома де-ла-Тремулля спрятались въ отелѣ и во-время заперли ворота, чтобы помѣшать вторженію своихъ враговъ. Что касается до раненаго, онъ немедленно былъ перенесенъ въ отель и находился въ очень плохомъ состояніи.

Раздраженіе мушкетеровъ и ихъ союзниковъ достигло высшей степени, такъ что они начали уже совѣщаться о томъ, не надо ли, чтобы наказать нахальство и дерзость прислуги г. де-ла-Тремулля, осмѣлившейся сдѣлать вылазку на королевскихъ мушкетеровъ, поджечь его отель. Предложеніе было сдѣлано и принято съ восторгомъ, но, къ счастью, пробило одиннадцать часовъ; д'Артаньянъ и его товарищи вспомнили о предстоящей имъ аудіенціи, и такъ какъ имъ было въ высшей степени обидно, что

они не будутъ участниками этого задуманнаго ими превосходнаго плана, имъ удалось успокоить разгоряченныя головы. Удовольствовались только тѣмъ, что бросили нѣсколько булыжниковъ въ двери, но двери устояли. Всѣ утомились, а главные зачинщики оставили толпу и направились къ отелю де-Тревиля, который ждалъ ихъ, уже извѣщенный объ этой исторіи.

— Скорѣе въ Лувръ, сказалъ онъ,—не теряя минуты, и постараемся увидѣть короля, прежде чѣмъ кардиналъ предупредитъ его; мы разскажемъ ему о случившемся, какъ о послѣдствіи вчерашней стычки, и оба дѣла сойдутъ заодно.

Де-Тревиль, вмѣстѣ съ четырьмя молодыми людьми, направился къ Лувру; но, къ большому удивленію капитана, ему объявили, что король отправился на охоту на оленя въ Сенъ-Жерменскій лѣсъ. Де-Тревиль заставилъ дважды повторить ему эту новость, и сопровождавшіе его видѣли, что съ каждымъ разомъ лицо его все болѣе и болѣе омрачалось.

— Развѣ его величество, спросилъ онъ,—уже со вчерашняго дня имѣлъ намѣреніе отправиться на эту охоту?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ камердинеръ короля,—только сегодня утромъ оберъ-егермейстеръ увѣдомилъ его, что нарочно для него устроили облаву на оленя. Сначала онъ отвѣтилъ, что не поѣдетъ, но затѣмъ не смогъ устоять противъ удовольствія, которое ему обѣщала эта охота, и послѣ обѣда уѣхалъ.

— А видѣлъ ли король кардинала? спросилъ де-Тревиль.

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ камердинеръ,—потому что я сегодня видѣлъ запряженную карету его высокопреосвященства, и когда я спросилъ, куда онъ ѣдетъ, мнѣ отвѣтили: въ Сенъ-Жерменъ.

— Насъ предупредили, сказалъ де-Тревиль.—Господа, я увижу короля сегодня вечеромъ, но вамъ не совѣтую пока попадаться ему на глаза.

Совѣтъ былъ очень благоразуменъ и при томъ исходилъ отъ человѣка, который слишкомъ хорошо зналъ короля, чтобы четыре молодыхъ человѣка вздумали его

ослушаться. Де-Тревиль предложилъ каждому вернуться къ себѣ и ждать отъ него извѣстій.

Вернувшись къ себѣ въ отель, де-Тревиль раздумался о томъ, какъ ему быть. Онъ послалъ одного изъ слугъ къ де-ла-Тремуллю съ письмомъ, въ которомъ просилъ не укрывать у себя гвардейца кардинала и сдѣлать выговоръ своимъ людямъ за ихъ дерзкую вылазку противъ мушкетеровъ. Но де-ла-Тремулль, уже извѣщенный обо всемъ своимъ конюхомъ, которому, какъ уже извѣстно, Бернажу приходился родственникомъ, отвѣтилъ, что не де-Тревилю и не его мушкетерамъ надо бы жаловаться, но, напротивъ, ему, де-ла-Трелуллю, такъ какъ мушкетеры напали на его людей и хотѣли поджечь его отель. Такъ какъ споръ между двумя вельможами могъ затянуться надолго, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ естественно очень настойчиво держался своего мнѣнія, де-Тревиль рѣшился сразу все покончить: онъ лично отправился къ де-ла-Тремуллю.

Пріѣхавъ къ нему въ отель, онъ велѣлъ доложить о себѣ и былъ немедленно принятъ.

Вельможи вѣжливо поклонились другъ другу, потому что если между ними и не было дружбы, то они по крайней мѣрѣ уважали другъ друга. Оба были люди честные и съ сердцемъ, и такъ какъ де-ла-Тремулль, какъ протестантъ, рѣдко видѣлъ короля и не принадлежалъ ни къ одной партіи, то въ своихъ общественныхъ сношеніяхъ большею частью относился ко всѣмъ безъ предубѣжденій. Тѣмъ не менѣе на этотъ разъ его пріемъ, хотя и вѣжливый, былъ холоднѣе обыкновеннаго.

— Кажется,—такъ приступилъ къ дѣлу де-Тревиль,— кажется, каждый изъ насъ считаетъ себя въ правѣ жаловаться одинъ на другого, и я лично явился къ вамъ, чтобы вмѣстѣ выяснить дѣло.

— Охотно, отвѣчалъ де-ла-Тремулль,—но я васъ предупреждаю, что имѣю самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія, и знаю, что вся вина на сторонѣ мушкетеровъ.

— Вы человѣкъ слишкомъ благоразумный и справедли-

вый, чтобы не принять предложеніе, которое я хочу вамъ сдѣлать, сказалъ де-Тревиль.

— Говорите, я васъ слушаю.

— Какъ себя чувствуетъ г. Бернажу, родственникъ вашего конюха?

— Очень плохо. Кромѣ раны въ руку, не особенно опасной, онъ еще получилъ сильный ударъ въ легкое, такъ что докторъ подаетъ мало надежды.

— Но раненый въ памяти?

— Совершенно.

— Говоритъ онъ?

— Съ трудомъ, но говоритъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправимся къ нему и будемъ заклинать именемъ Бога, передъ Которымъ онъ, можетъ быть, скоро предстанетъ, сказать всю правду. Я беру его судьей въ собственномъ его дѣлѣ и повѣрю всему, что онъ скажетъ.

Де-ла-Тремулль задумался на минуту, но затѣмъ, такъ какъ было трудно сдѣлать болѣе справедливое предложеніе, онъ принялъ его.

Они вмѣстѣ спустились въ комнату, гдѣ лежалъ раненый. Этотъ послѣдній, при видѣ двухъ важныхъ вельможъ, пришедшихъ навѣстить его, попробовалъ приподняться на кровати, но онъ былъ слишкомъ слабъ и, обезсиленный усиліемъ, которое онъ сдѣлалъ, снова упалъ почти безъ чувствъ. Де-ла-Тремулль подошелъ къ нему и далъ понюхать ему соль, что привело его въ чувство. Тогда де-Тревиль, не желая, чтобы его могли обвинить въ томъ, что онъ оказалъ вліяніе на больного, предложилъ де-ла-Тремуллю самому задавать ему вопросы. Случилось то, что предвидѣлъ де-Тревиль.

Находясь между жизнью и смертью, Бернажу и не думалъ утаивать истину и разсказалъ все такъ, какъ происходило. Только этого и желалъ де-Тревиль; онъ пожелалъ Бернажу скораго выздоровленія, простился съ де-ла-Тремуллемъ, вернулся въ свой отель и тотчасъ же послалъ сказать четыремъ пріятелямъ, что онъ ждетъ ихъ къ обѣду.

У де-Тревиля собиралось очень хорошее общество, состоящее, впрочемъ, все изъ враговъ кардинала. Понятно, что въ продолженіе всего обѣда разговоръ шелъ о пораженіяхъ, дважды понесенныхъ гвардейцами его высокопреосвященства. И такъ какъ д'Артаньянъ былъ героемъ этихъ двухъ послѣднихъ дней, то къ нему именно и относились всѣ похвалы, тѣмъ болѣе, что Атосъ, Портосъ и Арамисъ предоставили ему эту честь не только какъ добрые товарищи, но и какъ люди, которымъ въ свою очередь часто приходилось бывать въ подобномъ положеніи. Около шести часовъ де-Тревиль объявилъ, что ему пора идти въ Лувръ, но такъ какъ часъ аудіенціи, назначенный его величествомъ, уже прошелъ, то вмѣсто того, чтобы пройти съ малаго подъѣзда, онъ прошелъ съ молодыми людьми въ пріемную. Король еще не возвращался съ охоты. Едва прошло какихъ нибудь полчаса съ тѣхъ поръ, какъ наши молодые люди замѣшались въ толпу придворныхъ, ожидающихъ короля, какъ вдругъ всѣ двери отворились и извѣстили о пріѣздѣ его величества.

При этомъ извѣстіи д'Артаньянъ почувствовалъ дрожь во всѣхъ членахъ. Предстоящая минута должна была, по всей вѣроятности, рѣшить его участь, а потому глаза его въ томительномъ ожиданіи устремились на дверь, изъ которой долженъ былъ выйти король.

Людовикъ XIII показался, идя впереди всѣхъ; онъ былъ въ охотничьемъ костюмѣ и еще весь въ пыли, въ высокихъ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Съ перваго взгляда д'Артаньянъ рѣшилъ, что король былъ сердитъ. Какъ ни было очевидно недовольное расположеніе его величества, но это не помѣшало придворнымъ выстроиться въ рядъ на его пути: въ королевскихъ пріемныхъ все-таки лучше быть замѣченнымъ сердитымъ окомъ, чѣмъ быть вовсе незамѣченнымъ. А потому три мушкетера, не колеблясь, выступили шагъ впередъ, между тѣмъ какъ д'Артаньянъ, напротивъ, спрятался позади ихъ. Хотя король зналъ въ лицо Атоса, Портоса и Арамиса, онъ прошелъ мимо, даже не взглянувъ на нихъ и не сказавъ имъ ни

слова, какъ будто онъ ихъ вовсе не видѣлъ. А де-Тревиль, когда глаза короля на одну минуту остановились на немъ, выдержалъ этотъ взглядъ съ такою твердостью, что король первый отвернулся. Его величество, говоря что-то про себя, прошелъ къ себѣ.

— Дѣла идутъ нехорошо, замѣтилъ Атосъ, улыбаясь,— и на этотъ разъ мы еще не будемъ награждены орденами.

— Подождите здѣсь десять минутъ, сказалъ де-Тревиль,—и если черезъ десять минутъ я не выйду, вернитесь въ мой отель, потому что будетъ совершенно безполезно ждать меня дольше.

Четверо молодыхъ людей прождали десять минутъ, четверть часа, двадцать минутъ, и, не дождавшись де-Тревиля, ушли, очень безпокоясь на счетъ того, что могло случиться.

Де-Тревиль смѣло вошелъ въ кабинетъ короля и нашелъ его величество въ страшно сердитомъ настроенiи; онъ сидѣлъ въ креслѣ и постукивалъ ручкой хлыстика о свои сапоги. Не смотря на это, де-Тревиль съ самымъ невозмутимымъ спокойствiемъ спросилъ его о здоровьѣ.

— Плохо, сударь, плохо, отвѣчалъ король,—я скучаю.

Это была, дѣйствительно, одна изъ худшихъ болѣзней Людовика XIII, который часто подзывалъ кого нибудь изъ своихъ придворныхъ, подводилъ къ окну и говорилъ ему: «Господинъ такой-то, будемте скучать вмѣстѣ».

— Какъ! ваше величество, скучаете! сказалъ де-Тревиль.—Развѣ сегодняшняя охота не доставила вамъ удовольствiя?

— Хорошо удовольствiе, сударь! Все вырождается,— честное слово!—и я уже не знаю, дичь ли перестала водиться, или собаки потеряли чутье. Десятью охотничьими рожками выгнали матераго оленя, шесть часовъ бѣгаемъ за нимъ, и когда уже онъ почти пойманъ, когда Сенъ-Симонъ подноситъ рожокъ къ губамъ, чтобы протрубить «ату его, ату»,—вдругъ вся свора гончихъ мѣняетъ направленiе и бросается на годовалаго оленя. Вы увидите, что я долженъ буду отказаться отъ охоты за звѣрями, какъ я долженъ былъ отказаться отъ птичьей охоты.

Ахъ! я очень несчастный король, де-Тревиль,—у меня оставался всего одинъ кречетъ и тотъ третьяго дня околѣлъ.

— Да, государь, я понимаю ваше отчаяніе; это большое несчастіе, но мнѣ кажется, что у васъ остается еще достаточное количество соколовъ, ястребовъ и кречетовъ.

— И ни одного человѣка, чтобы обучить ихъ; соколиныхъ охотниковъ нѣтъ и я одинъ только знаю охотничье искусство. Послѣ меня все будетъ кончено и будутъ охотиться съ капканами, западнями и ловушками. Если бы еще у меня было время создать учениковъ! Но кардиналъ не даетъ мнѣ ни минуты покоя и все говоритъ мнѣ про Испанію, говоритъ про Австрію, говоритъ про Англію! Ахъ! кстати о кардиналѣ: я недоволенъ вами, де-Тревиль.

Де-Тревиль ждалъ, что король кончитъ этимъ. Онъ отлично зналъ короля съ давнихъ поръ; онъ понялъ, что всѣ эти жалобы были только вступленіемъ, чтобы придать самому себѣ храбрости, и что ему удалось наконецъ высказать то, что главнымъ образомъ хотѣлось сказать.

— Чѣмъ же я имѣлъ несчастіе не угодить вашему величеству? спросилъ де-Тревиль, притворяясь крайне удивленнымъ.

— Развѣ такъ вы исполняете вашу обязанность, сударь? продолжалъ король, не отвѣчая прямо на вопросъ де-Тревиля;—развѣ для того я назначилъ васъ капитаномъ моихъ мушкетеровъ, чтобы эти послѣдніе убивали людей, бунтовали цѣлый кварталъ и поджигали городъ, а вы не говорите объ этомъ ни слова? Но, впрочемъ, прибавилъ король,—безъ сомнѣнія, я поторопился обвинить васъ, безъ сомнѣнія, бунтари уже въ тюрьмѣ и вы явились донести мнѣ, что правосудіе совершено.

— Государь, спокойно отвѣтилъ де-Тревиль,—напротивъ, я пришелъ просить его у васъ.

— Но противъ кого? вскричалъ король.

— Противъ клеветниковъ.

— А-а! вотъ это ново, возразилъ король;—не станете ли вы мнѣ разсказывать, что ваши проклятые мушкетеры, Атосъ, Портосъ и Арамисъ, и вашъ молодой беарнецъ

не бросились, какъ бѣшеные, на бѣднаго Бернажу и не избили его такъ, что, очень вѣроятно, въ настоящую минуту онъ умираетъ. Не скажете ли вы, что они не стали осаждать затѣмъ отель герцога де-ла-Тремулля и не хотѣли сжечь его! Это, можетъ быть, не было бы особенно большимъ преступленіемъ въ военное время, потому что отель этотъ — гнѣздо гугенотовъ, но въ мирное время этотъ поступокъ является очень дурнымъ примѣромъ. Ну, что—станете вы отрицать все это?

— Но кто вамъ сочинилъ всю эту прекрасную басню, государь? спокойно спросилъ де-Тревиль.

— Кто сочинилъ эту басню, милостивый государь! Но кто же, по вашему, могъ это сдѣлать, какъ не тотъ, который бодрствуетъ, когда я сплю, который работаетъ, когда я забавляюсь, который правитъ всѣмъ внутри и внѣ королевства, и во Франціи, и въ Европѣ?

— Ваше величество, безъ сомнѣнія, говорите о Богѣ, сказалъ де-Тревиль,—потому что я не знаю никого, кромѣ Бога, который стоялъ бы настолько выше вашего величества.

— Нѣтъ, милостивый государь, я хочу сказать объ опорѣ государства, о моемъ единственномъ слугѣ, о моемъ единственномъ другѣ—о кардиналѣ.

— Его высокопреосвященство не папа, государь.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что одинъ только папа непогрѣшимъ и что эта непогрѣшимость не распространяется на кардиналовъ.

— Вы хотите сказать, что онъ меня обманываетъ; вы хотите сказать, что онъ мнѣ измѣняетъ. Вы его, значитъ, обвиняете. Ну, скажите же, признайтесь откровенно, что вы его обвиняете.

— Нѣтъ, государь; я говорю, что онъ получилъ невѣрныя свѣдѣнія; я говорю, что онъ поспѣшилъ обвинить мушкетеровъ вашего величества почерпнувъ свѣдѣнія изъ плохихъ источниковъ.

— Обвиненіе идетъ отъ самого де-ла-Тремулля, отъ самого герцога. Что вы отвѣтите на это?

— Я могъ бы отвѣтить, государь, что онъ слишкомъ

заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, чтобы быть безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ; но я далекъ отъ этого, государь; я знаю герцога, какъ благороднаго дворянина, и я во всемъ положусь на него, только съ однимъ условіемъ, государь.

— Съ какимъ?

— Что ваше величество призовете его къ себѣ, спросите, но наединѣ, безъ свидѣтелей, и что я увижусь съ вашимъ величествомъ тотчасъ послѣ пріема герцога.

— Хорошо! сказалъ король.—И вы полагаетесь на дела-Тремулля.

— Да, государь.

— И примите его рѣшеніе?

— Безъ сомнѣнія.

— И дадите ему удовлетвореніе, котораго онъ потребуетъ?

— Непремѣнно.

— Ла-Шене, закричалъ король.—Ла-Шене!

Довѣренный камердинеръ Людовика XIII, стоявшій всегда у дверей, вошелъ.

— Ла-Шене, приказалъ король,—пошлите сію же минуту за де-ла-Тремуллемъ; мнѣ нужно съ нимъ поговорить сегодня вечеромъ.

— Ваше величество даете мнѣ слово ни съ кѣмъ не видѣться прежде меня послѣ ухода де-ла-Тремулля.

— Ни съ кѣмъ, слово дворянина.

— Въ такомъ случаѣ до завтра, государь.

— До завтра!

— Въ которомъ часу угодно будетъ вашему величеству, чтобы я явился?

— Въ какомъ хотите.

— Но если я приду слишкомъ рано, я боюсь разбудить ваше величество.

— Разбудить меня? Развѣ я сплю? Я больше не сплю; я только дремлю иногда, вотъ и все. Приходите же такъ рано, какъ вамъ вздумается; въ семь часовъ; но берегитесь, если ваши мушкетеры окажутся виновными.

— Если мои мушкетеры окажутся виновными, госу-

дарь, виновные будутъ преданы въ руки вашего величества, и вы поступите съ ними, какъ вамъ будетъ угодно. Угодно ли вашему величеству потребовать отъ меня еще чего нибудь? Прикажите, я готовъ повиноваться.

— Нѣтъ, нѣтъ; меня недаромъ прозвали Людовикомъ Справедливымъ. И такъ, до завтра, милостивый государь, до завтра.

— Господь да сохранитъ ваше величество!

Какъ мало ни спалъ король, но де-Тревиль спалъ и того меньше; онъ еще съ вечера предупредилъ трехъ мушкетеровъ и ихъ товарища, чтобы они явились къ нему въ шесть съ половиной часовъ утра. Онъ повелъ ихъ съ собою, не говоря имъ ничего утвердительно, ничего не обѣщая и не скрывая отъ нихъ, что ихъ судьба, равно какъ и его собственная, рѣшится въ это утро.

Когда они пришли къ малому подъѣзду, онъ приказалъ имъ подождать. Если король все еще раздраженъ противъ нихъ, они могутъ незамѣтно удалиться; но если король согласится принять ихъ, то ихъ позовутъ. Придя въ собственную пріемную короля, де-Тревиль встрѣтилъ тамъ ла-Шене, который сказалъ ему, что герцога де-ла-Тремулля наканунѣ вечеромъ не застали дома, что онъ возвратился слишкомъ поздно, чтобы явиться въ Лувръ, что онъ только что пришелъ и въ эту самую минуту находится у короля.

Это обстоятельство очень обрадовало де-Тревиля, который такимъ образомъ былъ увѣренъ, что никакое постороннее вліяніе между показаніями де-ла-Тремулля и его не могло имѣть мѣста.

И дѣйствительно, едва прошло какихъ нибудь десять минутъ, какъ двери королевскаго кабинета отворились и де-Тревиль увидѣлъ, какъ изъ нея вышелъ де-ла-Тремулль и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Г. де-Тревиль, его величество посылалъ за мной, чтобы узнать о вчерашнемъ приключеніи около моего отеля. Я сказалъ ему правду, то есть, что вина на сторонѣ моихъ людей и что я готовъ извиниться передъ вами. И такъ какъ я встрѣтилъ васъ, соблаговолите принять

извиненія и всегда считать меня однимъ изъ своихъ друзей.

— Г. герцогъ, отвѣчалъ де-Тревиль,—я такъ былъ увѣренъ въ вашемъ благородствѣ, что не хотѣлъ другого защитника передъ его величествомъ, кромѣ васъ. Я вижу, что не обманулся, и благодарю васъ за то, что во Франціи есть еще человѣкъ, о которомъ безошибочно можно сказать то, что я сказалъ о васъ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ король, стоявшій въ дверяхъ и слушавшій всѣ эти любезности;—только скажите ему, де-Тревиль, такъ какъ онъ считаетъ себя однимъ изъ вашихъ друзей, что я тоже хотѣлъ бы быть его другомъ, но что онъ пренебрегаетъ мной; скоро будетъ три года, какъ я его не видѣлъ, и вижу его только тогда, когда посылаю за нимъ. Скажите ему все это отъ моего имени, потому что это такія вещи, которыхъ король не можетъ сказать самъ.

— Благодарю, государь, благодарю, проговорилъ герцогъ;—но пусть ваше величество не думаетъ, что только тѣ,—я говорю въ этомъ случаѣ не про де-Тревиля,—что только тѣ, которыхъ онъ видитъ постоянно передъ собою, преданы ему больше всего.

— А! вы слышали, что я сказалъ; тѣмъ лучше, замѣтилъ король, показываясь въ дверяхъ.

— А! Это вы, де-Тревиль! гдѣ ваши мушкетеры? Я вамъ сказалъ третьяго дня, чтобъ вы ихъ привели, отчего же вы этого не сдѣлали?

— Они внизу, государь, и съ вашего позволенія ла-Шене позоветъ ихъ сюда.

— Да, да, пусть они придутъ сейчасъ же; скоро восемь часовъ, а въ девять я жду гостя. Идите, герцогъ, а главное—приходите опять. Войдите, де-Тревиль.

Герцогъ поклонился и вышелъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ отворилъ дверь, три мушкетера и д'Артаньянъ, сопровождаемые ла-Шене, показались наверху лѣстницы.

— Подите, мои храбрецы, сказалъ король, — подите; мнѣ нужно побранить васъ.

Мушкетеры подошли, низко кланяясь; д'Артаньянъ шелъ позади нихъ.

— Какъ, чортъ возьми! продолжалъ король,—удалось вамъ четверымъ въ два дня обработать семерыхъ гвардейцевъ его высокопреосвященства? Это ужъ слишкомъ, господа, слишкомъ! Если такъ все пойдетъ, его высокопреосвященство принужденъ будетъ черезъ каждыя три недѣли пополнять свою роту, а я вынужденъ буду примѣнять мои указы со всей строгостью законовъ. Еслибъ случайно одного — я ничего бы не сказалъ; но въ два дня—семерыхъ, повторяю, это ужъ слишкомъ, слишкомъ много.

— Потому-то, государь, они, опечаленные, съ раскаяніемъ явились просить прощенія у вашего величества.

— Опечаленные и съ раскаяніемъ! Гм!.. сказалъ король,—я нисколько не довѣряю ихъ лицемѣрной наружности, а въ особенности.... я вижу тамъ, между ними, какого-то гасконца. Подите-ка сюда, молодой человѣкъ!

Д'Артаньянъ, который понялъ, что эта любезность относилась къ нему, приблизился съ самымъ унылымъ видомъ.

— Что-жъ вы говорили мнѣ, что это молодой человѣкъ?—это ребенокъ, де-Тревиль, настоящій ребенокъ! И это онъ нанесъ такой жестокій ударъ шпагой Жюссаку?

— И два прекрасныхъ удара Бернажу.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Не считая еще того, сказалъ Атосъ, что если бы не онъ освободилъ меня изъ рукъ Бикара, то, очень вѣроятно, я не имѣлъ бы чести въ настоящую минуту явиться съ почтительнымъ поклономъ передъ вашимъ величествомъ.

— Но въ такомъ случаѣ вашъ беарнецъ, де-Тревиль, настоящій демонъ, чортъ возьми!—какъ сказалъ бы мой отецъ. При такомъ занятіи, должно быть, страшно рвутся камзолы и безпрестанно ломаются шпаги. Потому-то гасконцы всегда и бѣдны, не правда ли?

— Государь, я долженъ сказать, что въ ихъ горахъ еще не открыто золотыхъ рудниковъ, хотя Господь дол-

женъ бы былъ сотворить для нихъ это чудо въ награду за то усердіе, съ какимъ они поддерживали короля, вашего отца.

— Вы хотите, другими словами, сказать, что именно гасконцы сдѣлали меня королемъ, не такъ ли, Тревиль, потому что я сынъ своего отца? Ну, что-жъ! въ добрый часъ, я не говорю нѣтъ. Ла-Шене, посмотрите, не найдете ли вы, пошаривъ въ моихъ карманахъ, сорока пистолей, и если найдете, принесите ихъ мнѣ. А теперь, молодой человѣкъ, разскажите-ка мнѣ, положа руку на сердце, какъ все это случилось.

Д'Артаньянъ передалъ вчерашнее приключеніе со всѣми подробностями: какъ онъ не могъ спать отъ испытанной имъ радости, что увидитъ короля, и пришелъ къ своимъ товарищамъ тремя часами ранѣе назначенной аудіенціи; какъ они всѣ вмѣстѣ отправились въ игорный домъ и какъ онъ испугался, чтобы мячъ не попалъ ему прямо въ лицо, и за это былъ осмѣянъ Бернажу, который едва не поплатился жизнью за свою насмѣшку, а де-ля-Тремулль, рѣшительно ни въ чемъ тутъ неповинный,— своимъ отелемъ.

— Это именно такъ, прошепталъ король;—да, совершенно то же самое разсказалъ мнѣ и герцогъ. Бѣдный кардиналъ! семь человѣкъ въ два дня и при томъ изъ самыхъ его любимыхъ! Но этого довольно, господа, слышите ли! довольно, вы отомстили за улицу Фену и даже черезчуръ,—вы должны быть вполнѣ удовлетворены.

— Если ваше величество довольны, сказалъ де-Тревиль, то и мы тоже.

— Да, я доволенъ, прибавилъ король, принимая отъ ла-Шене горсть золотыхъ и передавая ее въ руки д'Артаньяна. — Вотъ доказательство того, что я доволенъ.

Въ ту эпоху о такомъ самолюбіи, какъ въ наше время, не имѣли понятія. Дворянинъ изъ рукъ въ руки бралъ деньги отъ короля, нисколько не считая это для себѣ унизительнымъ. Поэтому д'Артаньянъ безъ малѣйшей церемоніи положилъ въ карманъ сорокъ пистолей и горячо поблагодарилъ за нихъ его величество.

— А теперь, замѣтилъ король, посматривая на часы,— теперь ужъ половина девятаго — удалитесь; потому что, я уже сказалъ вамъ, въ девять часовъ я жду гостя. Благодарю за вашу преданность, господа! Я могу на нее разсчитывать, не правда ли?

— О, государь, въ одинъ голосъ вскричали всѣ четверо; мы позволимъ изрубить себя на куски за ваше величество!

— Хорошо, хорошо; оставайтесь цѣлы, это лучше, и вы будете мнѣ болѣе полезны. Де-Тревиль, прибавилъ король вполголоса, въ то время какъ они уходили;—такъ какъ у васъ въ мушкетерахъ нѣтъ вакансій, а мы рѣшили къ тому же, что для поступленія въ этотъ полкъ нужно подвергать испытанію, то помѣстите этого молодого человѣка въ роту гвардейцевъ г. Дезессара, вашего двоюроднаго брата. Ахъ, честное слово, де-Тревиль! мнѣ становится весело, когда подумаю о гримасѣ, какую сдѣлаетъ кардиналъ: онъ будетъ взбѣшенъ, но мнѣ это все равно—я правъ.

И король знакомъ руки простился съ де-Тревилемъ, который вышелъ и, догнавъ мушкетеровъ, увидѣлъ, что д'Артаньянъ дѣлилъ между ними свои сорокъ пистолей. А кардиналъ, какъ сказалъ его величество, былъ дѣйствительно взбѣшенъ, такъ взбѣшенъ, что въ продолженіе цѣлыхъ восьми дней не являлся для игры съ королемъ, что не мѣшало королю быть съ нимъ въ высшей степени любезнымъ и каждый разъ при встрѣчѣ съ нимъ спрашивать его самымъ ласковымъ голосомъ:

— Ну, что же, г. кардиналъ, какъ себя чувствуетъ вашъ бѣдный Бернажу и вашъ бѣдный Бикара?

VII.

VII.

Домашняя жизнь мушкетеровъ.

Когда д'Артаньянъ очутился внѣ Лувра и сталъ совѣтоваться съ своими друзьями, какъ долженъ онъ употребить свою часть изъ сорока пистолей, Атосъ посовѣтовалъ ему заказать хорошій обѣдъ въ Помъ-де-Пенъ,

Портосу — нанять слугу, а Арамису — обзавестись приличной любовницей. Обѣдъ состоялся въ тотъ же самый день и слуга прислуживалъ за столомъ. Обѣдъ былъ заказанъ Атосомъ, а слугу досталъ ему Портосъ. Это былъ пикардіецъ, котораго доблестный мушкетеръ подцѣпилъ въ тотъ же самый день на мосту ла-Турнель въ то время, какъ тотъ плевалъ въ воду и любовался на образующіеся отъ этого кружки. Портосъ утверждалъ, что это занятіе служило доказательствомъ наблюдательнаго и разсудительнаго ума, и привелъ его безъ всякой другой рекомендаціи. Величественная наружность господина, которымъ, какъ полагалъ пикардіецъ, онъ былъ нанятъ для себя, соблазнила Пляншe — такъ звали пикардійца, но онъ былъ немного разочарованъ, когда узналъ, что это мѣсто было уже занято его собратомъ, по имени Мускетономъ, и когда Портосъ объявилъ ему, что его домашнее хозяйство, хотя и большое, не позволяло ему держать двухъ слугъ, а что ему придется поступить въ услуженіе къ г. д'Артаньяну. Впрочемъ, когда ему пришлось прислуживать за обѣдомъ, даннымъ его господиномъ, и онъ увидѣлъ, какъ этотъ послѣдній вынулъ для расплаты горсть золота изъ своего кармана, онъ вообразилъ, что пріобрѣлъ состояніе, и поблагодарилъ небо за то, что такъ удачно попалъ въ услуженіе къ Крезу; онъ упорно держался такого мнѣнія до окончанія пиршества, остатками котораго вознаградилъ себя за долгое воздержаніе. Но когда Пляншe приготовлялъ вечеромъ постель своего господина, мечты его совершенно разсѣялись. Кровать была единственной мебелью въ квартирѣ, состоявшей изъ передней и спальни. Пляншe легъ въ передней на одѣялѣ, стащенномъ имъ съ кровати д'Артаньяна, который съ этихъ поръ началъ обходиться безъ одѣяла.

Атосъ съ своей стороны имѣлъ слугу, котораго онъ выдрессировалъ на свой ладъ совершенно особеннымъ образомъ; его звали Гримо. Этотъ достойный баринъ былъ очень молчаливъ—понятно, что мы говоримъ объ Атосѣ. Въ продолженіе пяти или шести лѣтъ самой глубокой дружбы, въ которой онъ жилъ съ своими то-

варищами, Портосомъ и Арамисомъ, эти послѣдніе часто видѣли, что онъ улыбался, но никогда не слышали, чтобы онъ смѣялся. Его слова были кратки и точны, всегда выражая только то именно, что онъ хотѣлъ сказать, и ничего болѣе, безъ прикрасъ, витіеватостей и украшеній. Разговоръ его передавалъ фактъ, какое нибудь дѣло, безъ всякихъ вводныхъ разсказовъ.

Хотя Атосу едва было тридцать лѣтъ и онъ былъ замѣчательно красивъ и уменъ, у него не было любовницы— онъ никогда не говорилъ о женщинахъ, но не мѣшалъ, впрочемъ, другимъ говорить о нихъ при себѣ, хотя легко можно было замѣтить, что подобный разговоръ, въ который онъ вмѣшивался только для того, чтобы вставить какое нибудь язвительное слово или высказать мизантропическій взглядъ, былъ ему въ высшей степени непріятенъ. Его скромность, нелюдимость и неразговорчивость дѣлали его почти старикомъ, а потому, чтобы не измѣнять своимъ привычкамъ, онъ пріучилъ Гримо повиноваться его простому жесту или просто движенію губъ. Онъ говорилъ съ нимъ только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Иногда Гримо, боявшемуся своего господина, какъ огня, но въ то же самое время и питавшему къ его особѣ необыкновенную привязанность и благоговѣніе къ его уму, казалось, что онъ вполнѣ понялъ желаніе своего господина, и онъ бросался, чтобы исполнить данное ему приказаніе, и дѣлалъ именно совершенно противное. Тогда Атосъ пожималъ плечами и, не сердясь, наказывалъ Гримо. И въ этихъ случаяхъ онъ говорилъ немного.

Портосъ, какъ могли уже видѣть, былъ совершенно противоположнаго съ Атосомъ характера; онъ говорилъ не только много, но говорилъ громко, впрочемъ—надо отдать ему справедливость—ему было все равно: слушаютъ его или нѣтъ—онъ говорилъ изъ удовольствія говорить и самому слушать себя; онъ говорилъ обо всемъ, исключая наукъ, ссылаясь въ этомъ случаѣ на укоренившуюся въ немъ, по его словамъ, съ дѣтства ненависть къ ученымъ. Онъ не имѣлъ величественной наружности Атоса

и сознаніе превосходства послѣдняго въ этомъ отношеніи, въ началѣ ихъ дружбы, дѣлало его часто несправедливымъ къ нему: онъ старался тогда превзойти его великолѣпіемъ своихъ туалетовъ.

Но въ своемъ простомъ мундирѣ мушкетера Атосъ только тѣмъ, что извѣстнымъ манеромъ закидывалъ назадъ голову и выставлялъ ногу, сейчасъ же занималъ подобающее ему мѣсто и оттѣснялъ тщеславнаго Портоса на второй планъ. Портосъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что въ пріемной де-Тревиля и въ казармахъ безъ умолку разсказывалъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и успѣхахъ, а Атосъ не говорилъ никогда о подобныхъ вещахъ. Портосъ, поступивъ на военную службу, хвасталъ своими успѣхами сначала у женщинъ болѣе простого сословія и постепенно добирался до баронессъ, а въ данную минуту велъ рѣчь ни больше, ни меньше, какъ объ иностранной принцессѣ, сулившей ему огромное состояніе. По старой поговоркѣ: «Каковъ панъ, таковъ и холопъ», перейдемъ отъ Гримо, слуги Атоса, къ Мускетону.

Мускетонъ былъ нормандецъ; его баринъ перемѣнилъ его слишкомъ обыкновенное имя Бонифаса на неизмѣримо болѣе звучное — Мускетонъ. Онъ поступилъ на службу къ Портосу безъ жалованья, на условіи—имѣть у своего господина только квартиру и получать платье, но за то платье это должно быть великолѣпно, а для того, чтобы добыть все остальное, необходимое для существованія, онъ выговорилъ себѣ только два часа свободы въ теченіе дня.

Портосъ согласился на это условіе, которое ему какъ нельзя болѣе подходило. Онъ отдавалъ передѣлывать свое старое платье и запасные плащи на камзолы для Мускетона и, благодаря очень ловкому, искусному портному, который, выворачивая все это старье, передѣлывалъ его заново (жену этого портного подозрѣвали въ желаніи заставить Портоса отступить отъ своихъ аристократическихъ привычекъ), Мускетонъ, какъ и его баринъ, имѣлъ всегда очень приличный видъ.

Перейдемъ къ Арамису. Съ характеромъ его, какъ ка-

жется, мы уже достаточно знакомы, къ тому же за дальнѣйшимъ развитіемъ его характера, какъ и его товарищей, мы будемъ имѣть возможность слѣдить.

Лакея Арамиса звали Базеномъ. Арамисъ имѣлъ намѣреніе современемъ поступить въ монахи, и потому его лакей былъ всегда одѣтъ въ черное, какъ подобаетъ слугѣ духовнаго лица. Это былъ берріецъ, лѣтъ тридцати пяти или сорока, кроткій, спокойный, толстенькій, занятый въ свободное время, которое предоставлялъ ему его баринъ, чтеніемъ благочестивыхъ книгъ; онъ умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ приготовлять обѣдъ на двоихъ изъ немногихъ блюдъ, но превкусный. Къ тому же, онъ былъ нѣмъ, глухъ, слѣпъ и испытанной вѣрности.

Теперь, когда мы, хотя поверхностно, познакомились съ господами и ихъ слугами, перейдемъ къ описанію ихъ жилищъ.

Атосъ жилъ въ улицѣ Феру, въ двухъ шагахъ отъ Люксембурга; квартира его состояла изъ двухъ маленькихъ комнатъ, очень прилично убранныхъ, въ меблированныхъ комнатахъ, содержательница которыхъ, женщина еще молодая и дѣйствительно еще очень красивая, безуспѣшно строила ему глазки. Нѣкоторые остатки прежней роскоши виднѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ этого скромнаго жилища: напримѣръ, шпага съ богатой золотой насѣчкой, принадлежавшая, судя по ея формѣ, ко времени царствованія Франциска I, одна рукоятка которой, покрытая драгоцѣнными камнями, могла стоить не менѣе двухсотъ пистолей и которую, тѣмъ не менѣе, даже въ самыя трудныя минуты своей жизни Атосъ никогда не соглашался ни заложить, ни продать. Эта шпага долгое время служила предметомъ зависти для Портоса. Онъ отдалъ бы десять лѣтъ своей жизни, чтобы только обладать ею.

Однажды, собираясь на свиданіе съ какой-то принцессой, онъ попросилъ ее у Атоса. Атосъ молча опросталъ свои карманы, снялъ съ себя всѣ драгоцѣнности, кошельки, аксельбанты и золотыя цѣпочки и предложилъ все это Портосу, но относительно шпаги онъ сказалъ

ему, что она припечатана къ мѣсту и не должна его оставлять до тѣхъ поръ, пока ея хозяинъ самъ не оставитъ свою квартиру. Кромѣ шпаги, у него былъ еще портретъ, изображающій вельможу временъ Генриха III, въ самомъ изящномъ костюмѣ, съ орденомъ Святого Духа. Этотъ портретъ напоминалъ нѣкоторыми чертами лицо Атоса, имѣлъ съ ними, такъ сказать, нѣкоторое фамильное сходство, и поэтому можно было вывести заключеніе, что этотъ важный вельможа, кавалеръ королевскихъ орденовъ, былъ его предокъ.

Наконецъ, надъ каминомъ по самой срединѣ стояла шкатулка съ великолѣпной позолотой, съ такимъ же гербомъ, какъ на шпагѣ и на портретѣ, и составляла полнѣйшую противоположность съ остальнымъ убранствомъ квартиры. Атосъ всегда носилъ съ собой ключъ отъ этой шкатулки, но одинъ разъ онъ открылъ ее при Портосѣ и Портосъ могъ удостовѣриться, что въ этой шкатулкѣ были спрятаны только письма и бумаги: безъ сомнѣнія, это были любовныя письма и фамильныя бумаги.

Портосъ занималъ очень обширную квартиру на улицѣ «Старая Голубятня». Каждый разъ, какъ онъ проходилъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей мимо своихъ оконъ, у одного изъ которыхъ всегда торчалъ Мускетонъ въ парадной ливреѣ, Портосъ поднималъ голову и говорилъ: «Вотъ моя квартира». Но его никогда не заставали дома; онъ никогда никого не приглашалъ къ себѣ и никто не могъ составить себѣ представленія о томъ, какія богатства на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ эта по виду роскошная квартира.

Арамисъ занималъ маленькую квартиру, состоящую изъ будуара, столовой и спальни, которая, какъ, впрочемъ, и вся остальная квартира, была расположена въ нижнемъ этажѣ и выходила окнами въ маленькій садъ, свѣжій, зеленый, тѣнистый и непроницаемый для глазъ сосѣдей.

Какъ устроился д'Артаньянъ, какъ онъ жилъ, былъ помѣщенъ, мы уже знаемъ, а также уже познакомились съ его слугой—Пляншe.

Д'Артаньянъ, отъ природы очень любопытный, какъ, впрочемъ, всѣ люди, одаренные геніемъ интриги, употребилъ всѣ старанія, чтобы узнать, кто такіе въ дѣйствительности были Атосъ, Портосъ и Арамисъ, такъ какъ было очевидно, подъ этими вымышленными воинственными именами каждый изъ молодыхъ людей скрывалъ свое настоящее имя дворянина, въ особенности Атосъ, въ которомъ аристократъ чувствовался за цѣлую милю. Онъ обратился съ этой цѣлью къ Портосу, чтобы получить свѣдѣнія объ Атосѣ и Арамисѣ, а къ Арамису — чтобы узнать что нибудь о Портосѣ.

Къ несчастію, Портосъ самъ о жизни своего молчаливаго товарища зналъ только то, что было извѣстно всѣмъ. Говорили, что онъ былъ очень несчастливъ въ любовныхъ похожденіяхъ и что ужасная измѣна навсегда отравила жизнь этого благороднаго человѣка.

Что это была за измѣна?—никто этого не зналъ.

Жизнь Портоса, настоящее имя котораго, равно какъ и двухъ его товарищей, было извѣстно одному только де-Тревилю, не представляла ничего таинственнаго. Тщеславный и болтливый, онъ весь былъ какъ на ладони. Единственно что могло бы ввести въ заблужденіе наблюдателя, это—если бы онъ вѣрилъ всему, что Портосъ разсказывалъ о себѣ.

Арамисъ, не имѣвшій, повидимому, никакихъ тайнъ, на самомъ дѣлѣ былъ сама таинственность; онъ мало сообщалъ въ отвѣтъ на вопросы, которые ему задавали относительно другихъ, и избѣгалъ отвѣчать на тѣ, которые касались лично его. Однажды д'Артаньянъ, послѣ долгихъ разспросовъ о Портосѣ, узнавши отъ него объ удачномъ волокитствѣ мушкетера за какой-то принцессой, о чемъ всѣ говорили, захотѣлъ узнать также что нибудь и о любовныхъ похожденіяхъ своего собесѣдника.

— А вы, любезный товарищъ, спросилъ онъ его,—вы сами, который разсказываете только о чужихъ графиняхъ, баронессахъ и принцессахъ?

— Извините, прервалъ Арамисъ, я разсказалъ вамъ то,

что самъ Портосъ говорилъ и во всеуслышаніе разсказывалъ при мнѣ обо всѣхъ этихъ приключеніяхъ. Но повѣрьте, любезный г. д'Артаньянъ, что если бы я зналъ объ этомъ изъ другого источника или если бы онъ самъ довѣрилъ мнѣ это, то не было бы болѣе скромнаго исповѣдника, чѣмъ я.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, возразилъ д'Артаньянъ,— но мнѣ кажется, что вы сами довольно коротко знакомы со знатью, доказательствомъ чего служитъ вышитый платокъ, которому я обязанъ честью быть знакомымъ съ вами.

На этотъ разъ Арамисъ нисколько не разсердился, но съ самымъ скромнымъ видомъ дружелюбно отвѣтилъ:

— Не забывайте, мой любезный, что я хочу быть служителемъ церкви и что поэтому я избѣгаю всякихъ свѣтскихъ приключеній. Платокъ, который вы видѣли у меня, вовсе не былъ подаренъ мнѣ,—его забылъ у меня одинъ изъ моихъ друзей. Я долженъ былъ взять его, чтобы не компрометировать его и даму, которую онъ любитъ. Я самъ не имѣю и не хочу имѣть любовницы, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру въ высшей степени разсудительнаго Атоса, который такъ же не имѣетъ любовницы, какъ и я.

— Но, чортъ возьми, разъ вы мушкетеръ, вы — не аббатъ!

— Мушкетеръ только на-время, любезный, какъ говоритъ кардиналъ, мушкетеръ поневолѣ, но душой я принадлежу церкви, повѣрьте мнѣ. Атосъ и Портосъ втянули меня, чтобы чѣмъ нибудь отвлечь меня: въ то самое время, какъ меня чуть не постригли въ монахи, случилось небольшое столкновеніе съ... Но это нисколько васъ не интересуетъ и я отнимаю у васъ драгоцѣнное время.

— Нисколько, это меня очень интересуетъ! вскричалъ д'Артаньянъ,—и въ настоящую минуту мнѣ абсолютно нечего дѣлать.

— Да, но мнѣ нужно прочитать требникъ, отвѣчалъ Арамисъ,—затѣмъ сочинить стихи, о которыхъ меня просила госпожа д'Егильонъ, потомъ мнѣ нужно еще схо-

дить въ улицу Сентъ-Оноре купить румянъ для госпожи де-Шеврезъ: такимъ образомъ вы видите, мой дорогой другъ, что если не вы, то я очень спѣшу.

И Арамисъ дружески протянулъ руку своему молодому пріятелю и простился съ нимъ.

Д'Артаньянъ не могъ, не смотря на всѣ свои старанія, узнать ничего болѣе о своихъ новыхъ товарищахъ, а потому онъ принялъ рѣшеніе вѣрить всему, что говорилось о ихъ прошедшемъ, надѣясь сдѣлать болѣе вѣрныя и подробныя открытія въ будущемъ, а пока онъ считалъ Атоса—Ахиломъ, Портоса—Аяксомъ, а Арамиса—Іосифомъ.

Впрочемъ, жизнь молодыхъ людей была веселая: Атосъ игралъ, и всегда несчастливо, а между тѣмъ онъ никогда ни копѣйки не занималъ у своихъ друзей, хотя его кошелекъ былъ всегда къ ихъ услугамъ, и когда случалось ему играть на-слово, онъ всегда приходилъ будить своего кредитора въ шесть часовъ утра, чтобы заплатить ему долгъ, сдѣланный наканунѣ.

У Портоса были временами увлеченія: въ подобные дни, если онъ выигрывалъ—онъ дѣлался заносчивъ и роскошничалъ; если онъ проигрывалъ, то совершенно пропадалъ на нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ снова являлся съ блѣднымъ, вытянутымъ лицомъ, но съ деньгами въ карманѣ.

Арамисъ не игралъ никогда. Онъ былъ самый плохой мушкетеръ и самый непріятный гость, какого только можно вообразить. Онъ всегда былъ занятъ дѣломъ. Иногда, посреди обѣда, когда всякій, увлеченный виномъ и жаркимъ разговоромъ, располагалъ провести еще два-три часа за столомъ, Арамисъ смотрѣлъ на часы, вставалъ съ пріятной улыбкой и прощался съ обществомъ, чтобы пойти, какъ онъ говорилъ, посовѣтоваться съ какимъ-то богословомъ, съ которымъ у него назначено свиданіе. Въ другой разъ онъ возвращался къ себѣ домой писать диссертацію и просилъ пріятелей не развлекать его. Между тѣмъ Атосъ улыбался той меланхоличной прекрасной улыбкой, которая такъ хорошо шла къ его

благородному лицу, а Портосъ пилъ и божился, что Арамисъ никогда не пошелъ бы дальше приходскаго священника.

Пляншe, слуга д'Артаньяна, въ первое время велъ себя хорошо; онъ получалъ тридцать су въ день, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца возвращался въ квартиру на-веселѣ, какъ зябликъ, и былъ чрезвычайно предупредителенъ. Но когда подулъ противный вѣтеръ и счастливые дни миновали въ квартирѣ улицы Могильщиковъ, т. е. когда сорокъ пистолей короля Людовика XIII были истрачены или почти истрачены, начались со стороны Пляншe жалобы, которыя Атосъ находилъ дерзкими, Портосъ неприличными и Арамисъ смѣшными. Атосъ совѣтовалъ отпустить негодяя; Портосъ полагалъ, что его сначала необходимо проучить, а Арамисъ утверждалъ, что баринъ долженъ слушать только хорошее, что говорится про него.

— Вамъ легко говорить, возразилъ д'Артаньянъ:—вамъ, Атосъ, который живете съ Гримо, какъ нѣмой, запрещаете ему говорить и, слѣдовательно, никогда не слышите отъ него жалобъ; и вамъ, Портосъ, вы ведете роскошный образъ жизни и вашъ Мускетонъ смотритъ на васъ, какъ на божество; и, наконецъ, вамъ, Арамисъ, вы всегда поглощены вашими богословскими занятіями и внушаете глубокое уваженіе своему Базену, человѣку кроткому и религіозному; но я—какъ человѣкъ не имѣющій прочнаго положенія, ни средствъ, еще не мушкетеръ, даже не гвардеецъ, что я могу сдѣлать, чтобы внушить расположеніе, страхъ или уваженіе своему Пляншe?

— Дѣло серьезное, отвѣтили три друга,—но это относится къ домашнему хозяйству: слугу, какъ и горничную, необходимо сразу поставить на ту ногу, на которой желаютъ, чтобы они оставались. И такъ, подумайте объ этомъ.

Д'Артаньянъ размыслилъ и рѣшился сильно наказать Пляншe, хорошенько поколотить его, что и было исполнено д'Артаньяномъ такъ же добросовѣстно, какъ онъ поступалъ во всемъ. Затѣмъ, хорошо отдубасивши его,

онъ запретилъ ему оставить службу у него безъ позволенія.

— Потому что, прибавилъ онъ,—мое положеніе навѣрное не замедлитъ перемѣниться; вскорѣ я буду въ лучшихъ обстоятельствахъ. Твое счастье будетъ въ такомъ случаѣ совершенно обезпечено, если только ты останешься у меня; я слишкомъ добрый баринъ, чтобы дать тебѣ возможность упустить твое счастіе, отпустивъ тебя, какъ ты этого просишь.

Такой образъ дѣйствій внушилъ мушкетерамъ большое уваженіе къ распорядительности д'Артаньяна. Это привело въ неменьшій восторгъ Пляншe, и онъ больше не говорилъ о своемъ желаніи уйти.

Жизнь наши молодые люди стали вести общую; д'Артаньянъ, не имѣвшій никакихъ привычекъ, такъ какъ онъ только что пріѣхалъ изъ провинціи и попалъ въ совершенно для него новый міръ, тотчасъ же перенялъ привычки своихъ друзей.

Они вставали зимою около восьми часовъ, лѣтомъ около шести и шли за приказаніями и какъ будто по дѣламъ къ де-Тревилю.

Д'Артаньянъ, хотя и не былъ еще мушкетеромъ, исполнялъ службу съ трогательной точностью: онъ постоянно стоялъ въ караулѣ, потому что всегда для компаніи былъ съ тѣмъ изъ своихъ друзей, который былъ на очереди дежурнымъ. Его знали въ отелѣ мушкетеровъ и всѣ считали хорошимъ товарищемъ; де-Тревиль, оцѣнившій его съ перваго взгляда и чувствовавшій къ нему искреннее расположеніе, не переставалъ рекомендовать его королю.

Съ своей стороны три мушкетера очень полюбили молодого товарища. Дружба, соединявшая этихъ четырехъ людей, и потребность видѣться три или четыре раза въ день, то изъ-за дуэли, то по дѣламъ, или для удовольствія, заставляла ихъ безпрестанно бѣгать другъ за другомъ, точно тѣни, и можно было всегда встрѣтить этихъ неразлучекъ, искавшихъ другъ друга по дорогѣ отъ Люксембурга къ площади св. Сюльпиція, или отъ улицы Старой Голубятни къ Люксембургу.

А между тѣмъ обѣщанія де-Тревиля исполнялись своимъ чередомъ. Въ одинъ прекрасный день король приказалъ капитану Дезессару принять д'Артаньяна младшимъ въ свою роту гвардейцевъ. Д'Артаньянъ надѣлъ, вздыхая, этотъ мундиръ, который бы онъ хотѣлъ цѣною десяти лѣтъ своей жизни промѣнять на мундиръ мушкетера. Но де-Тревиль обѣщалъ ему эту милость послѣ двухлѣтней службы, которая, впрочемъ, могла быть сокращена, если бы д'Артаньяну представился случай оказать королю какую нибудь услугу или совершить какой нибудь блестящій подвигъ.

Д'Артаньянъ утѣшился этимъ обѣщаніемъ и началъ службу. Тогда пришла очередь Атоса, Портоса и Арамиса ходить на караулъ съ д'Артаньяномъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ. Такимъ образомъ кавалеръ Дезессаръ въ тотъ день, какъ принялъ къ себѣ д'Артаньяна, вмѣсто одного человѣка увеличилъ свою роту четырьмя.

VIII.

Придворная интрига.

Между тѣмъ сорокъ пистолей короля Людовика XIII,—какъ и все на свѣтѣ,—имѣя начало, имѣли и конецъ, и когда наступилъ этотъ конецъ, наши четыре товарища попали въ затруднительное положеніе. Сначала Атосъ поддерживалъ нѣкоторое время всю товарищескую компанію на свои собственныя средства. Его мѣсто заступилъ Портосъ и, благодаря одному изъ его исчезновеній, къ которому всѣ привыкли, онъ въ продолженіе еще 15 дней помогалъ всѣмъ въ ихъ нуждахъ; наконецъ пришла очередь Арамиса, который подчинился этому съ большой любезностью, и ему удалось, какъ говорилъ онъ, добыть нѣсколько пистолей, продавши свои богословскія книги. Тогда, по обыкновенію, прибѣгнули къ помощи де-Тревиля, который далъ немного впередъ въ счетъ жалованья, но эти суммы, выданныя впередъ, не

могли надолго поддержать трехъ мушкетеровъ, имѣвшихъ уже много долговъ, и гвардейца, который еще не имѣлъ ихъ.

Наконецъ, когда увидѣли, что скоро уже больше ничего не останется, съ послѣдними усиліями собрали 8 или 10 пистолей, съ которыми Портосъ отправился играть. Къ несчастью, ему не везло, онъ проигралъ все и сверхъ того еще 25 пистолей на-слово.

Тогда затруднительное положеніе сдѣлалось настоящимъ бѣдствіемъ: можно было видѣть, какъ они, голодные, съ своими слугами, бѣгали по набережнымъ и казармамъ, отыскивая, у кого бы пообѣдать, такъ какъ, по мнѣнію Арамиса, въ хорошія времена слѣдовало угощать обѣдами всѣхъ, кого попало, направо и налѣво, чтобы въ несчастныя времена можно было самимъ попользоваться гдѣ нибудь обѣдомъ.

Атосъ былъ приглашенъ на обѣдъ 4 раза и каждый разъ приводилъ своихъ друзей съ ихъ слугами. Портосъ имѣлъ шесть приглашеній, и точно также доставилъ своимъ товарищамъ случай воспользоваться ими; Арамисъ имѣлъ 8 приглашеній. Это былъ человѣкъ, какъ можно уже было замѣтить, который мало говорилъ и много дѣлалъ.

А д'Артаньянъ, который не былъ еще ни съ кѣмъ знакомъ въ столицѣ, только одинъ разъ завтракалъ,—завтракъ состоялъ изъ шоколада, — у священника изъ его провинціи и разъ обѣдалъ у гвардейскаго корнета. Онъ привелъ всю компанію къ священнику, у котораго они уничтожили весь двухмѣсячный запасъ, и къ корнету, угостившему ихъ на славу; но, какъ говорилъ Планше, хотя всего было и много, все-таки наѣдались только на одинъ день. Поэтому д'Артаньянъ чувствовалъ себя приниженнымъ тѣмъ, что могъ предложить товарищамъ только полтора обѣда, такъ какъ завтракъ у священника можно было считать только за половину обѣда, сравнительно съ пирами, доставленными Атосомъ, Портосомъ и Арамисомъ. Онъ считалъ себя въ тягость обществу, забывая, по своему юношескому добродушію, что онъ въ продол-

женіе цѣлаго мѣсяца кормилъ всю компанію, и его дѣятельный умъ началъ усиленно работать. Онъ думалъ, что союзъ четырехъ молодыхъ людей, храбрыхъ, дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ, долженъ былъ имѣть другую цѣль, кромѣ прогулокъ нетвердой походкой, уроковъ фехтованія и болѣе или менѣе забавныхъ похожденій. Дѣйствительно, четверо такихъ молодцовъ, какъ они, четверо людей, преданныхъ другъ другу и готовыхъ жертвовать одинъ для другого не только кошелькомъ, но и жизнью, четверо людей, всегда поддерживающихъ другъ друга, ни передъ чѣмъ не отступающихъ, исполняющихъ каждый порознь или всѣ вмѣстѣ рѣшеніе, принятое сообща, четыре пары рукъ, съ угроозй обращенныхъ къ четыремъ странамъ свѣта или обращенныхъ въ одну сторону, неизбѣжно должны были тайно или явно, съ помощью ли подкопа, траншеи, хитростью или силой пробить себѣ дорогу къ цѣли, которой они хотѣли достигнуть, какъ бы трудна и какъ бы далека она ни была. Д'Артаньяна ставила только втупикъ мысль, какъ это его друзья нисколько не думали объ этомъ.

Онъ еще думалъ объ этомъ, и очень серьезно, ломая себѣ голову, какое бы найти дѣло и дать направленіе этой необъятной силѣ, къ тому же еще учетверенной, съ помощью которой,—онъ въ этомъ не сомнѣвался,—ему удастся, какъ рычагомъ Архимеда, перевернуть весь свѣтъ. Вдругъ тихо постучали въ дверь. Д'Артаньянъ разбудилъ Пляншe и велѣлъ ему отворить.

Изъ того обстоятельства, что д'Артаньянъ разбудилъ Пляншe, читателю не слѣдуетъ выводить заключеніе, что была ночь или что еще не наступило утро.

Нѣтъ! только что пробило четыре часа. Пляншe два часа тому назадъ приходилъ просить у своего барина обѣда, на что послѣдній отвѣтилъ ему поговоркой: «кто спитъ, тотъ обѣдаетъ». И Пляншe обѣдалъ во снѣ.

Вошелъ человѣкъ довольно обыкновенной наружности и похожій на простого горожанина. Пляншe очень хотѣлъ бы вмѣсто дессерта послушать ихъ разговоръ, но посѣтитель объявилъ д'Артаньяну, что онъ пришелъ по

важному секретному дѣлу и потому желалъ бы переговорить съ нимъ наединѣ.

Д'Артаньянъ выслалъ Пляншe и попросилъ посѣтителя сѣсть. Наступило минутное молчаніе, въ продолженіе котораго оба смотрѣли другъ на друга, точно желая предварительно познакомиться, послѣ чего д'Артаньянъ наклонился въ знакъ того, что онъ слушаетъ.

— Я слышалъ о г. д'Артаньянѣ, какъ объ очень храбромъ молодомъ человѣкѣ, сказалъ посѣтитель, — и эта репутація, которою онъ пользуется вполнѣ заслуженно, побудила меня довѣрить ему тайну.

— Говорите, милостивый государь, говорите, сказалъ д'Артаньянъ, который инстиктивно почуялъ что-то выгодное.

Горожанинъ послѣ короткаго молчанія продолжалъ:

— У меня есть жена, которая служитъ прачкой у королевы, и у нея нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ красотѣ. Вотъ уже три года, какъ меня женили на ней, хотя она мало что имѣла, потому что де-ла-Портъ, камердинеръ королевы, крестный отецъ ея и покровительствуетъ ей...

— Ну, такъ что же? спросилъ д'Артаньянъ.

— А то, продолжалъ посѣтитель,—что мою жену похитили вчера утромъ, когда она выходила изъ своей рабочей комнаты.

— Но кѣмъ же была похищена ваша жена?

— Ничего навѣрно не знаю, но я подозрѣваю кой-кого.

— А что это за лицо, кого вы подозрѣваете?

— Человѣкъ, который давно ее преслѣдовалъ.

— Чортъ возьми!

— Но если хотите, я скажу вамъ,—я убѣжденъ, что во всемъ этомъ менѣе всего замѣшана любовь, а скорѣе—политика.

— Не любовь, а политика! проговорилъ д'Артаньянъ, задумываясь.—Но что же вы подозрѣваете?

— Я не знаю, долженъ ли я вамъ сказать то, что я подозрѣваю...

— Я долженъ вамъ замѣтить, что я васъ рѣшительно

ни о чемъ не спрашиваю. Вы сами пришли ко мнѣ, сами сказали мнѣ, что имѣете какую-то тайну, которую хотите довѣрить мнѣ. Поступайте, какъ вамъ угодно, у васъ есть еще время взять сказанное обратно.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы кажетесь мнѣ честнымъ молодымъ человѣкомъ, и я довѣрюсь вамъ. И такъ, я думаю, что жену мою схватили не ради любовныхъ похожденій съ ней, но по дѣламъ другой, гораздо болѣе важной дамы, чѣмъ она.

— А! а! не замѣшаны ли тутъ любовныя дѣла г-жи де-Буа-Траси? спросилъ д'Артаньянъ, хотѣвшій передъ горожаниномъ показать видъ, что ему извѣстны придворныя интриги.

— Выше, выше!

— Г-жи д'Егильонъ?

— Еще выше.

— Г-жи де-Шеврезъ?

— Выше, гораздо выше.

— Г-жи де-ла...

Д'Артаньянъ запнулся.

— Да, милостивый государь, отвѣтилъ испуганный посѣтитель такъ тихо, что его едва можно было разслышать.

— Но съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ же иначе, если не съ герцогомъ...

— Съ герцогомъ..?

— Да, подтвердилъ горожанинъ еще тише.

— Но откуда вы все это знаете?

— Ахъ! откуда мнѣ все это извѣстно?

— Да, откуда вы узнали? Или полное довѣріе, или... вы понимаете?

— Я это знаю отъ моей жены, отъ самой жены моей...,

— Которая знаетъ... отъ кого?

— Отъ де-ла-Порта. Развѣ я вамъ не сказалъ, что она крестница де-ла-Порта, человѣка, который пользуется большой довѣренностью у королевы? И такъ, де-ла-Портъ опредѣлилъ ее къ ея величеству, чтобы наша бѣдная королева, покинутая, какъ она, королемъ, окруженная,

какъ она, шпіонами кардинала, во всѣхъ встрѣчающая измѣну, по крайней мѣрѣ имѣла хоть кого нибудь, кому бы она могла довѣриться.

— А! а! вотъ что оказывается, сказалъ д'Артаньянъ.

— Четыре дня тому назадъ ко мнѣ приходила жена; одно изъ условій брака состояло въ томъ, что она два раза въ недѣлю могла приходить ко мнѣ, потому что, какъ я имѣлъ честь доложить вамъ, жена очень меня любитъ; и такъ, жена моя пришла и по секрету сообщила мнѣ, что королева въ настоящую минуту въ большомъ страхѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, кардиналъ, какъ кажется, преслѣдуетъ и притѣсняетъ ее болѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ никакъ не можетъ простить ей исторію съ сарабандой. Вы знаете исторію съ сарабандой?

— Чортъ возьми, знаю ли я! Конечно, отвѣчалъ д'Артаньянъ, который ровно ничего не зналъ, но хотѣлъ показать, что ему все извѣстно.

— Такъ что теперь это уже не ненависть, а мщеніе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И королева думаетъ...

— Ну, что же думаетъ королева?

— Она думаетъ, что герцогу Букингаму написали отъ ея имени.

— Отъ имени королевы?

— Да, чтобы заставить его пріѣхать въ Парижъ, — и разъ онъ будетъ здѣсь, его поймаютъ въ какую нибудь западню.

— Чортъ возьми. Но, мой любезный, при чемъ же во всемъ этомъ ваша жена?

— Ея преданность королевѣ извѣстна, и хотятъ или ее удалить отъ ея повелительницы, или запугать, чтобы узнать тайну ея величества, или увлечь, или подкупить, чтобы она шпіонила.

— Очень вѣроятно, отвѣчалъ д'Артаньянъ;—но знаете ли вы человѣка, который ее похитилъ?

— Я вамъ сказалъ, что, кажется, я его знаю.

— Его имя?

— Имени не знаю, знаю только, что это креатура кардинала, его тѣнь.

— Но вы его видѣли?

— Да, моя жена однажды показала его мнѣ.

— Есть ли у него какой нибудь знакъ, какія нибудь примѣты, по которымъ его можно было бы узнать.

— О, конечно! Это вельможа съ очень важнымъ видомъ, съ черными волосами, смуглый, съ проницательнымъ взглядомъ, бѣлыми зубами и рубцомъ на вискѣ.

— Съ рубцомъ на вискѣ! вскричалъ д'Артаньянъ,—и при этомъ бѣлые зубы, проницательный взглядъ, смуглый цвѣтъ лица, черные волосы и важный видъ; но это тотъ самый, съ которымъ я столкнулся въ Менгѣ.

— Вы его знаете, говорите вы?

— Да, да, но это не идетъ къ дѣлу. Нѣтъ, я ошибаюсь, это, напротивъ, очень упрощаетъ дѣло; если этотъ господинъ тотъ самый, о комъ я думаю, то однимъ ударомъ я вдвойнѣ отомщу, вотъ и все. Но гдѣ найти этого господина?

— Не знаю.

— У васъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно его квартиры?

— Никакихъ; только одинъ разъ, когда я провожалъ жену въ Лувръ, онъ выходилъ оттуда въ то время, какъ она входила, тогда она и показала мнѣ его.

— Чортъ возьми! чортъ возьми! проворчалъ д'Артаньянъ, — все это очень неопредѣленно; черезъ кого вы узнали о похищеніи вашей жены?

— Черезъ де-ла-Порта.

— Сообщилъ онъ вамъ какія нибудь подробности?

— Онъ ничего не знаетъ.

— И вы ни отъ кого ничего больше не узнали?

— Да, я получилъ...

— Что?

— Но я не знаю, не сдѣлаю ли я большую неосторожность?

— Опять вы запѣли старую пѣсню; впрочемъ, я дол-

женъ вамъ замѣтить, что на этотъ разъ уже немножко поздно отступать.

— Да я и не отступаю, чортъ возьми! вскричалъ посѣтитель и сталъ клясться, чтобы немного подбодрить себя:—клянусь честью Бонасье...

— Васъ зовутъ Бонасье? прервалъ его д'Артаньянъ.

— Да, это мое имя.

— Вы сказали: клянусь честью Бонасье; извините, что я прервалъ васъ, но мнѣ показалось, что это имя мнѣ знакомо.

— Очень возможно! Я вашъ хозяинъ.

— А! а! произнесъ д'Артаньянъ, привставъ и кланяясь ему:—такъ вы мой хозяинъ.

— Да, да. И такъ какъ вотъ уже три мѣсяца, какъ вы живете у меня и, безъ сомнѣнія по разсѣянности, вслѣдствіе усиленныхъ занятій, вы забыли заплатить мнѣ за квартиру и я ни разу не побезпокоилъ васъ, то и подумалъ, что вы примете во вниманіе мою деликатность...

— Конечно, любезный г. Бонасье, отвѣчалъ д'Артаньянъ, повѣрьте, что я въ высшей степени благодаренъ вамъ за такой поступокъ, и повторяю, какъ уже я сказалъ вамъ, что если могу быть вамъ въ чемъ нибудь полезенъ...

— Я вамъ вѣрю, вѣрю вамъ и, какъ только-что сказалъ вамъ, клянусь честью Бонасье, вполнѣ довѣряю вамъ.

— Такъ кончайте же то, что вы начали мнѣ разсказывать!

Посѣтитель вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее д'Артаньяну.

— Письмо! сказалъ д'Артаньянъ.

— Которое я получилъ сегодня утромъ.

Д'Артаньянъ развернулъ его, и такъ какъ ужъ стало темнѣть, то подошелъ къ окну. Посѣтитель послѣдовалъ за нимъ.

«Не ищите жены вашей, читалъ д'Артаньянъ; она будетъ возвращена вамъ, когда будетъ болѣе не нужна. Если вы сдѣлаете малѣйшую попытку отыскать ее—вы пропали».

— Какъ повелительно но, въ концѣ концовъ, это не больше, какъ угроза.

— Да, но эта угроза приводитъ меня въ ужасъ; я человѣкъ совсѣмъ не военный и боюсь Бастиліи.

— Гм! произнесъ д'Артаньянъ;—но я не больше вашего хлопочу о томъ, чтобы не попасть въ Бастилію. Если бы дѣло шло объ ударѣ шпаги—куда еще ни шло!

— А между тѣмъ, я очень разсчитывалъ на васъ въ этомъ дѣлѣ.

— Да?

— Постоянно видя васъ въ обществѣ мушкетеровъ, блестящей наружности и зная, что это мушкетеры де-Тревиля, и слѣдовательно, враги кардинала, я подумалъ, что вы и друзья ваши, отдавая нашей бѣдной королевѣ справедливость, въ то же время будете въ восторгѣ сыграть съ его высокопреосвященствомъ какую нибудь непріятную шутку.

— Безъ сомнѣнія.

— И при томъ я подумалъ, что такъ какъ вы должны мнѣ за три мѣсяца, о чемъ я ни разу не напоминалъ вамъ...

— Да, да, вы уже объясняли мнѣ эту причину и я нахожу ее вполнѣ достаточной.

— Предполагая, къ тому же, во все время, пока вы будете дѣлать мнѣ честь жить у меня, никогда не безпокоить васъ относительно платы за квартиру и въ будущемъ...

— Очень хорошо.

— И прибавьте къ этому, что я разсчитывалъ, въ случаѣ надобности, предложить вамъ пятьдесятъ пистолей, если бы, противъ всякой вѣроятности, вы находились бы въ настоящую минуту въ затруднительномъ положеніи.

— Превосходно; такъ вы значитъ богаты, мой любезный Бонасье?

— Я не нуждаюсь—это будетъ вѣрнѣе; я скопилъ немного, около двухъ-трехъ тысячъ экю годового дохода отъ мелочной торговли и въ особенности помѣстивши деньги на проценты въ капиталъ послѣдняго путешествія

знаменитаго мореплавателя Жана-Моке; такимъ образомъ вы понимаете что...Ахъ!.. вскричалъ посѣтитель.

— Что? спросилъ д'Артаньянъ.

— Что я тамъ вижу?

— Гдѣ?

— На улицѣ, напротивъ вашихъ оконъ, въ амбразурѣ этой двери стоитъ человѣкъ, закутанный въ плащъ.

— Это онъ! одновременно вскричали д'Артаньянъ и его посѣтитель, оба въ одно и то же время узнавъ этого господина.

— А! на этотъ разъ, вскричалъ д'Артаньянъ, бросаясь за шпагой,—на этотъ разъ онъ не ускользнетъ отъ меня.

И, вынувъ шпагу изъ ноженъ, онъ стремительно бросился изъ комнаты.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Атоса и Портоса, которые шли къ нему. Они посторонились, и д'Артаньянъ, какъ стрѣла, проскочилъ между ними.

— Куда ты такъ спѣшишь? закричали ему оба мушкетера разомъ.

— Человѣкъ, съ которымъ у меня было приключенiе въ Менгѣ, отвѣтилъ д'Артаньянъ и исчезъ.

Д'Артаньянъ много разъ разсказывалъ своимъ друзьямъ свое приключенiе съ незнакомцемъ, равно какъ и о появленiи прекрасной путешественницы, которой этотъ незнакомецъ могъ довѣрить очень важное порученiе.

Атосъ былъ того мнѣнiя, что д'Артаньянъ потерялъ свое письмо во время драки. Дворянинъ, по его мнѣнiю,—а по описанiю, которое сдѣлалъ д'Артаньянъ, незнакомецъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ дворяниномъ—былъ не способенъ на подобную низость, чтобы украсть письмо.

Портосъ видѣлъ во всемъ этомъ только любовное свиданiе, назначенное дамой кавалеру или кавалеромъ дамѣ, которому помѣшало присутствiе д'Артаньяна и его желтой лошади.

Арамисъ полагалъ, что это дѣло настолько таинственно, что лучше въ него не углубляться. И такъ, изъ нѣсколькихъ словъ, вырвавшихся у д'Артаньяна, они по-

няли, въ чемъ дѣло, и предположивши, что послѣ того какъ д'Артаньянъ догонитъ незнакомца или опять потеряетъ его изъ виду, онъ все-таки кончитъ тѣмъ, что вернется къ себѣ, они продолжали свой путь.

Когда они вошли въ комнату д'Артаньяна, въ ней никого не было: хозяинъ, опасаясь послѣдствій встрѣчи, которая, безъ сомнѣнія, должна была состояться между незнакомцемъ и молодымъ человѣкомъ, счелъ болѣе благоразумнымъ скрыться.

XI.

Д'Артаньянъ идетъ въ гору.

Какъ предвидѣли Атосъ и Портосъ, по прошествіи получаса д'Артаньянъ вернулся. И на этотъ разъ онъ опять не догналъ незнакомца, который исчезъ, точно провалился сквозь землю. Д'Артаньянъ, со шпагой въ рукѣ, обѣжалъ всѣ окрестныя улицы, но не нашелъ никого похожаго на того, кого онъ искалъ; затѣмъ ему пришло въ голову то, съ чего, можетъ быть, слѣдовало бы ему начать, а именно постучаться въ дверь, подлѣ которой стоялъ, прижавшись, незнакомецъ, но онъ совершенно напрасно десять или двѣнадцать разъ ударилъ молоткомъ: никто не отвѣтилъ и сосѣди, привлеченные шумомъ, показавшись на порогахъ своихъ дверей и высунувшись изъ оконъ, увѣрили его, что этотъ домъ, у котораго, къ тому же, всѣ двери и окна были заколочены, уже полгода какъ совершенно необитаемъ.

Между тѣмъ, какъ д'Артаньянъ бѣгалъ по улицамъ и стучалъ въ двери, Арамисъ присоединился къ своимъ товарищамъ, такъ что, вернувшись домой, д'Артаньянъ нашелъ у себя собраніе въ полномъ комплектѣ.

— Ну, что же? спросили вмѣстѣ всѣ три мушкетера, увидя д'Артаньяна, вспотѣвшаго отъ усталости и съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

— Да что! вскричалъ послѣдній, бросая шпагу на

на кровать, должно быть это не человѣкъ, а самъ чортъ: онъ исчезъ какъ привидѣніе, какъ тѣнь или призракъ.

— Вѣрите вы въ привидѣнія? спросилъ Атосъ у Портоса?

— Что до меня — я вѣрю только тому, что видѣлъ, и такъ какъ я никогда не видѣлъ привидѣній, то и не вѣрю въ ихъ существованіе.

— Библія, сказалъ Арамисъ, приказываетъ намъ вѣрить въ нихъ: тѣнь Самуила являлась Саулу, и мнѣ было бы очень непріятно, если бы вы, Портосъ, сомнѣвались въ этомъ догматѣ вѣры.

— Во всякомъ случаѣ человѣкъ или чортъ, тѣло или тѣнь, иллюзія или дѣйствительность, этотъ человѣкъ рожденъ на мое мученіе, потому что его бѣгство лишило насъ, господа, прекраснаго дѣла, такого, въ которомъ мы могли бы заработать сто, а можетъ быть и болѣе пистолей.

— Какимъ образомъ? спросили Портосъ и Арамисъ.

Атосъ, вѣрный своей системѣ молчать, удовольствовался только вопросительнымъ взглядомъ, обращеннымъ къ д'Артаньяну.

— Пляншe, сказалъ д'Артаньтнъ своему слугѣ, который въ эту самую минуту просунулъ въ полуотворенную дверь голову, чтобы схватить слово-другое изъ ихъ разговора:—спустись къ хозяину, г. Бонасье, и скажи ему, чтобы онъ прислалъ намъ полъ-дюжины бутылокъ вина Бажанси; я предпочитаю это вино другимъ.

— А, такъ значитъ вы пользуетесь открытымъ кредитомъ у вашего хозяина? спросилъ Портосъ.

— Да, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—съ сегодняшняго дня, и будьте спокойны, если его вино окажется плохимъ, мы его пошлемъ за другимъ.

— Надо пользоваться, но не злоупотреблять, поучительнымъ тономъ сказалъ Арамисъ.

— Я всегда говорилъ, что д'Артаньянъ—самая умная голова изъ всѣхъ насъ четверыхъ, сказалъ Атосъ, и высказавъ это мнѣніе, на которое д'Артаньянъ отвѣтилъ

поклономъ, онъ снова погрузился въ свое обычное молчаніе.

— Но, наконецъ, разскажите, въ чемъ же дѣло? спросилъ Портосъ.

— Да, сказалъ Арамисъ, довѣрьте же намъ вашу тайну, любезный другъ, если только честь какой нибудь дамы не замѣшана въ этомъ дѣлѣ; въ послѣднемъ случаѣ вы сдѣлаете лучше, сохранивъ все это про себя.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—ничья честь не пострадаетъ оттого, что я сообщу вамъ.

И онъ разсказалъ своимъ друзьямъ со всѣми подробностями все, что только что произошло между нимъ и его хозяиномъ, а также и то, что человѣкъ, похитившій жену достойнаго владѣльца дома, былъ тотъ же самый господинъ, съ которымъ у него была ссора въ гостинницѣ Франкъ-Менье.

— Дѣло ваше недурно, сказалъ Атосъ, съ видомъ знатока попробовавъ вино и кивкомъ головы давая понять, что онъ находитъ его хорошимъ; и съ вашего честнаго малаго можно будетъ стянуть пистолей пятьдесятъ, шестьдесятъ. Но теперь остается узнать, стоятъ ли пятьдесятъ или шестьдесятъ пистолей того, чтобы изъ-за нихъ рисковать четырьмя головами.

— Но обратите вниманіе на то, вскричалъ д'Артаньянъ,— что въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина,—женщина, которую похитили; женщина, которой, безъ сомнѣнія, угрожаютъ, можетъ быть, мучаютъ и все изъ-за того только, что она вѣрна своей госпожѣ!

— Берегитесь, д'Артаньянъ, берегитесь, посовѣтовалъ Арамисъ,—по моему мнѣнію, вы принимаете слишкомъ горячее участіе въ судьбѣ госпожи Бонасье! Женщина была сотворена на нашу погибель и отъ нея проистекаютъ всѣ наши бѣдствія.

При этомъ изреченіи Арамиса, Атосъ нахмурилъ брови и закусилъ губы.

— Я вовсе не о госпожѣ Бонасье безпокоюсь, сказалъ д'Артаньянъ, но о королевѣ, которую король поки-

нулъ, кардиналъ преслѣдуетъ и которая видитъ, какъ падаютъ одна за другой головы всѣхъ ея друзей!

— Зачѣмъ любитъ она тѣхъ, кого мы больше всего на свѣтѣ ненавидимъ: испанцевъ и англичанъ?

— Испанія — ея отечество, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—и потому совершенно понятно, что она любитъ испанцевъ, дѣтей своей родины. Что касается до второго упрека, который вы ей дѣлаете, то я слышалъ, что она любитъ не всѣхъ англичанъ, но только одного.

— И, клянусь честью, сказалъ Атосъ,—надо признаться, что этотъ англичанинъ вполнѣ достоинъ быть любимымъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого барина, какъ онъ.

— А одѣвается онъ такъ, какъ никто, прибавилъ Портосъ.—Я былъ въ Луврѣ въ тотъ день, какъ онъ разсыпалъ жемчугъ и—честное слово—я нашелъ двѣ изъ нихъ и продалъ по десять пистолей каждую. А ты знаешь его, Арамисъ?

— Такъ же хорошо, какъ и вы, господа, потому что я былъ въ числѣ тѣхъ, которые арестовали его въ Амьенскомъ саду, куда меня провелъ г. де-Пютанжъ, конюхъ королевы. Я былъ въ то время еще въ семинаріи и это приключеніе показалось мнѣ жестокимъ относительно короля.

— Что нисколько не помѣшало бы мнѣ, сказалъ д'Артаньянъ,—если бы я только зналъ, гдѣ находится Букингамъ, взять его за руку и привести къ королевѣ, хотя бы только для того, чтобы взбѣсить кардинала, такъ какъ нашъ настоящій, нашъ единственный, нашъ вѣчный врагъ, господа, кардиналъ, и если бы намъ удалось найти средство сыграть съ нимъ какую нибудь жестокую шутку, признаюсь, я охотно рискнулъ бы своей головой.

— И лавочникъ, возразилъ Атосъ,—сказалъ вамъ, д'Артаньянъ, что королева думаетъ, будто Букингама заставили пріѣхать посредствомъ подложнаго приглашенія?

— Она боится этого.

— Постойте-ка, прервалъ Арамисъ.

— Чего? спросилъ Портосъ.

— Продолжайте, я стараюсь припомнить нѣкоторыя обстоятельства.

— И теперь я убѣжденъ, сказалъ д'Артаньянъ,—что похищеніе этой женщины, служащей у королевы, связано съ событіями, о которыхъ мы говорили, а можетъ быть и съ присутствіемъ Букингама въ Парижѣ.

— Этотъ гасконецъ чрезвычайно сообразителенъ! съ восхищеніемъ вскричалъ Портосъ.

— Я очень люблю слушать, когда онъ говоритъ, прибавилъ Атосъ:—меня забавляетъ его провинціальное нарѣчіе.

— Господа, сказалъ Арамисъ,—выслушайте меня.

— Слушаемъ, Арамисъ, обратились къ нему всѣ три друга.

— Вчера я былъ у одного ученаго доктора богословія, съ которымъ я совѣтуюсь иногда по поводу моихъ занятій.

Атосъ улыбнулся.

— Онъ живетъ въ отдаленномъ кварталѣ, продолжалъ Арамисъ:—его вкусъ, его профессія требуетъ этого. И такъ, въ ту минуту, какъ я выходилъ отъ него...

Тутъ Арамисъ пріостановился.

— Ну, что же? спросили слушатели,—въ ту минуту, какъ вы выходили?..

Арамисъ, казалось, сдѣлалъ надъ собой усиліе, какъ человѣкъ, вполнѣ приготовившійся солгать, когда вдругъ видитъ себя остановленнымъ какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ; но глаза трехъ его товарищей были устремлены на него, а уши насторожены, чтобы слушать, и потому не было возможности отступить.

— У этого доктора есть племянница, продолжалъ Арамисъ.

— А, у него есть племянница! прервалъ Портосъ.

— Очень почтенная дама...

Трое друзей засмѣялись.

— А, если вы смѣетесь или сомнѣваетесь, то ничего и не узнаете.

— Мы вѣримъ, какъ магометане, и нѣмы, какъ катафалки, сказалъ Атосъ.

— И такъ, я продолжаю. — Эта племянница иногда пріѣзжаетъ повидать своего дядю; вчера, вечеромъ, случайно она была тамъ въ одно время со мною и я долженъ былъ предложить ей свои услуги проводить ее до кареты.

— А, такъ у племянницы доктора есть своя карета? прервалъ Портосъ, однимъ изъ недостатковъ котораго была страшная невоздержанность языка;—прекрасное знакомство, мой другъ.

— Портосъ, сказалъ Арамисъ, — я уже не разъ дѣлалъ вамъ замѣчаніе, что вы очень болтливы и что это очень вредитъ вамъ во мнѣніи женщинъ.

— Господа, господа! вскричалъ д'Артаньянъ, предвидѣвшій сущность этого приключенія,—дѣло серьезное, постараемся же, если можно, обойтись безъ шутокъ. Продолжайте, Арамисъ, продолжайте.

— Вдругъ человѣкъ большого роста, смуглый, съ манерами джентльмена... постойте, въ родѣ вашего незнакомца, д'Артаньянъ...

— Очень можетъ быть, что это онъ самъ и былъ, сказалъ послѣдній.

— Возможно, продолжалъ Арамисъ,—подошелъ ко мнѣ въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ, которые слѣдовали шагахъ въ десяти за нимъ, и самымъ вѣжливымъ тономъ: «господинъ герцогъ», обратился онъ ко мнѣ, и «вы, сударыня», продолжалъ онъ, обращаясь къ дамѣ, которую я велъ подъ руку...

— Къ племянницѣ доктора?

— Замолчите же, Портосъ! сказалъ Атосъ,—вы несносны.

— «Потрудитесь сѣсть въ карету и прошу это сдѣлать безъ всякой попытки къ сопротивленію, безъ малѣйшаго шума».

— Онъ принялъ васъ за Букингама? спросилъ д'Артаньянъ.

— Я такъ думаю, отвѣтилъ Арамисъ.

— Но эта дама? спросилъ Портосъ.

— Онъ принялъ ее за королеву! сказалъ д'Артаньянъ.

— Совершенно справедливо, отвѣтилъ Арамисъ.

— Этотъ гасконецъ—дьяволъ! вскричалъ Атосъ,—отъ него ничто не ускользаетъ.

— Суть въ томъ, сказалъ Портосъ,—что Арамисъ ростомъ и манерами имѣетъ нѣкоторое сходство съ прекраснымъ герцогомъ; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что одежда мушкетера...

— На мнѣ былъ огромный плащъ, сказалъ Арамисъ.

— Въ іюлѣ мѣсяцѣ—чортъ возьми! сказалъ Портосъ; развѣ докторъ боится, чтобы тебя не узнали?

— Я еще понимаю, сказалъ Атосъ, что шпіонъ могъ ошибиться въ ростѣ, въ походкѣ, но лицо...

— На мнѣ была большая шляпа, сказалъ Арамисъ.

— О, мой Богъ! вскричалъ Портосъ,—сколько предосторожностей для изученія богословія!

— Господа, господа, сказалъ д'Артаньянъ,—не будемъ тратить время на шутки; разойдемся въ разныя стороны и примемся за поиски жены лавочника; это ключъ всей интриги.

— Женщина такого низкаго званія! неужели вы это думаете, д'Артаньянъ? сказалъ Портосъ, дѣлая презрительную мину.

— Это крестница де-ла-Порта, камердинера королевы. Развѣ я не сказалъ вамъ этого, господа? И къ тому же, можетъ быть, у ея величества свой особенный разсчетъ искать на этотъ разъ поддержки въ людяхъ такого низкаго званія. Высокія головы видны издалека, а у кардинала хорошее зрѣніе.

— Ну, что же! сказалъ Арамисъ,—сговоритесь прежде всего съ лавочникомъ въ цѣнѣ и не продешевите.

— Это безполезно, сказалъ д'Артаньянъ,—потому что я думаю, что если бы онъ и совсѣмъ не заплатилъ, намъ хорошо заплатятъ съ другой стороны.

Въ эту самую минуту на лѣстницѣ раздался шумъ ускоренныхъ шаговъ, съ трескомъ отворилась дверь и несчастный торговецъ ворвался въ комнату, гдѣ происходило собраніе.

— А, господа, вскричалъ онъ,—спасите меня, ради Бога,

спасите меня. Четверо людей идутъ сюда, чтобы арестовать меня; спасите меня, спасите!

Портосъ и Арамисъ встали.

— Одну только минуту, вскричалъ д'Артаньянъ, дѣлая имъ знакъ спрятать ихъ полуобнаженныя шпаги въ ножны; одну минуту; здѣсь нужна не храбрость, а большая осторожность.

— Однако, мы не позволимъ! вскричалъ Портосъ.

— Предоставьте устроить все д'Артаньяну, сказалъ Атосъ;—повторяю, онъ умнѣе всѣхъ насъ и я, съ своей стороны, объявляю, что я ему повинуюсь. Поступай, какъ знаешь, д'Артаньянъ.

Въ эту минуту у дверей передней показались четверо полицейскихъ, но, при видѣ четырехъ мушкетеровъ, вставшихъ съ своихъ мѣстъ со шпагами въ рукахъ, колебались, идти ли имъ далѣе.

— Войдите, господа, войдите, вскричалъ д'Артаньянъ;— вы здѣсь у меня и всѣ мы надежныя слуги короля и кардинала.

— Въ такомъ случаѣ, господа, вы не воспрепятствуете намъ исполнить полученныя нами приказанія? спросилъ тотъ, который, повидимому, былъ начальникомъ отряда.

— Напротивъ, господа, въ случаѣ нужды, мы поможемъ вамъ.

— Но что онъ говоритъ это? проворчалъ Портосъ.

— Ты—идіотъ, сказалъ Атосъ,—молчи!

— Но вы обѣщали мнѣ... пролепеталъ лавочникъ.

— Мы можемъ спасти васъ не иначе, какъ только оставшись на свободѣ, быстро и тихо шепнулъ ему д'Артаньянъ:—и если мы сдѣлаемъ видъ, что хотимъ защитить васъ—насъ арестуютъ вмѣстѣ съ вами.

— Мнѣ кажется, впрочемъ...

— Войдите, господа, войдите, громко сказалъ д'Артаньянъ;—у меня нѣтъ никакой побудительной причины защищать этого господина. Я вижу его сегодня въ первый разъ и по какому еще случаю—онъ самъ вамъ ска-

жетъ: онъ приходилъ требовать съ меня деньги за квартиру. Не правда ли, г. Бонасье? Отвѣчайте.

— Это истинная правда! вскричалъ торговецъ,—но г. мушкетеръ не сказалъ вамъ...

— Молчать! Ни слова болѣе ни обо мнѣ, ни о друзьяхъ моихъ, въ особенности молчаніе о королевѣ, или вы погубите всѣхъ и не спасете себя. Ступайте, ступайте, господа, уводите этого человѣка.

И д'Артаньянъ толкнулъ ошеломленнаго торговца въ руки гвардейцевъ, приговаривая:

— Вы—мошенникъ, мой любезный другъ; пришли вдругъ за деньгами ко мнѣ, мушкетеру?! Въ тюрьму его. Еще разъ повторяю, господа: уводите его въ тюрьму и держите подъ замкомъ какъ можно дольше—это поможетъ мнѣ выиграть время для уплаты.

Сыщики разсыпались въ благодарности и увели свою жертву.

Въ ту минуту, какъ они спускались, д'Артаньянъ хлопнулъ поплечу начальника отряда.

— Не выпьемъ ли мы за здоровье другъ друга? сказалъ онъ, наливая два стакана вина Божанси, полученнаго отъ щедротъ Бонасье.

— Это было бы для меня большой честью, сказалъ начальникъ сыщиковъ,—и я принимаю ваше предложеніе съ благодарностью.

— Итакъ, за ваше здоровье, господинъ... Какъ зовутъ васъ?

— Буаренаръ.

— Господинъ Буаренаръ.

— За ваше, дворянинъ: въ свою очередь, позвольте узнать, какъ зовутъ васъ?

— Д'Артаньянъ.

— За ваше, г. д'Артаньянъ.

— А также, вскричалъ д'Артаньянъ, какъ будто увлеченный восторгомъ,—за здоровье короля и кардинала!

Очень можетъ быть начальникъ отряда усумнился бы въ искренности д'Артаньяна, если бы вино было дурное, но вино было хорошее, и онъ согласился.

— Но что за чертовскую подлость вы выкинули? замѣтилъ Портосъ, когда альгвазилъ присоединился къ своимъ товарищамъ и четыре друга остались одни.—Возможно ли, четыре мушкетера допустили арестовать въ своемъ присутствіи несчастнаго, который взывалъ къ нимъ о помощи! И дворянину чокаться съ сыщикомъ!

— Портосъ, сказалъ Арамисъ,—Атосъ уже предупредилъ тебя, что ты—глупъ и я присоединяюсь къ его мнѣнію. Д'Артаньянъ, ты великій человѣкъ, и когда ты будешь на мѣстѣ де-Тревиля, я попрошу твоей протекціи, чтобы получить аббатство.

— Ну, я окончательно теряюсь, сказалъ Портосъ;—вы одобряете то, что д'Артаньянъ только что сдѣлалъ?

— Разумѣется, чортъ возьми, отвѣчалъ Атосъ; — не только одобряю, но и поздравляю его.

— А теперь, сказалъ д'Артаньянъ, не давая себѣ труда объяснять свое поведеніе Портосу,—всѣ за одного, одинъ за всѣхъ, это нашъ девизъ, не правда ли?

— Однако, сказалъ Портосъ.

— Протяни руку и поклянись! вскричали заразъ Атосъ и Арамисъ.

Побѣжденный примѣромъ, ворча про себя, Портосъ протянулъ руку и четыре друга повторили въ одинъ голосъ клятву, продиктованную имъ д'Артаньяномъ:

— «Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

— Хорошо, а теперь разойдемтесь всѣ по домамъ, сказалъ д'Артаньянъ такимъ тономъ, точно во всю свою жизнь онъ только и дѣлалъ, что приказывалъ,—и будьте осторожны,такъ какъ съ этой минуты мы вступаемъ въ борьбу съ кардиналомъ.

X.

„Мышеловка" въ семнадцатомъ столѣтіи.

Изобрѣтеніе «мышеловки» относится не къ нашимъ временамъ; какъ только образовавшіяся общества изобрѣли какую-то полицію, эта полиція изобрѣла мышеловки.

Такъ какъ наши читатели, можетъ быть, еще не освоп-

лись съ языкомъ Іерусалимской улицы и съ тѣхъ поръ, какъ мы начали писать, въ теченіе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ, мы въ первый разъ употребляемъ это слово именно въ такомъ смыслѣ, то и объяснимъ имъ, что такое «мышеловка». Когда въ какомъ нибудь домѣ, безразлично въ какомъ, арестуютъ лицо, подозрѣваемое въ преступленіи, этотъ арестъ сохраняется втайнѣ; четыре или пять человѣкъ располагаются въ первой комнатѣ въ засадѣ, и всѣхъ, кто стучится, впускаютъ, затѣмъ затворяютъ за ними двери и ихъ арестуютъ; такимъ образомъ, по прошествіи двухъ-трехъ дней, захватываютъ почти всѣхъ обычныхъ посѣтителей: вотъ это-то и называется «мышеловка». И такъ, изъ квартиры метра Бонасье сдѣлали мышеловку, и каждаго, кто ни приходилъ, люди кардинала хватали и допрашивали. Самою собою разумѣется, что такъ какъ въ второй этажъ, гдѣ жилъ д'Артаньянъ, вела особая лѣстница, — всѣ приходившіе къ нему были изъяты изъ общаго правила и не подверглись аресту и слѣдствію.

Къ тому же, къ д'Артаньяну никто и не приходилъ, кромѣ трехъ мушкетеровъ; они пустились на поиски, каждый отдѣльно, и ничего не нашли, ничего не открыли. Атосъ даже дошелъ до того, что отправилсясъ разспросами къ де-Тревилю, и это, принимая во вниманіе обычное молчаніе достойнаго мушкетера, очень удивило капитана. Но де-Тревиль ничего не зналъ, кромѣ развѣ того, что послѣдній разъ, какъ онъ видѣлъ кардинала, короля и королеву, кардиналъ имѣлъ очень озабоченный видъ, король былъ неспокоенъ, а красные глаза королевы свидѣтельствовали о томъ, что она провела безсонную ночь или плакала. Но это послѣднее обстоятельство мало его поразило, такъ какъ королева, со времени своего замужества, часто проводила безсонныя ночи и много плакала.

Де-Тревиль просилъ Атоса, во всякомъ случаѣ, вѣрно служить королю, въ особенности королевѣ, поручая ему передать такую же просьбу и товарищамъ.

Что касается д'Артаньяна, то онъ не выходилъ изъ

своей квартиры; онъ обратилъ свою комнату въ обсерваторію. Изъ своихъ оконъ онъ видѣлъ всѣхъ приходившихъ и попадавшихъ въ засаду, а затѣмъ, снявъ доски въ паркетномъ полу, такъ что только одинъ потолокъ отдѣлялъ его отъ нижней комнаты, гдѣ происходили всѣ допросы, онъ слышалъ все происходившее между инквизиторами и арестованными. Допросы, предшествуемые тщательнымъ обыскомъ, который дѣлали у каждаго арестованнаго лица, происходили почти всегда слѣдующимъ образомъ.

— Не передавала ли вамъ г-жа Бонасье какой нибудь вещи для передачи ея мужу, или кому нибудь другому?

— Не давалъ ли вамъ г. Бонасье какой нибудь вещи для передачи своей женѣ или кому нибудь другому?

— Не довѣряли ли вамъ тотъ, или другой чего нибудь на словахъ?

«Если бы имъ что нибудь было извѣстно, то они не задавали бы подобныхъ вопросовъ», соображалъ д'Артаньянъ.—«Теперь, что же хотятъ узнать они?—находится ли герцогъ Букингамъ въ Парижѣ, имѣлъ ли уже онъ, или долженъ имѣть свиданія съ королевой?»

Д'Артаньянъ остановился на этой мысли, которая послѣ всего, что ему пришлось слышить, казалась ему очень вѣроятной.

Между тѣмъ мышеловка продолжала дѣйствовать, и дѣятельность д'Артаньяна не уменьшалась.

Вечеромъ, на другой день послѣ ареста несчастнаго Бонасье, послѣ того, какъ Атосъ только что ушелъ отъ д'Артаньяна, чтобы отправиться къ де-Тревилю, въ 9 часовъ, въ то самое время, какъ Пляншe, который еще не приготовилъ постели, принялся за свое дѣло, раздался стукъ въ дверь съ улицы; дверь тотчасъ же отворилась и опять затворилась. Кто-то попался въ мышеловку. Д'Артаньянъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ были вынуты въ полу доски, легъ на полъ и сталъ слушать. Скоро раздались крики, затѣмъ стоны, которые старались заглушить. О допросахъ не было и разговора.

— Чортъ возьми! сказалъ про себя д'Артаньянъ,—мнѣ

кажется, что это женщина; ее обыскиваютъ и она сопротивляется,—ее вынуждаютъ силою, о, негодяи!

И д'Артаньянъ, не смотря на всю осторожность, лѣзъ изъ кожи, чтобы сдержаться и не вмѣшаться въ сцену, происходившую внизу.

— Но я вамъ говорю, что я хозяйка дома, господа; я вамъ говорю, что я г-жа Бонасье; я вамъ говорю, что служу у королевы, кричала несчастная женщина.

— Г-жа Бонасье! прошепталъ д'Артаньянъ;—неужели я буду такъ счастливъ, что найду то, чего всѣ ищутъ?

— Именно васъ-то мы и ждали, сказали допросчики.

Голосъ слышался все глуше и глуше. Послышался какой-то шумъ: точно упалъ столъ. Жертва сопротивлялась настолько, насколько женщина могла противиться четыремъ мужчинамъ.

— Простите, господа, прос... прошепталъ голосъ, и затѣмъ стали слышны только отрывочныя, несвязныя слова.

— Они завязываютъ ей ротъ, они утащутъ ее, вскричалъ д'Артаньянъ, вскакивая, какъ на пружинѣ.—Мою шпагу!.. Хорошо, вотъ она. Пляншe!

— Что прикажете?

— Бѣги за Атосомъ, Портосомъ и Арамисомъ. Одинъ изъ трехъ навѣрное окажется дома, а можетъ быть и всѣ трое. Пусть они возьмутъ оружіе, пусть приходятъ, пусть бѣгутъ сюда. Ахъ, я вспомнилъ, Атосъ у де-Тревиля.

— Но куда вы идете, сударь, куда идете?

— Я спущусь черезъ окно, сказалъ д'Артаньянъ, — чтобы поспѣть поскорѣе, а ты положи доски, вымети полъ, выйди черезъ дверь и бѣги, куда я тебѣ сказалъ.

— О, сударь, сударь, вы убьетесь! вскричалъ Пляншe.

— Молчи, дуракъ, сказалъ д'Артаньянъ и, схватившись рукой за раму окна, онъ спустился съ перваго этажа, что, къ счастью, не было особенно высоко и онъ не сдѣлалъ себѣ ни малѣйшей ссадины.

Затѣмъ онъ тотчасъ же постучался въ дверь, прошептавъ:

— Я тоже дамъ поймать себя въ мышеловку, но горе кошкамъ, которымъ придется имѣть дѣло съ такой мышью.

Едва подъ рукою молодого человѣка раздался стукъ молотка, какъ шумъ прекратился, приблизились шаги, дверь отворилась и д'Артаньянъ со шпагой наголо бросился въ квартиру Бонасье, дверь которой устроенная, безъ сомнѣнія, на пружинѣ, затворилась за нимъ сама собой.

Тогда тѣ изъ обитателей, которые еще оставались въ несчастномъ домѣ Бонасье, и ближайшіе сосѣди услышали страшные крики, топанье ногами, бряцанье шпагъ и трескъ ломающейся мебели. Затѣмъ, спустя минуту, тѣ, которые, будучи привлечены шумомъ, высунулись въ окна, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, могли видѣть, какъ отворилась дверь и четыре человѣка, одѣтые въ черное, не вышли изъ нея, а вылетѣли, какъ испуганные вороны, оставивъ на полу и на углахъ столовъ перья изъ своихъ крыльевъ, то есть лохмотья одежды и завязки отъ плащей.

Д'Артаньянъ остался, такимъ образомъ, побѣдителемъ; это, надо сказать, не стоило ему большого труда, такъ какъ только одинъ изъ сыщиковъ былъ вооруженъ, да и то защищался только для виду. Правда, что трое другихъ пробовали убить молодого человѣка стульями, табуретами или глиняной посудой, но двѣ или три царапины, сдѣланныя шпагой гасконца, повергли ихъ въ ужасъ. Десяти минутъ было достаточно для ихъ пораженія и поле битвы осталось за д'Артаньяномъ. Сосѣди, открывшіе свои окна съ хладнокровіемъ, свойственнымъ жителямъ Парижа въ эти времена постоянныхъ волненій и безпрестанныхъ дракъ, закрыли ихъ тотчасъ же, какъ только увидѣли, что четверо черныхъ людей убѣжали: ихъ инстинктъ подсказалъ имъ, что въ данную минуту все было кончено.

Къ тому же, было уже поздно, а тогда, какъ и теперь, въ Люксембургскомъ кварталѣ ложились спать рано. Д'Артаньянъ, оставшись одинъ съ г-жей Бонасье, повернулся къ ней: бѣдная женщина лежала на креслѣ почти

безъ чувствъ. Д'Артаньянъ быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы.

Это была очаравательная женщина, лѣтъ 25—26, брюнетка, съ голубыми глазами, съ слегка вздернутымъ носомъ, съ чудными зубами, съ прекраснымъ блѣдно-розовымъ лицомъ; этимъ, впрочемъ, и ограничивались признаки, которые могли бы заставить принять ее за знатную даму: руки были бѣлы, но не изящны, ноги указывали тоже на женщину неаристократическаго происхожденія. Къ счастью, д'Артаньянъ не дошелъ еще до того, чтобы заниматься такими подробностями.

Между тѣмъ какъ д'Артаньянъ разсматривалъ г-жу Бонасье и дошелъ, какъ мы сказали, до ногъ, онъ увидѣлъ на полу тонкій батистовый платокъ, который онъ, по обыкновенію, поднялъ и на углу котораго увидѣлъ точно такія же вышитыя буквы, какія онъ видѣлъ на томъ платкѣ, изъ-за котораго онъ съ Арамисомъ чуть-чуть не перерѣзали другъ другу горло.

Съ того времени д'Артаньянъ остерегался этихъ платковъ съ гербами, а потому, не говоря ни слова, онъ положилъ поднятый имъ платокъ въ карманъ г-жи Бонасье.

Въ эту самую минуту г-жа Бонасье пришла въ чувство. Она открыла глаза, съ ужасомъ оглядѣлась кругомъ, увидѣла, что комната пуста, что она находится одна съ своимъ избавителемъ. Она тотчасъ съ улыбкой протянула ему руки. Г-жа Бонасье обладала самой очаровательной улыбкой на свѣтѣ.

— Ахъ! сказала она,—это вы спасли меня: позвольте мнѣ поблагодарить васъ.

— Сударыня, сказалъ д'Артаньянъ,—я сдѣлалъ только то, что каждый дворянинъ сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, слѣдовательно, вы не обязаны мнѣ ни малѣйшей признательностью.

— Напротивъ, напротивъ, и я надѣюсь доказать вамъ что вы оказали услугу не какой нибудь неблагодарной. Но чего же хотѣли отъ меня эти люди, которыхъ я при-

няла сначала за воровъ, и почему г-на Бонасье нѣтъ здѣсь?

— Сударыня, эти люди были гораздо болѣе опасны, чѣмъ могли бы быть воры, это агенты кардинала; что же касается вашего мужа, г-на Бонасье, то его здѣсь нѣтъ, потому что вчера его арестовали, чтобъ увезти въ Бастилію.

— Мой мужъ въ Бастиліи! вскричала г-жа Бонасье.— О, Боже мой! но что же онъ сдѣлалъ, милый, несчастный человѣкъ! Онъ—сама невинность!

И что-то въ родѣ улыбки проскользнуло по лицу все еще испуганной молодой женщины.

— Что онъ сдѣлалъ, сударыня? Мнѣ кажется, что его единственное преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ въ одно и то же время имѣетъ счастье и несчастье быть вашимъ мужемъ.

— Но, значитъ, вы знаете...

— Я знаю, сударыня, что вы были похищены.

— Но кѣмъ? Вы знаете? О, если вы это знаете, скажите мнѣ!

— Человѣкомъ сорока или сорока пяти лѣтъ, съ черными волосами, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ рубцомъ на лѣвомъ вискѣ.

— Такъ, совершенно такъ; но его имя?

— А, его имя?! этого я и не знаю.

— А мой мужъ зналъ, что меня похитили?

— Его предупредили объ этомъ письмомъ, которое написалъ ему самъ похититель.

— А подозрѣваетъ ли онъ, спросила г-жа Бонасье съ смущеніемъ,—причину этого приключенія?

— Онъ приписываетъ это, кажется, какой нибудь политической интригѣ.

— Прежде я сомнѣвалась въ этомъ, а теперь я думаю то же самое. И такъ, этотъ милый Бонасье не заподозрилъ меня ни одной минуты.

— О, совершенно напротивъ, онъ слишкомъ гордился вашимъ благоразуміемъ, вашей любовью.

Вторично едва замѣтная улыбка скользнула по розовымъ губамъ прекрасной молодой женщины.

— Но, продолжалъ д'Артаньянъ,—какъ удалось вамъ убѣжать?

— Я воспользовалась минутой, когда меня оставили одну, и какъ я уже знала съ сегодняшняго утра причину моего похищенія, то съ помощью простынь я спустилась изъ окна; тогда, думая, что мужъ мой здѣсь, я прибѣжала сюда.

— Чтобъ стать подъ его защиту?

— О, нѣтъ, я хорошо знала, что онъ бѣдняжка, не способенъ меня защитить, но такъ какъ онъ могъ намъ быть полезенъ въ другомъ отношеніи, я хотѣла его предупредить.

— О чемъ?

— О, это не мой секретъ, и потому я не могу вамъ сказать этого.

— Къ тому же, — простите, сударыня, что я, хотя и гвардеецъ, все-таки долженъ предупредить васъ о предосторожности, — я думаю, что мы здѣсь вовсе не въ такомъ мѣстѣ, которое было бы удобно для сообщенія тайнъ. Люди, которыхъ я прогналъ, вернутся съ новымъ подкрѣпленіемъ; если они найдутъ насъ здѣсь, мы погибли. Я хорошо сдѣлалъ, пославши предупредить трехъ моихъ друзей, но еще неизвѣстно, найдутъ ли ихъ дома.

— Да, да, вы правы, вскричала испуганная г-жа Бонасье;—бѣжимъ, спасемся!

И съ этими словами она взяла подъ руку д'Артаньяна и быстро потащила его.

— Но куда бѣжать, сказалъ д'Артаньянъ,—гдѣ спастись?

— Прежде всего удалимтесь изъ этого дома, а затѣмъ мы увидимъ.

И молодая женщина съ молодымъ человѣкомъ, не давши себѣ труда запереть дверь, быстро спустились по улицѣ Могильщиковъ, углубились въ улицу Могилъ Принца и остановились только на площади Св. Сюльпиція.

— А теперь, что мы будемъ дѣлать, спросилъ д'Артаньянъ,—и куда хотите вы, чтобы я провелъ васъ?

— Признаюсь, я очень затрудняюсь отвѣтить вамъ, сказала г-жа Бонасье; — мое намѣреніе было предупредить г. де-ла-Порта черезъ моего мужа, чтобы г. де-ла-Портъ могъ сообщить намъ точно все, что произошло въ Луврѣ въ эти послѣдніе три дня, и не представляется ли для меня какой нибудь опасности явиться туда.

— Но я могу пойти предупредить г. де-ла-Порта.

— Безъ сомнѣнія, только вотъ въ чемъ несчастье: моего мужа Бонасье знаютъ въ Луврѣ и его пропустили бы, между тѣмъ какъ васъ не знаютъ и васъ не пустятъ.

— Ба-а! навѣрное у какой нибудь калитки Лувра у васъ есть преданный сторожъ, который, благодаря заранѣе условленному слову...

Г-жа Бонасье пристально посмотрѣла на молодого человѣка.

— А если я скажу вамъ этотъ пароль, сказала она,— позабудете ли вы его тотчасъ же, какъ только имъ воспользуетесь?

— Честное слово, слово дворянина! сказалъ д'Артаньянъ такимъ тономъ, въ искренности котораго нельзя было сомнѣваться.

— Хорошо, я вамъ вѣрю, вы кажетесь честнымъ молодымъ человѣкомъ, къ тому же, можетъ быть ваше счастье зависитъ отъ вашей преданности.

— Я сдѣлалъ бы и безъ обѣщанія по совѣсти все, что могу, чтобы услужить королю и быть пріятнымъ королевѣ, сказалъ д'Артаньянъ,—и такъ, располагайте мной какъ другомъ.

— Но меня, куда же вы меня помѣстите на это время?

— Нѣтъ ли у васъ кого нибудь, куда бы г. де-ла-Портъ могъ придти за вами?

— Нѣтъ, я никому не хочу довѣриться.

— Подождите, сказалъ д'Артаньянъ,—мы находимся у двери Атоса. Да, именно такъ.

— Кто это Атосъ?

— Одинъ изъ моихъ друзей.

— Но если онъ дома и меня увидитъ?

— Его нѣтъ дома и, помѣстивши васъ въ его комнату, я запру ее, и ключъ унесу съ собою.

— Но если онъ вернется?

— Онъ не вернется; къ тому же, ему скажутъ, что я привелъ женщину, и эта женщина у него.

— Но вы знаете, это меня сильно скомпрометируетъ!

— Что вамъ до этого! Васъ не знаютъ; при томъ же мы въ такомъ положеніи, что нечего думать о какихъ-то приличіяхъ.

— Итакъ, пойдемте же къ вашему другу. Гдѣ онъ живетъ?

— Въ улицѣ Феру, въ двухъ шагахъ отсюда.

— Идемте.

И оба отправились дальше. Какъ и предполагалъ д'Артаньянъ, Атоса не было дома: онъ взялъ ключъ, который ему, по обыкновенію, давали, какъ другу дома, взошелъ на лѣстницу и ввелъ г-жу Бонасье въ маленькую квартиру, которую мы уже описали раньше.

— Вы здѣсь у себя, сказалъ онъ;—дожидайтесь, заприте дверь изнутри и не открывайте никому, пока не услышите три удара, вотъ такъ: слушайте.

И онъ ударилъ три раза; два удара скоро одинъ послѣ другого и довольно сильно, затѣмъ въ третій разъ много спустя и значительно легче.

— Хорошо, сказала г-жа Бонасье,—теперь моя очередь дать вамъ инструкціи.

— Слушаю.

— Отправляйтесь къ калиткѣ Лувра со стороны улицы Лѣстницы и спросите Жермена.

— Хорошо, потомъ?

— Онъ спроситъ васъ, что вамъ нужно, и тогда вы отвѣтите ему двумя словами: Туръ и Брюссель. Онъ сейчасъ же исполнитъ всѣ ваши приказанія.

— А что я прикажу ему?

— Пойти позвать де-ла-Порта, камердинера королевы.

— И когда онъ сходитъ за нимъ и де-ла-Портъ придетъ?

— Вы пришлете его ко мнѣ.

— Хорошо, но гдѣ и какъ снова увижу я васъ?

— Вы очень стоите за то, чтобы опять меня увидѣть?

— Конечно.

— Если такъ, предоставьте эту заботу мнѣ и будьте спокойны.

— Я полагаюсь на ваше слово.

— Будьте въ этомъ увѣрены.

Д'Артаньянъ поклонился г-жѣ Бонасье, бросивъ на нее самый влюбленный взглядъ, и спускаясь съ лѣстницы, онъ услышалъ, какъ за нимъ заперли дверь, повернувъ ключъ два раза. Въ два прыжка онъ былъ у Лувра: въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ калитку со стороны улицы Лѣстницы, пробило десять часовъ. Всѣ только что описанныя нами приключенія произошли въ теченіе получаса.

Все случилось такъ, какъ предсказала г-жа Бонасье. По условленному паролю Жерменъ поклонился. Десять минутъ спустя, въ его комнатку пришелъ де-ла-Портъ. Въ двухъ словахъ д'Артаньянъ сообщилъ ему все дѣло и указалъ, гдѣ находится г-жа Бонасье. Ла-Портъ, для большей акуратности, два раза переспросилъ адресъ и отправился бѣгомъ. Впрочемъ, едва онъ сдѣлалъ десять шаговъ, какъ вернулся назадъ.

— Молодой человѣкъ, сказалъ онъ д'Артаньяну,—я дамъ вамъ совѣтъ.

— Какой?

— Васъ, можетъ быть, побезпокоятъ по поводу того, что только что случилось.

— Вы полагаете?

— Да. Нѣтъ ли у васъ какого нибудь друга, у котораго часы отстаютъ?

— Ну, что же?

— Отправляйтесь къ нему, чтобы онъ могъ засвидѣтельствовать, что въ 9 часовъ съ половиной вы были у него. Юридически это называется alibi.

Д'Артаньянъ нашелъ совѣтъ благоразумнымъ, опрометью бросился бѣжать и прибѣжалъ къ де-Тревилю; но

вмѣсто того, чтобы пройти со всѣми въ залу, онъ попросилъ позволенія пройти въ его кабинетъ. Такъ какъ д'Артаньянъ былъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей отеля, его просьба не встрѣтила никакого затрудненія; пошли предупредить г. де-Тревиля, что его молодой соотечественникъ, имѣя сообщить ему нѣчто очень важное, проситъ особенной аудіенціи. Пять минутъ спустя, де-Тревиль спрашивалъ у д'Артаньяна, чѣмъ онъ можетъ служить ему и чему онъ обязанъ визитомъ въ такое позднее время.

— Простите, капитанъ, сказалъ д'Артаньянъ, воспользовавшійся той минутой, когда онъ остался одинъ, чтобы переставить часы на три четверти часа назадъ;—я думалъ, такъ какъ всего 25 минутъ десятаго, что еще не поздно явиться къ вамъ.

— Двадцать пять минутъ десятаго! вскричалъ де-Тревиль, посмотрѣвъ на часы;—возможно ли это!

— Посмотрите сами, капитанъ, сказалъ д'Артаньянъ,— тогда повѣрите.

— Совершенно справедливо, сказалъ де-Тревиль,—мнѣ казалось, что гораздо позже. Но что же вамъ нужно отъ меня?

Д'Артаньянъ разсказалъ де-Тревилю длинную исторію о королевѣ. Онъ высказалъ свои опасенія относительно безопасности ея величества; передалъ о томъ, что ему пришлось слышать о планахъ кардинала по отношенію Букингама и все это съ такимъ спокойствіемъ, съ такой увѣренностью, что де-Тревиль вполнѣ былъ одураченъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, какъ мы уже сказали, замѣтилъ нѣчто новое между кардиналомъ, королемъ и королевой. Било десять часовъ, когда д'Артаньянъ оставилъ де-Тревиля, который поблагодарилъ его за его свѣдѣнія, совѣтовалъ ему всегда принимать близко къ сердцу вѣрную службу королю и королевѣ и затѣмъ вошелъ въ залу. Но, спустившись съ лѣстницы д'Артаньянъ вспомнилъ, что забылъ свою трость, вслѣдствіе чего торопливо взбѣжалъ на верхъ, вошелъ въ кабинетъ, однимъ движеніемъ пальца переставилъ стрѣлку

на часахъ какъ слѣдовало, чтобы на другой день не замѣтили, что они идутъ невѣрно, и увѣренный, что съ этой минуты онъ имѣетъ свидѣтеля, могущаго доказать его alibi, онъ спустился съ лѣстницы и скоро очутился на улицѣ.

XI.

Каша заваривается.

Сдѣлавъ визитъ къ де-Тревилю, д'Артаньянъ, въ задумчивости, отправился къ себѣ домой самой дальней дорогой.

О чемъ такъ задумался д'Артаньянъ, что даже уклонился отъ прямой пути и шелъ, то поглядывая на звѣзды, то вздыхая, то улыбаясь.

Онъ думалъ о г-жѣ Бонасье. Для новичка изъ мушкетеровъ эта молодая женщина была почти идеаломъ любви. Хорошенькая, таинственная, посвященная почти во всѣ тайны двора, что придавало ея прелестнымъ чертамъ столько очаровательной важности; слывшая за особу, довольно чувствительную, что представляло непреодолимую прелесть для новичковъ въ любви; къ тому же д'Артаньянъ освободилъ ее изъ рукъ этихъ чертей, которые хотѣли обыскать и грубо обойтись съ ней, и эта важная услуга устанавливала между ней и имъ одно изъ тѣхъ чувствъ признательности, которое такъ легко принимаетъ болѣе нѣжный характеръ.

Д'Артаньяну уже казалось—такъ быстро мечты летятъ на крыльяхъ воображенія,—что къ нему подходитъ посланный молодой женщины и передаетъ ему записочку, въ которой назначается свиданіе, и золотую цѣпочку или брилліантъ. Мы уже сказали, что молодые люди не стыдились принимать подарки отъ своего короля; прибавимъ, что въ тѣ времена, не отличавшіяся строгой нравственностью, они не выказывали большой стыдливости и по отношенію своихъ любовницъ, и что послѣднія почти всегда оставляли имъ драгоцѣнныя и прочныя воспомина-

нія, точно онѣ старались побѣдить непостоянство ихъ чувствъ прочностью своихъ подарковъ.

Въ ту эпоху люди, не краснѣя, дѣлали свою карьеру черезъ женщинъ. Тѣ изъ нихъ, которыя были только прекрасны, награждали своей красотой, отчего, безъ сомнѣнія, и произошла поговорка, что самая красивая дѣвушка въ мірѣ не можетъ дать ничего больше того, что у нея есть. Тѣ изъ нихъ, которыя были богаты, дѣлились, кромѣ того, своими деньгами, и можно бы было назвать по именамъ изрядное число героевъ той эпохи, которые прежде всего не получили бы шпоръ, а затѣмъ и не выигрывали бы сраженій безъ болѣе или менѣе туго набитыхъ кошельковъ, которые ихъ любовницы привязывали къ ихъ сѣдлу.

У д'Артаньяна не было ничего; нерѣшительность провинціала, недурная наружность—скоро увядающій цвѣтокъ, пушокъ персика испарились вѣтромъ — исчезли подъ вліяніемъ не совсѣмъ-то нравственныхъ совѣтовъ, даваемыхъ тремя мушкетерами своему другу. Д'Артаньянъ, по странному обычаю того времени, считалъ себя въ Парижѣ, точно былъ въ походѣ, и ни больше, ни меньше, какъ во Фландріи: тамъ—испанцы, а тутъ—женщины. Всюду приходилось биться съ непріятелями и налагать контрибуціи. Но надо сказать, что въ данную минуту д'Артаньяна побуждало болѣе благородное и безкорыстное чувство. Торговецъ сказалъ ему, что онъ богатъ; молодой человѣкъ могъ догадаться, что у такого простяка, какимъ былъ Бонасье, ключъ отъ кошелька навѣрно былъ въ рукахъ жены, но это не имѣло ни малѣйшаго вліянія на чувство, родившееся въ немъ при видѣ г-жи Бонасье, и мысль о выгодѣ была почти чужда этому началу любви, бывшей послѣдствіемъ этого чувства. Мы говоримъ, почти, такъ какъ мысль, что молодая, красивая, граціозная, умная женщина въ то же время и богата, ничего не убавляетъ отъ начала этой любви, а, напротивъ, укрѣпляетъ ее.

Въ довольствѣ бываетъ масса аристократическихъ замашекъ и прихотей, которыя такъ идутъ къ красотѣ.

Тонкій, бѣлый чулокъ, шолковое платье, кружевная манишка, хорошенькій башмакъ на ногѣ, свѣжая ленточка на головѣ не дѣлаютъ некрасивую женщину хорошенькой, но хорошенькую женщину дѣлаютъ красивой, не считая рукъ, которыя отъ этого очень выигрываютъ; руки въ особенности у женщинъ, должны всегда быть праздными, чтобы оставаться красивыми.

При всемъ этомъ д'Артаньянъ, какъ хорошо уже извѣстно читателю, отъ котораго мы не скрыли его матеріальнаго положенія, д'Артаньянъ не былъ милліонеромъ онъ очень надѣялся сдѣлаться имъ когда нибудь, но время, назначенное имъ самимъ для этой счастливой перемѣны, было еще довольно далеко, а пока какое мученье видѣть женщину, которую любишь, высказывающую желаніе имѣть тысячу этихъ бездѣлушекъ, составляющихъ счастье женщинъ, и не имѣть возможности дать ей эти тысячи бездѣлушекъ! По крайней мѣрѣ когда богата женщина, а ея любовникъ—нѣтъ, тогда-то, чего не можетъ онъ предложить ей, она покупаетъ сама себѣ, и хотя это удовольствіе она доставляетъ себѣ обыкновенно на деньги мужа, но рѣдко случается, чтобы признательность относилась къ нему.

При томъ д'Артаньянъ, расположенный сдѣлаться самымъ нѣжнымъ любовникомъ ея, оставался пока самымъ преданнымъ другомъ. Среди любовныхъ мечтаній о женѣ торговца, онъ не забывалъ и своихъ. Хорошенькая г-жа Бонасье была особа, съ которой пріятно прогуляться въ Сенъ-Дени или въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу въ обществѣ Атоса, Портоса и Арамиса, передъ которыми д'Артаньянъ охотно бы похвастался такой побѣдой. Затѣмъ, послѣ долгой прогулки, приходитъ голодъ; съ нѣкоторыхъ поръ д'Артаньянъ это замѣтилъ. Можно бы было устроить одинъ изъ этихъ маленькихъ очаровательныхъ обѣдовъ, во время которыхъ съ одной стороны пожимаешь руку друга, а съ другой ножку любовницы. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, въ исключительныхъ положеніяхъ, д'Артаньянъ могъ выручать своихъ друзей.

А г. Бонасье, котораго д'Артаньянъ отдалъ въ руки полицейскихъ, громко отрекаясь отъ него и которому тихо обѣщалъ спасти его? Мы должны признаться нашимъ читателямъ, что д'Артаньянъ нисколько не думалъ о немъ, а если и думалъ, то чтобы сказать самому себѣ, что ему хорошо всюду, гдѣ бы онъ ни былъ. Любовь—одна изъ самыхъ эгоистичныхъ страстей.

Впрочемъ, пусть наши читатели успокоятся: если д'Артаньянъ забылъ о своемъ хозяинѣ или сдѣлалъ видъ, что забылъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не зналъ, куда его увели, мы за то не забыли и знаемъ, гдѣ онъ, но въ данную минуту послѣдуемъ примѣру влюбленнаго гасконца; а къ достоуважаемому торговцу мы вернемся позже.

Д'Артаньянъ, погруженный въ мечты о будущей своей любви, продолжая бесѣдовать съ ночью, улыбаться звѣздамъ, шелъ вверхъ по улицѣ Шершъ-Миди или Шассъ-Миди, какъ ее тогда называли. Такъ какъ онъ очутился неподалеку отъ квартиры Арамиса, ему пришла мысль сдѣлать визитъ своему другу, чтобы объяснить нѣкоторыя причины, побудившія его послать Планше съ приглашеніемъ немедленно явиться въ «мышеловку».

И если бы Арамисъ былъ дома въ то время, какъ за нимъ пришелъ Планше, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, прибѣжалъ бы въ улицу Могильщиковъ, и не найдя, можетъ быть, тамъ никого, кромѣ своихъ двухъ товарищей, ни онъ, ни другіе не могли узнать, что бы все это значило. Такой переполохъ требовалъ объясненія—вотъ что громко говорилъ самъ себѣ д'Артаньянъ, а потихоньку при этомъ думалъ, что это былъ для него случай поговорить о хорошенькой маленькой г-жѣ Бонасье, которой были уже полны, если не его сердце, то всѣ его помыслы. Ужъ никакъ не отъ первой любви можно требовать скромности! Эта первая любовь сопровождается всегда такой сильной радостью, что необходимо, чтобы эта радость изливалась наружу, иначе она васъ задушитъ.

Два часа какъ уже стемнѣло и Парижъ начиналъ пустѣть. Било одиннадцать часовъ на всѣхъ часахъ Сенъ-

Жерменскаго предмѣстья; воздухъ былъ теплый. Д'Артаньянъ шелъ по переулку, расположенному въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проходитъ улица Асса, вдыхая ароматическія испаренія, приносимыя вѣтромъ съ улицы Вожираръ изъ садовъ, освѣженныхъ вечерней росой и ночной прохладой. Вдалекѣ раздавались, заглушаемыя, впрочемъ, закрытыми ставнями, пѣсни запоздалыхъ гулякъ изъ нѣсколькихъ кабаковъ, разсѣянныхъ кое-гдѣ въ этой мѣстности. Дойдя до конца переулка, д'Артаньянъ повернулъ налѣво; домъ, въ которомъ жилъ Арамисъ, находился между улицей Кассетъ и улицой Сервандони.

Д'Артаньянъ миновалъ улицу Кассетъ и приближался уже къ двери дома своего друга, спрятаннаго въ зелени густыхъ деревьевъ, составляющихъ надъ нимъ родъ обширнаго вѣнца, какъ вдругъ онъ что-то замѣтилъ, какъ будто какую-то тѣнь, выходившую изъ улицы Сервандони. Это «что-то» было закутано въ плащъ, и сначала д'Артаньянъ подумалъ, что это былъ мужчина, но, по небольшому росту, неувѣренной походкѣ, нерѣшительнымъ шагамъ, онъ скоро узналъ женщину.

Къ тому же, эта женщина, какъ будто не увѣренная въ томъ, что узнаетъ домъ, который она искала, поднимала глаза, чтобы осмотрѣться кругомъ, останавливалась, возвращалась назадъ и затѣмъ снова возвращалась. Это заинтриговало д'Артаньяна.

«А что, если я предложу ей свои услуги?!» подумалъ онъ;—«она, повидимому, молода, а можетъ быть и хорошенькая! О, да! Но женщина, въ такой часъ бѣгующая по улицамъ, конечно, вышла только для того, чтобы видѣться съ своимъ любовникомъ. Чортъ возьми! Если я помѣшаю этому свиданію, ужъ, конечно, это не особенно хорошее начало для перваго знакомства».

Между тѣмъ молодая женщина все шла впередъ, считая дома и окна, что, впрочемъ, не заняло много времени и не стоило большого труда, такъ какъ въ этомъ переулкѣ было только три дома, у которыхъ только два окна выходили въ эту улицу; одно принадлежало павильону, расположенному какъ разъ параллельно тому,

который занималъ Арамисъ, а другое—павильону, занимаемому имъ самимъ.

«Ей-Богу», подумалъ д'Артаньянъ, которому пришла въ голову мысль о племянницѣ богослова;—«ей-Богу, странно, что запоздавшая голубка ищетъ домъ нашего друга. Но, клянусь честью, очень на это походитъ. А, мой любезный Арамисъ, на этотъ разъ я хочу удостовѣриться».

И д'Артаньянъ, съежившись насколько возможно, спрятался въ самомъ темномъ уголкѣ улицы, около каменной скамейки, стоявшей въ нишѣ.

Молодая женщина продолжала приближаться. Кромѣ легкости походки, выдавшей ее, она слегка покашливала, и по этому звуку можно было заключить о свѣжести ея голоса. Д'Артаньянъ подумалъ, что этотъ кашель—условленный сигналъ.

Тѣмъ временемъ, потому ли, что на ея кашель отвѣтили равнозначущимъ сигналомъ, что положило конецъ нерѣшительности ночной искательницы приключеній, или потому, что безъ посторонней помощи она узнала, что достигла цѣли своей прогулки, но только она рѣшительно подошла къ окну Арамиса, и чрезъ ровные промежутки времени три раза постучала пальцемъ въ ставень.

— Это къ самому Арамису, прошепталъ д'Артаньянъ!— А, лицемѣръ! теперь я поймалъ васъ, какъ вы изучаете богословіе!

Едва раздались три удара, какъ внутренняя рама открылась и черезъ ставни показался свѣтъ.

— А, а, сказалъ подслушивающій не у дверей, а у окошекъ:—а, гостью ждали. Посмотримъ, навѣрно откроются ставни и дама влезетъ черезъ окно. Прекрасно!

Но, къ большому удивленію д'Артаньяна, ставни остались закрытыми и, еще больше того, сверкнувшій свѣтъ исчезъ и снова наступила темнота.

Д'Артаньянъ полагалъ, что это не можетъ такъ продолжаться долго, и продолжалъ глядѣть во всѣ глаза и слушать обѣими ушами.

И онъ былъ правъ: спустя нѣсколько минутъ, внутри послышались два удара.

Молодая женщина отвѣтила съ улицы, стукнувъ одинъ разъ, и ставни открылись.

Можно себѣ представить, съ какою жадностью слушалъ и глядѣлъ д'Артаньянъ.

Къ несчастью, свѣтъ былъ перенесенъ въ другую комнату, но глаза молодого человѣка привыкли къ ночной темнотѣ; къ тому же, если вѣрить тому, что говорятъ, глаза гасконцевъ, какъ у кошекъ, обладаютъ способностью видѣть въ темнотѣ.

И такъ, д'Артаньянъ увидѣлъ, что молодая женщина вынула изъ кармана какой-то бѣлый предметъ, который она быстро развернула, причемъ этотъ послѣднiй оказался платкомъ. Развернувши платокъ, она указала своему собесѣднику одинъ изъ его угловъ.

Это напомнило д'Артаньяну найденный имъ платокъ у ногъ г-жи Бонасье, который, въ свою очередь, напомнилъ платокъ, найденный у ногъ Арамиса.

Однакожъ, чортъ возьми, что могъ означать этотъ платокъ?

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ д'Артаньянъ, онъ не могъ видѣть лицо Арамиса, а молодой человѣкъ нисколько не сомнѣвался, что это именно его другъ, который ведетъ разговоръ извнутри дома съ дамой, остававшейся снаружи; любопытство одержало верхъ надъ осторожностью и, воспользовавшись тѣмъ, что, повидимому, вниманiе двухъ, выведенныхъ на сцену, лицъ было всецѣло поглащено платкомъ, онъ вышелъ изъ своей засады и съ быстротой молнiи, но все-таки заглушая шумъ своихъ шаговъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и прижался къ стѣнѣ, откуда его глаза отлично могли проникнуть во внутренность квартиры Арамиса. Ставъ на это мѣсто, д'Артаньянъ вскрикнулъ отъ удивленiя: съ ночной посѣтительницей разговаривалъ не Арамисъ, а женщина; однако же д'Артаньянъ, видѣвшiй настолько хорошо, чтобы узнать покрой платья, не могъ достаточно хорошо различить черты ея лица.

Въ это самое время женщина, находившаяся внутри, вынула изъ своего кармана второй платокъ и отдала его вза-

мѣнъ того, который ей только что показали, затѣмъ обѣ женщины обмѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими словами. Наконецъ, ставня затворилась; женщина, бывшая у окна снаружи, вернулась и прошла на разстояніи четырехъ шаговъ отъ д'Артаньяна, спустивши капюшонъ своего плаща, но эта предосторожность слишкомъ опоздала, д'Артаньянъ уже узналъ г-жу Бонасье. Г-жа Бонасье! Подозрѣніе, что это была именно она, уже промелькнуло у него въ головѣ еще въ ту минуту, какъ она вынула платокъ изъ своего кармана, но возможно ли, чтобы г-жа Бонасье, пославшая его за г. де-ля-Портомъ съ тѣмъ, чтобы онъ проводилъ ее въ Лувръ, вдругъ бѣгаетъ по улицамъ Парижа одна, въ одиннадцать съ половиною часовъ вечера, рискуя быть похищенной вторично?!

Нужно предполагать, что это дѣлалось по какому нибудь очень важному дѣлу; а что можетъ быть особенно важнаго у двадцати-пятилѣтней женщины? Любовь.

Но подвергалась ли она такой опасности лично для себя или ради какой нибудь другой особы? Вотъ что спрашивалъ самъ себя молодой человѣкъ, котораго демонъ ревности кольнулъ уже въ сердце, какъ будто бы онъ былъ дѣйствительно ни больше, ни меньше, какъ ея любовникъ.

Впрочемъ, было самое простое средство удостовѣриться, куда идетъ г-жа Бонасье: это — слѣдовать за ней. Это средство было настолько просто, что д'Артаньянъ совершенно инстинктивно прибѣгнулъ къ нему.

Но при видѣ молодого человѣка, который, точно статуя изъ ниши, отдѣлился отъ стѣны и при шумѣ шаговъ, раздавшихся позади нея, г-жа Бонасье вскрикнула и пустилась бѣжать.

Д'Артаньянъ пустился за ней. Конечно, для него было вовсе не трудно догнать женщину, запутавшуюся въ плащѣ; едва успѣла она пройти треть улицы, какъ онъ уже догналъ ее. Несчастная женщина изнемогала не отъ усталости, но отъ страха, и когда д'Артаньянъ

положилъ ей руку на плечо, она упала на колѣни, и вскричала сдавленнымъ голосомъ:

— Убейте меня, если хотите, вы ничего не узнаете.

Д'Артаньянъ обнялъ ее за талію и поднялъ, но, чувствуя по ея тяжести, что она готова была лишиться чувствъ, онъ поспѣшилъ успокоить ее увѣреніемъ въ своей преданности. Эти увѣренія мало успокоивали г-жу Бонасье, потому что говорившій ихъ могъ имѣть въ то же самое время самыя дурныя на свѣтѣ намѣренія, но вся суть была въ голосѣ. Молодой женщинѣ показалось, что она узнала этотъ голосъ: она открыла глаза, бросила взглядъ на человѣка, который такъ напугалъ ее и, узнавши д'Артаньяна, радостно вскрикнула.

— О! это вы, это вы! сказала она; благодарю, Боже!

— Да, это я, сказалъ д'Артаньянъ,—я, посланный Богомъ заботиться о васъ.

— Развѣ съ этимъ намѣреніемъ вы гнались за мной? спросила съ самой кокетливой улыбкой молодая женщина, немножко насмѣшливый характеръ которой взялъ верхъ и у которой тотчасъ же исчезла всякая боязнь, какъ только она признала друга въ человѣкѣ, принимаемомъ ею за врага.

— Нѣтъ, сказалъ д'Артаньянъ,—нѣтъ, я признаюсь въ этомъ; случай привелъ меня на вашъ путь; я увидѣлъ, какъ одна женщина постучалась въ окно къ одному изъ моихъ друзей...

— Къ одному изъ вашихъ друзей? прервала г-жа Бонасье.

— Безъ сомнѣнія; Арамисъ одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Арамисъ! Что это такое?

— Полноте, ужъ не скажете ли вы мнѣ, что не знаете Арамиса?

— Въ первый разъ я слышу это имя.

— Такъ, значитъ, вы въ первый разъ пришли въ этотъ домъ?

— Безъ сомнѣнія.

— И вы не знали, что въ этомъ домѣ живетъ молодой человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Мушкетеръ?

— Вовсе нѣтъ.

— Такъ, значитъ, вы пришли сюда искать не его?

— Ничего подобнаго. Къ тому же, вы сами хорошо видѣли, что особа, съ которой я говорила, была женщина.

— Это правда; но эта женщина одна изъ друзей Арамиса.

— Я ничего этого не знаю.

— Такъ какъ она живетъ у него.

— Это до меня не касается.

— Но кто она?

— О, это не моя тайна.

— Милая г-жа Бонасье, вы очаровательны, но въ то же время вы одна изъ самыхъ таинственныхъ женщинъ.

— Развѣ я отъ этого что нибудь теряю?

— Нѣтъ, напротивъ, вы обворожительны.

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ вашу руку.

— Очень охотно. И теперь?

— Теперь проводите меня.

— Но куда?

— Туда, куда я иду.

— Но куда вы идете?

— Вы это увидите, такъ какъ вы проводите меня до самыхъ дверей.

— Нужно ли, чтобы я подождалъ васъ?

— Это будетъ безполезно.

— Такъ значитъ, вы вернетесь однѣ?

— Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ.

— Но особа, которая затѣмъ будетъ сопровождать васъ, будетъ ли это мужчина или женщина?

— Я ничего еще не знаю.

— Но зато я узнаю!

— Какимъ образомъ?

— Я васъ дождусь, чтобъ видѣть, съ кѣмъ вы выйдете.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте!

— Какъ такъ?

— Мнѣ васъ не нужно.

— Но вы сами просили...

— Помощи дворянина, но никакъ не желала попасть подъ надзоръ шпіона.

— Немножко рѣзкое выраженіе!

— А какъ называете вы тѣхъ, которые преслѣдуютъ людей противъ ихъ желанія?

— Нескромными.

— Слишкомъ слабое выраженіе.

— Идемте. Я вижу, г-жа Бонасье, что надо исполнять все, что вы желаете.

— Вы раскаиваетесь?

— Ничего не знаю. Но я знаю только то, что обѣщаю исполнить вамъ все, что вы хотите, если вы позволите мнѣ васъ проводить туда, куда вы идете.

— И затѣмъ вы меня оставите?

— Да.

— И когда я выйду, не будете за мной подсматривать?

— Нѣтъ.

— Честное слово?

— Слово дворянина.

— Въ такомъ случаѣ, берите меня подъ руку и идемте.

Д'Артаньянъ подалъ руку г-жѣ Бонасье, которая оперлась на нее, хохоча и дрожа въ одно и то же время, и оба вмѣстѣ достигли начала улицы де-ла-Гарпъ. Придя туда, молодая женщина, казалось, остановилась въ нерѣшительности, какъ это уже съ ней было въ улицѣ Вожираръ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ признакамъ, казалось, она узнала одну дверь и подошла къ ней.

— А теперь, сказала она,—у меня именно здѣсь есть дѣло. Тысячу благодарностей за ваше милое общество; оно спасло меня отъ многихъ опасностей, которымъ, будучи одна, я подвергалась. Но настало время, когда вы должны сдержать ваше слово; я достигла мѣста своего назначенія.

— И возвращаясь, вамъ нечего будетъ бояться?

— Я могу бояться только воровъ.

— Но развѣ этого мало?

— Но что они могутъ взять у меня? У меня нѣтъ ни гроша.

— А вы забыли о вышитомъ платкѣ съ гербами?

— Какой?

— Тотъ, что я нашелъ у вашихъ ногъ и снова положилъ вамъ въ карманъ.

— Замолчите, замолчите, несчастный! вскричала молодая женщина.—Вы хотите меня погубить?

— Вы хорошо сами видите, что для васъ есть опасность, такъ какъ одно слово заставляетъ васъ дрожать, и сами сознаетесь, что, если бы кто слышалъ это слово— вы погибли. Ахъ! послушайте, г-жа Бонасье, вскричалъ д'Артаньянъ, схвативъ ея руку и бросая на нее пламенный взглядъ,—слушайте, будьте болѣе великодушны, довѣрьтесь мнѣ; развѣ вы не читаете въ моихъ глазахъ, что въ моемъ сердцѣ нѣтъ ничего, кромѣ преданности и расположенія къ вамъ!

— Напротивъ, отвѣчала г-жа Бонасье,—спросите у меня о моихъ тайнахъ, я вамъ скажу ихъ, но тайна другихъ— это совсѣмъ иное дѣло.

— Хорошо, сказалъ д'Артаньянъ,—я ихъ открою; такъ какъ эти тайны могутъ повліять на вашу жизнь, необходимо, чтобы они сдѣлались моими.

— Берегитесь этого! вскричала молодая женщина съ такой серьезностью, которая заставила содрогнуться д'Артаньяна помимо его воли.—О! не вмѣшивайтесь въ то, что меня касается, не пробуйте, не старайтесь помочь мнѣ въ томъ, что я исполняю; прошу васъ объ этомъ во имя того участія, которое я вамъ внушаю, во имя услуги, которую вы мнѣ оказали и которую я не забуду во всю мою жизнь. Повѣрьте, лучше повѣрьте всему, что я говорю вамъ. Не занимайтесь болѣе мною, я болѣе для васъ не существую, какъ будто бы вы никогда меня не встрѣчали.

— Долженъ ли и Арамисъ поступить такъ же, какъ я, г-жа Бонасье? спросилъ обиженный д'Артаньянъ.

— Вотъ уже два или три раза, какъ вы произнесли

это имя, а между тѣмъ я уже вамъ сказала, что я его вовсе не знаю.

— Вы не знаете человѣка, къ которому постучали въ окно. Послушайте же, г-жа Бонасье, вы считаете меня, однако, слишкомъ легковѣрнымъ!

— Сознайтесь, что вы выдумали всю эту исторію и создали это лицо для того, чтобы заставить меня высказаться?

— Я ничего не выдумываю и ничего не создаю, сударыня, я говорю истинную правду.

— И вы говорите, что одинъ изъ вашихъ друзей живетъ въ этомъ домѣ?

— Я говорю и повторяю въ третій разъ: этотъ домъ тотъ самый, въ которомъ живетъ мой другъ, а этотъ другъ—Арамисъ.

— Все это впослѣдствіи объяснится, прошептала молодая женщина,—а теперь, замолчите.

— Если бы вы могли открыто читать въ моемъ сердцѣ, сказалъ д'Артаньянъ, — вы бы нашли тамъ такъ много любопытства, что сжалились бы надо мной, и столько любви, что сейчасъ бы удовлетворили мое любопытство. Нечего опасаться тѣхъ, которые васъ любятъ.

— Вы слишкомъ рано заговорили о любви, сказала молодая женщина, качая головой.

— Это потому, что любовь быстро меня охватила и въ первый разъ въ моей жизни, а мнѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ.

Молодая женщина украдкой взглянула на него.

— Послушайте, я уже напалъ на слѣдъ, сказалъ д'Артаньянъ.—Три мѣсяца тому назадъ я чуть не дрался на дуэли съ Арамисомъ изъ-за такого же точно платка, который вы показывали женщинѣ, бывшей у него, изъ-за платка, помѣченнаго точно такой мѣткой, я въ этомъ увѣренъ.

— Милостивый государь, сказала молодая женщина,— вы мнѣ страшно надоѣдаете, клянусь вамъ, со всѣми этими вопросами.

— Но вы такая осторожная, г-жа Бонасье, подумайте о томъ, что вдругъ васъ арестуютъ съ этимъ платкомъ,

и этотъ платокъ будетъ взятъ, не будете ли вы этимъ скомпрометированы?

— Почему это? Развѣ на немъ не такія же начальныя буквы, какъ и мои: К. Б., Констанція Бонасье.

— Или Камиль де-Буа Трасси.

— Молчите, еще разъ молчите! Ахъ, если опасность, которой я подвергаюсь, не останавливаетъ васъ, подумайте о томъ, чему вы сами подвергаетесь.

— Я?

— Да, вы. Изъ-за меня вамъ грозитъ тюрьма, опасность для вашей жизни.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ больше не покидаю.

— Милостивый государь, обратилась къ нему молодая женщина, съ мольбою складывая руки,—именемъ неба, именемъ чести военнаго, именемъ дворянина, удалитесь, умоляю; слушайте, бьетъ полночь, это часъ, когда меня ждутъ.

— Сударыня, сказалъ молодой человѣкъ, кланяясь.—Я не съумѣю отказать ни въ чемъ той, кто меня такъ проситъ, будьте довольны, я удаляюсь.

— Но вы не станете слѣдить за мною, не станете подсматривать?

— Я сію же минуту возвращаюсь домой.

— Ахъ, я знала, что вы честный молодой человѣкъ! вскричала г-жа Бонасье, протягивая ему одну руку, а другою берясь за молотокъ маленькой двери, почти скрытой въ стѣнѣ.

Д'Артаньянъ схватилъ руку, которую ему протянули, и горячо поцѣловалъ ее.

— Ахъ, я бы хотѣлъ лучше никогда не встрѣчать васъ, вскричалъ д'Артаньянъ съ той грубой наивностью, которую женщины часто предпочитаютъ учтивому притворству, потому что она открываетъ глубину мысли и служитъ доказательствомъ, что чувство беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

— Ну, что же, возразила г-жа Бонасье почти ласкающимъ голосомъ, сжимая руку д'Артаньяна, который не выпускалъ ея изъ своей;—ну, что же, я не скажу, пожа-

луй, того же, что вы: то, что потеряно на сегодня, не потеряно въ будущемъ. Кто знаетъ: можетъ быть я и удовлетворю ваше любопытство въ тотъ день, когда меня освободятъ отъ даннаго слова?

— А даете ли вы такое же обѣщаніе относительно моей любви? вскричалъ д'Артаньянъ, внѣ себя отъ радости.

— О, что до этого, я нисколько не хочу себя связывать: это зависитъ отъ чувства, которое вы съумѣете внушить мнѣ.

— И такъ, сегодня, сударыня...

— Сегодня я еще не иду далѣе благодарности на словахъ.

— Ахъ, вы слишкомъ очаровательны, съ грустью сказалъ д'Артаньянъ,—и злоупотребляете моею любовью.

— Нѣтъ, я пользуюсь вашимъ великодушіемъ, вотъ и все. Но повѣрьте мнѣ, съ нѣкоторыми людьми ничего не пропадаетъ.

— О, вы дѣлаете меня самымъ счастливымъ человѣкомъ; не забудьте этого вечера, не забудьте этого обѣщанія.

— Будьте спокойны, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я все вспомню. И такъ, уходите же, уходите, именемъ неба. Меня ждали ровно въ двѣнадцать часовъ, и я опоздала.

— Пятью минутами.

— Да, но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ это все равно что пять столѣтій.

— Когда любятъ.

— Ну, что-жъ, кто же вамъ сказалъ, что я имѣю дѣло не съ влюбленнымъ?

— Такъ васъ ждетъ мужчина? вскричалъ д'Артаньянъ,— мужчина?

— Ну, вотъ, опять начнется споръ, сказала г-жа Бонасье съ полуулыбкой, носившей оттѣнокъ нетерпѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ухожу, я удаляюсь, я вамъ вѣрю, я хочу вознагражденія по заслугамъ за мою предан-

ность, если эта преданность даже окажется глупостью. Прощайте, сударыня, прощайте.

И, точно не чувствуя въ себѣ достаточно силы оторваться отъ руки, которую онъ держалъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и удалился бѣгомъ, между тѣмъ какъ г-жа Бонасье точно такъ же, какъ въ ставню, постучала молоткомъ три раза медленно и равномѣрно. Д'Артаньянъ, дойдя до угла улицы, обернулся и видѣлъ, какъ дверь отворилась и снова заперлась, и хорошенькая жена торговца скрылась.

Д'Артаньянъ продолжалъ свой путь; онъ далъ слово не подсматривать за г-жей Бонасье, и если бы даже ея жизнь зависѣла отъ того мѣста, куда она отправилась, или отъ лица, которое должно будетъ ее сопровождать, д'Артаньянъ все-таки вернулся бы къ себѣ, разъ уже онъ далъ слово, что вернется. Пять минутъ спустя, онъ былъ въ улицѣ Могильщиковъ.

— Бѣдный Атосъ, говорилъ онъ,—онъ не будетъ знать, что все это значитъ. Онъ заснетъ въ ожиданіи меня, или вернется къ себѣ и, вернувшись, узнаетъ, что къ нему приходила какая-то женщина. У Атоса женщина! Въ концѣ-концовъ у Арамиса же есть одна, продолжалъ д'Артаньянъ, все это очень странно и мнѣ очень интересно знать, чѣмъ все это кончится!

— Худо, баринъ, худо, отвѣтилъ чей-то голосъ, въ которомъ молодой человѣкъ узналъ голосъ Планше.

Громко разговаривая самъ съ собой, какъ это дѣлаютъ люди очень озабоченные, д'Артаньянъ углубился въ аллею, въ концѣ которой была лѣстница, ведущая въ его комнату.

— Что худо? Что ты хочешь сказать, дуракъ, спросилъ д'Артаньянъ,—что случилось?

— Несчастья.

— Какія?

— Прежде всего, г. Атосъ арестованъ.

— Арестованъ? Атосъ арестованъ? За что?

— Его нашли у васъ и приняли за васъ.

— Но кѣмъ онъ арестованъ?

— Гвардейцами, за которыми сходили полицейскіе, обращенные вами въ бѣгство.

— Отчего онъ не назвалъ себя? Отчего онъ не сказалъ, что не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ?

— О, онъ, баринъ, очень поостерегся это сдѣлать, напротивъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Твоему барину необходимо быть на свободѣ въ эту минуту, а не мнѣ, такъ какъ ему все извѣстно, а мнѣ ничего. Будутъ думать, что онъ арестованъ, а онъ воспользуется этимъ временемъ. Черезъ 3 дня я скажу, кто я, и тогда принуждены будутъ меня выпустить».

— Браво, Атосъ, благородное сердце! прошепталъ д'Артаньянъ,—я узнаю его въ этомъ поступкѣ! А что сдѣлали сыщики?

— Четверо изъ нихъ увели его, я не знаю, въ Бастилію или въ Форъ-Левекъ; двое остались съ полицейскими, которые все обыскали и взяли всѣ бумаги; наконецъ двое послѣднихъ во время этого обыска, стояли на сторожѣ у дверей, а затѣмъ, когда все было кончено, они ушли, оставивъ домъ пустымъ и совсѣмъ открытымъ.

— А Портосъ и Арамисъ?

— Я не нашелъ ихъ, они не приходили.

— Но они могутъ придти съ минуты на минуту, потому что ты велѣлъ имъ сказать, что ихъ ждутъ?

— Да, баринъ.

— Въ такомъ случаѣ не трогайся отсюда; если они придутъ, предупреди ихъ обо всемъ, что со мной случилось, и пусть они меня подождутъ въ тавернѣ Помъ-де-Пенъ; здѣсь было бы опасно, за домомъ шпіонятъ. Я бѣгу къ де-Тревилю, чтобы донести ему обо всемъ, и затѣмъ присоединюсь къ нимъ.

— Слушаю, баринъ, сказалъ Пляншe.

— Но ты останешься, не струсишь? сказалъ д'Артаньянъ, снова возвращаясь, чтобы внушить побольше храбрости своему слугѣ.

— Будьте покойны, баринъ, сказалъ Пляншe,—вы еще меня не знаете; я храбръ, будьте увѣрены: вѣдь стоитъ только сдѣлать первый шагъ. Къ тому же, я пикардіецъ.

— Итакъ, условимся, сказалъ д'Артаньянъ:—ты дашь себя убить скорѣе, чѣмъ оставишь свой постъ.

— Да, баринъ, я сдѣлаю все, чтобы доказать вамъ, что я вамъ преданъ.

— Хорошо, подумалъ д'Артаньянъ,—кажется, принятый мной образъ дѣйствій съ этимъ малымъ положительно хорошъ: при случаѣ я имъ воспользуюсь.

И хотя д'Артаньянъ былъ уже немного утомленъ бѣготней цѣлаго дня, но со всѣхъ ногъ пустился бѣжать по направленію къ улицѣ Голубятни.

Де-Тревиля не было дома; его рота была на дежурствѣ въ Луврѣ и онъ былъ тамъ. Необходимо было во что бы то ни стало добраться до де-Тревиля; очень важно было предупредить его обо всемъ, что случилось, и д'Артаньянъ рѣшился попробовать пройти въ Лувръ. Его костюмъ гвардейца роты Дезессара долженъ былъ послужить ему паспортомъ. Итакъ, онъ спустился въ улицу Маленькихъ Августиновъ, вышелъ на набережную, чтобы пройти по Новому Мосту. Одну минуту у него промелькнула мысль переѣхать на паромѣ, но, дойдя до берега, онъ машинально опустилъ руку въ карманъ и оказалось, что у него нечѣмъ заплатить перевозчику.

Когда онъ уже дошелъ до начала улицы Генэ, онъ увидѣлъ, что изъ улицы Дофинэ вышли два человѣка, походка которыхъ его поразила. Одинъ изъ нихъ—мужчина, другой—женщина.

Женщина манерами напоминала г-жу Бонасье, а мужчина былъ такъ похожъ на Арамиса, что его легко можно было принять за него. Къ тому же, на женщинѣ былъ тотъ самый черный плащъ, который вырисовывался на ставнѣ улицы Вожираръ и который д'Артаньянъ видѣлъ въ улицѣ де-ла-Гарпъ; даже больше: мужчина былъ въ мундирѣ мушкетера.

Капюшонъ плаща у женщины былъ опущенъ, а мужчина держалъ платокъ у лица; этой двойной предосторожностью оба показывали, что они не хотѣли быть узнанными.

Они пошли на мостъ; д'Артаньяну предстояла та

же самая дорога, такъ какъ онъ направлялся въ Лувръ: д'Артаньянъ послѣдовалъ за ними. Онъ не сдѣлалъ еще и двадцати шаговъ, какъ уже вполнѣ убѣдился, что эта женщина была г-жа Бонасье, а мужчина — Арамисъ. Д'Артаньянъ въ ту же минуту почувствовалъ ревность, взволновавшую его сердце. Ему вдвойнѣ измѣнили: и его другъ и та, которую онъ уже любилъ какъ любовницу. Г-жа Бонасье клялась ему всѣми святыми, что она не знала Арамиса, и четверть часа спустя послѣ того, какъ она дала ему эту клятву, онъ встрѣчаетъ ее подъ руку съ Арамисомъ.

Д'Артаньянъ не подумалъ только о томъ, что онъ знаетъ хорошенькую жену торговца всего какихъ нибудь три часа, что она ему ничѣмъ не обязана, кромѣ нѣкоторой признательности за то, что онъ освободилъ ее отъ полицейскихъ, намѣревавшихся ее истязать, и что она ему ничего не обѣщала. Онъ счелъ себя оскорбленнымъ любовникомъ, которому измѣнили, котораго осмѣяли: кровь бросилась ему въ лицо и онъ рѣшился все себѣ уяснить.

Молодая женщина и молодой человѣкъ замѣтили, что за ними слѣдятъ, и ускорили шаги.

Д'Артаньянъ пустился бѣгомъ, обогналъ ихъ и затѣмъ повернулъ прямо къ нимъ въ ту самую минуту, когда она были передъ Самаритянкой, освѣщенной фонаремъ, бросавшимъ свѣтъ на всю эту часть моста.

Д'Артаньянъ остановился передъ ними, а они остановились передъ нимъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ мушкетеръ, отступая на шагъ и произнося эти слова съ такимъ иностраннымъ акцентомъ, который доказалъ д'Артаньяну, что онъ ошибся въ одномъ изъ своихъ предположенiй.

— Это не Арамисъ! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, не Арамисъ; изъ вашего восклицанiя я вижу, что вы меня приняли за другого и потому прощаю васъ.

— Вы меня прощаете! вскричалъ д'Артаньянъ.

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ.—Пропустите же меня, такъ какъ у васъ дѣло не со мной.

— Вы правы, сказалъ д'Артаньянъ,—я не съ вами имѣю дѣло, а съ этой дамой.

— Съ этой дамой! вы ее не знаете, сказалъ иностранецъ.

— Вы ошибаетесь, я ее знаю.

— Ахъ! сказала г-жа Бонасье съ упрекомъ;—ахъ, вы дали мнѣ слово военнаго, поклялись честью дворянина; я думала, что могу положиться на это.

— А я, сударыня, сказалъ смущенный д'Артаньянъ...— вы обѣщали мнѣ...

— Возьмите меня подъ руку, сударыня, сказалъ иностранецъ,—и пойдемте далѣе.

Между тѣмъ д'Артаньянъ, ошеломленный, убитый, уничтоженный всѣмъ случившимся, стоялъ, сложа руки, передъ мушкетеромъ и его дамой. Мушкетеръ сдѣлалъ два шага впередъ и отстранилъ д'Артаньяна рукой.

Д'Артаньянъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ и обнажилъ шпагу.

Въ ту же минуту, съ быстротою молніи, незнакомецъ вынулъ свою.

— Ради Бога, милордъ! вскричала г-жа Бонасье, бросаясь между сражающимися и прямо хватаясь за шпаги.

— Милордъ! вскричалъ д'Артаньянъ, озаренный внезапной мыслью.—Милордъ! простите, но... вы не...

— Милордъ герцогъ Букингамъ, сказала г-жа Бонасье потихоньку; и теперь вы можете насъ всѣхъ погубить.

— Милордъ, сударыня, простите, тысячу разъ прошу простите; но я люблю ее и ревную; вы знаете сами, милордъ, что значитъ любить; простите меня и научите, какъ я могу пожертвовать своей жизнью для вашей милости.

— Вы храбрый молодой человѣкъ, сказалъ Букингамъ, протягивая ему руку, которую послѣдній почтительно пожалъ;—вы предлагаете мнѣ ваши услуги — я принимаю ихъ; слѣдуйте за нами до Лувра на разстояніи двадцати шаговъ, и если замѣтите, что кто нибудь за нами слѣдитъ, убейте его.

Д'Артаньянъ взялъ подъ мышку обнаженную шпагу, на двадцать шаговъ впереди себя пропустилъ г-жу Бонасье и герцога и пошелъ вслѣдъ за ними, готовый буквально исполнить приказаніе благороднаго и изящнаго министра Карла I.

Но, къ счастью, молодому человѣку не представилось случая доказать герцогу свою преданность, и молодая женщина, и красивый мушкетеръ вошли въ Лувръ черезъ калитку въ улицѣ Лѣстницы, никѣмъ не обезпокоенные.

А д'Артаньянъ тотчасъ же отправился въ таверну Помъ-де-Пенъ, гдѣ нашелъ Портоса и Арамиса, ожидавшихъ его.

Но, не давши имъ никакого другого объясненія относительно причиненнаго имъ безпокойства, онъ сказалъ, что покончилъ одинъ все дѣло, для котораго, казалось одну минуту, нужна будетъ ихъ помощь.

А теперь предоставимъ тремъ пріятелямъ вернуться каждому къ себѣ домой и послѣдуемъ по закоулкамъ Лувра за герцогомъ Букингамомъ и его путеводительницей.

XII.

Жоржъ Вилье, герцогъ Букингамъ.

Г-жа Бонасье и герцогъ Букингамъ безпрепятственно вошли въ Лувръ; всѣмъ было извѣстно, что г-жа Бонасье принадлежитъ къ штату королевы; на герцогѣ была форма мушкетеровъ де-Тревиля, которые, какъ мы сказали, стояли въ этотъ вечеръ въ караулѣ. Къ тому же, Жерменъ былъ на сторонѣ королевы, и если бы что нибудь случилось, г-жу Бонасье обвинили бы въ томъ, что она привела въ Лувръ своего любовника—вотъ и только: она брала на себя все преступленіе: ея репутація была потеряна, это правда, но какую цѣну для свѣта представляла репутація жены мелкаго торговца?

Герцогъ и молодая женщина, попавъ во внутренность двора, прошли еще приблизительно шаговъ двадцать пять вдоль стѣны и, когда прошли это разсто-

яніе, г-жа Бонасье толкнула маленькую дверь, которая днемъ была открыта, а на ночь обыкновенно запиралась; дверь отворилась; оба вошли и очутились въ темнотѣ, но г-жа Бонасье знала всѣ повороты и закоулки этой части Лувра, предназначенной для свиты. Она затворила за собою дверь, взяла герцога за руку, сдѣлала нѣсколько шаговъ ощупью, схватилась за перила, нащупала ногой первую ступеньку и стала подниматься по лѣстницѣ: герцогъ сосчиталъ два этажа. Тогда они повернули направо, прошли длинный корридоръ, спустились опять однимъ этажемъ ниже, сдѣлали еще нѣсколько шаговъ; г-жа Бонасье вложила ключъ въ замокъ, открыла дверь и пропустила герцога въ комнату, освѣщенную только ночникомъ, причёмъ сказала: «Оставайтесь здѣсь, милордъ-герцогъ, сейчасъ придутъ». Послѣ этого она вышла въ ту же дверь, которую заперла на ключъ, такъ что герцогъ очутился буквально плѣнникомъ.

Впрочемъ, оставшись, какъ мы сказали, въ полномъ одиночествѣ, герцогъ Букингамъ не чувствовалъ ни малѣйшаго страха: отличительной чертой его характера была любовь къ приключеніямъ и къ романическимъ похожденіямъ. Храбрый, смѣлый, предпріимчивый, не въ первый уже разъ онъ рисковалъ своею жизнью въ подобныхъ похожденіяхъ; онъ узналъ, что мнимое посланіе Анны Австрійской, въ которое онъ повѣрилъ и пріѣхалъ въ Парижъ, было западней, и вмѣсто того, чтобы вернуться въ Англію, онъ, злоупотребляя тѣмъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ, объявилъ королевѣ, что не уѣдетъ, не повидавшись съ ней. Сначала королева положительно отказала, но затѣмъ стала опасаться, чтобы герцогъ, въ отчаяніи, не сдѣлалъ какой нибудь глупости. Она уже рѣшилась принять его и упросить его тотчасъ же уѣхать, какъ вдругъ, въ тотъ самый вечеръ, какъ было принято это рѣшеніе, г-жа Бонасье, которой было поручено отправиться за герцогомъ и привести его въ Лувръ, была похищена. Въ продолженіе двухъ дней совершенно не знали, что съ ней сталось, и дѣло остановилось на полпути. Но какъ только она осво-

бодилась, какъ только снова вступила въ сношенія съ де-ла-Портомъ, дѣла пошли своимъ чередомъ и она только что исполнила опасное порученіе, которое, если бы не была арестована, она исполнила бы тремя днями раньше.

Букингамъ, оставшись одинъ, подошелъ къ зеркалу. Одежда мушкетера удивительно шла къ нему.

Въ это время, когда ему было 35 лѣтъ, онъ по справедливости считался самымъ элегантнымъ джентльменомъ и самымъ изящнымъ кавалеромъ Франціи и Англіи. Любимецъ двухъ королей, милліонеръ, всемогущій въ королевствѣ, которое онъ приводилъ въ волненіе по своей фантазіи и успокаивалъ по своему капризу, Жоржъ Вилье, герцогъ Букингамъ, велъ жизнь, полную такими баснословными событіями, которыя, становясь легендарными, остаются въ памяти въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій на удивленіе потомства. Полагаясь на самого себя, убѣжденный въ своемъ могуществѣ, увѣренный, что законы, управляющіе другими людьми, не могутъ коснуться его, онъ всегда шелъ прямо къ предназначенной имъ цѣли, хотя бы эта цѣль была такъ высока и ослѣпительна, что другому показалось бы безуміемъ только помыслить о ней. Дѣйствуя именно такъ, ему и удалось нѣсколько разъ видѣться съ прекрасной, гордой Анной Австрійской и силой обольщенія заставить ее полюбить себя.

Жоржъ Вилье сталъ, какъ мы сказали, передъ зеркаломъ, поправилъ свои прекрасные волнистые волосы, примятые немного шляпой, закрутилъ усы и съ сердцемъ, исполненнымъ радости, счастливый и гордый достиженіемъ такъ давно ожидаемой и желанной минуты, онъ самодовольно улыбнулся самъ себѣ. Въ эту минуту дверь, скрытая обоями, отворилась и показалась женщина. Букингамъ видѣлъ это появленіе въ зеркалѣ и вскрикнулъ: это была королева.

Аннѣ Австрійской было тогда 26, 27 лѣтъ, то есть она была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты.

Ея походка—была походка королевы или богини; ея

глаза, съ изумруднымъ отливомъ, были замѣчательно красивы и въ то же время выражали кротость и величіе. У нея былъ маленькій ротикъ, и хотя ея нижняя губа, какъ вообще у принцевъ Австрійскаго дома, слегка выдавалась впередъ, онъ былъ въ высшей степени граціозенъ, когда она улыбалась, но за то носилъ выраженіе глубокаго презрѣнія въ минуту гнѣва. Нѣжность и бархатистость ея кожи были извѣстны; ея руки были поразительной красоты и всѣ поэты того времени воспѣвали ихъ, называя несравненными. Наконецъ, ея волосы, которые изъ свѣтло-русыхъ, какими они были въ молодости, сдѣлались каштановыми, были слегка завиты и сильно напудрены; они восхитительно обрамляли лицо ея, которому самый строгій критикъ не могъ бы пожелать ничего болѣе, какъ только немного поменьше румянъ, и самый требовательный ваятель — немножко болѣе изящества въ очертаніи носа. На одну минуту Букингамъ остановился, точно ослѣпленный; никогда Анна Австрійская не казалась ему такой прекрасной на балахъ, на праздникахъ, на каруселяхъ, какъ въ эту минуту, одѣтая въ простое бѣлое атласное платье. Ея сопровождала донна Стефанія, единственная изъ ея приближенныхъ испанокъ, которая не была выгнана ревностью короля и преслѣдованіями Ришелье. Анна Австрійская сдѣлала два шага впередъ; Букингамъ бросился къ ея ногамъ, и прежде чѣмъ королева успѣла помѣшать ему, поцѣловалъ подолъ ея платья.

— Герцогъ, вы уже знаете, что это не я писала вамъ.

— О, да, королева, да, ваше величество! вскричалъ герцогъ;—я зналъ, что былъ съумасшедшимъ, безумцемъ, вообразивъ, что снѣгъ оживится, что мраморъ согрѣется; но что дѣлать: когда любятъ, легко вѣрится въ любовь; къ тому же, у меня не все потеряно въ этомъ путешествіи, такъ какъ я вижу васъ.

— Да, отвѣчала Анна,—но вы знаете, какъ и зачѣмъ я вижусь съ вами: нечувствительный ко всѣмъ моимъ страданіямъ, вы упорно остаетесь въ городѣ, рискуете вашей жизнью и заставляете рисковать меня моимъ сча-

стіемъ; я согласилась увидиться съ вами для того, чтобы сказать вамъ, что насъ все раздѣляетъ: глубина моря, вражда королевствъ, святость клятвъ. Было бы святотатствомъ бороться противъ столькихъ препятствій, милордъ. Я вижусь съ вами, наконецъ, для того, чтобы сказать вамъ, что мы не должны съ вами больше видѣться.

— Говорите, говорите, королева, сказалъ Букингамъ,— пріятность вашего голоса смягчаетъ суровость вашихъ словъ. Вы говорите о святотатствѣ, но святотатство именно въ разлукѣ двухъ сердецъ, созданныхъ Богомъ одинъ для другого.

— Милордъ, вскричала королева,—вы забываете, что я никогда не говорила, что люблю васъ!

— Но за то вы также никогда не говорили, что не любите меня, и, право, если бы вы сказали это, подобныя слова со стороны вашего величества были бы большой неблагодарностью, потому что, скажите мнѣ, гдѣ можно найти любовь, подобную моей, любовь, которую ни время, ни отсутствіе, ни отчаяніе не могутъ потушить; любовь, которая довольствуется оброненной ленточкой, брошеннымъ взглядомъ, нечаянно вырвавшимся словомъ?

«Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, королева, въ первый разъ, три года протекло, такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я люблю васъ.

«Хотите, чтобы я разсказалъ вамъ, какъ вы были одѣты въ тотъ первый разъ, когда я увидѣлъ васъ? хотите, я разскажу вамъ малѣйшую подробность украшеній вашего туалета? Слушайте, я точно теперь еще вижу васъ: вы сидѣли на подушкѣ, по-испанскому обычаю; на васъ было зеленое атласное платье, вышитое золотомъ и серебромъ, съ длинными ниспадающими рукавами, прикрѣпленными на вашихъ прекрасныхъ, восхитительныхъ рукахъ огромными брилліантами; на васъ были высокія брыжжи, на головѣ маленькій чепчикъ подъ цвѣтъ вашего платья, а на чепчикѣ перышко цапли. О, слушайте, слушайте, я закрываю глаза и вижу васъ такою, какою вы тогда

были; если я ихъ открываю, я вижу васъ такой, каковы вы теперь, то есть во 100 разъ еще прекраснѣе.

— Какое сумасшествіе, какое безуміе, прошептала Анна Австрійская, не имѣвшая мужества разсердиться на герцога за то, что онъ такъ хорошо сохранилъ въ сердцѣ ея портретъ;—какое безуміе поддерживать безполезную страсть подобными воспоминаніями!

— Но чѣмъ же хотите вы, чтобъ я жилъ! У меня нѣтъ ничего, кромѣ воспоминаній: это мое счастіе, мое сокровище, моя надежда. Каждый разъ, что я васъ вижу, однимъ брилліантомъ прибавляется больше въ ларчикѣ моего сердца: это будетъ четвертый брилліантъ, что вы роняете, а я поднимаю, потому что въ три года, королева, я васъ видѣлъ всего четыре раза: первый разъ, который я вамъ только что описалъ, второй—у г-жи де-Шеврёзъ, третій въ Амьенскихъ садахъ.

— Герцогъ, сказала королева, краснѣя,—не напоминайте объ этомъ вечерѣ!

— О, напротивъ, королева, будемте, будемте говорить о немъ; это одинъ изъ счастливѣйшихъ и блестящихъ вечеровъ моей жизни. Помните, какая была прекрасная ночь! Какой былъ теплый, благоуханный воздухъ! Какое было голубое небо, все усѣянное звѣздами!

«Ахъ, въ этотъ разъ, королева, я могъ быть съ вами наединѣ хоть одну минуту, въ этотъ разъ вы готовы были мнѣ все сказать, все довѣрить—одиночество вашей жизни, печали вашего сердца. Вы опирались на мою руку вотъ на эту. Я чувствовалъ, наклоняя голову въ вашу сторону, какъ ваши прекрасные волосы касались моего лица, и при каждомъ прикосновеніи я дрожалъ съ головы до ногъ. О, королева, королева, вы не знаете, сколько небеснаго блаженства, райской радости заключаетъ въ себѣ подобная минута! Слушайте: всѣ мои богатства, все состояніе, мою славу, всѣ дни, которые остается мнѣ жить—я пожертвую всѣмъ за подобную минуту, за подобную ночь, потому что въ эту ночь, королева, въ эту ночь, клянусь вамъ, вы любили меня.

— Милордъ, возможно, да, что вліяніе мѣстности, оча-

рованіе этого чуднаго вечера, обаяніе вашего взгляда однимъ словомъ, тысячи этихъ мелкихъ случайностей, соединяющихся иногда для того, чтобы погубить женщину, столпились около меня въ этотъ роковой вечеръ; но вы видѣли, милордъ, королева пришла на помощь женщинѣ, силы которой слабѣли; при первомъ словѣ, которое вы осмѣлились сказать мнѣ, при первой дерзости, на которую нужно было отвѣтить, я позвала.

— О, да, да, это правда, и другая любовь не устояла бы противъ такого испытанія, но моя любовь стала отъ этого еще пламеннѣе, безпредѣльнѣе. Вы думали уйти отъ меня, вернувшись въ Парижъ, вы думали, что я не посмѣю оставить сокровище, которое мой государь довѣрилъ мнѣ и поручилъ моему присмотру. Ахъ, что мнѣ за дѣло до всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, что для меня значатъ всѣ земные короли! Восемь дней спустя, я вернулся, королева. Въ этотъ разъ вамъ нечего было мнѣ сказать, я рисковалъ милостью короля, моею жизнью, чтобы видѣть васъ одну секунду; я даже не дотронулся до вашей руки и вы простили меня, видя меня такимъ покорнымъ, такимъ раскаяннымъ.

— Да, но клевета воспользовалась всѣми этими безумствами, въ которыхъ я не принимала никакого участія,— вы хорошо сами это знаете, милордъ. Король, подъ вліяніемъ кардинала, надѣлалъ страшнаго шума: прогнали г-жу де-Верне, Пютаншъ сосланъ, г-жа де-Шеврёзъ впала въ немилость, и когда вы, въ качествѣ посланника, хотѣли вернуться во Францію, самъ король, вы, милордъ, помните это, воспротивился этому.

— О, Франція поплатится войной за отказъ короля. Я не могу видѣть васъ больше, королева; въ такомъ случаѣ, я хочу, чтобы каждый день вы слышали обо мнѣ. Какую цѣль, думаете вы, имѣла экспедиція Ре и союзъ съ протестантами Ларошели, которые я проектирую? — удовольствіе видѣть васъ! У меня нѣтъ надежды съ оружіемъ въ рукахъ проникнуть въ Парижъ, я это хорошо знаю, но эта война повлечетъ за собою миръ, для этого мира необходимъ будетъ посредникъ, и этимъ посредни-

комъ буду я. Тогда мнѣ не посмѣютъ отказать, я снова васъ увижу и на минуту буду счастливъ. Тысячи людей заплатятъ, правда, за мое счастіе своею жизнью, но что мнѣ до этого, лишь бы только мнѣ видѣть васъ. Все это, можетъ быть, безумно, глупо, но, скажите мнѣ, есть ли у какой нибудь женщины болѣе влюбленный поклонникъ, какая королева имѣетъ болѣе ревностнаго, горячо преданнаго слугу.

— Милордъ, милордъ, въ вашу защиту вы высказываете такія вещи, которыя еще болѣе служатъ къ вашему обвиненію; милордъ, всѣ эти доказательства любви, которыя вы хотите мнѣ дать, почти преступленія.

— Потому что вы меня не любите, королева: если бы вы меня любили, такъ взглянули на это совсѣмъ иначе; если бы вы меня любили—о, если бы вы меня любили, это было бы слишкомъ большимъ счастіемъ и я сошелъ бы съ ума. А г-жа де-Шеврёзъ, о которой вы только что сейчасъ говорили, г-жа де-Шеврёзъ не была такъ жестока, какъ вы: Голландъ любилъ ее и она отвѣчала ему.

— Г-жа де-Шеврёзъ не была королевой, прошептала Анна Австрійская, побѣжденная противъ воли выраженіемъ такой любви.

— Такъ вы любили бы меня, если бы вы не были ею, королева, скажите, вы бы любили меня тогда? Такъ, значитъ, я могу думать, что только одно величіе вашего званія заставляетъ васъ быть жестокой ко мнѣ; такъ я могу думать, что если бы вы были г-жей де-Шеврёзъ, то бѣдный Букингамъ могъ бы надѣяться? Благодарю за эти сладкія слова, о, моя прекрасная королева, тысячу разъ благодарю.

— О, милордъ, вы не такъ поняли, не такъ истолковали мои слова; я не хотѣла сказать...

— Молчите! молчите! сказалъ герцогъ.—Если я счастливъ однимъ заблужденіемъ, не будьте жестоки, не отнимайте его отъ меня. Вы сами сказали, что мнѣ поставили западню; можетъ быть, я за это поплачусь жизнью, потому

что странно, съ нѣкотораго времени у меня есть предчувствіе, что я скоро умру.

И герцогъ улыбнулся, грустной и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасной улыбкой.

— О, Боже мой! вскричала Анна Австрійская, съ выраженіемъ ужаса, который доказывалъ, что она принимала въ герцогѣ гораздо болѣе участія, чѣмъ хотѣла это показать.

— Я не говорю вамъ объ этомъ для того, чтобы васъ испугать, королева; нѣтъ, даже смѣшно, что я вамъ говорю объ этомъ, и повѣрьте, что подобные сны нисколько не тревожатъ меня. Но это слово, которое вы только что сказали, эта надежда, которую вы мнѣ почти дали, вознаградитъ меня за все, даже за мою жизнь.

— Знаете, герцогъ, сказала Анна Австрійская,—у меня тоже есть предчувствіе, я тоже вижу сны. Мнѣ снилось, что я вижу васъ лежащимъ раненаго, окровавленнаго.

— Въ лѣвый бокъ? не правда ли, ножомъ? перебилъ Букингамъ.

— Да, именно такъ, милордъ, именно такъ, раненаго въ лѣвый бокъ ножомъ. Кто могъ сказать вамъ, что я видѣла такой сонъ: я довѣрила его только одному Богу, да и то только въ своихъ молитвахъ.

— Я ничего не хочу больше, вы меня любите, королева, хорошо.

— Я васъ люблю, я?

— Да, вы. Развѣ Богъ послалъ бы намъ одни и тѣ же сны, если бы вы меня не любили? Были ли бы у насъ одни и тѣ же предчувствія, если бы наши оба существа не сливались сердцемъ? Вы меня любите, королева, и вы будете меня оплакивать!

— О, Боже, Боже мой, вскричала Анна Австрійская,—это больше того, что я могу перенести! Слушайте, герцогъ, заклинаю васъ именемъ неба, уѣзжайте, удалитесь; я не знаю, люблю я васъ, или не люблю, но знаю только, что я не буду клятвопреступницей. Сжальтесь же надо мной и уѣзжайте. О, если ударъ вамъ будетъ нанесенъ во Франціи, если вы умрете во Франціи, если

бы я могла вообразить, что ваша любовь ко мнѣ можетъ быть причиной вашей смерти, я бы никогда не утѣшилась, я бы сошла съ ума. Уѣзжайте же, уѣзжайте, умоляю васъ.

— О, какъ вы прекрасны, говоря это! О, какъ я люблю васъ! сказалъ Букингамъ.

— Уѣзжайте! уѣзжайте! умоляю васъ, и возвращайтесь послѣ; возвращайтесь посланникомъ, министромъ, возвращайтесь, окруженный гвардейцами, которые будутъ защищать васъ; слугами, которые будутъ заботиться о васъ, и тогда я не буду больше опасаться за вашу жизнь и буду счастлива снова увидѣть васъ.

— О, правда ли то, что вы мнѣ говорите?

— Да...

— Если такъ! дайте мнѣ какой нибудь залогъ вашего благоволенія, какую нибудь вещь, принадлежащую вамъ и которая бы мнѣ напоминала, что все это я видѣлъ не во снѣ; что нибудь, что вы носили и что я могъ бы носить въ свою очередь, кольцо, ожерелье, цѣпочку.

— И вы уѣдете, уѣдете, если я вамъ дамъ то, что вы просите?

— Да.

— Сію же минуту?

— Да.

— Вы оставите Францію, вы вернетесь въ Англію?

— Да, клянусь вамъ.

— Подождите, въ такомъ случаѣ подождите.

И Анна Австрійская пошла въ свою комнату и почти сейчасъ же вернулась, держа въ рукѣ маленькій ящичекъ розоваго дерева, съ ея вензелемъ, инкрустованный золотомъ.

— Вотъ, милордъ-герцогъ, сказала она, — возьмите и сохраните это на память обо мнѣ.

Букингамъ взялъ ящичекъ изъ ея рукъ и вторично упалъ передъ ней на колѣни.

— Вы обѣщали мнѣ уѣхать, сказала королева.

— И я сдержу слово. Вашу руку, вашу руку, королева и я уѣзжаю.

Анна Австрійская, закрывъ глаза, протянула ему руку, а другой оперлась на Стефанію, потому что чувствовала, что силы ея слабѣютъ.

Букингамъ страстно прильнулъ губами къ этой прекрасной рукѣ и затѣмъ, поднявшись, сказалъ:

— Ранѣе чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ, если только я не умру, я снова увижу васъ, королева, хотя бы мнѣ пришлось перевернуть весь міръ для этого!

И, вѣрный данному имъ обѣщанію, онъ стремительно вышелъ изъ комнаты.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ ожидавшую его г-жу Бонасье, которая съ тѣми же предосторожностями и также счастливо вывела его изъ Лувра.

XIII.

Г-нъ Бонасье.

Во всемъ этомъ, какъ могли уже замѣтить, было одно лицо, о которомъ, не смотря на все его непріятное положеніе, казалось, очень мало безпокоились; это лицо— г. Бонасье, почтенный мученикъ политическихъ и любовныхъ интригъ, которыя такъ удачно перепутывались одни съ другими въ ту эпоху, славную въ одно и то же время и рыцарскими, и любовными похожденіями. Къ счастью,—не знаю, помнитъ ли объ этомъ читатель?—къ счастью, мы обѣщали не терять его изъ виду.

Сыщики, схватившіе его, отвели его прямо въ Бастилію, гдѣ, всего дрожащаго отъ страха, его провели мимо взвода солдатъ, заряжающихъ свои мушкеты, и затѣмъ помѣстили въ полуподземную галерею, гдѣ онъ сдѣлался предметомъ самыхъ грубыхъ обидъ и жестокаго обращенія со стороны тѣхъ, кто привелъ его. Сыщики видѣли, что имѣютъ дѣло не съ дворяниномъ, и обращались съ нимъ, какъ съ настоящимъ мошенникомъ.

Приблизительно черезъ полчаса пришелъ чиновникъ и, отдавъ приказаніе отвести г. Бонасье въ комнату, гдѣ производился допросъ, положилъ конецъ его му-

ченіямъ, но не безпокойству. Обыкновенно допросъ арестуемыхъ производился у нихъ на дому, но съ Бонасье такъ не церемонились. Двое сторожей схватили торговца, провели его дворомъ, ввели въ корридоръ, гдѣ стояло трое часовыхъ, отворили дверь и втолкнули его въ низенькую комнату, въ которой находились только столъ, стулъ и комиссаръ. Комиссаръ сидѣлъ на стулѣ у стола и писалъ. Двое сторожей подвели арестанта къ столу и по знаку, данному комиссаромъ, отошли на такое разстояніе, что не могли слышать разговаривающихъ. Комиссаръ, сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенной головой надъ своими бумагами, поднялъ ее для того, чтобы видѣть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Комиссаръ этотъ былъ человѣкъ отвратительной наружности, съ острымъ носомъ, съ выдающимися желтыми скулами, маленькими, но быстрыми и проницательными глазами, съ физіономіей, напоминающей въ одно и то же время и куницу, и лисицу. Голова его, сидящая на длинной и подвижной шеѣ, выдавалась изъ его широкой черной мантіи и качалась точно у черепахи, высовывающей свою голову изъ-подъ щита.

Онъ началъ съ того, что спросилъ у г. Банасье его имя, отчество, лѣта, званіе и мѣстожительство.

Арестованный отвѣчалъ, что его зовутъ Жакъ-Мишель Бонасье, что ему пятьдесятъ одинъ годъ, по званію бывшій торговецъ и живетъ теперь въ улицѣ Могильщиковъ въ домѣ подъ № 11.

Тогда комиссаръ, вмѣсто того, чтобы продолжать свой допросъ, произнесъ длинную рѣчь объ опасности, которая существуетъ для темнаго торговца, если онъ вмѣшивается въ общественныя дѣла.

Это вступленіе онъ осложнилъ еще объясненіемъ могущества и дѣйствій кардинала, этого несравненнаго министра, превзошедшаго всѣхъ прежнихъ министровъ и служащаго образцомъ для всѣхъ будущихъ и могуществу котораго никто не можетъ противиться безнаказанно.

Послѣ этой второй части своей рѣчи, устремивъ на

бѣднаго Бонасье свой ястребиный взглядъ, онъ предложилъ ему поразмыслить о затруднительности его положенія.

Торговецъ заранѣе уже все обдумалъ; онъ посылалъ къ чорту ту минуту, когда г. де-ла-Порту пришла въ голову мысль женить его на его крестницѣ, и въ особенности ту минуту, когда эта крестница была принята кастеляншей королевы.

Основаніемъ характера Бонасье былъ глубокій эгоизмъ, съ примѣсью скаредной скупости, и ко всему этому примѣшивалась страшная трусость. Любовь, внушенная ему его молодой женой, было чувствомъ совершенно второстепеннымъ и не могла бороться съ врожденными недостатками.

Бонасье дѣйствительно задумался надъ тѣмъ, что ему только что сказали.

— Но, г. комиссаръ, хладнокровно сказалъ онъ,— повѣрьте, что я признаю и цѣню больше всякаго другого несравненныя заслуги его высокопреосвященства, подъ управленіемъ котораго мы имѣемъ честь находиться.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ комиссаръ тономъ, въ которомъ слышалось сомнѣніе; но если бы это было такъ въ дѣйствительности, за что же вы попали въ Бастилію?

— Какъ попалъ я сюда или, скорѣе, за что я попалъ сюда? возразилъ г. Бонасье,—вотъ это я положительно не въ состояніи объяснить вамъ по той причинѣ, что я и самъ этого не знаю; но навѣрно ужъ не за то, что оскорбилъ, по крайней мѣрѣ умышленно, кардинала.

— А между тѣмъ, должно быть, вы совершили какое нибудь преступленіе, если васъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ.

— Въ государственной измѣнѣ! вскричалъ Бонасье въ ужасѣ,—въ государственной измѣнѣ! Но какъ можете вы допустить, чтобы бѣдный торговецъ, ненавидящій гугенотовъ и гнушающійся испанцевъ, могъ быть обвиняемъ въ государственной измѣнѣ? Подумайте только

вѣдь это дѣло по существу своему совершенно невозможно.

— Г. Бонасье, сказалъ комиссаръ, глядя на обвиненнаг такъ, точно его маленькіе глаза обладали способностью читать въ тайникахъ сердца,—г. Бонасье, у васъ есть жена?

— Да, отвѣчалъ весь дрожа торговецъ, чувствуя, что тутъ именно дѣла его запутываются,—т. е. у меня была жена.

— Какъ? у васъ была жена! что же вы съ ней сдѣлали, если теперь у васъ больше нѣтъ ея?

— У меня ее похитили, милостивый государь.

— Ее у васъ похитили? произнесъ комиссаръ.—А!

При этомъ «а» Бонасье почувствовалъ, что дѣло все болѣе и болѣе запутывается.

— Ее у васъ похитили! продолжалъ комиссаръ,—и вы знаете человѣка, который совершилъ это похищеніе?

— Я думаю, что знаю.

— Кто же это?

— Примите во вниманіе, что я ничего не утверждаю, г. комиссаръ, а только высказываю подозрѣніе.

— Кого вы подозрѣваете? Скажите откровенно.

Бонасье находился въ страшномъ смущеніи; долженъ ли онъ отъ всего отпереться, или сказать все. Если онъ отъ всего отопрется, можно подумать, что онъ знаетъ слишкомъ много для того, чтобы признаться, а если скажетъ все, онъ докажетъ свое усердіе.

И такъ, онъ рѣшился сказать все.

— Я подозрѣваю, сказалъ онъ,—высокаго брюнета, внушительной наружности, имѣющаго видъ вельможи; онъ много разъ слѣдилъ за нами, какъ мнѣ казалось, когда я ждалъ мою жену у калитки Лувра, чтобы проводить ее домой.

Комиссаръ, казалось, почувствовалъ нѣкоторое безпокойство.

— А какъ его имя? спросилъ онъ.

— О, его имени я не знаю, но если я его когда ни-

будь встрѣчу, я тотчасъ же его узнаю, ручаюсь вамъ за это, будь это хоть среди тысячи людей.

Лобъ комиссара омрачился.

— Вы говорите, что узнали бы его среди тысячи? спросилъ онъ.

— То есть, сказалъ Бонасье, замѣтившій, что сбился съ пути,—то есть...

— Вы отвѣтили, что узнали бы его, сказалъ комиссаръ,—это хорошо, на сегодня довольно; надо, прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше, чтобы кой-кто былъ предупрежденъ, что вы знаете похитителя вашей жены.

— Но я не говорилъ вамъ, что я его знаю! вскричалъ Бонасье въ отчаяніи.—Я сказалъ вамъ, напротивъ...

— Уведите преступника, сказалъ комиссаръ двумъ сторожамъ.

— А куда нужно отвести его? спросилъ сторожъ.

— Въ тюрьму.

— Въ которую?

— Ахъ, Боже мой! да въ первую попавшуюся, лишь бы она крѣпко запиралась, отвѣчалъ комиссаръ съ равнодушіемъ, охватившимъ ужасомъ бѣднаго Бонасье.

— Увы! увы! сказалъ онъ самъ себѣ,—несчастіе пало на мою голову; моя жена совершила, вѣроятно, какое нибудь страшное преступленіе; меня считаютъ ея сообщникомъ и накажутъ вмѣстѣ съ ней: она сказала, она призналась, что сказала мнѣ все; женщина такъ слаба! Тюрьма первая попавшаяся! именно такъ! скоро пройдетъ ночь и завтра колесуютъ, вздернутъ на висѣлицу! О, Боже мой! Боже мой! сжалься надо мною!

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на вопли Бонасье, вопли, къ которымъ, къ тому же, они, должно быть, привыкли, два сторожа подхватили арестанта подъ руки и увели, между тѣмъ какъ комиссаръ торопливо писалъ письмо, которое ожидалъ чиновникъ.

Бонасье всю ночь не смыкалъ глазъ не потому, чтобы его тюрьма была ужъ слишкомъ непріятна, но потому, что его безпокойство было очень велико. Онъ всю ночь просидѣлъ на своей скамейкѣ, вздрагивая при малѣйшемъ

шумѣ, и когда первые лучи солнца проникли въ его комнату, ему показалось, что заря приняла зловѣщій оттѣнокъ.

Вдругъ онъ услышалъ, что отодвигаютъ засовъ. Онъ подумалъ, что идутъ, чтобы отвести его на эшафотъ, и сдѣлалъ ужасный скачокъ, но потомъ, когда увидѣлъ, что вмѣсто палача, котораго онъ ожидалъ, вошли только комиссаръ и сторожъ, которыхъ онъ видѣлъ наканунѣ, онъ такъ обрадовался, что готовъ былъ броситься имъ на шею.

— Ваше дѣло очень осложнилось со вчерашняго вечера, любезный, сказалъ ему комиссаръ,—и я вамъ совѣтую сказать всю правду, потому что только полное раскаяніе можетъ отвратить гнѣвъ кардинала.

— Но я готовъ сказать все, вскричалъ Бонасье,—по крайней мѣрѣ все, что мнѣ извѣстно. Прошу васъ, дѣлайте мнѣ вопросы!

— Гдѣ ваша жена, прежде всего?

— Но я уже сказалъ вамъ, что ее похитили.

— Да, но вчера вечеромъ, въ пять часовъ, съ вашей помощью, она убѣжала.

— Моя жена убѣжала! вскричалъ Бонасье.—О! несчастная! Если она въ самомъ дѣлѣ убѣжала, увѣряю васъ, я въ этомъ не виноватъ.

— Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, отправились къ д'Артаньяну, вашему сосѣду, съ которымъ днемъ вы очень долго совѣщались?

— Ахъ, да, г. комиссаръ, да, это правда, и я сознаюсь, что виноватъ въ этомъ. Я былъ у г. д'Артаньяна.

— Какую цѣль имѣло это посѣщеніе?

— Попросить его помочь мнѣ отыскать жену. Я думалъ, что имѣю право требовать ее назадъ; но, кажется, я ошибался, и прошу васъ извинить меня въ этомъ.

— И что отвѣтилъ д'Артаньянъ?

— Д'Артаньянъ обѣщалъ мнѣ помощь; но я скоро увидѣлъ, что онъ мнѣ измѣняетъ.

— Вы обманываете правосудіе! Д'Артаньянъ заключилъ съ вами условіе и въ силу этого условія онъ про-

гналъ полицейскихъ, которые арестовали вашу жену, и освободилъ ее отъ допроса.

— Д'Артаньянъ похитилъ мою жену! Быть не можетъ! Вы мнѣ разсказываете вещи невозможныя!

— Къ счастью, д'Артаньянъ находится въ нашихъ рукахъ и васъ поставятъ съ нимъ на очную ставку.

—Честное слово, я не желаю ничего лучшаго, вскричалъ Бонасье;—я буду не прочь увидѣть знакомое лицо!

— Введите д'Артаньяна, приказалъ комиссаръ двумъ сторожамъ.

Сторожа ввели Атоса.

— Господинъ д'Артаньянъ, сказалъ комиссаръ, обращаясь къ Атосу,—объясните, что произошло между вами и этимъ господиномъ.

— Но, вскричалъ Бонасье,—это вовсе не д'Артаньянъ.

— Какъ! это не д'Артаньянъ? вскричалъ комиссаръ.

— Совсѣмъ не онъ, отвѣчалъ Бонасье.

— Какъ зовутъ этого господина? спросилъ комиссаръ.

— Не могу вамъ сказать, я его не знаю.

— Какъ, вы его не знаете?

— Нѣтъ.

— Вы никогда его не видѣли?

— Напротивъ, видѣлъ, но я не знаю, какъ его зовутъ.

— Ваше имя? спросилъ комиссаръ.

— Атосъ, отвѣтилъ мушкетеръ.

— Но это не человѣческое имя, это чортъ знаетъ что такое! вскричалъ бѣдный комиссаръ, начинавшій терять голову.

— Это мое имя, спокойно сказалъ Атосъ.

— Но вы сказали, что васъ зовутъ д'Артаньяномъ.

— Я?

— Да, вы.

— То есть, это мнѣ сказали: «Вы — д'Артаньянъ». Я отвѣчалъ: «Вы полагаете?» Полицейскіе сказали, что они въ этомъ убѣждены. Ну, если они убѣждены, что-жъ мнѣ противорѣчить имъ? Къ тому же, я могъ ошибаться.

— Вы, милостивый государь, смѣетесь надъ правосудіемъ его величества.

— Нисколько, спокойно сказалъ Атосъ.

— Вы д'Артаньянъ.

— Ну, вотъ: опять вы говорите мнѣ то же самое.

— Но, въ свою очередь вскричалъ Бонасье,—я говорю вамъ, г. комиссаръ, что тутъ не можетъ быть ни одной минуты сомнѣнія. Г. д'Артаньянъ—мой жилецъ, вслѣдствіе этого... онъ не платитъ мнѣ денегъ за квартиру... и даже именно по этой причинѣ — я долженъ его знать. Д'Артаньянъ — молодой человѣкъ, лѣтъ девятнадцати, двадцати, не болѣе, а этому господину по крайней мѣрѣ—тридцать. Д'Артаньянъ служитъ въ ротѣ г-на Дезессара, а этотъ господинъ—въ ротѣ мушкетеровъ г-на де-Тревиля: взгляните на форму, г-нъ комиссаръ, взгляните на форму!

— Это правда, прошепталъ комиссаръ; — это, чортъ возьми, правда.

Въ эту самую минуту быстро отворилась дверь и вошелъ, въ сопровожденіи помощника смотрителя Бастиліи, вѣстовой и вручилъ комиссару письмо.

— О, несчастная! вскричалъ комиссаръ, прочитавъ письмо.

— Какъ? что вы говорите? о комъ вы говорите? Надѣюсь, не о моей женѣ?

— Напротивъ, о ней. У васъ славная затѣя, нечего сказать.

— То есть какъ? вскричалъ выведенный изъ себя торговецъ. — Сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ, какъ мое, личное мое дѣло, можетъ принять болѣе скверный оборотъ отъ того, что моя жена дѣлаетъ въ то самое время, когда я сижу въ тюрьмѣ?

— Потому что она дѣйствуетъ по плану, по адскому плану, сообща съ вами обдуманному.

— Клянусь вамъ, г-нъ комиссаръ, вы глубоко заблуждаетесь. Мнѣ ровно ничего не было извѣстно, да и теперь неизвѣстно, изъ того, что должна была сдѣлать моя жена. Клянусь вамъ, что я нимало непричастенъ тому, что она натворила, и если она натворила глупостей, я отъ нея отрекаюсь, я уличу ее во лжи, я ее прокляну.

— Однако, обратился Атосъ къ комиссару,—если я вамъ больше здѣсь не нуженъ, отошлите меня куда нибудь; вашъ Бонасье невыносимо скученъ.

— Отведите арестованныхъ въ ихъ камеры, приказалъ комиссаръ, указывая однимъ жестомъ на Атоса и на Бонасье,—и пусть ихъ стерегутъ какъ можно строже.

— Никакъ не возьму въ толкъ, замѣтилъ Атосъ съ обычнымъ спокойствіемъ: если у васъ дѣло къ д'Артаньяну, какимъ образомъ я могу замѣнить его?

— Дѣлайте, что я приказываю вамъ! закричалъ комиссаръ,—и чтобы все было подъ величайшимъ секретомъ! Слышите!

Атосъ послѣдовалъ за стражей, пожавъ плечами, а Бонасье — испуская вопли, которые способны были бы смягчить сердце тигра.

Торговца отвели въ ту самую камеру, гдѣ онъ провелъ ночь, и оставили тамъ на весь день. Цѣлый день Бонасье проплакалъ, какъ настоящій торговецъ; онъ самъ признался, что онъ—человѣкъ не военный. Вечеромъ, часовъ около девяти, въ ту минуту, какъ онъ рѣшился лечь въ постель, онъ услышалъ шаги въ корридорѣ. Шаги приблизились къ его камерѣ, дверь отворилась, вошли сторожа.

— Слѣдуйте за нами, обратился къ Бонасье полицейскій, который пришелъ вслѣдъ за сторожами.

— Слѣдовать за вами! сказалъ Бонасье,—слѣдовать за вами въ такой часъ! но куда это, Боже мой?

— Куда намъ приказано отвести васъ.

— Но это вовсе не отвѣтъ.

— А между тѣмъ, это все, что мы можемъ вамъ сказать.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, прошепталъ бѣдный торговецъ, на этотъ разъ—я погибъ!

И онъ машинально, безъ сопротивленія, послѣдовалъ за сторожами.

Онъ пошелъ тѣмъ же корридоромъ, которымъ проходилъ раньше, пересѣкъ первый дворъ, затѣмъ второй корпусъ дома; наконецъ у выходныхъ воротъ увидѣлъ

карету, окруженную четырьмя конными конвойными. Его посадили въ карету, полицейскій сѣлъ съ нимъ рядомъ, дверцу кареты заперли на ключъ и оба очутились въ темницѣ, покатившейся на колесахъ.

Карета двигалась медленно, точно погребальная колесница. Сквозь рѣшетку, запертую на замокъ, плѣнникъ видѣлъ только дома и мостовую; но какъ настоящій парижанинъ, Бонасье узнавалъ каждую улицу по тумбамъ, вывѣскамъ, фонарямъ. Въ ту минуту, какъ они подъѣзжали къ мѣсту, гдѣ казнили осужденныхъ въ Бастиліи, онъ чуть не лишился чувствъ и дважды перекрестился. Онъ думалъ, что карета должна остановиться тамъ, а между тѣмъ карета поѣхала дальше.

Еще далѣе имъ тоже овладѣлъ большой страхъ, именно,—когда они ѣхали мимо кладбища Св. Іоанна, гдѣ хоронили государственныхъ преступниковъ. Одно обстоятельство, немного успокоившее его, было то, что, прежде чѣмъ ихъ хоронили, обыкновенно имъ рубили голову, а его собственная голова была еще у него на плечахъ. Но когда онъ увидѣлъ, что карета направляется по Гревской дорогѣ, когда онъ замѣтилъ остроконечныя крыши ратуши, когда карета въѣхала подъ сводъ,—онъ вообразилъ, что все кончено для него, хотѣлъ исповѣдываться полицейскому, и послѣ его отказа поднялъ такіе жалобные крики, что полицейскій объявилъ ему, что если онъ не перестанетъ оглушать его, то ему заткнутъ ротъ.

Эта угроза немного успокоила Бонасье: если бы хотѣли казнить его на Гревской площади, не стоило бы труда затыкать ему ротъ, такъ какъ почти уже доѣхали до мѣста казни. Дѣйствительно карета проѣхала роковое мѣсто, не остановившись. Теперь оставалось только опасаться площади Трауарскаго Креста: карета повернула именно по направленію къ ней.

На этотъ разъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія; у Трауарскаго Креста казнили преступниковъ низшаго разряда. Бонасье воображалъ себя достойнымъ казни только на площади Св. Павла или Гревской площади, а между тѣмъ онъ кончалъ свое земное странствіе и свою

участь у Трауарскаго Креста! Онъ еще не могъ видѣть этотъ несчастный крестъ, но чувствовалъ, какъ будто бы онъ шелъ ему на встрѣчу. Когда онъ былъ не болѣе, какъ на разстояніи шаговъ двадцати отъ него, онъ услышалъ шумъ и карета остановилась. Это было выше того, что могъ перенести бѣдный Бонасье, и безъ того уже подавленный столькими волненіями: онъ издалъ слабый стонъ, который можно было принять эа послѣдній вздохъ умирающаго, и лишился чувствъ.

XIV.

Кардиналъ Ришелье.

Причиной этого стеченія народа было не ожиданіе преступника, котораго должны бы были вѣшать, а желаніе полюбоваться зрѣлищемъ уже повѣшаннаго. Карета, остановившаяся на одну минуту, поѣхала дальше, проѣхала сквозь толпу, продолжая свой путь вдоль улицы Сентъ-Оноре, повернула въ улицу Добрыхъ-Дѣтей и остановилась передъ низенькой дверью какого-то зданія.

Дверца отворилась и два сторожа приняли на руки Бонасье, поддерживаемаго полицейскимъ; его втолкнули въ сѣни, заставили подняться по лѣстницѣ и ввели въ пріемную. Всѣ эти движенія онъ продѣлалъ машинально.

Онъ шелъ точно во снѣ, видѣлъ всѣ предметы точно въ туманѣ, слышалъ какіе-то звуки, не понимая ихъ; казалось, въ эту минуту могли бы казнить его, и онъ не сдѣлалъ бы ни малѣйшаго движенія для самозащиты, не испустилъ бы ни звука, чтобы вымолвить сожалѣніе къ себѣ. Онъ сидѣлъ такимъ образомъ на скамейкѣ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, свѣсивъ руки внизъ, на томъ самомъ мѣстѣ, куда его посадили сторожа; между тѣмъ, осмотрѣвшись немного кругомъ и не видя никакого угрожающаго предмета, ничего такого, что указывало бы на то, что онъ подвергался дѣйствительной опасности, видя, что подушка на скамейкѣ была довольно мягкая, стѣны были обиты прекрасной кордовской кожей, а на окнахъ

висѣли длинныя занавѣси изъ краснаго дама, поддерживаемыя золотыми ручками,—онъ мало-по-малу понялъ, что страхъ его былъ преувеличенъ и началъ поворачивать голову налѣво и направо, внизъ и верхъ. Видя, что никто не препятствуетъ ему и въ этомъ, онъ немножко пріободрился и рискнулъ переставить сначала одну ногу, потомъ другую и наконецъ, опираясь на обѣ руки, онъ приподнялся со скамейки и всталъ на ноги.

Въ эту самую минуту офицеръ пріятной наружности приподнялъ портьеру, продолжая еще разговаривать съ особой, находившейся въ сосѣдней комнатѣ, и, обернувшись къ плѣннику, спросилъ:

— Это васъ зовутъ г-нъ Бонасье?

— Да, г-нъ офицеръ, къ вашимъ услугамъ, пробормоталъ торговецъ, будучи ни живъ, ни мертвъ отъ страху.

— Войдите, сказалъ офицеръ.

И онъ посторонился, чтобы пропустить торговца. Этотъ повиновался безъ возраженій и вошелъ въ комнату, гдѣ, повидимому, его ожидали. Это былъ большой кабинетъ, стѣны котораго были украшены разнаго рода оружіемъ, какъ для обороны, такъ и наступленія; воздухъ въ кабинетѣ былъ спертый и удушливый и въ немъ топился каминъ, не смотря на то, что былъ всего конецъ сентября. Четырехугольный столъ, заваленный книгами и бумагами, сверхъ которыхъ былъ развернутъ огромный планъ города Ларошели, занималъ середину комнаты. Передъ каминомъ стоялъ человѣкъ средняго роста, высокомѣрной и гордой наружности, съ проницательными глазами, съ широкимъ лбомъ, съ худощавымъ лицомъ, которое казалось еще длиннѣе отъ эспаньолки, украшенной сверху усами. Хотя этому человѣку едва было 36—37 лѣтъ, но его волосы, усы и эспаньолка были съ просѣдью. Хотя на немъ не было шпаги, онъ имѣлъ наружность совершенно военнаго человѣка и его высокіе сапоги изъ буйволовой кожи, слегка покрытые еще пылью, указывали на то, что онъ ѣздилъ днемъ верхомъ.

Это былъ Арманъ-Жанъ Дюплесси, кардиналъ де-Ришелье. Тогда онъ не былъ такимъ, какъ намъ его изо-

бражаютъ,—разбитымъ старикомъ, страдающимъ, точно мученикъ, съ разслабленнымъ тѣломъ, съ слабымъ, угасшимъ голосомъ, погруженнымъ въ большое кресло, точно въ какую-то преждевременную могилу, живущимъ лишь силою своего генія и поддерживающимъ борьбу съ Европой только постоянной работой своей мысли. Въ то время это былъ ловкій, изящный кавалеръ, уже слабый тѣломъ, но поддерживаемый той нравственной силой, которая дѣлала его однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей, когда либо существовавшихъ; онъ готовился тогда, оказавъ поддержку герцогу Неверру въ его герцогствѣ Мантуѣ и взявъ Нимъ и другіе города, къ изгнанію англичанъ съ острова Ре и къ осадѣ Ларошели.

Съ перваго раза никакъ нельзя было узнать въ немъ кардинала и тѣмъ, кто не зналъ его въ лицо, было невозможно отгадать, передъ кѣмъ они находились. Бѣдный торговецъ остановился у дверей, между тѣмъ какъ глаза особы, которую мы только что описали, устремились на него и хотѣли, казалось, проникнуть въ глубину прошлаго.

— Это и есть Бонасье? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, монсиньоръ, отвѣчалъ офицеръ.

— Хорошо, подайте мнѣ вотъ тѣ бумаги и оставьте насъ.

Офицеръ взялъ со стола указанныя бумаги, передалъ ихъ тому, кто ихъ спрашивалъ, низко поклонился и вышелъ.

Бонасье догадался, что эти бумаги были его допросы въ Бастиліи. Отъ времени до времени человѣкъ, стоявшій передъ каминомъ, отрывалъ глаза отъ документовъ и устремлялъ на бѣднаго торговца такой взглядъ, точно два кинжала пронизывали его до глубины сердца.

Послѣ десяти-минутнаго чтенія и десяти-секунднаго наблюденія кардиналъ принялъ рѣшеніе.

«Эта голова никогда не участвовала въ заговорѣ, но это ничего не значитъ; все-таки посмотримъ».

— Васъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, тихо сказалъ кардиналъ.

— Мнѣ уже объ этомъ говорили, монсиньоръ, сказалъ Бонасье, называя кардинала титуломъ, которымъ онъ слышалъ, называлъ его офицеръ;—но клянусь вамъ, что я этого ничего не зналъ.

Кардиналъ сдержалъ улыбку.

— Вы составили заговоръ съ вашей женой, съ г-жею де-Шеврезъ и съ герцогомъ Букингамомъ.

— Дѣйствительно, монсиньоръ, я отъ нея слышалъ эти имена.

— Но по какому случаю?

— Она говорила, что кардиналъ Ришелье заманилъ герцога Букингама въ Парижъ, чтобы погубить его, а вмѣстѣ съ нимъ погубить и королеву.

— Она говорила это? сердито сказалъ кардиналъ.

— Да, монсиньоръ, но я говорилъ ей, что она напрасно дѣлаетъ подобное предположеніе, что его высокопреосвященство неспособенъ...

— Замолчите, вы глупы, сказалъ кардиналъ.

— Это именно замѣтила мнѣ и жена, монсиньоръ.

— Знаете ли, кто похитилъ вашу жену?

— Нѣтъ, монсиньоръ.

— Но тѣмъ не менѣе вы кого нибудь подозрѣваете?

— Да, монсиньоръ, но эти подозрѣнія, кажется, были непріятны г-ну комиссару и у меня ихъ больше нѣтъ.

— Ваша жена убѣжала? Знали ли вы объ этомъ?

— Нѣтъ, монсиньоръ. Я узналъ объ этомъ только тогда, когда попалъ въ тюрьму, и все благодаря г-ну комиссару, человѣку въ высшей степени любезному.

Кардиналъ вторично удержался отъ улыбки.

— Такъ вамъ не извѣстно, что сталось съ вашей женой послѣ ея бѣгства?

— Совершенно неизвѣстно, монсиньоръ, но она должна была возвратиться въ Лувръ.

— Въ часъ пополудни ея еще тамъ не было.

— Ахъ, Боже мой, но что же съ ней сдѣлалось?

— Объ этомъ узнаютъ, будьте спокойны: отъ кардинала ничего не скроется, кардиналъ все узнаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, монсиньоръ, вы полагаете, что кардиналъ согласится сказать мнѣ, что сдѣлалось съ моей женой?

— Можетъ быть; но прежде всего надобно, чтобы вы признались во всемъ, что вы знаете про отношенія вашей жены къ г-жѣ де-Шеврезъ.

— Но, монсиньоръ, я ничего не знаю, я никогда ее не видѣлъ.

— Когда вы ходили за вашей женой въ Лувръ, отправлялась ли она прямо къ вамъ?

— Почти никогда; она имѣла дѣла съ торговцами полотна, къ которымъ я ее провожалъ.

— А сколько было такихъ торговцевъ полотна?

— Два, монсиньоръ.

— Гдѣ они живутъ?

— Одинъ въ улицѣ Вожираръ, другой въ улицѣ де-ла-Гарпъ.

— Входили ли вы къ нимъ вмѣстѣ съ ней?

— Никогда, монсиньоръ, я ее ждалъ у дверей.

— А какой же предлогъ выдумывала она, чтобы войти одной?

— Никакого; она мнѣ приказывала ждать ее, и я ждалъ.

— Вы очень снисходительный мужъ, мой любезный Бонасье, сказалъ кардиналъ.

«Онъ называетъ меня любезнымъ, подумалъ торговецъ.— Дѣла мои поправляются».

— Узнали бы вы тѣ двери?

— Да.

— Извѣстны вамъ номера?

— Да.

— Какія же?

— Номеръ 25-ый въ улицѣ Вожираръ и № 75 въ улицѣ де-ла-Гарпъ.

— Хорошо, замѣтилъ кардиналъ.

Съ этими словами онъ взялъ серебряный колокольчикъ и позвонилъ. Вошелъ офицеръ.

— Подите, сказалъ онъ вполголоса,—и позовите мнѣ Рошфора, пусть онъ придётъ тотчасъ же, если онъ дома.

— Графъ здѣсь, сказалъ офицеръ,—и убѣдительно проситъ позволенія говорить съ вашимъ высокопреосвященствомъ!

— Въ такомъ случаѣ, пусть войдетъ, пусть войдетъ! съ живостью сказалъ Ришелье.

Офицеръ бросился изъ комнаты съ той быстротой, съ которой слуги кардинала обыкновенно исполняли его приказанія.

— Съ вашимъ высокопреосвященствомъ! прошепталъ Бонасье, проводя кругомъ дикими глазами.

Не прошло и пяти секундъ послѣ ухода офицера, какъ дверь отворилась и вошло новое лицо.

— Это онъ! вскричалъ Бонасье.

— Кто онъ? спросилъ кардиналъ.

— Тотъ, кто похитилъ мою жену.

Кардиналъ вторично позвонилъ; офицеръ явился.

— Поручите этого человѣка двумъ сторожамъ и пусть онъ ждетъ, пока я снова позову его.

— Нѣтъ, монсиньоръ, нѣтъ, это не онъ, вскричалъ Бонасье,—нѣтъ, я ошибся: это другой, который совсѣмъ не похожъ на него! Этотъ господинъ честный человѣкъ.

— Уведите этого дурня, приказалъ кардиналъ.

Офицеръ взялъ подъ руку Бонасье и увелъ его въ пріемную, гдѣ находились сторожа.

Новое лицо, которое только что впустили, съ нетерпѣніемъ слѣдило за Бонасье до тѣхъ поръ, пока онъ вышелъ, и какъ только за нимъ затворилась дверь, заговорило, быстро приближаясь къ кардиналу.

— Они видѣлись!

— Кто? спросило его высокопреосвященство.

— Онъ и она.

— Королева и герцогъ?! вскричалъ Ришелье.

— Да.

— Но гдѣ?

— Въ Луврѣ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Вполнѣ.

— Кто вамъ сказалъ объ этомъ?

— Г-жа де-Ланнуа, которая, какъ вамъ извѣстно, вполнѣ предана вашему высокопреосвященству.

— Отчего она не сказала этого раньше?

— Случайно или по недовѣрію, королева приказала г-жѣ де-Сюржисъ спать въ своей комнатѣ и удержала ее на цѣлый день.

— Хорошо, мы побѣждены; постараемся отмстить за себя.

— Я всей душой готовъ помогать вамъ въ этомъ, монсиньоръ, будьте покойны.

— Какъ все это случилось?

— Въ половинѣ перваго королева была съ своими дамами...

— Гдѣ это?

— Въ своей спальнѣ...

— Хорошо.

— Ей подали платокъ отъ ея кастелянши...

— Далѣе?

— Королева тотчасъ же обнаружила сильное волненіе и, не смотря на румяна, покрывавшія ея лицо, она поблѣднѣла.

— Далѣе, далѣе!

— Не смотря на это, она встала и сказала измѣнившимся голосомъ: «Mesdames, подождите меня минутъ десять, я вернусь». Она отворила дверь алькова и вышла.

— Отчего г-жа де-Ланнуа не пришла въ ту же минуту предупредить васъ?

— Ничего еще не было извѣстно навѣрное; къ тому же королева сказала: «mesdames, подождите меня», и она не посмѣла ослушаться королевы.

— А сколько времени королева не возвращалась въ комнату?

— Три четверти часа.

— И ни одна изъ дамъ не сопровождала ее?

— Только донна Стефанія.

— И затѣмъ она вернулась?

— Да, чтобъ взять маленькій ящичекъ изъ розоваго дерева и тотчасъ же вышла.

— А когда она позже вернулась, принесла ли она этотъ ящичекъ назадъ?

— Нѣтъ.

— Г-жа де-Ланнуа знаетъ, что заключается въ этомъ ящичкѣ?

— Да, бриллiантовые наконечники эксельбантовъ, подаренные королевѣ его величествомъ.

— И она вернулась безъ этого ящичка?

— Да.

— По мнѣнію г-жи де-Ланнуа, она передала ихъ тогда Букингаму?

— Она въ этомъ увѣрена.

— Почему?

— На слѣдующій день г-же де-Ланнуа, по своей обязанности камерфрау королевы, начала искать этотъ ящичекъ, сдѣлала видъ, что безпокоится, не находя его, и кончила тѣмъ, что спросила о немъ у королевы.

— И тогда королева?..

— Королева сильно покраснѣла и отвѣчала, что наканунѣ она сломала одинъ изъ наконечниковъ и послала его починить къ своему ювелиру.

— Надобно туда пойти и удостовѣриться, правда ли все это, или нѣтъ.

— Я уже тамъ былъ.

— Ну, что-жъ ювелиръ?..

— Ювелиръ ничего не знаетъ объ этомъ.

— Хорошо, хорошо. Рошфоръ, не все еще потеряно и можетъ быть... можетъ быть, все это къ лучшему!

— Дѣло въ томъ, что я не сомнѣваюсь, что геній вашего высокопреосвященства...

— Не исправитъ глупости своего агента, не правда ли?

— Это именно то, что я хотѣлъ сказать, если бы ваше высокопреосвященство дозволили мнѣ докончить фразу.

— Теперь знаете ли вы, гдѣ прятались герцогиня де-Шеврезъ и герцогъ Букингамъ?

— Нѣтъ, монсиньоръ, мои люди не могли сообщить мнѣ объ этомъ ничего положительнаго.

— А я знаю.

— Вы, монсиньоръ?

— Да, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Они остановились, одна въ улицѣ де-Вожираръ № 25, другой въ улицѣ де-ла-Гарпъ № 75.

— Ваше высокопреосвященство желаетъ, чтобы я ихъ арестовалъ обоихъ?

— Слишкомъ поздно, они навѣрное уѣхали.

— Ничего не значитъ, можно въ этомъ удостовѣриться.

— Возьмите 10 человѣкъ моихъ гвардейцевъ и обыщите оба дома.

— Иду, монсиньоръ.

И Рошфоръ стремительно вышелъ изъ комнаты.

Кардиналъ, оставшись одинъ, на минуту задумался и позвонилъ въ третій разъ.

Снова явился тотъ же офицеръ.

— Приведите арестованнаго, приказалъ кардиналъ.

Бонасье привели снова и, по знаку кардинала, офицеръ удалился.

— Вы меня обманули, строго сказалъ кардиналъ.

— Я! вскричалъ Бонасье, — я обманулъ ваше высокопреосвященство?!

— Ваша жена, отправляясь въ улицу Вожираръ и де-ла-Гарпъ, ходила вовсе не къ торговцамъ полотна.

— Но, Боже праведный, къ кому же она ходила?

— Она ходила къ герцогинѣ де-Шеврезъ и къ герцогу Букингаму.

— Да, сказалъ Бонасье, припоминая прошлое, да, совершенно такъ, вы, ваше высокопреосвященство, правы. Я нѣсколько разъ говорилъ женѣ, что удивительно, какъ это торговцы полотенъ живутъ въ такихъ домахъ, гдѣ нѣтъ вывѣсокъ, и каждый разъ моя жена принималась смѣяться. Ахъ, монсиньоръ, продолжалъ Бонасье, бросаясь къ ногамъ его высокопреосвященства,—ахъ, вы дѣйствительно кардиналъ, великій кардиналъ, геніальный человѣкъ, передъ которымъ благоговѣетъ весь свѣтъ.

Какъ ни ничтожно было торжество, одержанное надъ такимъ простымъ человѣкомъ, какимъ былъ Бонасье, но тѣмъ не менѣе кардиналу это доставило на одну минуту большое удовольствіе; затѣмъ, почти тотчасъ же, какъ будто бы какая-то новая мысль промелькнула въ его умѣ, губы сложились въ улыбку и, протянувъ руку торговцу, онъ сказалъ:

— Встаньте, мой другъ, вы честный малый.

— Кардиналъ дотронулся до моей руки! Я дотронулся до руки великаго человѣка, вскричалъ Бонасье,—великій человѣкъ назвалъ меня своимъ другомъ!

— Да, мой другъ, да! сказалъ кардиналъ тѣмъ отеческимъ тономъ, который онъ иногда умѣлъ принимать, но который только обманывалъ людей, не знавшихъ его;—и такъ какъ васъ заподозрили несправедливо,—ну что-жъ!—васъ надо вознаградить за это: вотъ, возьмите этотъ кошелекъ съ сотнею пистолей и извините меня.

— Мнѣ извинить васъ, монсиньоръ, сказалъ Бонасье, не рѣшаясь взять кошелекъ, опасаясь, безъ сомнѣнія, что этотъ подарокъ можетъ быть только шуткой.

— Вы, конечно, имѣли полное право велѣть арестовать меня, вы имѣете полное право подвергнуть меня пыткѣ, имѣете полное право повѣсить меня: вы полновластны— и я не смѣлъ бы сказать ни слова противъ васъ. Васъ извинить, монсиньоръ! Помилуйте, что только вы это говорите!

— Ахъ, мой любезный Бонасье, я вижу, вы великодушны, благодарю васъ за это. И такъ вы возьмете этотъ кошелекъ и уйдете, не совсѣмъ недовольный.

— Я ухожу въ восторгѣ, монсиньоръ.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, или скорѣе до свиданія, потому что я надѣюсь, что мы опять увидимся.

— Когда монсиньору будетъ угодно, я всегда готовъ къ услугамъ его высокопреосвященства.

— Будьте спокойны, мы будемъ часто видѣться, потому что я нахожу необыкновенную прелесть въ вашей бесѣдѣ.

— О, монсиньоръ!

— До свиданія, Бонасье, до свиданія!

И кардиналъ сдѣлалъ ему знакъ рукой, на который Бонасье отвѣтилъ поклономъ до земли; затѣмъ, пятясь, онъ вышелъ и когда онъ очутился въ передней, кардиналъ слышалъ, какъ онъ въ восторгѣ закричалъ во все горло: «да здравствуетъ монсиньоръ! да здравствуетъ его высокопреосвященство! да здравствуетъ великій кардиналъ!»

Кардиналъ, улыбаясь, выслушалъ это восторженное изліяніе чувствъ Бонасье; затѣмъ, когда крики Бонасье перестали доноситься до него, онъ замѣтилъ:

— Хорошо, вотъ человѣкъ, который съ этой минуты готовъ умереть за меня.

И кардиналъ съ большимъ вниманіемъ принялся разсматривать карту Ларошели, разложенную, какъ мы уже сказали, на его столѣ, чертя карандашомъ линію, гдѣ должна была быть заложена знаменитая плотина, которой 18 мѣсяцевъ спустя была заперта гавань осажденнаго города.

Въ ту минуту, какъ онъ былъ глубоко погруженъ въ свои стратегическія соображенія, отворилась дверь и вошелъ Рошфоръ.

— Ну, что? съ живостью спросилъ кардиналъ, вставая съ поспѣшностью, доказывавшей ту степень важности, которую онъ придавалъ порученію, возложенному на графа.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ послѣдній, — одна молодая женщина лѣтъ двадцати шести, двадцати восьми и мужчина лѣтъ тридцати пяти, сорока, жили — одна четыре, а другой пять дней въ домахъ, указанныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ, но женщина уѣхала сегодня въ ночь, а мужчина утромъ.

— Это были они! вскричалъ кардиналъ, смотря на часы,—и теперь, продолжалъ онъ,—ужъ слишкомъ поздно догонять ихъ: герцогиня теперь въ Турѣ, а герцогъ въ Булони. Надо нагнать ихъ въ Лондонѣ.

— Какія будутъ приказанія вашего высокопреосвященства?

— Ни одного слова изъ того, что произошло; пусть королева остается въ спокойной увѣренности, что намъ неизвѣстна ея тайна, пусть она думаетъ, что мы отыскиваемъ какой нибудь заговоръ. Пошлите ко мнѣ хранителя государственной печати, Селье.

— А что ваше высокопреосвященство сдѣлали съ этимъ человѣкомъ?

— Съ какимъ? спросилъ кардиналъ.

— Съ Бонасье.

— Я сдѣлалъ съ нимъ все, что можно было съ нимъ сдѣлать. Я сдѣлалъ изъ него шпіона жены его.

Графъ Рошфоръ поклонился какъ человѣкъ, сознающій все превосходство своего учителя, и вышелъ.

Оставшись одинъ, кардиналъ снова сѣлъ, написалъ письмо, запечаталъ его своей собственной печатью и затѣмъ позвонилъ. Офицеръ вошелъ въ четвертый разъ.

— Позовите ко мнѣ Витре, сказалъ онъ,—и скажите ему, чтобы онъ готовился въ дорогу.

Минуту спустя, человѣкъ, котораго онъ требовалъ, стоялъ передъ нимъ въ сапогахъ со шпорами.

— Витре, сказалъ онъ,—вы поѣдете не медля въ Лондонъ. Не останавливайтесь въ дорогѣ ни на минуту. Передайте это письмо миледи. Вотъ чекъ на двѣсти пистолей, подите къ моему казначею и велите выдать вамъ эту сумму. Вы получите столько же, если вернетесь назадъ въ шесть дней и если хорошо исполните мое порученіе.

Гонецъ, не отвѣтивъ ни слова, поклонился, взялъ письмо, чекъ на двѣсти пистолей и вышелъ.

Вотъ что заключалось въ письмѣ:

«Миледи,

«Будьте на первомъ балѣ, на которомъ будетъ герцогъ Букингамъ. У него на камзолѣ будетъ двѣнадцать брилліантовыхъ наконечниковъ эксельбантовъ; подойдите къ нему и отрѣжьте два изъ нихъ.

«Какъ только эти наконечники будутъ у васъ въ рукахъ, извѣстите меня объ этомъ».

XV.

Приказные и военные.

На слѣдующій день послѣ описанныхъ происшествій, Атосъ не явился, а потому д'Артаньянъ и Портосъ увѣдомили де-Тревиля объ его исчезновеніи.

Арамисъ отпросился въ отпускъ на пять дней и былъ въ Руанѣ, какъ говорили, по семейнымъ дѣламъ. Де-Тревиль былъ отцомъ своихъ подчиненныхъ. Самый незначительный и самый неизвѣстный изъ нихъ, разъ онъ носилъ мундиръ его роты, могъ быть увѣренъ въ его помощи и въ поддержкѣ, точно онъ былъ ему роднымъ братомъ.

Онъ тотчасъ же отправился къ судьѣ по уголовнымъ дѣламъ. Позвали офицера, завѣдывавшаго гауптвахтой Краснаго Креста, и послѣ настоятельныыхъ дознаній, узнали, что Атосъ временно заключенъ въ Форъ-л'Евекѣ.

Атосъ прошелъ черезъ всѣ испытанія, которыя, какъ мы видѣли, перенесъ Бонасье.

Мы присутствовали во время сцены очной ставки двухъ заключенныхъ. Атосъ, до этой минуты ничего не говорившій изъ опасенія, что д'Артаньянъ, котораго тоже не оставятъ въ покоѣ, не справился съ своимъ дѣломъ, только теперь объяснилъ, что его зовутъ Атосомъ, а не д'Артаньяномъ.

Онъ прибавилъ, что не знаетъ ни г-на, ни г-жи Бонасье, что никогда не говорилъ ни съ тѣмъ, ни съ другой, что онъ пришелъ около десяти часовъ вечера въ гости къ своему другу д'Артаньяну, а до этихъ поръ оставался у де-Тревиля, тамъ и обѣдалъ; «двадцать свидѣтелей», прибавилъ онъ, «могутъ подтвердить этотъ фактъ», причемъ назвалъ нѣсколько извѣстныхъ дворянъ и между ними герцога де-ля-Тремулля.

Второй комиссаръ былъ смущенъ не меньше перваго яснымъ и категорическимъ объясненіемъ этого мушкетера, которому ему очень бы хотѣлось подставить ногу,—

желаніе, часто испытываемое приказными относительно военныхъ, но имена г. де-Тревиля и герцога де-ля-Тремулля стоили того, чтобы надъ ними призадуматься.

Атосъ былъ также препровожденъ къ кардиналу, но, къ несчастью, кардиналъ былъ въ Луврѣ у короля.

Именно въ эту минуту де-Тревиль, побывавъ у судьи по уголовнымъ дѣламъ и у губернатора Форъ-л'Евекъ и не найдя Атоса, пришелъ къ его величеству. Какъ капитанъ мушкетеровъ, де-Тревиль имѣлъ право во всякій часъ и во всякое время являться къ королю.

Извѣстно, насколько велико было предубѣжденіе короля противъ королевы, предубѣжденіе, ловко поддерживаемое кардиналомъ, который въ интригахъ подозрѣвалъ гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Одной изъ главныхъ причинъ этого предубѣжденія была дружба Анны Австрійской съ г-жей де-Шеврезъ. Эти двѣ женщины безпокоили его болѣе, чѣмъ войны съ Испаніей, распри съ Англіей и разстройство финансовъ. Онъ держался того мнѣнія—и былъ убѣжденъ въ томъ,—что г-жа де-Шеврезъ служила королевѣ не только въ политическихъ интригахъ, но—и это его тревожило гораздо болѣе—въ ея любовныхъ дѣлахъ. При первомъ словѣ, сказанномъ кардиналомъ о томъ, что г-жа де-Шеврезъ, сосланная въ Туръ, пріѣзжала въ Парижъ, когда думали, что она находится въ томъ городѣ, и въ продолженіе пяти дней, что она пробыла въ Парижъ, полиція слѣдила за ней, король пришелъ въ страшный гнѣвъ. Капризный и вѣроломный, король хотѣлъ называться Людовикомъ Справедливымъ и Людовикомъ Цѣломудреннымъ. Потомству трудно будетъ понять этотъ характеръ, объясняемый въ исторіи одними фактами, а не разсужденіями.

Но когда кардиналъ прибавилъ, что г-жа де-Шеврезъ не только пріѣзжала въ Парижъ, но что даже при этомъ королева опять возобновила съ ней сношенія съ помощью таинственной переписки, которую въ то время называли кабалистикой; когда онъ доказывалъ, что онъ, кардиналъ, начиналъ уже распутывать самыя запутанныя нити этой интриги, когда, въ ту самую минуту, какъ

можно было схватить, такъ сказать поймать на мѣстѣ преступленія съ очевидными уликами лазутчика королевы, поддерживающаго сношенія съ изгнанницей, одинъ мушкетеръ осмѣлился насильно прервать ходъ правосудія, бросившись со шпагой въ рукѣ на честныхъ исполнителей законовъ, на которыхъ была возложена обязанность съ полной безпристрастностью изслѣдовать все дѣло, чтобы представить его королю, Людовикъ XIII не могъ долѣе сдержаться; онъ сдѣлалъ шагъ по направленію комнаты королевы, блѣдный, съ тѣмъ нѣмымъ негодованіемъ, которое, въ тѣ минуты, когда оно разражалось, доводило этого короля до самой хладнокровной и ужасной жестокости.

А между тѣмъ во всемъ сказанномъ кардиналъ не намекнулъ еще ни однимъ словомъ о герцогѣ Букингамѣ.

Въ это именно время вошелъ де-Тревиль, хладнокровный, вѣжливый и безукоризненно одѣтый по всей формѣ.

Догадываясь по присутствію кардинала и разстроенному лицу короля обо всемъ, что между ними произошло, де-Тревиль почувствовалъ себя сильнымъ, какъ Самсонъ передъ филистимлянами; Людовикъ XIII взялся уже за ручку двери, но, услышавъ шумъ шаговъ вошедшаго де-Тревиля, онъ обернулся.

— Вы пришли во-время, сказалъ король, не умѣвшій притворяться и скрывать свои чувства, разъ они достигли извѣстной высшей степени;—славныя вещи узналъ я про вашихъ мушкетеровъ.

— А я, холодно отвѣтилъ де-Тревиль,—имѣю сообщить вашему величеству славныя вещи о приказныхъ.

— Что вамъ угодно? высокомѣрно спросилъ король.

— Я имѣлъ честь докладывать вашему величеству, продолжалъ де-Тревиль тѣмъ же тономъ,—что партія прокуроровъ, комиссаровъ и полицейскихъ, людей очень почтенныхъ, но, какъ кажется, очень озлобленныхъ и раздраженныхъ противъ военнаго мундира, позволила себѣ арестовать въ одномъ домѣ, увести открыто и засадить въ Форъ-л'Евекъ, и все это по предписанію, которое отказались показать мнѣ, одного изъ моихъ мушкетеровъ или,

вѣрнѣе, вашихъ, ваше величество, мушкетера безукоризненнаго поведенія, почти знаменитой репутаціи, который пользуется благосклонностью вашего величества, именно Атоса.

— Атоса, машинально повторилъ король;—да дѣйствительно, мнѣ знакомо это имя.

— Пусть ваше величество припомнитъ, сказалъ де-Тревиль;—Атосъ — тотъ самый мушкетеръ, который въ извѣстной вамъ непріятной дуэли имѣлъ несчастіе тяжело ранить де-Каюзака. Кстати, монсиньоръ, продолжалъ де-Тревиль, обращаясь къ кардиналу, не правда ли, де-Каюзакъ совершенно теперь поправился?

— Благодарю! сказалъ кардиналъ, кусая губы отъ гнѣва.

— Атосъ пошелъ въ гости къ одному изъ своихъ друзей, бывшему въ это время въ отсутствіи, продолжалъ де-Тревиль,—къ одному молодому беарнцу, служащему въ гвардіи вашего величества въ ротѣ Дезессара; но едва успѣлъ онъ войти къ своему другу и, въ ожиданіи его, взять книгу, какъ цѣлая туча сыщиковъ и солдатъ явились осаждать домъ, выломали нѣсколько дверей...

Кардиналъ сдѣлалъ знакъ королю, которымъ хотѣлъ пояснить: «это, молъ, все по тому дѣлу, о которомъ я вамъ говорилъ».

— Намъ все это извѣстно, возразилъ король,—такъ какъ все это сдѣлано, чтобы оказать намъ услугу.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ де-Тревиль,—для того, чтобы услужить вашему величеству, схватили тоже и одного изъ моихъ мушкетеровъ, ни въ чемъ не винов-наго, и въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, точно какого-то злодѣя, водили среди наглой черни этого благороднаго человѣка, десять разъ проливавшаго кровь свою за ваше величество и готоваго еще и теперь всегда пролить ее.

— Какъ! сказалъ король, смягчившись, — развѣ это такъ было?

— Г. де-Тревиль не говоритъ, возразилъ кардиналъ съ величайшимъ спокойствіемъ,—что этотъ ни въ чемъ не

повинный мушкетеръ, этотъ благородный человѣкъ за часъ передъ тѣмъ со шпагой въ рукѣ напалъ на четырехъ комиссаровъ-слѣдователей, уполномоченныхъ мною изслѣдовать дѣло, имѣющее очень важное значеніе.

— Вашему высокопреосвященству не удастся доказать это! вскричалъ де-Тревиль съ своей гасконской откровенностью и съ своей вполнѣ военной рѣзкостью, потому что за часъ передъ этимъ Атосъ, который—я довѣрюсь вашему величеству — принадлежитъ къ знатной фамиліи, сдѣлалъ мнѣ честь отобѣдать у меня и разговаривалъ въ гостиной моего отеля съ герцогомъ де-ля-Тремуллемъ и съ графомъ де-Шалю, которые тоже были у меня.

Король посмотрѣлъ на кардинала.

— Это можетъ удостовѣрить протоколъ, сказалъ кардиналъ, отвѣчая вслухъ на нѣмой вопросъ его величества;—избитые люди составили протоколъ, который я имѣю честь представить вашему величеству.

— Стоитъ ли протоколъ приказныхъ честнаго слова военнаго, гордо отвѣтилъ де-Тревиль.

— Полноте, полноте, Тревиль, замолчите, остановилъ король.

— Если его высокопреосвященство имѣетъ подозрѣніе противъ одного изъ моихъ мушкетеровъ, сказалъ де-Тревиль, — справедливость г. кардинала настолько извѣстна, что я прошу его преосвященство лично самому произвести слѣдствіе.

— Въ домѣ, гдѣ произвели этотъ обыскъ, продолжалъ кардиналъ безстрастно,— живетъ, кажется, одинъ беарнецъ, другъ вашего мушкетера.

— Ваше высокопреосвященство изволитъ говорить о д'Артаньянѣ.

— Я говорю о молодомъ человѣкѣ, которому вы покровительствуете.

— Да, ваше высокопреосвященство, это совершенно вѣрно.

— Не подозрѣваете ли вы этого молодого человѣка въ томъ, что онъ давалъ дурные совѣты...

— Г. Атосу, человѣку вдвое его старше? прервалъ де-Тревиль; — нѣтъ, монсиньоръ. Къ тому же д'Артаньянъ провелъ вечеръ у меня.

— А, сказалъ кардиналъ, такъ значитъ всѣ были у васъ въ этотъ вечеръ?

— Ваше высокопреосвященство сомнѣвается въ моихъ словахъ? сказалъ де-Тревиль, красный отъ гнѣва.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани отъ этого, сказалъ кардиналъ; — но только въ которомъ же часу онъ былъ у васъ?

— О, это я могу вамъ сказать навѣрное, ваше высокопреосвященство, потому что, когда онъ вошелъ, я замѣтилъ, что часы показывали половину десятаго, хотя я и думалъ, что гораздо позже.

— А въ которомъ часу онъ ушелъ изъ отеля?

— Въ десять часовъ съ половиною: часомъ позже этого происшествія.

— Но, однако же, отвѣтилъ кардиналъ, ни минуты не сомнѣвавшійся въ правдивости де-Тревиля, чувствуя, что побѣда отъ него ускользаетъ; но, однако же, Атосъ былъ взятъ въ домѣ въ улицѣ Могильщиковъ.

— Развѣ запрещается другу навѣстить друга? мушкетеру моей роты быть въ дружескихъ, братскихъ отношеніяхъ съ гвардейцемъ роты Дезессара?

— Да, запрещается, когда домъ, гдѣ онъ братается съ этимъ другомъ, находится въ подозрѣніи.

— Этотъ домъ въ подозрѣніи, Тревиль, сказалъ король;—можетъ быть вы этого не знали?

— Дѣйствительно, ваше величество, я не зналъ этого. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ быть подозрительнымъ весь, но я отрицаю, чтобы это касалось той его части, гдѣ живетъ д'Артаньянъ, такъ какъ я могу вамъ сказать утвердительно, ваше величество, что, если вѣрить его словамъ, не существуетъ болѣе преданнаго слуги вашего величества, болѣе глубокаго почитателя г-на кардинала.

— Не тотъ ли это д'Артаньянъ, который ранилъ какъ-то Жюссака во время несчастной встрѣчи у монастыря бо-

сногихъ кармелитокъ? спросилъ король, взглянувъ на кардинала, который покраснѣлъ съ досады.

— А на другой день Бернажу? Да, ваше величество, да, это тотъ самый; у вашего величества прекрасная память.

— На чемъ же мы рѣшимъ, однако? спросилъ король.

— Это больше касается вашего величества, чѣмъ меня, сказалъ кардиналъ.—Я настаиваю на виновности арестованнаго.

— А я ее отрицаю. — Но у вашего величества есть судьи, пусть они рѣшатъ.

— Это вѣрно, сказалъ король; — передадимъ дѣло въ руки судьевъ: ихъ дѣло судить и они разсудятъ.

— Только, возразилъ де-Тревиль,—очень грустно, что въ несчастное время, въ которое мы живемъ, самая безупречная жизнь, самая неоспоримая добродѣтель не можетъ охранить человѣка отъ клеветы и преслѣдованія. Ручаюсь, что армія не очень-то будетъ довольна, если ее будутъ подвергать такому суровому обхожденію изъ-за какихъ-то полицейскихъ дѣлъ.

Это было сказано неосторожно; но г. де-Тревиль сказалъ это съ намѣреніемъ. Ему хотѣлось взрыва, потому что при взрывѣ мины бываетъ огонь, а огонь освѣщаетъ.

— Полицейскія дѣла! вскричалъ король, подхватывая слова де-Тревиля:—полицейскія дѣла! А имѣете ли вы объ этомъ какое нибудь понятіе? Знайте себѣ вашихъ мушкетеровъ и не ломайте себѣ надъ этимъ голову. Васъ послушать — такъ кажется, что если по недоразумѣнію арестуютъ одного мушкетера, то вся Франція въ опасности. Сколько шума изъ-за одного мушкетера! Я велю арестовать ихъ десять, чортъ возьми! даже сто человѣкъ, всю роту и не хочу слышать ни слова.

— Разъ ваше величество въ чемъ нибудь ихъ подозрѣваете, сказалъ де-Тревиль, — мушкетеры виновны, а потому я готовъ отдать, ваше величество, мою шпагу, такъ какъ послѣ обвиненія моихъ солдатъ, я не сомнѣваюсь, что г. кардиналъ кончитъ тѣмъ, что обвинитъ и меня, такъ лучше же я сдамся, чтобы меня взяли подъ

арестъ вмѣстѣ съ г. Атосомъ, который уже арестованъ, и съ г. д'Артаньяномъ, котораго тоже, безъ сомнѣнія, арестуютъ.

— Кончите ли вы, наконецъ, гасконская голова?! сказалъ король.

— Ваше величество, отвѣтилъ де-Тревиль, нисколько не понижая голоса;—прикажите, чтобы мнѣ отпустили моего мушкетера, если не прикажете его судить.

— Его будутъ судить, сказалъ кардиналъ.

— Ну, что же, тѣмъ лучше! Я попрошу въ такомъ случаѣ позволенія у его величества защищать его на судѣ.

Король испугался, что послѣдуетъ взрывъ.

— Если его высокопреосвященство, сказалъ онъ, не имѣлъ бы никакихъ личныхъ побудительныхъ причинъ...

Кардиналъ, догадываясь, что хочетъ ему сказать король, предупредилъ его:

— Извините, сказалъ онъ, но если его величество видитъ во мнѣ предубѣжденнаго судью, то я отстраняюсь.

— Послушайте, сказалъ король,—поклянетесь ли вы мнѣ моимъ отцомъ, что Атосъ былъ у васъ во время этого происшествія и что онъ не принималъ въ немъ никакого участія.

— Клянусь вашимъ славнымъ отцомъ, клянусь вами самими, котораго я люблю и котораго почитаю больше всего на свѣтѣ!

— Соблаговолите подумать, ваше величество, сказалъ кардиналъ, о томъ, что если мы такъ отпустимъ арестованнаго, то не узнаемъ правды.

— Атосъ будетъ всегда тутъ, возразилъ де-Тревиль, готовый отвѣтить, когда только будетъ угодно господамъ судьямъ допросить его. Онъ не сбѣжитъ, г. кардиналъ, будьте спокойны, я отвѣчаю за него.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ не сбѣжитъ, подтвердилъ король, его всегда отыщутъ, какъ говоритъ г. де-Тревиль. Къ тому же, прибавилъ онъ, понижая голосъ и съ умоляющимъ видомъ смотря на кардинала,—надо ихъ успокоить, это болѣе политично.

Такая политика Людовика XIII заставила кардинала улыбнуться.

— Приказывайте, король, замѣтилъ онъ,—за вами право помилованія.

— Миловать можно только виновныхъ, сказалъ де-Тревиль, желавшій, чтобы за нимъ осталось послѣднее слово,—а мой мушкетеръ — невиновенъ, а потому, ваше величество, вы окажете не милость, а справедливость.

— Онъ въ Форъ-л'Евекъ? спросилъ король.

— Да, ваше величество, въ тюрьмѣ и въ секретномъ отдѣленіи, какъ важный преступникъ.

— Чортъ возьми! чортъ возьми! прошепталъ король,— что же надо сдѣлать?

— Подписать приказъ объ его освобожденіи — тѣмъ все и кончится, возразилъ кардиналъ;— я думаю такъ же, какъ и ваше величество, что ручательство г. де-Тревиля болѣе чѣмъ достаточно.

Тревиль почтительно поклонился съ радостью, но не безъ примѣси страха; онъ предпочелъ бы настойчивое сопротивленіе этой внезапной уступчивости.

Король подписалъ приказъ объ освобожденіи и Тревиль тотчасъ же унесъ его.

Въ ту минуту, когда онъ собирался уходить, кардиналъ дружески ему улыбнулся и замѣтилъ королю:

— Какое согласіе царствуетъ у вашихъ мушкетеровъ между ихъ начальникомъ и его солдатами, ваше величество; это дѣлаетъ имъ всѣмъ честь и очень хорошо для службы.

— Онъ непремѣнно сейчасъ же сыграетъ со мной какую нибудь непріятную штуку, подумалъ де-Тревиль;—съ такимъ человѣкомъ никогда нельзя знать, что будетъ. Но надо торопиться, потому что король можетъ сейчасъ же перемѣнить рѣшеніе и, къ тому же, гораздо труднѣе снова засадить въ Бастилію или въ Форъ-л'Евекъ человѣка, который вышелъ изъ тюрьмы, чѣмъ удержать его тамъ.

Г. де-Тревиль торжественно вошелъ въ Форъ-л'Евекъ,

гдѣ и освободилъ своего мушкетера, котораго не покидало его спокойное равнодушіе.

Затѣмъ, въ первый разъ, какъ онъ увидѣлся съ д'Артаньяномъ, онъ замѣтилъ ему:

— Вамъ удалось ловко ускользнуть; вотъ вамъ и ударъ шпаги Жюссаку отплаченъ. Теперь еще остается Бернажу, но на это не слѣдуетъ очень полагаться.

Впрочемъ, де-Тревиль имѣлъ полное право не довѣрять кардиналу и думать, что не все еще было кончено, потому что едва капитанъ мушкетеровъ затворилъ за собой дверь, какъ его высокопреосвященство сказалъ королю:

— Теперь, когда мы остались только вдвоемъ, мы поговоримъ серьезно, если будетъ угодно вашему величеству. Король, лордъ Букингамъ провелъ пять дней въ Парижѣ и уѣхалъ только сегодня утромъ.

XVI.

Въ которой хранитель государственной печати Сегье много разъ искалъ колокольчикъ, чтобы позвонить, какъ онъ дѣлалъ прежде не разъ.

Невозможно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти нѣсколько словъ на Людовика XIII. Онъ послѣдовательно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и кардиналъ сейчасъ же замѣтилъ, что однимъ ударомъ ему удалось вернуть все потерянное.

— Лордъ Букингамъ въ Парижѣ! вскричалъ король, но что-жъ явился онъ здѣсь дѣлать?

— Безъ сомнѣнія, составить заговоръ съ вашими врагами—гугенотами и съ испанцами.

— Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Составить заговоръ противъ моей чести съ г-жей де-Шеврезъ, г-жей де-Лонгевиль и съ Конде!

— О, король, какая мысль! Королева слишкомъ благонравна и въ особенности слишкомъ любитъ ваше величество.

— Женщина слаба, г. кардиналъ, сказалъ король, а что касается до того, что она меня очень любитъ, у меня относительно этого свое мнѣніе.

— А я тѣмъ не менѣе утверждаю, сказалъ кардиналъ,— что герцогъ Букингамъ пріѣзжалъ въ Парижъ съ чисто политическою цѣлью.

— А я увѣренъ, что онъ пріѣзжалъ совсѣмъ для другой вещи, г. кардиналъ, но если королева виновна, пусть она трепещетъ.

— Впрочемъ, сказалъ кардиналъ,—какъ мнѣ ни ужасно остановиться на мысли о подобной измѣнѣ, ваше величество наводитъ меня на мысль: г-жа де-Ланнуа, которую, съ соизволенія вашего величества, я разспрашивалъ нѣсколько разъ, сказала мнѣ сегодня утромъ, что въ позапрошлую ночь ея величество очень долго не ложилась спать и что сегодня утромъ она много плакала и весь день писала.

— Ну, такъ, сказалъ король: писала ему конечно. Кардиналъ, мнѣ нужно имѣть бумаги королевы.

— Но какъ взять ихъ, государь? Мнѣ кажется, что ни я, ни ваше величество не можемъ принять на себя подобнаго полномочія.

— Но какъ поступили при этомъ съ женой маршала д'Анкръ? вскричалъ король, въ высшей степени разсерженный;—обыскали всѣ ея шкафы и наконецъ обыскали ее самое.

— Жена маршала д'Анкра и была только женой маршала, флорентинской искательницей приключеній, вотъ и все, государь, между тѣмъ какъ августѣйшая супруга вашего величества — Анна Австрійская, королева Франціи, то есть одна изъ величайшихъ принцессъ на свѣтѣ.

— И потому тѣмъ больше ея вина, г. герцогъ! Чѣмъ больше она забыла свое высокое положеніе, которое она занимаетъ, тѣмъ ниже она опустилась. Къ тому же, я уже давно рѣшилъ покончить со всѣми этими любовными и политическими интригами. Около нея есть еще нѣкій де-ла-Портъ.

— Котораго я считаю главной пружиной во всемъ этомъ дѣлѣ, признаюсь въ этомъ, сказалъ кардиналъ.

— Такъ вы думаете такъ же, какъ и я, что она меня обманываетъ? сказалъ король.

— Я думаю и повторяю вашему величеству, что королева составляетъ заговоръ противъ власти короля, но я не говорилъ, что противъ чести короля.

— А я говорю, что противъ того и другого; я вамъ говорю, что королева меня не любитъ; я вамъ говорю, что она любитъ другого; я вамъ говорю, что она любитъ этого безчестнаго Букингама! Отчего вы не велѣли его арестовать въ то время, какъ онъ былъ въ Парижѣ?

— Арестовать герцога! Арестовать перваго министра короля Карла I! Подумали ли вы объ этомъ, государь? Сколько шума! Даже если бы подозрѣнія вашего величества, въ чемъ я продолжаю сомнѣваться, имѣли какое нибудь основаніе, сколько бы все это надѣлало шуму, какой былъ бы отчаянный скандалъ!

— Но если онъ подвергался всему этому, какъ какой нибудь бродяга, воришка, нужно было...

Людовикъ XIII вдругъ остановился, испугавшись самъ того, что хотѣлъ сказать, между тѣмъ, какъ Ришелье, вытянувъ шею, напрасно ожидалъ слова, котораго не договорилъ король.

— Нужно было?

— Ничего, сказалъ король,—ничего, но въ продолженіе всего времени, пока онъ жилъ въ Парижѣ, вы не теряли его изъ виду?

— Нѣтъ, государь.

— Гдѣ онъ жилъ?

— Въ улицѣ де-ла-Гарпъ № 75.

— Гдѣ это?

— Около Люксамбурга.

— И вы увѣрены, что королева и онъ не видѣлись другъ съ другомъ?

— Я полагаю, что королева слишкомъ уважаетъ свои обязанности, государь.

— Но они другъ съ другомъ переписывались; это къ

нему королева писала цѣлый день; г. герцогъ, мнѣ необходимы эти письма!

— Но, государь...

— Г. герцогъ, чего бы это ни стоило, я хочу ихъ имѣть.

— Я замѣчу вашему величеству...

— Развѣ вы тоже мнѣ измѣняете, г. кардиналъ, что вы постоянно противитесь моей волѣ? Развѣ вы тоже въ союзѣ съ испанцами, англичанами, съ г-жей де-Шеврезъ и королевой?

— Государь, вздыхая, отвѣтилъ кардиналъ,—я думалъ, что я вполнѣ гарантированъ отъ подобнаго подозрѣнія.

— Г. кардиналъ, вы слышали, что я сказалъ,—я хочу имѣть эти письма.

— Для этого есть одно только средство.

— Какое?

— Поручить это полномочіе хранителю государственной печати, г. Сегье; это вполнѣ входитъ въ обязанности его званія.

— Пусть пошлютъ за нимъ сейчасъ же.

— Должно быть онъ у меня, государь; я послалъ за нимъ и, когда отправился въ Лувръ, отдалъ приказаніе, если онъ придетъ, попросить его подождать.

— Пусть пошлютъ за нимъ сейчасъ же.

— Приказанія вашего величества будутъ исполнены, но.....

— Но, что?

— Но королева, можетъ быть, откажется повиноваться.

— Моимъ приказаніямъ?

— Да, если она не будетъ знать, что эти приказанія исходятъ отъ короля.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы она не сомнѣвалась, я предупрежу ее самъ.

— Ваше величество, не забудьте, что я сдѣлалъ все, чтобы предупредить разрывъ.

— Да, герцогъ, я знаю, что вы очень снисходительны къ королевѣ, можетъ быть даже слишкомъ снисходи-

тельны и мы, предупреждаю васъ, поговоримъ объ этомъ позже.

— Когда будетъ угодно вашему величеству, но я всегда буду счастливъ и буду гордиться тѣмъ, государь, что готовъ собой пожертвовать доброму согласію, которое я желаю, чтобы царствовало между вами и королевой Франціи.

— Хорошо, кардиналъ, хорошо, а пока пошлите за хранителемъ государственной печати, а я пойду къ королевѣ.

И Людовикъ XIII, отворивъ дверь, пошелъ по корридору, который соединялъ его половину съ комнатами Анны Австрійской.

Королева была въ обществѣ своихъ дамъ: г-жъ Гито, де-Сабле, де-Монбазонъ и де-Геменэ. Въ одномъ углу сидѣла ея испанская камерфрау, донна Стефанія, которая послѣдовала за нею изъ Мадрида, г-жа де-Геменэ читала вслухъ и всѣ слушали со вниманіемъ лектрису, за исключеніемъ королевы, которая, напротивъ, устроила все это чтеніе для того, чтобы имѣть возможность, дѣлая видъ, что слушаетъ, слѣдить за нитью своихъ собственныхъ мыслей. Эти мысли, хотя и позолоченныя послѣднимъ отблескомъ любви, были тѣмъ не менѣе очень печальны. Анна Австрійская, лишенная довѣрія своего мужа, преслѣдуемая ненавистью кардинала, который не могъ простить ей, что она отвергла его болѣе нѣжное чувство, имѣя передъ собой примѣръ королевы-матери, которую эта ненависть мучила въ продолженіе всей жизни, хотя Марія Медичи, если вѣрить мемуарамъ того времени, начала съ того, что склонилась на чувства кардинала, въ чемъ Анна Австрійская до конца продолжала ему отказывать; Анна Австрійская видѣла, какъ вокругъ нея падали самые преданные ей слуги, самые довѣренные ей близкіе люди, самые дорогіе ея любимцы. Подобно несчастнымъ, которые сами въ себѣ носятъ столько горя, что приносятъ несчастіе всему, къ чему прикасаются, ея дружба была роковымъ знакомъ, вызывавшимъ преслѣдованіе. Г-жа де-Шеврезъ и де-Верне

были изгнаны; наконецъ и де-ла-Портъ не скрывалъ отъ своей повелительницы, что онъ съ минуты на минуту ждалъ, что его арестуютъ.

Именно въ ту минуту, когда она была погружена въ свои самыя затаенныя и мрачныя мысли, отворилась дверь и вошелъ король. Лектриса тотчасъ же остановилась, всѣ дамы встали и наступило глубокое молчаніе. Король не выказалъ ни малѣйшей вѣжливости и, остановившись передъ королевой, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Королева, къ вамъ явится канцлеръ, который сообщитъ вамъ нѣкоторыя мои порученія.

Несчастная королева, которой постоянно угрожали разводомъ, изгнаніемъ и даже судомъ, поблѣднѣла подъ своими румянами и не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Но зачѣмъ онъ придетъ, государь? Что такое скажетъ мнѣ канцлеръ, чего ваше величество не можете сказать сами.

Король, ничего не отвѣтивъ, повернулся на каблукахъ и почти въ ту же самую минуту капитанъ гвардіи, де-Гито, доложилъ о приходѣ канцлера*). Когда канцлеръ вошелъ, король уже вышелъ черезъ другую дверь. Канцлеръ вошелъ, полуулыбаясь, полукраснѣя. Такъ какъ мы, вѣроятно, еще не разъ встрѣтимся съ нимъ въ продолженіе этой исторіи, не мѣшаетъ, чтобы наши читатели познакомились съ нимъ съ этой же минуты.

Этотъ канцлеръ былъ веселый человѣкъ. Де-Ромъ-ле-Майль, каноникъ собора Парижской Богоматери, былъ нѣкогда камердинеромъ покойнаго кардинала, который его рекомендовалъ его высокопреосвященству, какъ человѣка, вполнѣ ему преданнаго. Кардиналъ повѣрилъ ему и не раскаялся въ этомъ.

О немъ разсказывали много разныхъ исторій и, между прочимъ, слѣдующую: послѣ бурно проведенной молодо-

---

*) До революціи, канцлеромъ назывался одинъ изъ первыхъ коронныхъ чиновниковъ, завѣдывавшій юстиціей; у него же хранилась государственная печать.

сти, онъ удалился въ монастырь, чтобы искупить хоть немного грѣхи своей юности.

Но, вступивши въ это святое мѣсто, бѣдный кающійся не успѣлъ закрыть дверь такъ скоро, чтобы соблазны, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, не могли проникнуть туда. Онѣ непрерывно его обуревали и настоятель монастыря, которому онъ исповѣдался въ этой напасти на него, желая, насколько это зависѣло отъ него, оградить его отъ этого, совѣтовалъ ему, чтобы отогнать демона-искусителя, прибѣгать къ помощи веревки колокольчика и звонить изъ всѣхъ силъ. И тогда извѣщенные этимъ звономъ монахи, заранѣе зная, что искушеніе осаждаетъ одного изъ ихъ братьевъ, всѣмъ братствомъ станутъ на молитву за него.

Этотъ совѣтъ показался очень хорошимъ будущему канцлеру; онъ началъ заклинать хитраго духа съ помощью молитвъ монаховъ, но дьяволъ не легко разстается съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ водворился: по мѣрѣ того, какъ усиливались эти заклинанія, онъ усиливалъ свои нападенія, такъ что день и ночь колокольчикъ звонилъ во всю мочь, что указывало на сильное желаніе кающагося умертвить свою плоть.

Монахи не имѣли ни минуты отдыха. Въ продолженіе цѣлаго дня они только и дѣлали, что поднимались и спускались съ лѣстницы, ведущей въ часовню, а ночью, кромѣ вечерень и заутрень, они должны были еще 20 разъ соскакивать съ постелей и становиться на колѣни на молитву въ своихъ кельяхъ.

Неизвѣстно, дьяволъ ли оставилъ свою добычу, или монахи устали, но, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, кающійся снова появился въ свѣтѣ, имѣя за собой репутацію самаго страшнаго бѣсноватаго, который когда либо существовалъ.

Выйдя изъ монастыря, онъ принялъ судейское званіе, сдѣлался парламентскимъ президентомъ на мѣсто своего дяди, присталъ къ партіи кардинала, что доказывало его проницательный умъ, сдѣлался канцлеромъ, усердно помогалъ его высокопреосвященству въ его не-

нависти къ королевѣ-матери и въ мести Аннѣ Австрійской; наконецъ, облеченный полнымъ довѣріемъ кардинала, довѣріемъ, котораго онъ такъ легко добился, онъ кончилъ тѣмъ, что ему было сдѣлано странное порученіе, для исполненія котораго онъ явился къ королевѣ.

Королева еще стояла, когда онъ вошелъ, но какъ только она его замѣтила, тотчасъ же опять сѣла въ кресло и сдѣлала знакъ своимъ дамамъ занять свои мѣста на подушкахъ и табуретахъ и затѣмъ самымъ высокомѣрнымъ тономъ спросила:

— Что вамъ угодно, милостивый государь, и съ какой цѣлью вы явились сюда?

— Чтобы сдѣлать именемъ короля и со всѣмъ уваженіемъ къ вашему величеству тщательный обыскъ въ вашихъ бумагахъ.

— Какъ?! Обыскъ въ моихъ бумагахъ... у меня! Но это низость!

— Соблаговолите, государыня, извинить меня; но въ данномъ случаѣ я только орудіе, которымъ пользуется король. Развѣ его величество не только что вышелъ отсюда и не просилъ васъ самъ приготовиться къ этому посѣщенію.

— Обыскивайте же; меня, кажется, считаютъ преступницей: Стефанія, подайте ключи отъ моихъ столовъ и бюро.

Канцлеръ для виду осмотрѣлъ мебель, но онъ хорошо зналъ, что, конечно, не въ столѣ королева спрятала важное письмо, написанное ею въ тотъ день. Послѣ того, какъ канцлеръ разъ 20 открылъ и закрылъ ящики бюро, нужно было, при всей его нерѣшительности, нужно было, говорю я, покончить съ этимъ дѣломъ, то есть обыскать самое королеву. И такъ, канцлеръ подошелъ къ Аннѣ Австрійской и съ самымъ нерѣшительнымъ, смущеннымъ видомъ сказалъ:

— А теперь, мнѣ остается сдѣлать самый главный обыскъ.

— Какой? спросила королева, которая не понимала, или, скорѣе, не хотѣла понимать.

— Его величество увѣрены, что сегодня вы написали одно письмо; король знаетъ, что письмо это еще не отослано по своему адресу. Этого письма нѣтъ ни въ вашихъ столахъ, ни въ вашемъ бюро, а между тѣмъ это письмо непремѣнно должно быть гдѣ нибудь.

— Осмѣлитесь ли вы поднять руку на вашу королеву? сказала Анна Австрійская, выпрямляясь во весь свой ростъ и устремляя на канцлера почти угрожающій взглядъ.

— Я вѣрный подданный короля, ваше величество, и исполню все, что прикажетъ мнѣ его величество.

— Да, это правда! сказала Анна Австрійская, шпіоны кардинала донесли ему вѣрно: я написала сегодня письмо и это письмо еще не отослано. Письмо тутъ.

И королева указала своей прекрасной рукой на корсажъ.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ это письмо, королева, сказалъ канцлеръ.

— Я дамъ его только королю, сказала Анна.

— Если бы король хотѣлъ, чтобы это письмо было отдано ему, то онъ самъ попросилъ бы его у васъ. Но, повторяю вамъ, онъ поручилъ мнѣ потребовать его у васъ, и если вы мнѣ его не отдадите...

— Тогда что?

— Опять-таки онъ поручилъ мнѣ взять его у васъ.

— Какъ! что хотите вы сказать?

— Что мои полномочія идутъ очень далеко и что мнѣ разрѣшено отыскать подозрительную бумагу, хотя бы даже для того пришлось обыскать особу вашего величества.

— Какой ужасъ! вскричала королева.

— Соблаговолите же, королева, быть болѣе уступчивой.

— Это поведеніе—низкое насиліе; знаете ли вы это?

— Король приказываетъ, королева, извините меня.

— Я этого не потерплю; нѣтъ, нѣтъ, лучше умереть! вскричала королева, въ которой вскипѣла кровь императоровъ Испаніи и Австріи.

Канцлеръ сдѣлалъ глубокій поклонъ, затѣмъ, съ явнымъ

намѣреніемъ не отступать ни на шагъ отъ исполненія возложеннаго на него порученія и какъ только могъ бы сдѣлать палачъ во время пытокъ, подошелъ къ Аннѣ Австрійской, на глазахъ которой въ ту же минуту выступили слезы негодованія. Королева, какъ мы сказали, была замѣчательной красоты. Это порученіе могло быть очень щекотливымъ, но король дошелъ до того, что, ревнуя къ Букингаму, не ревновалъ ея больше ни къ кому другому. Безъ сомнѣнія, канцлеръ Сегье въ эту минуту искалъ глазами веревку знаменитаго колокольчика, но, не отыскавъ ея, протянулъ руку къ тому мѣсту корсажа, гдѣ, какъ призналась королева, было спрятано письмо.

Анна Австрійская отступила шагъ назадъ, блѣдная точно мертвецъ, и, опираясь лѣвой рукой, чтобы не упасть на столъ, стоявшій позади ея, она выдернула правой рукой бумагу изъ-за своего корсажа и протянула ее канцлеру:

— Вотъ это письмо! вскричала королева дрожащимъ, прерывающимся голосомъ,—возьмите его и избавьте меня отъ вашего гнуснаго присутствія.

Канцлеръ, въ свою очередь дрожавшій отъ волненія, которое можно легко понять, взялъ письмо, поклонился до земли и вышелъ. Едва за нимъ заперлась дверь, какъ королева почти безъ чувствъ упала на руки своихъ дамъ.

Канцлеръ отнесъ письмо королю, не прочитавши ни одного слова; король взялъ его дрожащей рукой, началъ искать адресъ, котораго не было, сильно поблѣднѣлъ, затѣмъ медленно открылъ его, и видя съ первыхъ словъ, что оно было написано испанскому королю, быстро прочиталъ его.

Это былъ цѣлый планъ, составленный противъ кардинала. Королева просила своего брата и императора австрійскаго, недовольныхъ политикой Ришелье, главной и постоянной цѣлью котораго было униженіе австрійскаго дома, сдѣлать видъ, что они намѣрены объявить войну Франціи и поставить условіемъ мира удаленіе кардинала, но о любви въ цѣломъ письмѣ не упоминалось ни слова. Обрадованный король справился, находится

ли кардиналъ еще въ Луврѣ, и когда ему сказали, что его высокопреосвященство ожидаетъ въ рабочемъ кабинетѣ приказаній его величества, король тотчасъ же отправился къ нему.

— Слушайте, герцогъ, сказалъ онъ ему,—вы были правы, и я ошибался; вся эта интрига касается одной политики и о любви нѣтъ и рѣчи, вотъ оно. Но за то много говорится о васъ.

Кардиналъ взялъ письмо и прочиталъ его съ большимъ вниманіемъ; затѣмъ, окончивъ, онъ прочиталъ его еще разъ.

— Ну, что же, ваше величество! сказалъ онъ,—вы видите, до чего дошли мои враги: вамъ угрожаютъ двумя войнами, если только вы меня не удалите. На вашемъ мѣстѣ, право, ваше величество, я уступилъ бы такимъ настойчивымъ требованіямъ и я, съ своей стороны, счелъ бы величайшимъ счастьемъ отстраниться отъ дѣлъ.

— Что вы тамъ говорите, герцогъ?

— Я говорю, ваше величество, что я теряю мое здоровье въ этой непрерывной борьбѣ и въ постоянной работѣ. Я говорю, что, по всей вѣроятности, я буду не въ состояніи вынести утомленія трудной осады Ларошели и что лучше бы было, еслибъ вы назначили туда де-Конде, или де-Бассомпьера, или, наконецъ, кого нибудь изъ доблестныхъ военныхъ, на которыхъ лежитъ обязанность воевать, а не меня, человѣка, принадлежащаго церкви, котораго и безъ того постоянно отрываютъ и мѣшаютъ слѣдовать своему призванію для занятій такими дѣлами, къ которымъ я не имѣю ни малѣйшей способности. Вы будете болѣе счастливы въ вашей домашней жизни, ваше величество, и — я не сомнѣваюсь, — пріобрѣтете больше славы въ дѣлахъ внѣшней политики.

— Г. герцогъ, сказалъ король,—я понимаю, будьте спокойны: всѣ, поименованные въ этомъ письмѣ, будутъ наказаны, какъ они того заслуживаютъ, и сама королева также.

— Что вы говорите, ваше величество? Сохрани меня Богъ, чтобы изъ-за меня королевѣ была бы сдѣлана хоть

малѣйшая непріятность! Она всегда считала меня своимъ врагомъ, хотя ваше величество можете засвидѣтельствовать, что я всегда горячо принималъ ея сторону, даже противъ васъ. О, если бы она измѣнила чести вашего величества, это было бы совсѣмъ другое дѣло, и я первый сказалъ бы: «Нѣтъ помилованія, государь, нѣтъ помилованія для виновной!» Къ счастью, ничего нѣтъ подобнаго и ваше величество получили новое доказательство этому.

— Это правда, кардиналъ, сказалъ король,—и вы, какъ всегда, были правы, но тѣмъ не менѣе королева все-таки заслуживаетъ моего полнаго гнѣва.

— Это вы, государь, наоборотъ, заслужили ея гнѣвъ; и если она въ самомъ дѣлѣ серьезно разсердится на ваше величество, я это вполнѣ понимаю: ваше величество поступили съ ней съ такой строгостью...

— Я всегда такъ поступаю съ моими врагами и съ вашими, герцогъ, какое бы высокое положеніе они ни занимали и какой бы опасности я ни подвергался, поступая съ ними такъ строго.

— Королева—мой врагъ, но не вашъ, государь; напротивъ, она преданная, покорная и безукоризненная супруга; позвольте же мнѣ, государь, вступиться за нее передъ вашимъ величествомъ.

— Пусть она тогда смирится и сдѣлаетъ первая шагъ къ примиренію.

— Напротивъ, государь, вы подайте примѣръ: вы были не правы первый, такъ какъ вы заподозрили королеву.

— Мнѣ сдѣлать шагъ первому! сказалъ король,—никогда!

— Государь, я умоляю васъ объ этомъ.

— Но какъ я начну первый?

— Сдѣлавши то, что, вы знаете, будетъ ей пріятно.

— Что именно?

— Дайте балъ; вы знаете, какъ королева любитъ танцы; ручаюсь вамъ, что ея гнѣвъ не устоитъ противъ такого вниманія.

— Кардиналъ, вы знаете, что я не люблю всѣ эти свѣтскія удовольствія.

— Тѣмъ болѣе королева будетъ вамъ благодарна, что ей извѣстна ваша антипатія къ подобнаго рода удовольствіямъ; при томъ же это послужитъ для нея удобнымъ предлогомъ надѣть чудные бриліантовые эксельбантные наконечники, которые вы подарили ей прошлый разъ въ день ея ангела и которыхъ ей еще не пришлось надѣть ни разу.

— Мы увидимъ, кардиналъ, увидимъ, сказалъ король, который, радуясь, что королева оказалась виновной въ преступленіи, вовсе его не заботившемъ, и невиновна въ томъ, чего онъ больше всего боялся, былъ вполнѣ готовъ помириться съ ней; — мы увидимъ, но, клянусь честью, вы слишкомъ снисходительны.

— Ваше величество, сказалъ кардиналъ,—предоставьте строгость министрамъ; снисходительность — добродѣтель королей; пользуйтесь ею и вы увидите, что вамъ будетъ отъ этого не дурно.

Сказавши это и слыша, что на часахъ пробило одиннадцать, кардиналъ сдѣлалъ глубокій поклонъ, прося позволенія у короля удалиться и умоляя помириться съ королевой. Анна Австрійская, ожидавшая вслѣдствіе своего письма какого нибудь упрека, была очень удивлена, когда увидѣла, что на слѣдующій день король дѣлаетъ нѣкоторыя попытки къ примиренію. Первое ея движеніе и мысль имѣли отталкивающій характеръ: гордость женщины и достоинство королевы были такъ глубоко оскорблены въ ней, что она не могла такъ легко и скоро забыть этого; но, уступая совѣтамъ своихъ приближенныхъ дамъ, она сдѣлала, наконецъ, видъ, что начинаетъ забывать нанесенное ей оскорбленіе. Король воспользовался первымъ признакомъ готовности къ примиренію, чтобы сказать ей, что въ самомъ ближайшемъ времени онъ предполагаетъ устроить праздникъ.

Какое либо празднество было такою рѣдкостью для бѣдной Анны Австрійской, что при этомъ извѣстіи, какъ и предсказалъ кардиналъ, послѣдніе слѣды гнѣва исчезли, если не въ ея сердцѣ, то по крайней мѣрѣ на ея лицѣ. Она спросила, въ какой день предполагается устроить

этотъ праздникъ, но король отвѣтилъ, что относительно этого еще надо переговорить съ кардиналомъ. И въ самомъ дѣлѣ, король каждый день спрашивалъ кардинала, тогда будетъ назначенъ этотъ балъ и каждый день подъ какимъ нибудь предлогомъ кардиналъ откладывалъ его назначеніе. Такъ прошло десять дней.

На восьмой день послѣ описанной сцены кардиналъ получилъ письмо съ маркой изъ Лондона, заключавшее всего нѣсколько слѣдующихъ строкъ:

«Они у меня въ рукахъ, но я не могу выѣхать изъ Лондона, такъ какъ у меня нѣтъ денегъ; пришлите мнѣ пятьсотъ пистолей и черезъ четыре или пять дней, по полученіи ихъ, я буду въ Парижѣ».

Въ этотъ самый день, какъ кардиналъ получилъ это письмо, король обратился къ нему съ своимъ обычнымъ вопросомъ. Кардиналъ сосчиталъ по пальцамъ и проговорилъ про себя:

— Она пріѣдетъ, говоритъ она, черезъ четыре или пять дней послѣ того, какъ получитъ деньги; надо четыре или пять дней, чтобы дошли деньги, четыре или пять дней чтобы ей пріѣхать сюда, итого десять дней; теперь надо принять во вниманіе противные вѣтры, непредвидѣнныя несчастныя случайности, женскую слабость, и на все это накинемъ еще двѣнадцать дней.

— Ну, что же! г. кардиналъ, сказалъ король,—сосчикали?

— Да, ваше величество; сегодня у насъ двадцатое число сентября; городскіе старшины даютъ праздникъ третьяго октября. Все устраивается какъ нельзя лучше, потому что вы не будете имѣть вида, что ищете примиренія съ королевой.

Затѣмъ кардиналъ прибавилъ:

— Кстати, государь, не забудьте сказать ея величеству что вы желаете, по случаю этого праздника, видѣть на ней брилліанты, чтобы посмотрѣть, хорошо ли они ей идутъ

XVII.

Супруги Бонасье.

Кардиналъ уже второй разъ возобновилъ съ королемъ разговоръ относительно брилліантовъ. Людовикъ XIII былъ пораженъ такой настойчивостью и заключилъ, что этотъ совѣтъ скрывалъ въ себѣ какую нибудь тайну. Королю не разъ приходилось чувствовать себя униженнымъ передъ кардиналомъ, знавшимъ черезъ свою полицію, которая хотя еще и не достигла совершенства полиціи позднѣйшаго времени, но тѣмъ не менѣе и тогда уже была превосходная, гораздо болѣе его самого изъ того, что у него дѣлалось дома. И такъ, въ разговорѣ съ Анной Австрійской онъ надѣялся нѣчто выяснить себѣ, получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этого разговора и затѣмъ вернуться къ его преосвященству съ какимъ нибудь секретомъ, который кардиналъ зналъ уже или еще не зналъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ неизмѣримо возвысило бы его въ глазахъ министра.

Онъ отправился къ королевѣ и, по своему обыкновенію, прямо приступилъ къ ней съ новыми угрозами противъ лицъ, окружающихъ ее. Анна Австрійская наклонила голову и, не отвѣчая ни слова, предоставила потоку вылиться, надѣясь, что онъ кончитъ тѣмъ, что остановится; но вовсе не этого хотѣлось Людовику XIII; Людовику XIII хотѣлось начать какой нибудь споръ, который пролилъ бы какой нибудь свѣтъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что кардиналъ непремѣнно имѣетъ какую нибудь заднюю мысль и готовитъ ему какой нибудь страшный сюрпризъ, на что его преосвященство былъ такъ искусенъ.

Онъ достигъ своей цѣли, настойчиво продолжая свои обвиненія.

— Но, вскричала Анна Австрійская, утомленная этими неясными, неопредѣленными нападками;—но, ваше величество, вы не все говорите мнѣ, что у васъ на сердцѣ. Что

же я сдѣлала? Скажите, какое же преступленіе я сдѣлала? Не можетъ быть, чтобы ваше величество поднимали весь этотъ шумъ изъ-за письма, написаннаго брату.

Король, въ свою очередь атакованный такъ прямо, не зналъ, что отвѣчать; онъ подумалъ, что именно теперь настала подходящая минута исполнить совѣтъ кардинала и сказать то, о чемъ онъ долженъ былъ сказать только наканунѣ бала.

— Королева, сказалъ онъ величественнымъ тономъ,— очень скоро будетъ балъ въ ратушѣ; чтобы оказать честь нашимъ честнымъ почтеннымъ старшинамъ, я желаю, чтобы вы явились туда въ парадномъ платьѣ и, главное, чтобы вы надѣли брилліантовые эксельбантные наконечники, которые я подарилъ вамъ въ день вашего ангела. Вотъ мой отвѣтъ.

Отвѣтъ былъ ужасенъ. Анна Австрійская вообразила, что Людовику XIII все извѣстно и что кардиналъ упросилъ его въ продолженіе семи или восьми дней скрыть все, хотя, впрочемъ, скрытность была въ его характерѣ. Она страшно поблѣднѣла, оперлась на столъ рукой чудной красоты, рукой, которая въ эту минуту казалась точно восковой и, устремивъ на короля полный ужаса взглядъ, не вымолвила ни слова.

— Вы слышите, королева, сказалъ король, наслаждавшійся полнымъ ея смущеніемъ, но не догадываясь о его причинѣ;—вы слышите?

— Да, государь, слышу, прошептала королева.

— Вы явитесь на этотъ балъ?

— Да.

— Съ брилліантовыми наконечниками?

Блѣдность королевы увеличилась еще болѣе, если только это было возможно; король замѣтилъ это и наслаждался ею съ той холодной жестокостью, которая была одной изъ самыхъ дурныхъ сторонъ его характера.

— И такъ, это рѣшено, сказалъ король: вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ.

— Но на какой день назначенъ этотъ балъ? спросила Анна Австрійская.

Людовикъ XIII инстинктивно понялъ, что онъ не долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ; королева произнесла его почти умирающимъ голосомъ.

— Да, очень скоро, королева, сказалъ онъ; — но я не помню точно, котораго именно числа; я спрошу у кардинала.

— Такъ это кардиналъ объявилъ вамъ объ этомъ праздникѣ? вскричала королева.

— Да, королева, отвѣтилъ король, — но къ чему этотъ вопросъ?

— Это онъ посовѣтовалъ вамъ пригласить меня появиться въ этихъ бриллiантахъ?

— То есть, королева...

— Это онъ, государь, это онъ!

— Такъ что-жъ! Не все ли равно, онъ или я? Развѣ это приглашенiе можетъ считаться преступленiемъ?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ вы явитесь?

— Да, ваше величество.

— Хорошо, сказалъ король, удаляясь, — хорошо, я надѣюсь на это.

Королева сдѣлала реверансъ не столько согласно этикету, сколько потому, что ея ноги отказывались служить ей.

Король ушелъ восхищенный.

— Я погибла, прошептала королева, — погибла, потому что кардиналу все извѣстно и это онъ подстрекаетъ и наталкиваетъ короля, который еще ничего не знаетъ, но который все скоро узнаетъ. Я погибла! Боже мой! Боже мой! Боже мой!

Она опустилась на колѣни на подушку и стала молиться, закрывъ лицо трепещущими руками.

Дѣйствительно, положенiе было ужасно. Букингамъ возвратился въ Лондонъ, а г-жа де-Шеврёзъ находилась въ Турѣ. Окруженная надзоромъ болѣе чѣмъ когда либо, королева смутно чувствовала, что одна изъ ея дамъ ей измѣняетъ, но не знала, которая именно. Ла-Портъ не могъ

оставить Луврѣ; у нея не было ни одной души, кому бы она могла довѣриться.

А потому, въ виду угрожающаго ей несчастія и чувствуя свое безпомощное состояніе, она разразилась рыданіями.

— Не могу ли я быть чѣмъ нибудь полезной вашему величеству? сказалъ вдругъ голосъ, полный кротости и участія.

Королева быстро обернулась, потому что по тону голоса нельзя было обмануться, что это только ея другъ могъ говорить такъ.

И дѣйствительно, въ одной изъ дверей комнаты королевы показалась хорошенькая г-жа Бонасье; она была занята уборкой бѣлья и платьевъ въ кабинетѣ, когда вдругъ вошла королева; ей нельзя было выйти и она осталась.

Королева пронзительно вскрикнула, увидѣвъ, что ее застали врасплохъ, такъ какъ, будучи въ высшей степени разстроена, она не тотчасъ же узнала молодую женщину, данную ей де-ла-Портомъ.

— О, не бойтесь ничего, государыня, сказала молодая женщина, складывая руки и заплакавъ при видѣ грусти и страданій королевы; — я тѣломъ и душой предана вашему величеству, и какъ ни велико разстояніе, раздѣляющее насъ, какъ ни мало и незначительно положеніе, которое я занимаю, мнѣ кажется, я нашла одно средство выручить ваше величество изъ бѣды.

— Вы, о небо! вы! вскричала королева; — но, постойте, посмотрите мнѣ прямо въ лицо; всѣ измѣняютъ мнѣ; могу ли я вамъ довѣриться?

— О, государыня, вскричала молодая женщина, упавъ передъ ней на колѣни, — клянусь вамъ, я готова умереть за ваше величество.

Это восклицаніе вырвалось изъ сердца и, какъ и раньше, не могло быть и сомнѣнія въ ея искренности.

— Да, продолжала г-жа Бонасье, — да, здѣсь есть предатели; но именемъ Пресвятой Богородицы клянусь вамъ, что у вашего величества нѣтъ никого болѣе преданнаго,

чѣмъ я. Эти эксельбантные наконечники, о которыхъ спрашивалъ король, вы ихъ отдали герцогу Букингаму, не правда ли? Эти наконечники были спрятаны въ маленькой шкатулкѣ розоваго дерева, которую онъ унесъ подъ мышкой. Развѣ я ошибаюсь? Развѣ это все не такъ?

— О, Боже мой! Боже мой! шептала королева, у которой стучали зубы отъ ужаса.

— И такъ, эти наконечники, продолжала г-жа Бонасье,— надо достать.

— Да, безъ сомнѣнія, надо, вскричала королева; — но какъ это сдѣлать, какъ достигнуть этого?

— Надо послать кого нибудь къ герцогу.

— Но кого?.. кого?.. Кому я могу довѣриться?

— Довѣрьтесь мнѣ, государыня; сдѣлайте мнѣ эту честь, ваше величество, и я найду гонца!

— Но нужно будетъ написать!

— О, да! Это необходимо. Два слова, написанныхъ рукой вашего величества, и ваша собственная печать.

— Но эти два слова заключаютъ въ себѣ мое осужденіе, мой разводъ, изгнаніе.

— Да, если они попадутъ въ руки низкихъ людей! Но я ручаюсь, что эти два слова будутъ доставлены по адресу.

— О, Боже мой! такъ я должна вручить мою жизнь, мою честь, мою репутацію въ ваши руки.

— Да, да, государыня, это необходимо и я спасу все это!

— Но какъ! по крайней мѣрѣ, скажите мнѣ.

— Мой мужъ два или три дня тому назадъ выпущенъ на волю и у меня еще не было времени видѣться съ нимъ. Это недалекій, но честный человѣкъ, ни къ кому не питающій ни любви, ни ненависти. Онъ сдѣлаетъ то, что я захочу; онъ поѣдетъ по моему приказанію, не имѣя понятія о томъ, что онъ везетъ, и передастъ письмо вашего величества, даже не зная, что оно отъ вашего величества, по указанному на немъ адресу.

Королева взяла обѣ руки молодой женщины съ страстнымъ порывомъ, посмотрѣла на нее, точно желая прочитать въ глубинѣ ея сердца, и, не видя ничего, кромѣ ис-

кренности въ ея прекрасныхъ глазахъ, нѣжно ее поцѣловала.

— Сдѣлай это, вскричала она, — и ты спасешь мнѣ жизнь, спасешь мнѣ честь!

— О, не преувеличивайте услуги, которую я буду имѣть честь оказать вамъ; мнѣ нечего спасать ваше величество, потому что вы сдѣлались жертвой вѣроломныхъ заговоровъ.

— Правда, правда, мое дитя, ты совершенно права.

— Давайте же мнѣ ваше письмо, государыня, надо спѣшить.

Королева подбѣжала къ столу, на которомъ были чернила, бумага и перья: она написала два слова, запечатала письмо собственной печатью и вручила его г-жѣ Бонасье.

— А теперь, сказала королева, мы забываемъ о самой необходимой вещи.

— О какой?

— О деньгахъ.

Г-жа Бонасье покраснѣла.

— Да, это правда, сказала она,—и я должна сознаться вашему величеству, что мой мужъ...

— Ты хочешь сказать, что у твоего мужа ихъ нѣтъ?

— Напротивъ, у него есть деньги, но онъ ужасно скупъ, это его недостатокъ. Впрочемъ, пусть ваше величество не безпокоится, мы найдемъ средство...

— Дѣло въ томъ, что и у меня ихъ нѣтъ, сказала королева;—тѣ, которые прочтутъ мемуары г-жи де-Моттевиль, не удивятся подобному отвѣту;—но подожди.

Анна Австрійская подбѣжала къ своей шкатулкѣ съ драгоцѣнностями.

— Вотъ, сказала она,—перстень, какъ увѣряютъ, онъ очень высокой цѣны; онъ достался мнѣ отъ моего брата, испанскаго короля; онъ мой и я могу располагать имъ. Возьми этотъ перстень и обрати его въ деньги и пусть твой мужъ ѣдетъ.

— Черезъ часъ ваше приказаніе будетъ исполнено.

— Ты видишь адресъ, прибавила королева такъ тихо,

что едва можно было разслышать то, что она говорила:— Милорду герцогу Букингаму, въ Лондонъ.

— Письмо будетъ передано ему лично.

— Великодушное дитя! вскричала Анна Австрійская.

Г-жа Бонасье поцѣловала руки королевы, спрятала письмо за лифъ и исчезла съ легкостью птички.

Черезъ десять минутъ она была у себя дома; какъ она и сказала королевѣ, она еще не видѣлась съ своимъ мужемъ съ тѣхъ поръ, какъ его освободили; она не знала о той перемѣнѣ, которая произошла въ немъ по отношенію къ кардиналу, перемѣнѣ, еще болѣе укрѣпившейся въ немъ послѣ двухъ-трехъ визитовъ графа Рошфора, сдѣлавшагося лучшимъ другомъ Бонасье, котораго онъ безъ большого труда увѣрилъ, что похищеніе его жены не было слѣдствіемъ какого нибудь преступнаго чувства, но просто было только одной политической предосторожностью. Она застала Бонасье одного; бѣдняга съ большимъ трудомъ приводилъ все въ порядокъ въ своемъ домѣ, гдѣ онъ нашелъ мебель почти всю изломанную, шкапы почти пустыми, такъ какъ правосудіе не было изъ числа тѣхъ трехъ вещей, указанныхъ Соломономъ, которыя не оставляютъ послѣ себя слѣдовъ. Что касается ихъ служанки, она скрылась тотчасъ же послѣ ареста своего хозяина. На бѣдную дѣвушку напалъ такой страхъ, что она пѣшкомъ изъ Парижа дошла до Бургундіи, своей родины.

Почтенный торговецъ, какъ только возвратился къ себѣ домой, увѣдомилъ свою жену о счастливомъ возвращеніи и его жена отвѣтила ему, поздравивъ его и велѣвши ему передать, что первую свободную отъ своихъ обязанностей минуту она посвятитъ на свиданіе съ нимъ.

Этой свободной минуты онъ дожидался цѣлыхъ пять дней, что при всякихъ другихъ обстоятельствахъ показалось бы г. Бонасье довольно долгимъ временемъ, но свиданіе съ кардиналомъ и посѣщенія графа Рошфора дали ему обильную пищу для размышленій, а, какъ извѣстно, ничто такъ не сокращаетъ время, какъ размышленія. Къ тому же размышленія Бонасье рисовали ему все въ

розовомъ свѣтѣ. Рошфоръ звалъ его другомъ, любезнымъ Бонасье и не переставалъ повторять ему, что кардиналъ очень дорожитъ имъ, и торговецъ уже видѣлъ себя на пути къ почестямъ и богатству.

Въ свою очередь жена Бонасье тоже разсуждала, но, надо сказать, вовсе не о честолюбіи; невольно ея мысли постоянно вертѣлись и обращались къ тому прекрасному храброму молодому человѣку, который казался такъ влюбленнымъ въ нее. Выйдя восемнадцати лѣтъ замужъ за Бонасье и живя постоянно въ кругу друзей своего мужа, людей, мало способныхъ внушить какое нибудь чувство молодой женщинѣ съ болѣе возвышеннымъ чуткимъ сердцемъ, чѣмъ вообще у людей ея званія, г-жа Бонасье оставалась нечувствительною къ пошлымъ, тривіальнымъ любезностямъ; но въ то время званіе дворянина имѣло большое вліяніе на буржуазію, а д'Артаньянъ былъ дворяниномъ, даже больше: онъ носилъ гвардейскій мундиръ, который послѣ формы мушкетеровъ больше всего нравился дамамъ. Онъ былъ, мы повторяемъ, красивъ, молодъ, смѣлъ; онъ говорилъ о любви, какъ человѣкъ, который любитъ и жаждетъ любви; этого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы вскружить голову женщинѣ двадцати трехъ лѣтъ, а г-жа Бонасье была именно въ этомъ счастливомъ возрастѣ.

Супруги не видѣлись въ продолженіе цѣлыхъ восьми дней, и за эту недѣлю съ каждымъ изъ нихъ произошли важныя происшествія, но не смотря на это они встрѣтились нѣсколько холодно; Бонасье, однако, выразилъ искреннюю радость и встрѣтилъ жену съ раскрытыми объятіями, а г-жа Бонасье подставила ему свой лобъ.

— Поговоримъ немножко, сказала она.

— Что? спросилъ удивленный Бонасье.

— Да, мнѣ нужно поговорить съ тобою объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

— Кстати, и мнѣ также нужно сдѣлать вамъ нѣсколько серьезныхъ вопросовъ. Объясните мнѣ, пожалуйста, хоть немножко ваше похищеніе.

— Дѣло идетъ теперь вовсе не о томъ, сказала г-жа Бонасье.

— А о чемъ же? О моемъ заключенiи?

— Я узнала объ этомъ въ тотъ же самый день; но вы не участвовали ни въ какомъ преступленiи, не принимали участiя ни въ какой интригѣ, однимъ словомъ, вы не знали ничего такого, что могло бы васъ и кого нибудь другого скомпрометировать, а потому я не придавала этому событiю большой важности.

— Вамъ легко такъ говорить, сударыня, сказалъ Бонасье, обиженный недостаткомъ участья, выказаннаго ему женой, — а знаете ли вы, что я цѣлые сутки высидѣлъ въ Бастилiи.

— Одни сутки прошли быстро. Оставимте разговоръ о вашемъ заключенiи и вернемся къ тому, что меня привело къ вамъ.

— Какъ, что привело васъ ко мнѣ?! Развѣ не желанiе увидѣться съ мужемъ, съ которымъ вы не видѣлись цѣлыхъ восемь дней? спросилъ торговецъ, задѣтый за живое.

— Это прежде всего, а затѣмъ и другое обстоятельство.

— Говорите!

— Дѣло величайшей важности и отъ котораго можетъ зависѣть все наше счастье.

— Наше счастье, повидимому, очень перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видѣлъ, г-жа Бонасье, и я нисколько не удивлюсь, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно сдѣлается для многихъ людей предметомъ зависти.

— Да, въ особенности, если вы захотите слѣдовать моимъ инструкцiямъ, которыя я дамъ вамъ.

— Мнѣ?

— Да, вамъ. Нужно сдѣлать доброе и святое дѣло, сударь, и въ то же время нажить много денегъ.

Г-жа Бонасье знала, что, говоря о деньгахъ, она задѣвала его слабую струну. Но человѣкъ, поговорившiй хотя бы десять минутъ съ кардиналомъ Ришелье, не оставался уже тѣмъ, чѣмъ былъ.

— Нажить много денегъ! спросилъ Бонасье, оттягивая губы.

— Да, много.

— Сколько приблизительно?

— Тысячу пистолей, можетъ быть.

— Значитъ дѣло, о которомъ вы хотите со мной переговорить, очень важно?

— Да.

— Что надо сдѣлать?

— Вы тотчасъ же поѣдете; я дамъ вамъ бумагу, которую вы ни подъ какимъ предлогомъ не выпустите изъ своихъ рукъ и которую вы передадите изъ рукъ въ руки.

— Куда я поѣду?

— Въ Лондонъ.

— Въ Лондонъ! Полноте, вы надо мной смѣетесь; мнѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ.

— Но другимъ нужно, чтобы вы туда поѣхали.

— Но кто эти другіе? Предупреждаю васъ, что я ничего не буду дѣлать наудачу, а хочу знать не только то, чѣмъ я рискую, но и для кого я подвергаюсь риску.

— Одна знатная особа посылаетъ васъ, а другая знатная особа дожидается васъ: вознагражденіе превзойдетъ ваши желанія, вотъ все, что я могу сообщить вамъ.

— Опять интриги! Все интриги! Благодарю, я имъ больше теперь не довѣряю. Кардиналъ просвѣтилъ меня относительно всего этого.

— Кардиналъ! вскричала г-жа Бонасье,—вы видѣлись съ кардиналомъ?

— Онъ призывалъ меня, съ гордостью отвѣтилъ торговецъ.

— И вы были такъ неосторожны, что пошли на его приглашеніе?

— Я долженъ сказать, что у меня не могло быть выбора: идти или не идти къ нему, потому что я былъ подъ стражей. Надо сказать правду, не зная его высокопреосвященства, я былъ бы въ восторгѣ, если бы имѣлъ возможность избавиться отъ этого свиданія съ нимъ.

— Такъ онъ дурно съ вами обошелся? Онъ угрожалъ вамъ?

— Напротивъ, онъ протянулъ мнѣ руку и назвалъ своимъ другомъ,—своимъ другомъ! понимате ли вы это, сударыня? Я—другъ великаго кардинала!

— Великаго кардинала!

— Станете ли вы, сударыня, утверждать, что онъ не великій?

— О, нѣтъ! Но вѣдь благосклонность министра очень непрочна и нужно быть безумнымъ, чтобы не понимать это и быть приверженцемъ министра. Есть власти выше его, и этимъ властямъ надо отдавать предпочтеніе.

— Что тамъ ни говорите, сударыня, но я не признаю другой власти, кромѣ власти великаго человѣка, которому я имѣю честь служить.

— Вы служите кардиналу?

— Да, сударыня, и, какъ его слуга, я не позволю вамъ принимать участіе въ заговорахъ противъ безопасности государства, не позволю служить интересамъ женщины, не француженки родомъ, съ сердцемъ испанки. Къ счастью, кардиналъ тутъ; его бдительный взоръ наблюдаетъ за всѣмъ и проникаетъ до глубины сердца.

Бонасье повторилъ слово въ слово фразу, сказанную ему графомъ Рошфоромъ; но бѣдная женщина, разсчитывавшая на мужа и поручившаяся за него королевѣ, пришла въ ужасъ и отъ опасности, въ которую чуть не попала, и отъ сознанія своего безсилія.

— А, вы кардиналистъ, сударь! вскричала она;—а, вы служите партіи тѣхъ, кто дурно обращается съ вашей женой и оскорбляетъ королеву!

— Личные интересы не имѣютъ никакого значенія передъ общественными интересами. Я за тѣхъ, которые спасаютъ государство, напыщенно произнесъ Бонасье.

Это было второе выраженіе графа Рошфора, которое онъ запомнилъ, и воспользовался удобнымъ случаемъ вставить его.

— А знаете ли вы еще, что такое государство, о которомъ вы толкуете? спросила г-жа Бонасье, пожимая

плечами.—Довольствуйтесь лучше званіемъ буржуа безъ всякой хитрости и обратитесь въ ту сторону, которая предоставляетъ вамъ больше выгодъ.

— Эхъ! сказалъ Бонасье, похлопывая по туго набитому мѣшку, который издалъ звукъ серебра; что скажете вы, сударыня, объ этомъ?

— Откуда у васъ эти деньги?

— Вы не догадываетесь?

— Отъ кардинала?

— Отъ него и отъ моего друга, графа Рошфора.

— Графъ Рошфоръ! Но онъ-то похитилъ меня.

— Можетъ быть.

— И вы получаете деньги отъ этого человѣка?

— Не говорили ли вы мнѣ, что это похищеніе было чисто политическое?

— Да; но это похищеніе имѣло цѣлью заставить меня измѣнить моей повелительницѣ, вынудить у меня пыткой признанія, которыя могли бы скомпрометировать честь и даже, можетъ быть, жизнь моей августѣйшей повелительницы.

— Сударыня, возразилъ Бонасье,—ваша августѣйшая повелительница—вѣроломная испанка, и поступокъ кардинала вполнѣ справедливъ.

— Милостивый государь, проговорила молодая женщина,—я васъ всегда считала трусомъ, скупцомъ и глупцомъ, но я никогда не считала васъ подлецомъ!

— Сударыня, сказалъ г. Бонасье, никогда не видѣвшій свою жену разсерженной и отступившій передъ супружескимъ гнѣвомъ; — сударыня, что вы говорите?

— Я говорю, что вы низкій человѣкъ, продолжала г-жа Бонасье, замѣтившая, что она снова пріобрѣтаетъ вліяніе на своего мужа.—А! вы начали заниматься политикой и еще политикой кардинала! А! вы за деньги продаете свое тѣло и душу демону?

— Нѣтъ, кардиналу.

— Это одно и то же! вскричала молодая женщина: Ришелье тотъ же демонъ.

— Замолчите, сударыня, замолчите, васъ могутъ услышать!

— Да, вы правы, я бы устыдилась вашей низости.

— Но чего же вы отъ меня требуете? Говорите!

— Я вамъ сказала: чтобы вы сію же минуту поѣхали и честно исполнили мое порученіе, и съ этимъ условіемъ я забуду все и прощу васъ, и даже больше, сказала она, протягивая ему руку—я возвращу вамъ мою дружбу.

Бонасье былъ трусъ и скупъ, но онъ любилъ жену и это его тронуло. Пятидесятилѣтній мужчина не можетъ долго сердиться на двадцати-трехлѣтнюю женщину. Г-жа Бонасье замѣтила, что онъ колеблется:

— Ну, что же, рѣшились ли вы? спросила она.

— Но, милый другъ, подумайте немножко о томъ, чего вы отъ меня требуете; Лондонъ далеко отъ Парижа, очень далеко, и можетъ быть порученіе, которое вы мнѣ даете, не безопасно.

— Не все ли равно, вѣдь вы избѣжите опасности?

— Послушайте, г-жа Бонасье, сказалъ торговецъ: я рѣшительно отказываюсь; я боюсь интригъ. Я побывалъ въ Бастиліи. Брр....! Это что-то ужасное—Бастилія! Только подумать о ней, и то морозъ подираетъ по кожѣ! Мнѣ грозили пыткой. Извѣстно ли вамъ, что такое пытка? Деревянные клинья, которые вамъ вбиваютъ между ногъ такъ что хрустятъ кости! Нѣтъ, рѣшительно я не ѣду. Э, чортъ возьми! да почему же вы не ѣдете сами? Право, мнѣ кажется, что я до сихъ поръ ошибался насчетъ васъ: мнѣ кажется, что вы мужчина, да еще изъ самыхъ отчаянныхъ!

— А вы, вы—баба, низкая, глупая, общипанная баба! А, вы боитесь! Такъ въ такомъ случаѣ, если вы не поѣдете сію же минуту, я именемъ королевы велю арестовать васъ и засажу васъ въ эту самую Бастилію, которой вы такъ боитесь.

Бонасье глубоко задумался; онъ зрѣло обсудилъ и мысленно взвѣсилъ послѣдствія гнѣва кардинала и королевы: гнѣвъ кардинала страшно перевѣсилъ.

— Велите арестовать меня, сказалъ онъ,—а я объявлю, что я сторонникъ его высокопреосвященства.

Г-жа Бонасье замѣтила, что она хватила черезъ край, и ужаснулась, что она зашла такъ далеко. Съ минуту она смотрѣла на этого глупца, принявшаго непоколебимое рѣшеніе.

— Ну, что-жъ, пусть будетъ по-вашему! сказала она.— Можетъ быть, въ концѣ концовъ, вы и правы: мужчина понимаетъ больше въ политикѣ, чѣмъ женщина, а въ особенности вы, г. Бонасье, потому что вы бесѣдовали съ кардиналомъ. А между тѣмъ, ужасно жестоко, прибавила она,—что мой мужъ, на любовь котораго я разсчитывала, поступаетъ со мной такъ нелюбезно и не хочетъ исполнить моей прихоти.

— Ваши прихоти могутъ завести слишкомъ далеко, сказалъ торжествующій Бонасье,—и я имъ не довѣряю.

— Я отказываюсь отъ нихъ, сказала молодая женщина, вздыхая;—не стоитъ больше говорить объ этомъ.

— По крайней мѣрѣ, вы сказали бы мнѣ, что именно я долженъ былъ дѣлать въ Лондонѣ? спросилъ Бонасье, вспомнившій немножко поздно, что Рошфоръ совѣтовалъ ему стараться вывѣдать секреты у жены.

— Вамъ нѣтъ надобности знать объ этомъ, сказала молодая женщина, съ инстинктивной недовѣрчивостью отступая теперь назадъ: — дѣло шло о пустякахъ, объ одной покупкѣ, на которой можно бы было много нажить.

Но чѣмъ больше молодая женщина отнѣкивалась, тѣмъ больше, напротивъ, Бонасье убѣждался, что тайна, которую она не хотѣла ему открыть, была важна. А потому онъ рѣшился сію же минуту сбѣгать къ графу де-Рошфору и сообщить ему, что королева ищетъ гонца, чтобы послать его въ Лондонъ.

— Извините, если я васъ оставлю, моя милая г-жа Бонасье, сказалъ онъ;— но не зная, что вы придете повидаться со мной, я назначилъ свиданіе съ однимъ изъ своихъ друзей; я вернусь сію же минуту, и если вы захотите подождать меня только полминуты, тотчасъ же, какъ только я покончу съ этимъ другомъ, я вернусь за вами

и, такъ какъ становится уже поздно, провожу васъ въ Лувръ.

— Благодарю васъ, сударь, отвѣтила г-жа Бонасье:— вы не настолько храбры, чтобы могли быть на что нибудь мнѣ полезны, и я отлично вернусь въ Лувръ совершенно одна.

— Какъ вамъ будетъ угодно, г-жа Бонасье, возразилъ торговецъ.—Скоро ли я васъ увижу?

— Безъ сомнѣнія; я надѣюсь, что на будущей недѣлѣ у меня будетъ свободное время и я воспользуюсь этимъ, чтобы придти домой и водворить порядокъ въ нашихъ дѣлахъ, которыя, должно быть, немножко разстроены.

— Хорошо, я васъ буду ждать. Вы не сердитесь на меня?

— Я? Нисколько!

— И такъ, до скораго свиданія?

— До скораго свиданія.

Бонасье поцѣловалъ руку жены и быстро удалился.

— Нечего сказать, подумала г-жа Бонасье, когда мужъ ея ушелъ и она осталась одна; — только этому дураку и недоставало сдѣлаться еще кардиналистомъ. А я еще ручалась за него королевѣ, обѣщала моей бѣдной госпожѣ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Она приметъ меня за одну изъ тѣхъ низкихъ женщинъ, которыми кишитъ весь дворецъ и которыхъ приставили къ ней, чтобы шпіонить! А, г. Бонасье! я васъ никогда очень не любила; теперь я васъ ненавижу и даю слово, вы мнѣ за это поплатитесь!

Въ ту минуту, какъ она говорила это, ударъ въ потолокъ заставилъ ее поднять голову и чей-то голосъ, достигшій до нея сквозь потолокъ, закричалъ ей:

— Любезная г-жа Бонасье, откройте мнѣ маленькую дверь въ коридорѣ, я спущусь къ вамъ.

XVIII.

Любовникъ и мужъ.

— Ахъ, сударыня! сказалъ д'Артаньянъ, входя въ дверь, которую ему отворила молодая женщина,—позвольте замѣтить вамъ, что у васъ прежалкій мужъ.

— Такъ вы слышали нашъ разговоръ? съ живостью спросила г-жа Бонасье, съ безпокойствомъ смотря на д'Артаньяна.

— Весь.

— Но, Боже мой! какимъ же это образомъ?

— Извѣстнымъ мнѣ способомъ, благодаря которому я тоже слышалъ и вашъ болѣе оживленный разговоръ съ сыщиками кардинала.

— А что вы поняли изъ того, о чемъ мы говорили?

— Тысячу вещей: прежде всего, что вашъ мужъ, къ счастію, простъ и глупъ; затѣмъ, что вы находитесь въ затруднительномъ положеніи, чему я очень радъ, такъ какъ это даетъ мнѣ возможность предложить вамъ мои услуги, и одинъ Богъ знаетъ, что я готовъ броситься для васъ въ огонь; наконецъ и то, что королева нуждается въ томъ, чтобы человѣкъ храбрый, умный и преданный ей совершилъ поѣздку въ Лондонъ. У меня, по крайней мѣрѣ, два изъ этихъ нужныхъ качествъ и я къ вашимъ услугамъ.

Г-жа Бонасье ничего не отвѣтила, но у нея забилось отъ радости сердце и въ глазахъ блеснула тайная надежда.

— А чѣмъ вы можете поручиться мнѣ, спросила она,— если я соглашусь довѣрить вамъ мое порученіе?

— Моей любовью къ вамъ. Скажите, приказывайте: что надо сдѣлать?

— Боже мой! Боже мой! прошептала молодая женщина,—должна ли я довѣрить вамъ такую тайну, милостивый государь? Вы чуть не ребенокъ.

— Нечего дѣлать, я вижу, что вамъ нужно, чтобы кто нибудь поручился за меня.

— Я признаюсь, что это очень бы меня успокоило.

— Знаете ли вы Атоса?

— Нѣтъ.

— Портоса?

— Нѣтъ.

— Арамиса?

— Нѣтъ. Кто эти господа?

— Мушкетеры короля. Знаете ли вы де-Тревиля, ихъ капитана?

— О, да! этого я знаю, но не лично, а мнѣ много разъ приходилось слышать, какъ о немъ говорили королевѣ какъ о храбромъ, благородномъ дворянинѣ.

— Вы не боитесь, что онъ предастъ васъ кардиналу, не правда ли?

— О, конечно нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, откройте ему вашъ секретъ и спросите его, можно ли мнѣ довѣрить его, какое бы значеніе онъ ни имѣлъ, какъ бы важенъ и ужасенъ онъ ни былъ.

— Но эта тайна не принадлежитъ мнѣ и я не могу открыть ее.

— Вы хотѣли довѣрить ее вашему мужу, замѣтилъ д'Артаньянъ съ досадой.

— Какъ обыкновенно довѣряютъ письмо дуплу дерева, крылу голубя или ошейнику собаки.

— А между тѣмъ вы хорошо видите, что я васъ люблю.

— Вы это говорите?

— Я честный человѣкъ.

— Я вѣрю этому.

— Я храбръ.

— О, въ этомъ я увѣрена.

— Въ такомъ случаѣ, испытайте же меня.

Г-жа Бонасье посмотрѣла на молодого человѣка, все-таки еще немного колеблясь, но въ его глазахъ было столько огня, въ голосѣ столько увѣренности, что она чувствовала, что не въ состояніи противостоять. Къ тому же, она попала въ одно изъ тѣхъ положеній, гдѣ приходилось рисковать всѣмъ для всего. Королева погибла бы

и отъ излишней осторожности, и отъ излишняго довѣрія. Да и невольное влеченіе, которое она чувствовала къ этому молодому человѣку, побудило ее высказаться.

— Слушайте, сказала она,—я сдаюсь на ваше обѣщаніе и уступаю вашимъ увѣреніямъ. Но клянусь вамъ Богомъ, который насъ слышитъ, что если вы мнѣ измѣните и враги мои простятъ меня, я убью себя, обвинивъ васъ въ моей смерти.

— А я клянусь вамъ передъ Богомъ, сударыня, сказалъ д'Артаньянъ,—что, если меня схватятъ при исполненіи данныхъ мнѣ вами порученій, я умру прежде, чѣмъ сдѣлаю или скажу что нибудь, что можетъ кого нибудь скомпрометировать.

Тогда молодая женщина довѣрила ему ужасную тайну, часть которой онъ случайно узналъ передъ статуей Самаритянки.

Это было и взаимное объясненіе въ любви. Д'Артаньянъ сіялъ отъ радости и гордости. Эта тайна, которой онъ обладалъ, эта женщина, которую онъ любилъ, довѣренность и любовь дѣлали его героемъ.

— Я уѣзжаю, сказалъ онъ,—уѣзжаю сейчасъ же.

— Какъ, вы уѣзжаете! вскричала г-жа Бонасье, — а вашъ полкъ, вашъ капитанъ?

— Клянусь честью, вы заставили меня позабыть обо всемъ этомъ, дорогая Констанція; да, вы правы, мнѣ нуженъ отпускъ.

— Еще одно препятствіе, грустно прошептала г-жа Бонасье.

— О, что касается до этого, вскричалъ д'Артаньянъ,— то я его преодолѣю, будьте покойны!

— Какимъ образомъ?

— Сегодня же вечеромъ я пойду къ де-Тревилю, которому поручу выпросить эту милость у его двоюроднаго брата, г. Дезессара.

— Теперь другое препятствіе.

— Ну, что же? спросилъ д'Артаньянъ, видя, что г-жа Бонасье не рѣшается продолжать.

— Можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ?

— Слово «можетъ быть» совсѣмъ излишне, сказалъ д'Артаньянъ, улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, сказала г-жа Бонасье, открывая шкафъ и вынимая изъ этого шкафа мѣшокъ, который за полчаса передъ тѣмъ такъ любовно ласкалъ ея мужъ.— Возьмите этотъ мѣшокъ.

— Подарокъ кардинала! вскричалъ, разражаясь смѣхомъ, д'Артаньянъ, который, какъ помнитъ читатель, съ помощью приподнятыхъ половицъ, не проронилъ ни одного слова изъ разговора торговца и его жены.

— Да, подарокъ кардинала, отвѣтила г-жа Бонасье,— вы видите, что онъ представляетъ довольно почтенную наружность.

— Чортъ возьми! вскричалъ д'Артаньянъ,—это будетъ вдвойнѣ забавная штука: спасти королеву, воспользовавшись деньгами его высокопреосвященства.

— Вы любезный и милый молодой человѣкъ, сказала г-жа Бонасье.—Повѣрьте, что ея величество не останется неблагодарной.

— О, я и безъ того уже очень вознагражденъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—я васъ люблю, вы позволяете мнѣ высказать это вамъ,—въ этомъ уже больше счастья, чѣмъ я могъ надѣяться!

— Молчите! вскричала г-жа Бонасье, задрожавъ.

— Что?

— На улицѣ говорятъ.

— Это голосъ...

— Моего мужа. Я его узнала!

Д'Артаньянъ подбѣжалъ къ двери и заперъ ее на задвижку.

— Онъ не войдетъ, пока я не уйду, сказалъ онъ, — а когда я уйду, вы отворите ему.

— Но я тоже должна уйти. Если я останусь тутъ, какъ объяснить исчезновеніе денегъ?

— Вы правы, нужно уйти.

— Уйти, но какъ? если мы выйдемъ, онъ насъ увидитъ.

— Въ такомъ случаѣ надо подняться ко мнѣ.

— Ахъ! вскричала г-жа Бонасье,—вы говорите это такимъ голосомъ, который заставляетъ меня бояться.

Г-жа Бонасье сказала эти слова со слезами на глазахъ. Д'Артаньянъ увидѣлъ эти слезы и, взволнованный, растроганный, упалъ къ ея ногамъ.

— У меня, сказалъ онъ, — вы будете въ полной безопасности, какъ бы вы были въ храмѣ. Я даю вамъ въ томъ слово дворянина.

— Пойдемте, сказала она,—я довѣряюсь вамъ, мой другъ.

Д'Артаньянъ съ большою предосторожностью отодвинулъ задвижку и оба, легкіе какъ тѣни, скользнули черезъ внутреннюю дверь въ коридоръ, безъ шума поднялись по лѣстницѣ и вошли въ комнату д'Артаньяна.

Очутившись у себя, для большей увѣренности, молодой человѣкъ устроилъ барикаду у двери; они оба подошли къ окну и черезъ щель ставни увидѣли г. Бонасье, разговаривающаго съ человѣкомъ въ плащѣ.

Увидя человѣка въ плащѣ, д'Артаньянъ сдѣлалъ прыжокъ и, выхвативъ на половину свою шпагу, бросился къ двери.

Это былъ незнакомецъ, съ которымъ у него было столкновеніе въ Менгѣ.

— Что вы хотите сдѣлать? вскричала г-жа Бонасье, вы насъ погубите.

— Но я поклялся убить этого человѣка! сказалъ д'Артаньянъ.

— Ваша жизнь не принадлежитъ вамъ въ настоящее время. Именемъ королевы я запрещаю вамъ подвергать себя какой либо опасности, исключая опасности, предстоящей вамъ въ дорогѣ.

— А своимъ именемъ вы ничего мнѣ не приказываете?

— А своимъ именемъ, сказала г-жа Бонасье съ сильнымъ волненіемъ: своимъ именемъ я прошу васъ объ этомъ. Но станемте слушать: кажется, они говорятъ обо мнѣ.

Д'Артаньянъ приблизился къ окну и приложилъ ухо.

Г. Бонасье отворилъ дверь и видя, что въ комнатѣ пусто, вернулся къ человѣку въ плащѣ, за минуту имъ оставленному.

— Она ушла, сказалъ онъ, она вернулась въ Лувръ.

— Вы увѣрены, что она не догадалась о намѣреніяхъ, съ которыми вы вышли.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Бонасье самодовольно, эта женщина слишкомъ поверхностно смотритъ на вещи.

— А молодой гвардеецъ дома?

— Не думаю какъ вы сами видите, у него заперты ставни и сквозь щели не видно свѣту.

— Все равно, надобно въ этомъ увѣриться.

— Какимъ образомъ?

— Войти и постучаться въ дверь.

— Идите.

— Я спрошу у его лакея.

Бонасье вошелъ въ свою квартиру, прошелъ черезъ ту же самую дверь, черезъ которую проскользнули оба бѣглеца, вошелъ на площадку квартиры д'Артаньяна и постучался.

Никто не отвѣтилъ. Портосъ для большаго шику отпросилъ на этотъ вечеръ къ себѣ Плянше, а д'Артаньянъ остерегся подать малѣйшій признакъ существованія.

Когда Бонасье постучался въ дверь, молодые люди почувствовали, какъ забились ихъ сердца.

— У него никого нѣтъ дома, сказала Бонасье.

— Ничего не значитъ, все-таки войдемте къ вамъ, мы будемъ у васъ въ большей безопасности, чѣмъ на порогѣ.

— Ахъ, Боже мой! прошептала г-жа Бонасье,—мы теперь ничего не услышимъ.

— Напротивъ, сказалъ д'Артаньянъ, мы будемъ слышать еще лучше.

Д'Артаньянъ вынулъ три или четыре половицы, разостлалъ коверъ на полу, всталъ на колѣни и сдѣлалъ знакъ г-жѣ Бонасье наклониться, какъ сдѣлалъ и онъ, къ отверстію.

Вы увѣрены, что тамъ нѣтъ никого? спросилъ незнакомецъ.

— Ручаюсь вамъ за это, сказалъ Бонасье.

— И вы думаете, что ваша жена?..

— Вернулась въ Лувръ.

— Не сказавши ни съ кѣмъ ни слова, кромѣ васъ?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Это очень важно, понимаете?

— И такъ, новость, которую я вамъ принесъ, имѣетъ значеніе?..

— Очень важное, мой любезный Бонасье, я этого отъ васъ и не скрываю.

— Въ такомъ случаѣ, кардиналъ будетъ мною доволенъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Великій кардиналъ!

— Вы твердо помните, что въ разговорѣ съ вами ваша жена не называла никого.

— Мнѣ кажется, нѣтъ.

— Она не назвала ни г-жи де-Шеврезъ, ни милорда Букингама, ни г-жи де-Верне?

— Нѣтъ, она мнѣ только сказала, что хочетъ послать меня въ Лондонъ въ интересахъ одной знатной особы.

— Измѣнникъ! прошептала г-жа Бонасье.

— Молчите! сказалъ д'Артаньянъ, взявши ее за руку, на что она не обратила вниманія.

— Какъ бы то ни было, продолжалъ человѣкъ въ плащѣ,— вы глупы, что не притворились, будто бы берете на себя порученіе: вы имѣли бы теперь въ рукахъ письмо, и государство, которому угрожаютъ, было бы спасено, а вы...

— А я?

— Кардиналъ пожаловалъ бы вамъ дворянскую грамоту...

— Онъ сказалъ вамъ это?

— Да, я знаю, что онъ хотѣлъ вамъ сдѣлать этотъ сюрпризъ.

— Будьте покойны, возразилъ Бонасье,— моя жена меня обожаетъ и время еще не ушло.

— Дуракъ! прошептала г-жа Бонасье.

— Молчите! сказалъ д'Артаньянъ, еще крѣпче сжимая ея руку.

— Какъ еще время не ушло? спросилъ человѣкъ въ плащѣ.

— Я вернусь въ Луврь, спрошу г-жу Бонасье, скажу ей, что я передумалъ, принимаю порученіе, добуду письмо и прибѣгу къ кардиналу.

— Ну, что-жъ? отправляйтесь скорѣе; я скоро вернусь, чтобы узнать о результатѣ вашей попытки.

Незнакомецъ вышелъ.

— Подлецъ! сказала г-жа Бонасье, говоря это по адресу своего мужа.

— Молчите! повторилъ д'Артаньянъ, еще крѣпче сжимая ей руку.

Ужасный вой прервалъ вдругъ размышленія д'Артаньяна и г-жи Бонасье. Это ея мужъ, замѣтившій исчезновеніе мѣшка съ деньгами, началъ кричать: караулъ! грабятъ!

— Ахъ, Боже мой! вскричала г-жа Бонасье,—онъ подыметъ на ноги весь кварталъ.

Бонасье долго кричалъ, но подобные крики, повторявшіеся очень часто, не привлекали никого въ улицу Могильщиковъ, и къ тому же домъ торговца не пользовался съ нѣкоторыхъ поръ хорошей репутаціей. Видя, что никто не приходитъ, онъ вышелъ, продолжая кричать, и слышно было, какъ его голосъ все болѣе и болѣе удалялся по направленію къ улицѣ Бакъ.

— Онъ ушелъ, теперь и вы тоже должны удалиться, сказала г-жа Бонасье;—будьте смѣлы, но въ особенности осторожны и помните, что вы обязаны пожертвовать собой королевѣ.

— Ей и вамъ! вскричалъ д'Артаньянъ: будьте покойны, прелестная Констанція, я сдѣлаюсь достойнымъ ея признательности, но достигну ли того, что сдѣлаюсь достойнымъ вашей любви?

Яркій румянецъ, покрывшій щеки молодой женщины, былъ ея отвѣтомъ. Нѣсколько минутъ спустя, д'Артаньянъ вышелъ, тоже завернутый въ большой плащъ, изъ-подъ котораго выглядывала ручка длинной шпаги.

Г-жа Бонасье проводила его долгимъ взглядомъ, полнымъ любви, которымъ провожаетъ человѣка женщина, сознающая, что любима имъ; но когда онъ скрылся за угломъ улицы, она упала на колѣни и сложила руки.

— О, Боже мой! вскричала она,—защити королеву, защити меня.

XIX.

Планъ кампанiи.

Д'Артаньянъ прямо отправился къ де-Тревилю. Онъ разсудилъ, что черезъ нѣсколько минутъ кардиналъ будетъ извѣщенъ обо всемъ проклятымъ незнакомцемъ, который, повидимому, былъ его агентомъ, и совершенно основательно рѣшилъ, что нельзя было терять ни минуты. Сердце молодого человѣка было переполнено радостью. Случай прiобрѣсти славу и деньги наконецъ представился ему и, точно для того, чтобы поощрить его для перваго раза, сблизилъ съ женщиной, которую онъ обожалъ. И такъ, этотъ случай приносилъ ему даже больше, чѣмъ онъ смѣлъ ожидать отъ Провидѣнiя. Де-Тревиль былъ въ своей гостиной, окруженный своей обыкновенной свитой дворянъ. Д'Артаньянъ, какъ коротко знакомый въ домѣ, прошелъ прямо въ кабинетъ и велѣлъ предупредить де-Тревиля, что онъ ждетъ его по очень важному дѣлу. Не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ де-Тревиль. Съ перваго взгляда, видя радостное выраженiе лица д'Артаньяна, почтенный капитанъ понялъ, что, дѣйствительно, произошло что нибудь новое. Въ продолженiе всей дороги д'Артаньянъ спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли довѣриться де-Тревилю, или только попросить достать ему свободный пропускъ для одного секретнаго дѣла. Но де-Тревиль такъ хорошо всегда относился къ нему, такъ былъ преданъ королю и королевѣ, такъ сердечно ненавидѣлъ кардинала, что молодой человѣкъ рѣшился открыть ему все.

— Вы меня хотѣли видѣть, мой юной другъ? спросилъ де-Тревиль.

— Да, капитанъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ и, надѣюсь, вы меня извините, что я потревожилъ васъ, когда узнаете, по какому важному дѣлу я пришелъ.

— Говорите, я васъ слушаю.

— Дѣло идетъ ни больше, ни меньше, сказалъ д'Ар-

таньянъ, понижая голосъ,—какъ о чести, а можетъ быть и жизни королевы.

— Что вы говорите? спросилъ де-Тревиль, осматриваясь кругомъ, чтобы удостовѣриться, что они были совершенно одни, и снова останавливая вопросительный взглядъ на д'Артаньянѣ.

— Я говорю, капитанъ, что случай открылъ мнѣ одну тайну...

— Которую вы сохраните, надѣюсь, молодой человѣкъ, до вашей смерти.

— Но которую я долженъ довѣрить вамъ, капитанъ, потому что вы одни можете мнѣ помочь въ исполненіи порученія, которое мнѣ только что дано ея величествомъ.

— Это ваша тайна?

— Нѣтъ, капитанъ, это тайна королевы.

— Уполномочены ли вы ея величествомъ довѣрить мнѣ ее?

— Нѣтъ, капитанъ, напротивъ, мнѣ предписано какъ можно строже хранить эту тайну.

— Въ такомъ случаѣ, почему же вы хотите измѣнить ей по отношенію ко мнѣ?

— Потому что, говорю вамъ, безъ васъ я не могу ничего сдѣлать и потому, что я боюсь, что вы откажете мнѣ въ той милости, которую я пришелъ просить у васъ, если вамъ будетъ неизвѣстно, съ какой цѣлью я прошу васъ о ней.

— Сохраните вашу тайну, молодой человѣкъ, и скажите, чего вы желаете?

— Я желалъ бы, чтобы вы достали мнѣ отъ г. Дезессара отпускъ на 15 дней.

— Когда именно?

— Въ эту же ночь.

— Вы оставляете Парижъ?

— Я ѣду по порученію.

— Можете вы мнѣ сказать, куда?

— Въ Лондонъ.

— Заинтересованъ ли кто нибудь въ томъ, чтобы вы не достигли вашей цѣли?

— Я думаю, что кардиналъ отдалъ бы все на свѣтѣ чтобы помѣшать его исполненію.

— А вы ѣдете одни?

— Совершенно одинъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы не проѣдете Бонди, я говорю вамъ это, повѣрьте слову де-Тревиля.

— Какъ такъ.

— Васъ убьютъ.

— Я умру, исполняя свой долгъ.

— Но ваше порученіе не будетъ исполнено.

— Это правда, сказалъ д'Артаньянъ.

— Повѣрьте мнѣ, продолжалъ де-Тревиль,—что въ подобнаго рода предпріятіяхъ надо быть четверымъ, чтобы доѣхать одному.

— Ахъ, капитанъ, вы правы, сказалъ д'Артаньянъ. Вы знаете Атоса, Портоса и Арамиса, и знаете также, могу ли я ими располагать.

— Не довѣряя имъ тайны, которую я не хотѣлъ узнать?

— Мы разъ навсегда поклялись въ слѣпой довѣренности и безпредѣльной преданности другъ другу, какое бы испытаніе насъ ни постигло; къ тому же, вы можете сказать имъ, что вы вполнѣ довѣряете мнѣ, и они отнесутся ко мнѣ такъ же довѣрчиво, какъ и вы.

— Я каждому изъ нихъ пошлю отпускъ на 15 дней, вотъ и все: Атосу, который все еще страдаетъ отъ своей раны, чтобы онъ поѣхалъ на Форжескія воды, а Портосу и Арамису для сопровожденія ихъ друга, котораго они не хотятъ покинуть въ такомъ печальномъ болѣзненномъ положеніи. Выдача отпусковъ послужитъ имъ доказательствомъ, что я дозволяю имъ это путешествіе.

— Благодарю, капитанъ: вы безгранично добры.

— Отправляйтесь же къ нимъ сію же минуту, и чтобы все было исполнено въ эту же ночь. А прежде всего напишите ваше прошеніе къ Дезессару. За вами, можетъ быть, слѣдитъ шпіонъ и ваше посѣщеніе, въ такомъ случаѣ, уже извѣстное кардиналу, будетъ имѣть законную причину.

Д'Артаньянъ исполнилъ это требованіе и де-Тревиль

получивши бумагу изъ его рукъ, увѣрилъ его, что раньше двухъ часовъ ночи четыре отпуска будутъ доставлены въ квартиры каждому изъ нихъ.

— Будьте такъ любезны, прикажите доставить мой отпускъ къ Атосу, попросилъ д'Артаньянъ. — Я боюсь, вернувшись къ себѣ, натолкнуться на какую нибудь непріятность.

— Хорошо. Прощайте! Счастливаго пути. Да кстати, сказалъ г. де-Тревиль собиравшемуся уже уйти д'Артаньяну.

Послѣдній вернулся.

— Есть ли у васъ деньги?

Д'Артаньянъ похлопалъ по мѣшечку, бывшему у него въ карманѣ.

— Довольно? спросилъ де-Тревиль.

— Триста пистолей.

— Хорошо, съ этимъ можно уѣхать на край свѣта. Отправляйтесь же.

Д'Артаньянъ поклонился де-Тревилю, который протянулъ ему руку; д'Артаньянъ пожалъ ее съ почтеніемъ. смѣшаннымъ съ признательностью. Съ самаго своего пріѣзда въ Парижъ, онъ не могъ нахвалиться этимъ превосходнымъ, вполнѣ достойнымъ уваженія, благороднымъ человѣкомъ.

Раньше всего д'Артаньянъ отправился къ Арамису; онъ еще не былъ у своего друга съ того самаго вечера, какъ преслѣдовалъ г-жу Бонасье. И даже больше того. Онъ почти не видѣлъ молодого мушкетера, и каждый разъ, какъ онъ съ нимъ встрѣчался, ему казалось, что онъ замѣчаетъ все большую и большую грусть на его лицѣ.

Даже въ этотъ вечеръ Арамисъ сидѣлъ мрачный и задумчивый; д'Артаньянъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ относительно этой глубокой задумчивости; Арамисъ объяснилъ ему это тѣмъ, что онъ долженъ написать комментарій на 18 главу Св. Августина по-латыни и приготовить эту работу къ слѣдующей недѣлѣ, что его очень озабочиваетъ.

Въ то время, какъ два друга поболтали еще нѣсколько

минутъ, вошелъ посланный отъ де-Тревиля съ запечатаннымъ пакетомъ.

— Что это такое? спросилъ Арамисъ.

— Отпускъ, о которомъ вы просили, отвѣчалъ лакей.

— Мнѣ? Да я не просилъ отпуска.

— Молчите и берите, сказалъ д'Артаньянъ,—а вамъ, мой другъ, вотъ пистоли за вашъ трудъ; вы скажете де-Тревилю, что г. Арамисъ искренно благодаритъ его. Идите.

Лакей поклонился до земли и вышелъ.

— Что это значитъ? спросилъ Арамисъ.

— Захватите съ собой все, что вамъ необходимо для двухнедѣльнаго путешествія, и слѣдуйте за мной

— Но я не могу оставить Парижъ въ настоящую минуту, не узнавши...

Арамисъ пріостановился.

— Что съ ней сдѣлалось, не правда ли? продолжалъ д'Артаньянъ.

— Съ кѣмъ? спросилъ Арамисъ.

— Съ женщиной, которая была здѣсь, съ женщиной съ вышитымъ платкомъ?

— Кто вамъ сказалъ, что здѣсь была женщина? спросилъ Арамисъ, поблѣднѣвшій, какъ мертвецъ.

— Я ее видѣлъ.

— И вамъ извѣстно, кто она?

— По крайней мѣрѣ, я догадываюсь.

— Слушайте, сказалъ Арамисъ,—разъ вы такъ много знаете, то навѣрно знаете и то, что сдѣлалось съ этой женщиной?

— Я полагаю, что она вернулась въ Туръ.

— Въ Туръ? да, навѣрно такъ; вы ее знаете. Но какъ она могла вернуться въ Туръ, ничего не сказавши мнѣ?

— Потому что она боялась, что ее арестуютъ?

— Почему она не написала мнѣ?

— Потому что она побоялась скомпрометировать васъ.

— Д'Артаньянъ, вы возвращаете мнѣ жизнь; вскричалъ Арамисъ.— Я думалъ, что она меня презираетъ, что она измѣнила! Я былъ такъ счастливъ снова увидѣть ее! Я

не могъ повѣрить, что она рисковала для меня свое свободой, а между тѣмъ, по какому дѣлу она пріѣхал бы въ Парижъ?

— По тому же самому, по которому мы сегодня отправимся въ Англію.

— А что это за дѣло?

— Когда нибудь вы узнаете объ этомъ, Арамисъ, но въ настоящую минуту позвольте мнѣ поступить по примѣру автора «Племянницы доктора».

Арамисъ улыбнулся, потому что онъ вспомнилъ сказку, разсказанную имъ однажды вечеромъ своимъ друзьямъ.

— Ну, что же! Такъ какъ она оставила Парижъ и вы въ этомъ увѣрены, д'Артаньянъ, то меня здѣсь ничего не удерживаетъ и я готовъ слѣдовать за вами. Вы говорите, что мы ѣдемъ?..

— Сейчасъ къ Атосу и, если вы хотите идти со мною, я прошу васъ поторопиться, потому что мы и такъ потеряли много времени.

— Базенъ ѣдетъ съ нами? спросилъ Арамисъ.

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ лучше, чтобы онъ проводилъ насъ сію же минуту къ Атосу.

Арамисъ позвалъ Базена и приказалъ ему идти за ними къ Атосу:

— Пойдемте же, сказалъ онъ захвативъ плащъ, шпагу и три пистолета и открывая, впрочемъ, совершенно напрасно, три или четыре ящика, чтобы посмотрѣть, не найдется ли тамъ завалившагося пистоля. Окончательно убѣдившись, что эти поиски напрасны, онъ пошелъ съ д'Артаньяномъ, недоумѣвая, откуда молодой гвардеецъ знаетъ такъ же хорошо, какъ и онъ, кто была та женщина, которой онъ оказалъ гостепріимство и знаетъ лучше него самого, что съ ней сталось.

Только выйдя изъ дому, Арамисъ положилъ руку на плечо д'Артаньяна и, пристально посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Вы никому не говорили объ этой женщинѣ?

— Никому на свѣтѣ.

— Даже Атосу или Портосу?

— Я не говорилъ имъ ни слова.

— Отлично!

Успокоившись относительно этого важнаго обстоятельства, Арамисъ продолжалъ путь вмѣстѣ съ д'Артаньяномъ, и оба скоро пришли къ Атосу.

Они застали его держащимъ въ одной рукѣ отпускъ, а въ другой письмо де-Тревиля.

— Можете ли вы объяснить мнѣ, что значитъ этотъ отпускъ и письмо, которые я только что получилъ? спросилъ удивленный Атосъ.

«Любезный Атосъ! Я очень желаю, чтобы вы отдохнули недѣли двѣ, такъ какъ ваше здоровье непремѣнно этого требуетъ. Поѣзжайте же на Форжескія воды или какія либо другія, болѣе вамъ подходящія, и постарайтесь поправиться.

Расположенный къ вамъ де-Тревиль».

— Отпускъ и письмо означаютъ, что вы должны за мной слѣдовать, Атосъ.

— На Форжескія воды?

— Туда или куда нибудь въ другое мѣсто.

— По службѣ короля?

— Короля или королевы; не слуги ли мы ихъ величествъ?

Въ эту минуту вошелъ Портосъ.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ,—вотъ странная-то вещь: съ которыхъ это поръ мушкетерамъ даютъ отпускъ, когда они о немъ и не просятъ?!

— Съ тѣхъ поръ, сказалъ д'Артаньянъ,—какъ у нихъ есть друзья, которые за нихъ просятъ.

— А, а! сказалъ Портосъ,—тутъ, кажется, завелось что-то новое.

— Да, мы ѣдемъ, сказалъ Арамисъ.

— Въ какую страну? спросилъ Портосъ.

— Честное слово, самъ хорошо не знаю этого, замѣтилъ Атосъ: спроси объ этомъ у д'Артаньяна.

— Въ Лондонъ, господа, объявилъ д'Артаньянъ.

— Въ Лондонъ! вскричалъ Портосъ;—а что мы будемъ дѣлать въ Лондонѣ?

— Этого я не могу сообщить вамъ, господа, и надо мнѣ довѣриться.

— Для того, чтобы ѣхать въ Лондонъ, надо имѣть деньги, а ихъ у меня нѣтъ.

— И у меня тоже, сказалъ Арамисъ.

— И у меня тоже, повторилъ Атосъ.

— У меня есть, возразилъ д'Артаньянъ, вытаскивая изъ кармана мѣшокъ съ деньгами и кладя его на столъ.—Въ этомъ мѣшкѣ—триста пистолей; возьмемъ каждый по семидесяти-пяти, этого совершенно довольно, чтобы съѣздить въ Лондонъ и вернуться. Къ тому же, будьте спокойны, мы не всѣ доберемся до Лондона.

— Отчего это?

— Потому что, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ насъ останутся на дорогѣ.

— Но развѣ мы идемъ на войну?

— И самую рискованную, предупреждаю васъ.

— Однакожъ! Но если мы рискуемъ быть убитыми, сказалъ Портосъ,—я по крайней мѣрѣ желалъ бы узнать, за что именно?

— Очень ты отъ этого выиграешь! отозвался Атосъ.

— Впрочемъ, замѣтилъ Арамисъ, — я держусь мнѣнія Портоса.

— Имѣетъ ли король привычку отдавать отчетъ? Нѣтъ, онъ просто говоритъ вамъ: господа, въ Гасконіи или во Фландріи—война, отправляйтесь сражаться, и вы идете. За что? Вы даже и не безпокоитесь объ этомъ.

— Д'Артаньянъ правъ, согласился Атосъ,—вотъ три отпуска, полученные нами отъ де-Тревиля, и вотъ триста пистолей, полученныхъ нами неизвѣстно откуда. Отправимтесь на-смерть туда, куда намъ велятъ идти. Стоитъ ли жизнь того, чтобы задавать столько вопросовъ? Д'Артаньянъ, я готовъ слѣдовать за тобой.

— И я тоже, сказалъ Портосъ.

— И я тоже, согласился и Арамисъ.—Я вовсе не прочь оставить Парижъ. Мнѣ нужно разсѣяться.

— Ну, что же! развлеченія будутъ, господа, будьте спокойны! замѣтилъ д'Артаньянъ.

— А теперь вопросъ: когда мы уѣзжаемъ? спросилъ Атосъ.

— Сейчасъ же, отвѣтилъ д'Артаньянъ,—нельзя терять ни минуты.

— Эй, Гримо, Пляншe, Мускетонъ, Базенъ! закричали молодые люди своимъ слугамъ, смажьте намъ саломъ сапоги и приведите изъ гостинницы лошадей.

Мушкетеры оставляли въ одной и той же гостинницѣ своихъ лошадей и лошадей своихъ слугъ.

Пляншe, Гримо, Мускетонъ и Базенъ пустились во всю прыть.

— Теперь составимъ планъ сраженія, сказалъ Портосъ.—Куда направляемся мы прежде всего?

— Въ Кале, отвѣчалъ д'Артаньянъ;—это самый краткій путь въ Лондонъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Портосъ — вотъ мое мнѣніе.

— Говори.

— Четыре человѣка, путешествующіе вмѣстѣ, покажутся подозрительными; д'Артаньянъ каждому изъ насъ дастъ инструкціи; я поѣду впередъ по дорогѣ къ Булони, чтобъ расчистить дорогу; Атосъ, два часа спустя, поѣдетъ по дорогѣ къ Амьеню; Арамисъ послѣдуетъ за нами по Нойонской дорогѣ, а д'Артаньянъ, пусть ѣдетъ по какой хочетъ дорогѣ въ платьѣ Пляншe, а Пляншe поѣдетъ съ нами вмѣсто д'Артаньяна, въ мундирѣ гвардейца.

— Господа, замѣтилъ Атосъ,—я держусь мнѣнія, что не слѣдуетъ въ подобныя дѣла вмѣшивать слугъ: секретъ можетъ быть случайно выданъ дворяниномъ, но почти всегда проданъ слугой.

— Планъ Портоса кажется мнѣ неудобоисполнимымъ, замѣтилъ д'Артаньянъ,—потому что я и самъ не знаю, какія я могу дать вамъ инструкціи. Я везу письмо—вотъ и все. Я не имѣю и не могу снять три копіи съ этого письма, такъ какъ оно запечатано, а потому, по моему мнѣнію, надо ѣхать вмѣстѣ всей компаніей. Это письмо тутъ, у меня въ карманѣ, и онъ указалъ, гдѣ оно спрятано. Если меня убьютъ, одинъ изъ васъ возьметъ его и будетъ про-

должать путь; если убьютъ его, настанетъ очередь слѣдующаго, и такъ дальше; лишь бы только одинъ доѣхалъ, вотъ все, что требуется.

— Браво, д'Артаньянъ, я согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, сказалъ Атосъ.—Къ тому же, надо быть послѣдовательнымъ: я ѣду на воды, вы меня сопровождаете; вмѣсто того, чтобы ѣхать на воды Форжеса, я отправлюсь на морскія купанья.—Я свободенъ въ выборѣ. Захотятъ насъ арестовать, я покажу письмо де-Тревиля, а вы покажете ваши отпуски. Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться; если насъ вздумаютъ судить, мы будемъ упорно настаивать на томъ, что не имѣли другого намѣренія, какъ только выкупаться извѣстное число разъ въ морѣ: было бы очень легко управиться съ каждымъ изъ четырехъ людей въ отдѣльности, между тѣмъ какъ всѣ четверо вмѣстѣ мы представляемъ цѣлое войско. Мы вооружимъ четырехъ слугъ пистолетами и мушкетами; если противъ насъ пошлютъ цѣлую армію, мы дадимъ сраженіе, и тотъ, кто останется въ живыхъ, какъ сказалъ д'Артаньянъ, доставитъ письмо.

— Хорошо сказано! вскричалъ Арамисъ,—ты говоришь не часто, Атосъ, но когда говоришь, то напоминаешь Іоанна Златоуста. Я принимаю планъ Атоса, а ты, Портосъ?

— Я тоже, согласился Портосъ, если согласенъ д'Артаньянъ. Д'Артаньянъ—податель письма, а потому, естественно, онъ долженъ стоять во главѣ этого предпріятія; пусть онъ рѣшитъ и мы исполнимъ.

— Итакъ, сказалъ д'Артаньянъ,—я рѣшаю, что мы принимаемъ планъ Атоса и выѣзжаемъ черезъ полчаса.

— Согласны! хоромъ подхватили всѣ три мушкетера.

И каждый взялъ себѣ изъ мѣшка 75 пистолей и началъ приготовленія для выѣзда въ назначенный часъ.

XX.

Путешествіе.

Въ два часа ночи наши искатели приключеній выѣхали изъ Парижа черезъ Сенъ-Денисскую заставу; въ продолженіе всей ночи, пока не разсвѣло, они ѣхали молча; невольно на нихъ вліяла темнота и повсюду имъ видѣлись засады.

Съ первыми лучами разсвѣта языки ихъ развязались а съ солнцемъ вернулось веселое настроеніе: точно наканунѣ сраженія, сердце билось, глаза смѣялись, чувствовалось, что жизнь, съ которой, можетъ быть, придется разстаться, въ концѣ концовъ очень недурная вещь. Караванъ имѣлъ очень внушительный видъ: вороныя лошади мушкетеровъ, ихъ воинственная осанка и вообще военная выправка, заставляющая ѣхать правильнымъ шагомъ благородныхъ товарищей-солдатъ, выдали бы самое строгое инкогнито.

За ними ѣхали слуги, вооруженные съ ногъ до головы.

Все шло благополучно до Шантильи, куда пріѣхали около 8 часовъ утра. Нужно было позавтракать. Остановились и спѣшились передъ однимъ трактиромъ, въ пользу котораго говорила его вывѣска, изображавшая св. Мартына, дающаго половину своего плаща бѣдному. Слугамъ былъ отданъ приказъ не разсѣдлывать лошадей и быть готовыми отправиться дальше немедленно.

Они вошли въ общую залу и сѣли за столъ.

Какой-то дворянинъ, только что пріѣхавшій по Дамаренской дорогѣ, сидѣлъ за этимъ же столомъ и завтракалъ. Онъ началъ разговоръ о дождѣ и вообще о погодѣ, путешественники отвѣтили ему; онъ выпилъ за ихъ здоровье, путешественники отвѣтили ему на его любезность.

Но въ ту минуту, какъ Мускетонъ пришелъ доложить имъ, что лошади готовы, и уже начали вставать изъ-за стола, незнакомецъ предложилъ Портосу выпить за здоровье кардинала; Портосъ отвѣтилъ, что онъ не желаетъ

ничего лучшаго, если незнакомецъ въ свою очередь согласенъ выпить за здоровье короля. Незнакомецъ вскричалъ, что онъ не знаетъ никакого другого короля, кромѣ его высокопреосвященства, Портосъ обозвалъ его пьяницей; незнакомецъ обнажилъ шпагу.

— Ты сдѣлалъ глупость, сказалъ Атосъ,—все-таки отступать теперь нельзя, убей этого человѣка и присоединяйся къ намъ, какъ можно поскорѣе.

И всѣ трое вскочили на лошадей и помчались во весь духъ, между тѣмъ какъ Портосъ обѣщалъ своему противнику пробуравить его по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства.

— Лучше однимъ ударомъ! закричалъ ему Атосъ, отъѣхавши шаговъ на пятьсотъ.

— Но почему этотъ человѣкъ привязался къ Портосу, а не къ кому нибудь другому? спросилъ Арамисъ.

— Потому что Портосъ говорилъ громче всѣхъ насъ и его приняли за нашего начальника, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Я всегда говорилъ, что этотъ юноша гасконецъ — настоящій кладезь мудрости, сказалъ Атосъ.

Путешественники продолжали путь.

Въ Бове остановились часа на два, какъ для того, чтобы дать передохнуть лошадямъ, такъ и для того, чтобы подождать Портоса. По прошествіи двухъ часовъ, такъ какъ Портосъ не пріѣхалъ и о немъ не было никакихъ извѣстій, поѣхали дальше. Отъѣхавъ одну милю отъ Бове, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога, направляясь между двухъ откосовъ, сдѣлалась у́же, встрѣтились восемь или десять человѣкъ, которые, пользуясь тѣмъ, что мостовая была испорчена, дѣлали видъ, что заняты работой, копая ямы и дѣлая грязныя колеи. Арамисъ, опасаясь замарать сапоги въ этомъ искусственномъ известковомъ растворѣ, грубо выругалъ ихъ. Атосъ хотѣлъ удержать его, но было уже слишкомъ поздно; рабочіе начали подсмѣиваться надъ путешественниками и заставили даже своимъ нахальствомъ потерять всякое

терпѣніе хладнокровнаго Атоса, который направилъ свою лошадь на одного изъ нихъ.

Тогда всѣ эти люди отступили къ канавѣ и каждый изъ нихъ взялъ себѣ по спрятанному тамъ мушкету; вслѣдствіе этого наши семеро путешественниковъ буквально должны были проѣхать подъ выстрѣлами. Арамису пуля насквозь пробила плечо, а Мускетону попала въ мясистыя части, ниже поясницы; впрочемъ, только одинъ Мускетонъ упалъ съ лошади, не потому, что былъ опасно раненъ, но онъ не могъ видѣть своей раны: безъ сомнѣнія, ему показалось, что онъ раненъ гораздо опаснѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

— Это засада, сказалъ д'Артаньянъ,—нечего тратить порохъ и въ путь.

Арамисъ, не смотря на свою рану, ухватился за гриву лошади, которая помчала его вмѣстѣ съ другими. Лошадь Мускетона тоже догнала ихъ и одна, безъ сѣдока, скакала рядомъ съ ними.

— Это у насъ будетъ запасная лошадь, замѣтилъ Атосъ.

— Я предпочелъ бы вмѣсто нея имѣть шляпу, сказалъ д'Артаньянъ:—мою сбило пулей. Право, счастливо еще, что письмо, которое я везу, было не тамъ.

— Они навѣрно убьютъ бѣднаго Портоса, когда онъ поѣдетъ мимо ихъ, сказалъ Арамисъ.

— Еслибъ Портосъ былъ на ногахъ, онъ навѣрно теперь уже догналъ бы насъ, сказалъ Атосъ, но я полагаю, что пьяница, защищаясь, живо протрезвился.

И они еще скакали два часа, хотя лошади такъ устали, что можно было опасаться, что онѣ скоро откажутся служить. Путешественники поѣхали проселочной дорогой, надѣясь такимъ образомъ встрѣтить меньше препятствій; но въ Кревкере Арамисъ объявилъ, что онъ дальше не можетъ ѣхать. И въ самомъ дѣлѣ, нужно было все мужество, которое онъ скрывалъ подъ своей изящной внѣшностью и своими вѣжливыми манерами, чтобы доѣхать и до этого мѣста. Съ каждой минутой онъ блѣднѣлъ все болѣе и были принуждены поддерживать его на лошади; ему помогли сойти у дверей одной таверны,

оставили ему Базена, который, впрочемъ, на случай какой нибудь стычки, скорѣй бы помѣшалъ, чѣмъ былъ бы полезенъ, а затѣмъ сами отправились дальше, въ надеждѣ переночевать въ Амьенѣ.

— Чортъ возьми! сказалъ Атосъ, когда они тронулись дальше и когда изъ всей компаніи осталось только двое господъ и двое слугъ, Гримо и Пляншe;—чортъ возьми! ужъ они меня теперь не одурачатъ, я вамъ ручаюсь, что они не заставятъ меня ни открыть рта, ни обнажить шпаги до самаго Кале, клянусь...

— Не будемъ давать клятвы, сказалъ д'Артаньянъ,— поскачемъ, если лошади еще не совсѣмъ выбились изъ силъ.

Путешественники пришпорили лошадей, и поѣхали дальше. Въ Амьенъ пріѣхали въ полночь и остановились въ гостинницѣ Золотой Лиліи. Хозяинъ гостинницы имѣлъ видъ самаго честнѣйшаго человѣка въ мірѣ; онъ встрѣтилъ путешественниковъ съ подсвѣчникомъ въ одной рукѣ и съ бумажнымъ колпакомъ въ другой. Онъ хотѣлъ помѣстить каждаго изъ двухъ путешественниковъ отдѣльно въ прелестныхъ комнатахъ: къ несчастью, эти комнаты были въ противоположныхъ концахъ гостинницы. Д'Артаньянъ и Атосъ отказались, на что хозяинъ отвѣтилъ имъ, что у него нѣтъ другихъ комнатъ, достойныхъ ихъ превосходительствъ, но путешественники объявили ему, что они проведутъ ночь въ одной комнатѣ на тюфякахъ, положенныхъ на полъ. Хозяинъ продолжалъ настаивать, путешественники стояли на своемъ и пришлось согласиться на ихъ желаніе. Они только что размѣстили кровати и устроили баррикаду у двери внутри, когда постучались въ ставню со двора; они окликнули, кто тамъ, узнали голоса своихъ слугъ и отворили. И дѣйствительно, это были Пляншe и Гримо.

— Довольно одного Гримо, чтобы караулить лошадей, сказалъ Пляншe,—и если господа желаютъ, я лягу поперегъ у ихъ двери; такимъ образомъ они могутъ быть увѣрены, что къ нимъ никто не войдетъ.

— Но на чемъ ты ляжешь? спросилъ д'Артаньянъ.

— Вотъ моя постель, сказалъ Пляншe, причемъ онъ показалъ охапку соломы.

— Твоя правда, иди же, сказалъ д'Артаньянъ, — мнѣ вовсе не нравится наружность хозяина, онъ слишкомъ вѣжливъ.

— И мнѣ тоже, согласился съ нимъ Атосъ.

Пляншe влѣзъ черезъ окно, улегся поперегъ двери, между тѣмъ какъ Гримо заперся въ конюшню, обѣщая, что въ 5 часовъ утра онъ и четыре лошади будутъ готовы. Ночь прошла довольно спокойно; около 2 часовъ, правда, пробовали отворить дверь, но когда Пляншe, проснувшись, вскочилъ и спросилъ: Кто тамъ? — ему отвѣтили, что ошиблись дверью и удалились. Въ 4 часа утра послышался страшный шумъ въ конюшнѣ. Гримо хотѣлъ разбудить рабочихъ въ конюшнѣ, и эти рабочіе били его. Когда отворили окно, то увидѣли бѣднаго малаго, лежавшаго безъ чувствъ, съ головой, раскроенной ударомъ палки. Пляншe спустился на дворъ и хотѣлъ осѣдлать лошадей, но лошади оказались разбитыми на ноги. Лошадь Мускетона, проскакавшая наканунѣ безъ своего хозяина въ продолженіе пяти или шести часовъ, одна изъ всѣхъ могла бы продолжать путь; по непонятной ошибкѣ ветеринаръ, за которымъ послали, кажется, для того, чтобы пустить кровь лошади хозяина, пустилъ кровь лошади Мускетона. Дѣло начало принимать скверный оборотъ: всѣ эти послѣдовательныя приключенія могли быть слѣдствіемъ простой случайности, но они также хорошо могли быть плодомъ заговора. Атосъ и д'Артаньянъ вышли, между тѣмъ какъ Пляншe пошелъ справиться, нѣтъ ли гдѣ нибудь въ окрестности трехъ продажныхъ лошадей. У дверей стояли двѣ совершенно осѣдланныя лошади, повидимому, очень свѣжія и сильныя. Это приходилось очень кстати. Онъ спросилъ, гдѣ хозяева этихъ лошадей, на что ему сказали, что они провели ночь въ гостинницѣ и въ настоящую минуту кончаютъ свои счеты съ хозяиномъ. Атосъ спустился внизъ, чтобы расплатиться, между тѣмъ какъ д'Артаньянъ и Пляншe стояли у двери, ведущей на улицу; хозяинъ гостинницы

былъ въ это время въ своей низенькой отдаленной комнатѣ, и Атоса попросили войти туда. Атосъ безъ всякаго недовѣрія вошелъ туда и подалъ ему два пистоля: хозяинъ былъ одинъ и сидѣлъ передъ своимъ бюро, одинъ изъ ящиковъ котораго былъ полуоткрытъ. Онъ взялъ деньги, которыя ему подалъ Атосъ, повертѣлъ ихъ нѣкоторое время въ своихъ рукахъ, и вдругъ закричавъ, что монеты фальшивыя, онъ объявилъ, что велитъ арестовать его и его товарища, какъ двухъ фальшивыхъ монетчиковъ.

— Негодяй! сказалъ Атосъ, наступая на него,—я тебѣ обрѣжу уши.

Въ эту самую минуту четверо съ головы до ногъ вооруженныхъ людей вошли черезъ боковую дверь и бросились на Атоса.

— Меня схватили, вскричалъ Атосъ изо всей мочи,— давай тягу, бѣги, бѣги, д'Артаньянъ! и съ этими словами онъ выстрѣлилъ два раза.

Д'Артаньянъ и Планше не заставили повторить себѣ два раза; они отвязали двухъ лошадей, привязанныхъ у двери, вскочили на нихъ, пришпорили и помчались во весь духъ.

— Ты знаешь, что сдѣлалось съ Атосомъ? спросилъ д'Артаньянъ у Планше во время пути.

— Ахъ, сударь, сказалъ Планше,—я видѣлъ, что отъ его двухъ выстрѣловъ упали двое, и мнѣ показалось черезъ стеклянную дверь, что онъ продолжалъ боротся съ другими.

— Храбрый Атосъ, прошепталъ д'Артаньянъ, какъ жаль, что его приходится покинуть!—Впрочемъ, можетъ быть, въ двухъ шагахъ отсюда и насъ ожидаетъ то же самое. Впередъ, Планше, впередъ! Ты храбрый малый.

— Я говорилъ вамъ, сударь, отвѣчалъ Планше,—что пикардійцевъ узнаютъ на дѣлѣ; къ тому же, я здѣсь на родинѣ и это меня возбуждаетъ.

И оба, сильно пришпоривая, пріѣхали въ Сентъ-Омеръ безъ передышки. Въ Сентъ-Омерѣ они дали вздохнуть лошадямъ, держа поводья въ рукѣ, боясь какого нибудь

новаго случая, и перекусили стоя на улицѣ, послѣ чего снова отправились дальше. Не доѣхавши ста шаговъ до Кале, лошадь д'Артаньяна упала и не было никакой возможности заставить ее подняться: кровь шла у нея изъ носу и изъ глазъ; оставалась только лошадь Пляншe, но она остановилась и ни за что не хотѣла идти далѣе. Къ счастью, какъ мы уже сказали, они были въ ста шагахъ отъ города; они оставили двухъ лошадей на большой дорогѣ и побѣжали къ пристани. Пляншe указалъ своему господину на одного дворянина, пріѣхавшаго съ своимъ слугою и опередившаго ихъ не более какъ на 50 шаговъ.

Они быстро приблизились къ этому господину, который, казалось, былъ очень занятъ. Сапоги его были въ пыли, и онъ спросилъ, можетъ ли онъ сію же минуту отправиться въ Англію.

— Ничего не могло быть легче, отвѣтилъ хозяинъ одного судна, готоваго натянуть парусъ,—но сегодня утромъ получено приказаніе никого не пропускать безъ особеннаго позволенія кардинала.

— У меня есть это позволеніе, сказалъ господинъ, вытаскивая бумагу изъ кармана.

— Засвидѣтельствуйте его у губернатора порта, сказалъ хозяинъ судна,—и поѣдемте со мной.

— Гдѣ я найду губернатора?

— На его дачѣ.

— А гдѣ находится эта дача?

— Въ четверти мили отъ города; смотрите, вы ее видите отсюда, у подошвы этой маленькой возвышенности черепичная крыша.

— Отлично.

И въ сопровожденіи своего слуга онъ отправился по дорогѣ къ дачѣ губернатора.

Д'Артаньянъ и Пляншe послѣдовали за этимъ господиномъ на разстояніи пятисотъ шаговъ. Какъ только они очутились внѣ города, д'Артаньянъ ускорилъ шаги и догналъ незнакомца на опушкѣ маленькаго лѣса.

— Милостивый государь, сказалъ д'Артаньянъ,— мнѣ кажется, что вы очень спѣшите.

— Какъ нельзя больше.

— Я очень сожалѣю объ этомъ, потому что я тоже очень спѣшу и хотѣлъ просить васъ оказать мнѣ услугу.

— Какую?

— Позволить мнѣ проѣхать первому.

— Невозможно, сказалъ джентльменъ,— я сдѣлалъ 60 миль въ 44 часа и необходимо, чтобы завтра, въ 12 часовъ дня, я былъ въ Лондонѣ.

— Я сдѣлалъ тотъ же самый путь въ 40 часовъ и мнѣ необходимо быть въ Лондонѣ завтра въ 10 часовъ утра.

— Я въ отчаяніи, милостивый государъ, но я пріѣхалъ первымъ и не переѣду вторымъ.

— Я въ отчаяніи, милостивый государь, но я пріѣхалъ вторымъ и переѣду каналъ первымъ.

— Я ѣду по службѣ короля.

— А я по своимъ собственнымъ дѣламъ.

— Но, мнѣ кажется, вы ищете со мной ссоры?

— Чортъ возьми! А вы какъ же бы хотѣли иначе?

— Чего вы желаете?

— Вы хотите это знать?

— Конечно.

— Ну, что-жъ! мнѣ нужно позволеніе на проѣздъ, которое вы имѣете, такъ какъ у меня его нѣтъ, а оно мнѣ нужно.

— Вы шутите, я полагаю?

— Я никогда не шучу.

— Позвольте мнѣ пройти!

— Вы не пройдете.

— Мой храбрый молодой человѣкъ, я размозжу вамъ голову. Эй, Любенъ! мои пистолеты!

— Пляншe, сказалъ д'Артаньянъ,— займись слугой, а я беру на себя справиться съ господиномъ.

Пляншe, ободренный первой удачей, бросился на Любена, и такъ какъ онъ былъ очень силенъ и крѣпокъ, то повалилъ его на землю навзничь и придавилъ ему колѣномъ грудь.

— Справляйтесь съ своимъ дѣломъ, сударь, а я покончилъ со своимъ.

Увидѣвъ это, дворянинъ обнажилъ шпагу и кинулся на д'Артаньяна; но онъ имѣлъ дѣло съ сильнымъ противникомъ.

Въ три секунды д'Артаньянъ нанесъ ему три удара, приговаривая при каждомъ:

— Это за Атоса; это за Портоса; это за Арамиса.

При третьемъ ударѣ, дворянинъ упалъ какъ безжизненная масса.

Д'Артаньянъ думалъ, что онъ умеръ, и подошелъ къ нему, чтобы взять у него пропускъ кардинала, но въ ту самую минуту, какъ онъ протянулъ руку, чтобы его обыскать, раненый, не выпускавшій изъ рукъ шпагу, нанесъ концомъ ему ударъ въ грудь, приговаривая:

— Вотъ вамъ!

— А это за меня! Остатки сладки! вскричалъ взбѣшенный д'Артаньянъ, прикалывая его къ землѣ четвертымъ ударомъ въ животъ.

На этотъ разъ дворянинъ закрылъ глаза и лишился чувствъ. Д'Артаньянъ обшарилъ карманъ, куда, какъ онъ видѣлъ, былъ положено приказаніе о пропускѣ, и взялъ его. Оно было написано на имя графа Варда.

Затѣмъ, бросивъ послѣдній взглядъ на красиваго молодого человѣка, лѣтъ двадцати пяти, не больше, котораго онъ оставилъ простертымъ на землѣ, безъ чувствъ, а можетъ быть и мертвымъ, онъ вздохнулъ о странной судьбѣ, заставляющей людей уничтожать другъ друга для выгоды совсѣмъ чуждыхъ имъ людей, которые зачастую не знаютъ даже и объ ихъ существованіи.

Но его размышленія были скоро нарушены Любеномъ, испускавшимъ какое-то рычаніе и кричавшимъ во все горло о помощи.

Плянше положилъ ему руку на горло и сжалъ ее изъ всѣхъ силъ.

— Баринъ, сказалъ онъ, — пока я буду держать его такимъ образомъ, онъ кричать не станетъ, но какъ только я отпущу его, онъ начнетъ кричать снова. Я узналъ въ немъ нормандца, а нормандцы упрямы.

И дѣйствительно, даже съ стиснутымъ горломъ, Любенъ пытался издавать звуки.

— Подожди! сказалъ д'Артаньянъ; и, взявъ свой платокъ, онъ засунулъ ему его въ ротъ.

— А теперь, сказалъ Пляншe,—привяжемте его къ дереву.

Все было сдѣлано вполнѣ добросовѣстно, а затѣмъ они перетащили графа Варда и положили его рядомъ съ его слугой, и такъ какъ уже надвигалась ночь, то очевидно было, что раненый и связанный, помѣщенные недалеко отъ лѣсу, останутся здѣсь до слѣдующаго дня.

— А теперь, сказалъ д'Артаньянъ,—къ губернатору!

— Но, мнѣ кажется, вы ранены? замѣтилъ Пляншe.

— Это не имѣетъ значенія, займемся болѣе спѣшнымъ дѣломъ, а затѣмъ вернемся и къ моей ранѣ, которая, впрочемъ, не кажется мнѣ очень опасной.

И они направились большими шагами на дачу губернатора.

Доложили о приходѣ графа Варда.

Д'Артаньяна ввели.

— Вы имѣете пропускъ, подписанный г. кардиналомъ? спросилъ губернаторъ.

— Да, отвѣтилъ д'Артаньянъ, вотъ онъ.

— А-а! онъ въ порядкѣ и о васъ очень хорошій отзывъ, сказалъ губернаторъ.

— Это очень естественно, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—я одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей.

— Кажется, что его высокопреосвященство хочетъ помѣшать кому-то проѣхать въ Англію.

— Да, нѣкоему д'Артаньяну, беарнскому дворянину, который уѣхалъ изъ Парижа со своими тремя друзьями съ цѣлью достигнуть Лондона.

— А вы его знаете лично? спросилъ губернаторъ.

— Кого это?

— Да этого д'Артаньяна.

— Какъ нельзя лучше.

— Опишите мнѣ его въ такомъ случаѣ.

— Ничего нѣтъ легче.

И д'Артаньянъ какъ нельзя болѣе точно описалъ ему наружность графа де-Варда.

— Его кто нибудь сопровождаетъ? спросилъ губернаторъ.

— Да, слуга по имени Любенъ.

— За ними будутъ слѣдить, и если удастся схватить ихъ, его высокопреосвященство можетъ быть спокоенъ; они будутъ отправлены въ Парижъ подъ надежнымъ конвоемъ.

— И, сдѣлавши это, г. губернаторъ, вы окажете кардиналу большую услугу, которую кардиналъ очень оцѣнитъ.

— Возвратившись, вы его увидите, г. графъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Пожалуйста, скажите ему, что я его вѣрный слуга.

— Не премину это сдѣлать.

И, обрадованный этимъ обѣщаніемъ, губернаторъ визировалъ паспортъ и передалъ его д'Артаньяну.

Д'Артаньянъ не сталъ терять время въ безполезныхъ комплиментахъ, поклонился губернатору и вышелъ.

Какъ только Пляншe и д'Артаньянъ вышли, они тотчасъ быстро пошли и, сдѣлавъ большой крюкъ, они избѣжали маленькій лѣсокъ и пришли другой дорогой.

Судно все еще стояло, готовое къ отплытію, и хозяинъ его дожидался на пристани.

— Ну, что-жъ? спросилъ онъ, увидя д'Артаньяна.

— Вотъ мой визированный пропускъ, отвѣтилъ послѣдній.

— А другой господинъ?

— Онъ не поѣдетъ сегодня, сказалъ д'Артаньянъ,—но будьте покойны, я все-таки заплачу за переѣздъ насъ двухъ.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемте, сказалъ хозяинъ судна.

— Ѣдемте, повторилъ д'Артаньянъ.

И онъ вмѣстѣ съ Пляншe вскочилъ въ лодку и отплылъ; пять минутъ спустя они уже были на суднѣ. Это было сдѣлано во-время; не успѣли они отъѣхать полмили, какъ показался свѣтъ и раздался выстрѣлъ. Это былъ пушечный выстрѣлъ, означавшій закрытіе порта.

Пора была обратить вниманіе на рану; къ счастію,

какъ и раньше думалъ д'Артаньянъ, она не была изъ особенно опасныхъ: остріе шпаги уперлось въ ребро и скользнуло вдоль кости, и, кромѣ того, рубашка прилипла къ ранѣ, такъ что изъ нея вытекло только нѣсколько капель крови.

Д'Артаньянъ изнемогалъ отъ усталости; ему положили матрацъ на палубѣ, онъ бросился на него и заснулъ. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, онъ очутился только въ 3 или 4 миляхъ отъ береговъ Англіи; всю ночь дулъ очень небольшой вѣтеръ и плыли очень тихо. Въ 10 часовъ судно бросило якорь въ Дуврскій портъ, а въ 10 часовъ съ половиной д'Артаньянъ вышелъ на берегъ Англіи, вскричавъ:

— Наконецъ-то я здѣсь.

Но это было еще не все, нужно было доѣхать до Лондона. Въ Англіи почтовыя дороги были устроены довольно хорошо. Д'Артаньянъ и Пляншe взяли каждый по лошадкѣ, и почтальонъ поскакалъ впереди ихъ; въ 4 часа они пріѣхали къ заставѣ столицы. Д'Артаньянъ не зналъ Лондона и не зналъ ни одного слова по-англійски, но онъ написалъ на клочкѣ бумаги имя Букингама и каждый могъ легко указать ему отель герцога.

Герцогъ былъ въ Виндзорѣ на охотѣ съ королемъ.

Д'Артаньянъ спросилъ камердинера герцога, который сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ и отлично говорилъ по-французски. Онъ сказалъ ему, что пріѣхалъ изъ Парижа по очень важному дѣлу, гдѣ вопросъ касается жизни и смерти, а потому ему необходимо было бы сію же минуту видѣть и переговорить съ герцогомъ. Смѣлый тонъ, которымъ говорилъ д'Артаньянъ, убѣдилъ Патриція—это было имя камердинера. Онъ велѣлъ осѣдлать двухъ лошадей и взялся проводить молодого гвардейца. Пляншe сняли съ лошади совершенно окоченѣвшаго: бѣдный малый совсѣмъ изнемогалъ. Д'Артаньянъ, казалось, былъ точно изъ желѣза.

Пріѣхали въ замокъ; тамъ имъ сообщили, что король и Букингамъ охотятся на птицъ въ болотахъ, расположенныхъ въ 2 или 3 миляхъ отсюда, и въ 20 минутъ они

были на указанномъ мѣстѣ. Патриції скоро услышалъ голосъ своего господина, звавшаго сокола.

— Какъ доложить мнѣ о васъ милорду герцогу? спросилъ Патриції.

— Молодой человѣкъ, который однажды вечеромъ хотѣлъ съ нимъ поссориться на Новомъ Мосту, напротивъ статуи Самаритянки.

— Странная рекомендація!

— Вы увидите, что она стоитъ всякой другой.

Патриції пустилъ лошадь въ галопъ, догналъ герцога и передалъ ему въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ ему было сказанъ, что его ждетъ гонецъ. Букингамъ тотчасъ же догадался, что это былъ д'Артаньянъ, и предполагая, не случилось ли во Франціи чего нибудь новаго, о чемъ ему даютъ знать, онъ, не теряя времени, спросилъ только, гдѣ пріѣхавшій гонецъ; узнавши издали форму гвардейца, онъ пустилъ лошадь въ галопъ, и прямо подъѣхалъ къ д'Артаньяну. Патриції изъ скромности всталъ въ сторонѣ.

— Не случилось ли съ королевой несчастія? вскричалъ Букингамъ, выражая въ этомъ вопросѣ всю свою любовь и безпокойство за королеву.

— Не думаю; впрочемъ, я полагаю, что она находится въ большой опасности, отъ которой ее можетъ избавить только ваша милость.

— Я! вскричалъ Букингамъ.—Но какимъ образомъ! Я былъ бы очень счастливъ быть ей въ чемъ нибудь полезнымъ. Говорите, говорите!

— Возьмите это письмо.

— Это письмо, отъ кого оно?

— Я полагаю, отъ ея величества.

— Отъ ея величества, сказалъ Букингамъ, поблѣднѣвъ такъ сильно, что д'Артаньянъ думалъ, что ему сдѣлается дурно.

Онъ сломалъ печать.

— Отчего эта дыра? сказалъ онъ, указывая д'Артаньяну на одно мѣсто, гдѣ оно было насквозь проколото.

— А-а! сказалъ д'Артаньянъ, я этого и не видѣлъ.—Это

сдѣлано шпагой графа де-Варда, когда онъ мнѣ нанесъ славный ударъ, проколовъ мнѣ грудь.

— Вы ранены? спросилъ Букингамъ, ломая печать.

— О, пустяки, царапина, сказалъ д'Артаньянъ.

— Праведное небо, что я прочиталъ! вскричалъ герцогъ. Патриційl,—оставайся здѣсь или скорѣе отыщи короля, гдѣ бы онъ ни былъ, и передай его величеству, что я почтительнѣйше умоляю его простить меня, [но одно чрезвычайно важное дѣло призываетъ меня въ Лондонъ Ѣдемте, ѣдемте.

И оба пустились вскачь по дорогѣ въ столицу.

XVI.

Графиня Винтеръ.

Въ продолженіе всей дороги герцогъ разспрашивалъ д'Артаньяна не о томъ, что случилось, а о томъ, что д'Артаньяну было извѣстно. Сопоставляя то, что онъ слышалъ отъ молодого человѣка, съ своими собственными воспоминаніями, онъ могъ составить себѣ довольно вѣрное представленіе объ опасномъ положеніи, на что, впрочемъ, указывало и письмо королевы, какъ ни было оно коротко и неясно. Но его больше всего удивило то, что кардиналу, въ высшей степени заинтересованному тѣмъ, чтобы не допустить этого молодого человѣка ступить ногой въ Англію, не удалось остановить его въ дорогѣ, и тогда д'Артаньянъ разсказалъ ему, какія предосторожности были приняты и какъ, благодаря преданности своихъ трехъ друзей, которыхъ онъ оставилъ всѣхъ, окровавленныхъ, по дорогѣ, ему удалось расквитаться за ударъ шпаги, проколовшей письмо королевы, за что графъ де-Вардъ такъ дорого поплатился.

Слушая этотъ разсказъ, переданный съ замѣчательной простотой, герцогъ отъ времени до времени посматривалъ на молодого человѣка, какъ бы не понимая, какъ столько осторожности, храбрости и преданности соединялось въ

одномъ человѣкѣ, которому по лицу нельзя было дать болѣе 20 лѣтъ.

Лошади мчались, точно вѣтеръ, и въ нѣсколько минутъ они были у воротъ Лондона. Д'Артаньянъ думалъ, что, пріѣхавши въ городъ, герцогъ замедлитъ свой ходъ, но было не такъ: онъ продолжалъ мчаться во всю прыть, мало заботясь о томъ, что могъ сбить кого нибудь по дорогѣ. И дѣйствительно, проѣзжая Сити, съ нимъ было два или три подобныхъ случая, но Букингамъ не повернулъ даже головы, чтобы посмотрѣть, что случилось съ тѣми, кого онъ опрокинулъ. Д'Артаньянъ слѣдовалъ за нимъ посреди криковъ, очень похожихъ на проклятія.

Въѣхавъ во дворъ своего отеля, Букингамъ спрыгнулъ съ лошади и, ни мало не безпокоясь о ней, бросилъ ей поводъ на шею и поспѣшилъ на крыльцо. Д'Артаньянъ сдѣлалъ то же самое, впрочемъ немножко безпокоясь за этихъ благородныхъ животныхъ, достоинство которыхъ онъ могъ оцѣнить, но онъ скоро утѣшился, увидя какъ 3 или 4 лакея быстро выскочили изъ кухонъ и конюшенъ и тотчасъ же взяли лошадей.

Герцогъ шелъ такъ скоро, что д'Артаньяну трудно было поспѣвать за нимъ; онъ прошелъ одну за другою нѣсколько залъ, убранныхъ съ такимъ изяществомъ, о которомъ самые знатные вельможи Франціи не имѣли никакого понятія, и достигъ наконецъ спальни, которая была чудомъ вкуса и роскоши. Въ альковѣ этой комнаты была дверь, закрытая обоями, которую герцогъ открылъ маленькимъ золотымъ ключомъ, висѣвшимъ у него на шеѣ на золотой же цѣпочкѣ.

Изъ скромности д'Артаньянъ остался позади, но Букингамъ въ ту минуту, какъ переступалъ порогъ этой двери, обернулся и, видя нерѣшительность молодого человѣка, сказалъ:

— Войдите, и если вы имѣете счастіе бывать у ея величества, разскажите ей, что вы видѣли.

Ободренный этимъ приглашеніемъ, д'Артаньянъ послѣдовалъ за герцогомъ, который заперъ за нимъ дверь; тогда оба очутились въ маленькой комнаткѣ, родъ ча-

совни, обтянутой персидской шелковой матеріей и затканной золотомъ, ярко освѣщенной множествомъ свѣчей. Надъ возвышеніемъ, въ родѣ престола, подъ балдахиномъ изъ голубого бархата съ бѣлыми и красными перьями, былъ помѣщенъ во весь ростъ портретъ Анны Австрійской, такъ поразительно похожей, что д'Артаньянъ отъ неожиданности вскрикнулъ: казалось, что королева сейчасъ заговоритъ. На этомъ престолѣ, подъ портретомъ стояла шкатулка, въ которой хранились бриллiантовые наконечники. Герцогъ подошелъ къ престолу, преклонилъ колѣна и открылъ шкатулку.

— Вотъ, сказалъ онъ, вынимая изъ шкатулки большой бантъ изъ голубыхъ лентъ, сверкавшій бриллiантами,— вотъ эти драгоцѣнные наконечники, съ которыми я поклялся быть похороненнымъ. Королева мнѣ ихъ дала, королева и беретъ назадъ: да будетъ во всемъ ея воля.

Затѣмъ онъ началъ цѣловать одинъ за другимъ эти наконечники, съ которыми ему нужно было разстаться. Вдругъ онъ ужасно вскрикнулъ:

— Что такое? съ безпокойствомъ спросилъ д'Артаньянъ,— что съ вами случилось, милордъ?

— А то, что теперь все потеряно, вскричалъ Букингамъ, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ;—недостаетъ двухъ изъ этихъ наконечниковъ, ихъ теперь только десять!

— Думаетъ ли милордъ, что они у него потеряны, или что они у него украдены?

— Ихъ украли у меня, отвѣчалъ герцогъ,—и это дѣло кардинала. Смотрите: видите—ленты, къ которымъ они были прикрѣплены, отрѣзаны ножницами.

— Еслибъ милордъ могъ догадаться, кто совершилъ это воровство... Можетъ быть они еще въ рукахъ у того лица?

— Постойте, постойте! вскричалъ герцогъ.—Единственный разъ, когда я надѣлъ эти наконечники, это на балъ короля, 8 дней тому назадъ въ Виндзорѣ. Графиня Винтеръ, съ которой я былъ въ ссорѣ, подошла ко мнѣ на этомъ балу. Это примиреніе было мщеніемъ ревнивой жен-

щины; съ этого дня я ея больше не видѣлъ, эта женщина— агентъ кардинала.

— Но можно же ихъ найти въ цѣломъ свѣтѣ? вскричалъ д'Артаньянъ.

— О, да, да, вскричалъ Букингамъ, стискивая зубы отъ гнѣва,—да, это ужасный врагъ. Но, впрочемъ, когда же долженъ состояться этотъ балъ?

— Въ будущій понедѣльникъ.

— Въ будущій понедѣльникъ! 5 дней впереди, этого времени для насъ болѣе чѣмъ достаточно. Патрицій, вскричалъ герцогъ, отворяя дверь часовни.—Патрицій!

Появился камердинеръ герцога.

— Ювелира и секретаря!

Камердинеръ вышелъ изъ комнаты очень быстро, не проронивъ ни слова, что доказывало его привычку повиноваться слѣпо, безъ возраженій.

Секретарь явился раньше ювелира. Это было совершенно понятно: онъ жилъ въ томъ самомъ отелѣ. Онъ засталъ герцога Букингама сидящимъ въ своей спальнѣ за столомъ.

Букингамъ собственноручно написалъ нѣсколько словъ

— Г. Джаксонъ, сказалъ онъ ему,—вы тотчасъ же отправляйтесь къ лорду-канцлеру и передайте ему, что я поручаю ему исполнить мои приказанія. Я требую, чтобы они были обнародованы сейчасъ же.

— Но, монсиньоръ, если лордъ-канцлеръ спроситъ меня о причинахъ, заставившихъ вашу свѣтлость прибѣгнуть къ такой необыкновенной мѣрѣ, что я отвѣчу ему.

— Что на это моя добрая воля и что я никому не долженъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Будетъ ли это отвѣтомъ, который можно передать его величеству, сказалъ, улыбаясь, секретарь,—если его величество полюбопытствуетъ узнать, почему ни одинъ корабль не можетъ выйти изъ гавани Великобританіи?

— Вы правы, отвѣтилъ Букингамъ,—онъ отвѣтитъ въ такомъ случаѣ королю, что я рѣшился на войну, и это одна изъ первыхъ непріязненныхъ мѣръ относительно Франціи.

Секретарь поклонился и вышелъ.

— Значитъ, съ этой стороны мы спокойны, сказалъ Букингамъ, обращаясь къ д'Артаньяну.—Если наконечники еще не отправлены во Францію, они прибудутъ только послѣ васъ.

— Какимъ образомъ?

— Я только что наложилъ запрещеніе на выходъ всѣхъ судовъ изъ гавани, которыя въ настоящую минуту стоятъ въ портахъ его величества, и ни одно изъ нихъ безъ особаго разрѣшенія не можетъ сняться съ якоря.

Д'Артаньянъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого человѣка, пользовавшагося для своихъ любовныхъ дѣлъ своей неограниченной властью, въ которую былъ облеченъ довѣріемъ короля. Букингамъ, по выраженію лица молодого человѣка, угадалъ его мысли и улыбнулся.

— Да, сказалъ онъ,—да, это потому, что Анна Австрійская — моя настоящая королева; по одному ея слову я готовъ измѣнить моему отечеству и моему королю. Она просила меня не посылать протестантамъ Ларошели помощь, которую я имъ обѣщалъ — и это было сдѣлано. Я не сдержалъ своего слова, но я повиновался ея желанію и скажите, не былъ ли я щедро вознагражденъ за мое послушаніе, такъ какъ я ему обязанъ этимъ портретомъ?!

Д'Артаньянъ удивился, на какихъ тонкихъ, невидимыхъ нитяхъ виситъ иногда судьба народа и жизнь столькихъ людей. Онъ былъ глубоко погруженъ въ свои размышленія, какъ вдругъ вошелъ ювелиръ. Это былъ ирландецъ, одинъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ мастеровъ своего дѣла и который самъ признавался, что онъ наживаетъ 100,000 ливровъ въ годъ отъ одного герцога Букингама.

— Г. Орели, сказалъ ему герцогъ, уводя его въ свою часовню;—посмотрите на эти брилліантовые наконечники и скажите мнѣ, что стоитъ каждый изъ нихъ?

Ювелиръ бросилъ бѣглый взглядъ на изящество ихъ отдѣлки, разсчиталъ цѣну каждаго брилліанта и, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Полторы тысячи пистолей за каждый, милордъ.

— Сколько потребуется дней, чтобы приготовить два такихъ наконечника? Вы видите, тутъ недостаетъ двухъ.

— 8 дней, милордъ.

— Я заплачу 3 тысячи пистолей за каждый, но мнѣ необходимо, чтобы они были готовы къ послѣзавтра.

— Милордъ будетъ имѣть ихъ.

— Вы драгоцѣнный человѣкъ, г. Орели, но это еще не все: эти наконечники не могутъ быть никому довѣрены: нужно ихъ сдѣлать здѣсь же во дворцѣ.

— Невозможно, милордъ, никто, кромѣ меня, не можетъ сдѣлать этого такъ, чтобы не видно было ни малѣйшей разницы между новыми и старыми.

— Въ такомъ случаѣ, мой любезный г. Орели, вы мой плѣнникъ, и если бы даже вы захотѣли выйти сію же минуту изъ моего дворца, вы не могли бы этого сдѣлать; покоритесь вашей участи. Назовите мнѣ тѣхъ изъ вашихъ подмастерьевъ, которые вамъ понадобятся, а также тѣ инструменты, которые они должны принести.

Ювелиръ зналъ герцога и зналъ также, что всякое возраженіе совершенно безполезно, а потому онъ тотчасъ же рѣшился.

— Мнѣ будетъ позволено предупредить мою жену? спросилъ онъ.

— О, вамъ будетъ разрѣшено даже съ ней видѣться, любезный Орели: вашъ плѣнъ будетъ пріятенъ вамъ, будьте спокойны и, какъ всякое безпокойство требуетъ извѣстнаго вознагражденія, то сверхъ платы, назначенной вами за два наконечника, вотъ вамъ чекъ на тысячу пистолей, чтобы вы забыли о скукѣ, которую я вамъ причиняю.

Д'Артаньянъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, видя, какъ Букингамъ свободно распоряжался и людьми, и деньгами.

Ювелиръ написалъ своей женѣ письмо, вложивъ въ него чекъ на тысячу пистолей, взамѣнъ котораго просилъ ее прислать ему лучшаго изъ своихъ подмастерьевъ, извѣстный подборъ брилліантовъ, вѣсъ и названіе кото-

рыхъ онъ ей означилъ, и цѣлый списокъ необходимыхъ ему инструментовъ.

Букингамъ проводилъ ювелира въ назначенную для него комнату, которая въ полчаса превратилась въ мастерскую. Затѣмъ онъ поставилъ у каждой двери часового, съ воспрещенiемъ впускать туда кого бы то ни было, за исключенiемъ его камердинера Патриція. Излишне прибавлять, что ювелиру Орели и его помощнику было запрещено выходить подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Покончивъ съ этой стороной дѣла, Букингамъ вернулся къ д'Артаньяну.

— Теперь, мой юный другъ, сказалъ онъ,—Англія принадлежитъ намъ двумъ; чего вы хотите, чего желаете?

— Постель, отвѣтилъ д'Артаньянъ; — потому что, признаюсь, въ настоящую минуту это именно то, что мнѣ всего нужнѣе.

Букингамъ помѣстилъ д'Артаньяна въ комнатѣ рядомъ со своей. Онъ хотѣлъ имѣть молодого человѣка подъ рукою не потому, чтобы онъ не довѣрялъ ему, а для того, чтобы имѣть кого нибудь около себя, съ кѣмъ можно бы было постоянно говорить о королевѣ. Часъ спустя, въ Лондонѣ былъ обнародованъ указъ о воспрещенiи выпускать изъ гаваней суда во Францію, даже и почтовые пакетботы. Въ глазахъ всѣхъ это было объявленiе войны.

На третій день, въ одиннадцать часовъ, оба брилліантовыхъ наконечника были готовы и до такой степени точно и вѣрно сдѣланы съ оригиналомъ, что Букингамъ не могъ отличить новые отъ старыхъ и даже самый опытный знатокъ могъ бы легко ошибиться.

Онъ приказалъ сейчасъ же позвать д'Артаньяна.

— Смотрите, сказалъ онъ ему,— вотъ брилліантовые наконечники, за которыми вы прiѣхали, и будьте свидѣтелемъ того, что я исполнилъ все, что было въ человѣческой власти.

— Будьте спокойны, милордъ: я разскажу все, что видѣлъ, но ваша свѣтлость передаетъ мнѣ наконечники безъ шкатулки?

— Шкатулка затруднила бы васъ. Къ тому же, она дѣлается мнѣ еще тѣмъ дороже, что только она одна и останется мнѣ. Вы скажете, что я ее оставилъ.

— Я передамъ ваше порученіе слово-въ-слово, милордъ.

— А теперь, сказалъ Букингамъ, пристально вглядываясь въ молодого человѣка,—какъ я когда нибудь расквитаюсь съ вами?

Д'Артаньянъ покраснѣлъ до бѣлковъ глазъ. Онъ видѣлъ, что герцогъ хочетъ непремѣнно подарить ему что нибудь и мысль, что кровь его товарищей и его собственная будетъ куплена англійскимъ золотомъ, возбуждала въ немъ страшное отвращеніе.

— Условимся, милордъ, сказалъ д'Артаньянъ,—и взвѣсимъ хорошенько всѣ поступки впередъ, чтобы не вышло недоразумѣнія. Я нахожусь на службѣ короля и королевы Франціи и состою въ гвардейской ротѣ г. Дезессара, который, какъ и его зять, де-Тревиль, особенно преданы ихъ величествамъ. И такъ, я все сдѣлалъ для королевы и ничего для вашей свѣтлости, и скажу вамъ больше: можетъ быть даже я ничего бы не сдѣлалъ, если бы не шло дѣло о томъ, что я хочу сдѣлать пріятное одной особѣ, которая точно такъ же — моя царица, какъ королева — ваша.

— Да, сказалъ герцогъ, улыбаясь,—я знаю эту особу, это...

— Милордъ, съ живостью перебилъ его молодой человѣкъ,—я не сказалъ ея имени.

— Это правда;—такъ этой особѣ я долженъ быть признательнымъ за вашу самоотверженность.

— Совершенно такъ, милордъ, потому что именно въ эту минуту рѣшается вопросъ о войнѣ и, признаюсь, я вижу въ вашей свѣтлости только англичанина, а слѣдовательно нашего врага, котораго я былъ бы еще болѣе радъ встрѣтить на полѣ битвы, чѣмъ въ Виндзорскомъ паркѣ или въ коридорахъ Луврскаго дворца, что, впрочемъ, нисколько мнѣ не помѣшаетъ исполнить въ точности мое порученіе и позволить убить себя, если это потребуется для его исполненія. Но повторяю вашей свѣт-

лости, что вамъ лично также мало приходится благодарить меня за то, что я сдѣлалъ для себя въ этомъ второмъ нашемъ свиданіи съ вами, какъ и за то, что я сдѣлалъ для васъ въ первомъ.

— У насъ говорятъ: «гордъ, какъ шотландецъ», прошепталъ Букингамъ.

— А у насъ говорятъ: «гордъ, какъ гасконецъ». Гасконцы — шотландцы Франціи.

Д'Артаньянъ поклонился и хотѣлъ уйти.

— Какъ! вы хотите ужъ ѣхать? Но какой же дорогой и какъ?

— Это правда.

— Чортъ возьми! Французы смѣло рѣшаютъ всякіе вопросы!

— Я забылъ, что Англія—островъ, на которомъ вы—король.

— Поѣзжайте въ гавань, спросите бригъ «Sund» и передайте это письмо капитану; онъ отвезетъ васъ въ маленькую гавань, гдѣ, конечно, васъ не ожидаютъ и гдѣ пристаютъ обыкновенно только рыболовныя суда.

— Эта гавань называется...

— Сентъ-Валери. Но подождите же: пріѣхавши туда, вы войдете въ одинъ плохой трактиръ, не имѣющій ни имени, ни вывѣски, настоящій притонъ матросовъ; ошибиться вы не можете, тамъ только онъ единственный.

— И затѣмъ?

— Вы спросите хозяина этого трактира и скажете ему: «For'ward».

— Что означаетъ?..

— Впередъ: это пароль. Онъ дастъ вамъ осѣдланную лошадь и укажетъ вамъ дорогу, по которой вы должны ѣхать. Вы найдете на вашемъ пути четыре перемѣны подставныхъ лошадей. Если хотите, при каждой изъ нихъ вы оставите вашъ парижскій адресъ и всѣ четыре лошади послѣдуютъ за вами; вы уже знаете двухъ изъ нихъ и, мнѣ показалось, вы оцѣнили ихъ, какъ любитель: это тѣ самыя, на которыхъ мы пріѣхали; ручаюсь вамъ, что и другія двѣ будутъ не хуже по своему достоинству. Эти

четыре лошади снаряжены на войну. Какъ бы горды вы ни были, вы не откажетесь принять одну изъ нихъ для себя и остальныхъ попросить принять вашихъ трехъ товарищей: къ тому же, онѣ пригодятся вамъ для войны съ нами. Цѣль оправдываетъ средства, какъ говорите вы, французы, не правда ли?

— Да, милордъ, я принимаю, сказалъ д'Артаньянъ,—и если будетъ угодно Богу, мы сдѣлаемъ хорошее употребленіе изъ вашихъ подарковъ.

— Теперь—вашу руку, молодой человѣкъ; можетъ быть, мы скоро встрѣтимся на полѣ битвы, а пока, надѣюсь, мы разстанемся съ вами друзьями.

— Да, милордъ, но въ надеждѣ сдѣлаться скоро врагами.

— Будьте спокойны, я вамъ это обѣщаю.

— Я полагаюсь на ваше слово, герцогъ.

Д'Артаньянъ поклонился герцогу и быстро направился къ гавани.

Напротивъ Лондонской башни онъ нашелъ указанное судно, передалъ письмо капитану, который отдалъ его визировать губернатору порта, и тотчасъ же снялся съ якоря.

Пятьдесятъ судовъ стояло готовыми къ отплытію и ждали. Проходя бортъ о бортъ съ однимъ изъ нихъ, д'Артаньяну показалось, что онъ узналъ незнакомку Менга, ту самую, которую незнакомый джентльменъ называлъ миледи и которую онъ, д'Артаньянъ, нашелъ такой красивой; но, благодаря быстрому теченію рѣки и хорошему попутному вѣтру, его корабль плылъ такъ быстро, что черезъ минуту они потеряли все изъ виду.

На слѣдующій день, въ девять часовъ утра, пришли въ Сентъ-Ва́лери.

Д'Артаньянъ въ ту же минуту направился къ назначенному трактиру и узналъ его по крикамъ, вырывавшимся оттуда: разговоръ шелъ о войнѣ между Англіей и Франціей, какъ о рѣшенномъ и несомнѣнномъ дѣлѣ, и матросы на радостяхъ кутили. Д'Артаньянъ прошелъ сквозь толпу, приблизился къ хозяину и произнесъ слово «forward». Хозяинъ тотчасъ же сдѣлалъ ему знакъ слѣ-

довать за собой, вышелъ съ нимъ въ дверь, выходящую на дворъ, провелъ его въ конюшню, гдѣ его ждала совершенно осѣдланная лошадь, и спросилъ его, не нужно ли ему еще чего нибудь.

— Мнѣ нужно знать дорогу, по которой я долженъ ѣхать, сказалъ д'Артаньянъ.

— Поѣзжайте отсюда въ Блянжи, а изъ Блянжи въ Невшатель. Въ Невшателѣ войдите въ трактиръ Золотой бороны, скажите пароль хозяину, и вы найдете, какъ и тутъ, совершенно осѣдланную лошадь.

— Долженъ я вамъ что нибудь? спросилъ д'Артаньянъ.

— За все заплачено и притомъ щедрой рукой, сказалъ хозяинъ. — Поѣзжайте же, и Господь да благословитъ васъ!

— Аминь! отвѣтилъ молодой человѣкъ, пускаясь въ галопъ.

Четыре часа спустя онъ былъ въ Невшателѣ.

Онъ точно слѣдовалъ даннымъ ему инструкціямъ; въ Невшателѣ, какъ и въ Сенъ-Валери, онъ нашелъ совершенно осѣдланную лошадь, которая его ждала: онъ хотѣлъ переложить пистолеты изъ прежняго сѣдла въ новое, но въ сумкахъ этого сѣдла онъ нашелъ точно такіе же другіе пистолеты.

— Вашъ адресъ въ Парижѣ?

— Гвардейскія казармы, рота Дезессара.

— Хорошо, отвѣтилъ послѣдній.

— По какой дорогѣ мнѣ надо ѣхать? въ свою очередь спросилъ д'Артаньянъ.

— По Руанской дорогѣ, но вы оставите городъ вправо. Вы остановитесь въ маленькой деревушкѣ Экюи, тамъ одна гостинница Щитъ Франціи. Не судите ее по ея наружности: въ ея конюшняхъ найдется лошадь не хуже этой.

— И тотъ же пароль?

— Тотъ же самый.

— Прощайте, хозяинъ!

— Добраго пути, дворянинъ; не нужно ли вамъ чего нибудь?

Д'Артаньянъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головой и во всю прыть помчался далѣе. Въ Экюи повторилась та же самая сцена: онъ нашелъ точно такого же предупредительнаго хозяина, свѣжую, отдохнувшую лошадь; оставилъ свой адресъ, какъ сдѣлалъ это и при прежнихъ остановкахъ, и тѣмъ же скорымъ шагомъ пріѣхалъ въ Понтуазъ. Въ Понтуазѣ онъ въ послѣдній разъ перемѣнилъ лошадь и въ 9 часовъ галопомъ въѣхалъ въ отель де-Тревиля. Онъ сдѣлалъ приблизительно около шестидесяти миль въ двѣнадцать часовъ. Де-Тревиль принялъ его, точно онъ видѣлся съ нимъ въ тотъ же день утромъ, только пожавъ ему руку немножко болѣе горячо, чѣмъ обыкновенно. Онъ сообщилъ ему, что рота Дезессара на караулѣ въ Луврѣ и что онъ можетъ отправиться на свой постъ.

XXII.

Балетъ «Мерлезонъ».

На другой день во всемъ Парижѣ только и было разговору о балѣ, который городъ давалъ королю и королевѣ и на которомъ ихъ величества должны танцовать знаменитый балетъ Мерлезонъ, любимый балетъ короля. И дѣйствительно, цѣлыхъ восемь дней въ городской ратушѣ шли приготовленія къ этому торжественному празднику. Плотники устроили возвышеніе полукругомъ, на которомъ должны были возсѣдать приглашенныя дамы; бакалейные торговцы украсили залы двумя стами бѣлыхъ восковыхъ свѣчей, что было неслыханной роскошью для того времени; были, наконецъ, приглашены 20 скрипокъ, и имъ обѣщана была двойная противъ обыкновенной плата, такъ какъ онѣ должны были играть цѣлую ночь.

Въ 10 часовъ утра г. де-ла-Костъ, прапорщикъ королевскихъ гвардейцевъ, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ и нѣсколькихъ корпусныхъ стрѣлковъ, пришелъ къ г. Клементу, актуаріусу города, спросить ключи отъ

всѣхъ дверей комнатъ и бюро отеля. Эти ключи были ему вручены немедленно: къ каждому изъ нихъ былъ прикрѣпленъ билетикъ, съ указаніемъ, отъ какихъ онъ дверей и съ этой минуты на де-ла-Коста была возложена охрана всѣхъ дверей и ходовъ. Въ 11 часовъ пришелъ Дюалье, капитанъ гвардейцевъ, и привелъ съ собой 50 стрѣлковъ, которые тотчасъ же были разставлены по всей ратушѣ у указанныхъ имъ дверей.

Въ три часа пришли еще двѣ роты гвардейцевъ: одна французская, а другая швейцарская. Рота французскихъ гвардейцевъ на половину состояла изъ гвардейцевъ г. Дюалье, а на половину изъ гвардейцевъ роты Дезессара. Въ шесть часовъ вечера начался съѣздъ приглашенныхъ. По мѣрѣ того, какъ они пріѣзжали, ихъ вводили въ большую залу и размѣщали на приготовленныхъ возвышеніяхъ.

Въ девять часовъ пріѣхала президентша бала. Такъ какъ послѣ королевы она являлась на этомъ балу самымъ главнымъ лицомъ праздника, то она была встрѣчена гласными города и помѣщена въ ложѣ напротивъ той, которая предназначалась для королевы.

Въ 10 часовъ поставили угощеніе изъ разныхъ сластей для короля въ маленькой залѣ со стороны церкви св. Іоанна, напротивъ городского серебрянаго буфета, у котораго были поставлены четыре стрѣлка.

Въ полночь раздались громкія и многочисленныя радостныя восклицанія: это ѣхалъ король по улицамъ, ведущимъ изъ Лувра къ городской думѣ и иллюминованнымъ разноцвѣтными фонариками. Тотчасъ же городскіе старшины, одѣтые въ драповые плащи и предшествуемые шестью сержантами съ факелами въ рукахъ, вышли встрѣтить короля на ступеняхъ лѣстницы, гдѣ купеческій голова привѣтствовалъ ихъ. Его величество въ отвѣтѣ своемъ извинился, что пріѣхалъ такъ поздно, но слагалъ всю вину на кардинала, задержавшаго его разговоромъ о государственныхъ дѣлахъ до одиннадцати часовъ.

Его величество пріѣхалъ въ парадной одеждѣ вмѣстѣ съ его королевскимъ высочествомъ, своимъ братомъ, графомъ де-Суасономъ, великимъ пріоромъ герцогомъ де-Лон-

гевиль, герцогомъ Ульбефомъ, графомъ д'Аркуръ, графомъ де-ла-Рошъ-Гюйономъ, г. де-Ліанкура, г. де-Борода, графомъ де-ла-Крамайль и кавалеромъ де-Сувре. Всѣ замѣтили, что король былъ печаленъ и озабоченъ. Одинъ кабинетъ былъ приготовленъ для короля, а другой—для его брата. Въ каждомъ изъ этихъ кабинетовъ были приготовлены маскарадные костюмы. Точно все то же было приготовлено для королевы и для президентши. Кавалеры и дамы свиты ихъ величествъ должны были одѣваться по-двое, въ нарочно приготовленныхъ для этого комнатахъ. Прежде чѣмъ войти въ свой кабинетъ, король приказалъ, чтобы его тотчасъ же извѣстили, какъ только покажется кардиналъ. Черезъ полчаса по прибытіи короля снова раздались крики и восклицанія: на этотъ разъ они давали знать о пріѣздѣ королевы: старшины поступили точно такъ же, какъ и прежде: предшествуемые сержантами, они двинулись навстрѣчу своей коронованной гостьѣ.

Королева вошла въ залу: всѣ замѣтили, что, такъ же какъ и король, она имѣла усталый и грустный видъ. Въ ту самую минуту, какъ она вошла, занавѣсъ маленькой ложи, остававшейся до этихъ поръ закрытой, отдернулась и показалась блѣдная голова кардинала, въ костюмѣ испанскаго кавалера. Его глаза устремились на королеву и на губахъ проскользнула блаженно радостная улыбка: на королевѣ не было брилліантовыхъ наконечниковъ. Королева на нѣкоторое время остановилась, принимая привѣтствія старшинъ города и отвѣчая на поклоны дамъ. Вдругъ у одной изъ дверей залы показался король съ кардиналомъ. Кардиналъ говорилъ ему что-то шопотомъ и король былъ очень блѣденъ. Король прошелъ сквозь толпу и безъ маски, съ едва завязанными лентами своего камзола, подошелъ къ королевѣ и взволнованнымъ голосомъ спросилъ:

— Королева, отчего же, скажите, вы не надѣли брилліантовыхъ наконечниковъ, когда, вы знали, мнѣ будетъ пріятно видѣть на васъ?

Королева бросила взглядъ вокругъ себя и увидѣла позади себя кардинала, улыбавшагося сатанинской улыбкой.

— Король, отвѣтила королева взволнованнымъ голосомъ,—я не надѣла ихъ потому, что боялась, чтобы посреди этой ужасной толпы съ ними чего нибудь не случилось.

— И вы худо сдѣлали, королева! Если я вамъ сдѣлалъ этотъ подарокъ, то для того, чтобы вы наряжались въ него. Я вамъ говорю, что вы худо сдѣлали.

И голосъ короля дрожалъ отъ гнѣва.

Всѣ смотрѣли и слушали съ удивленіемъ, не понимая, что происходитъ.

— Король, сказала королева,—я могу послать за ними въ Лувръ, гдѣ они находятся, и такимъ образомъ желаніе вашего величества будетъ исполнено.

— Пошлите, королева, пошлите какъ можно скорѣе, потому что черезъ часъ начнется балетъ.

Королева поклонилась въ знакъ покорности и послѣдовала за дамами, которыя должны были отвести ее въ кабинетъ. Король также ушелъ въ свой кабинетъ.

На минуту въ залѣ сдѣлалось смятеніе и замѣшательство. Всѣ легко могли замѣтить, что что-то произошло между королемъ и королевой. Но они оба говорили тихо, всѣ, изъ уваженія, на нѣсколько шаговъ отступили и никто ничего не слышалъ. Скрипки громко играли, но ихъ никто не слушалъ. Король вышелъ первымъ изъ своего кабинета; на немъ былъ одинъ изъ изящнѣйшихъ охотничьихъ костюмовъ; братъ короля и другіе были одѣты точно такъ же, какъ и онъ. Этотъ костюмъ больше всего шелъ королю и въ немъ онъ, дѣйствительно, казался первымъ дворяниномъ своего королевства. Кардиналъ подошелъ къ королю и передалъ ему шкатулку. Король открылъ ее и нашелъ въ ней два брилліантовыхъ наконечника.

— Что это означаетъ? спросилъ онъ у кардинала.

— Ничего, отвѣчалъ послѣдній,—если только королева надѣнетъ наконечники, въ чемъ я сомнѣваюсь, сочтите ихъ, ваше величество, и если ихъ окажется только де-

сять, спросите у ея величества, кто могъ у нея похитить эти два.

Король взглянулъ на кардинала вопросительнымъ взглядомъ, но не успѣлъ ничего спросить у него, какъ вырвался всеобщій крикъ восторга. Если король имѣлъ видъ перваго джентльмена въ своемъ королевствѣ, королева, навѣрное, была самой красивѣйшей женщиной въ цѣлой Франціи. И надо сказать правду, охотничій туалетъ шелъ ей какъ нельзя больше: на ней была фетровая шляпа съ голубыми перьями, бархатный сюртукъ жемчужно-матоваго цвѣта, застегнутый брилліантовыми аграфами, и голубая атласная юбка, вся вышитая серебромъ. На ея лѣвомъ плечѣ сверкали брилліантовые эксельбантные наконечники, прикрѣпленные къ банту одного цвѣта съ перьями и юбкой.

Король задрожалъ отъ радости, а кардиналъ отъ гнѣва. Впрочемъ, они были еще на такомъ далекомъ разстояніи отъ королевы, что не могли сосчитать наконечниковъ: они были на королевѣ, но дѣло въ томъ, было ли ихъ десять на ней, или двѣнадцать. Скрипки въ это время подали знакъ къ началу балета. Король подошелъ къ президентшѣ бала, съ которой онъ долженъ былъ танцовать, а его высочество, братъ короля, съ королевой. Встали на свои мѣста и балетъ начался.

Король танцовалъ какъ-разъ противъ королевы и каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо нея, онъ пожиралъ глазами эти наконечники, которыхъ онъ не могъ сосчитать. Холодный потъ покрылъ лобъ кардинала. Балетъ длился цѣлый часъ; было 16 выходовъ. Балетъ кончился и, посреди восторженныхъ апплодисментовъ всей залы, каждый отвелъ свою даму на свое мѣсто; но король воспользовался предоставленной ему привилегіей оставить ее, не провожая, и быстро приблизился къ королевѣ.

— Благодарю васъ, королева, сказалъ онъ, — что вы уступили моимъ желаніямъ, но мнѣ кажется, что вамъ недостаетъ двухъ наконечниковъ, и я возвращаю ихъ вамъ.

И съ этими словами онъ подалъ королевѣ два бриль-

ліантовыхъ наконечника, переданныхъ ему кардиналомъ.

— Какъ, ваше величество! вскричала молодая королева, притворяясь удивленной, — вы мнѣ дарите еще два, но тогда у меня ихъ будетъ четырнадцать?

И дѣйствительно, когда король сосчиталъ, всѣ двѣнадцать наконечниковъ оказались на плечѣ ея величества.

Король позвалъ кардинала.

— Однако, что все это значитъ, кардиналъ? спросилъ король строгимъ голосомъ.

— Это значитъ, ваше величество, отвѣчалъ кардиналъ,— что я желалъ приподнести эти два наконечника ея величеству и, не смѣя сдѣлать этого лично, прибѣгнулъ къ этому средству.

— А я тѣмъ болѣе благодарна вашему высокопреосвященству, отвѣтила Анна Австрійская съ улыбкой, доказывавшей, что она не была одурачена его геніальной любезностью,—что я увѣрена въ томъ, что эти два наконечника стоятъ вамъ такъ же дорого, какъ стоили всѣ 12 его величеству.

Затѣмъ, поклонившись королю и кардиналу, королева направилась въ комнату, гдѣ она одѣвалась и гдѣ она должна была раздѣться.

Вниманіе, которое мы должны были посвятить знатнымъ лицамъ, выведеннымъ нами въ началѣ этой главы, отвлекло насъ на минуту отъ того, которому Анна Австрійская обязана была своимъ неслыханнымъ тріумфомъ, только что одержаннымъ ею надъ кардиналомъ и который, никому неизвѣстный, смущенный, затерянный въ тѣсной толпѣ, стоялъ у одной изъ дверей и смотрѣлъ оттуда на эту сцену, понятную только четыремъ лицамъ: королю, королевѣ, его высокопреосвященству и ему.

Королева только что вошла въ свою комнату и д'Артаньянъ собирался удалиться, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся до его плеча; онъ обернулся и увидѣлъ молодую женщину, которая сдѣлала ему знакъ слѣдовать за ней. Лицо этой молодой женщины изображало волчью голову изъ черна го бархата, но, не смотря

на эту предосторожность, принятую, впрочемъ, скорѣй для другихъ, чѣмъ для него, онъ тотчасъ же узналъ свою обыкновенную руководительницу, воздушную и умную г-жу Бонасье. Наканунѣ имъ едва удалось видѣться у швейцара Жермена, куда д'Артаньянъ вызвалъ ее. Молодая женщина такъ спѣшила сообщить королевѣ чудное извѣстіе о счастливомъ возвращеніи своего гонца, что эта поспѣшность была причиной того, что молодые любовники едва перекинулись между собой нѣсколькими словами. И такъ, д'Артаньянъ послѣдовалъ за г-жей Бонасье, движимый двойнымъ чувствомъ любви и любопытства. Пока они шли и по мѣрѣ того, какъ коридоры дѣлались болѣе пустынными, д'Артаньянъ хотѣлъ остановить молодую женщину, схватить, полюбоваться ею, хотя бы одну минуту; но быстрая, какъ птица, она каждый разъ ускользала изъ его рукъ, и когда онъ начиналъ говорить, ея пальчикъ, которымъ она ему закрывала ротъ, съ повелительнымъ, полнымъ граціи и прелести, жестомъ, напоминалъ ему, что онъ былъ въ рукахъ той власти, которой онъ долженъ слѣпо повиноваться и которая не допускала ни малѣйшей съ его стороны жалобы; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ и переходовъ, г-жа Бонасье отворила дверь и ввела молодого человѣка въ совершенно темный кабинетъ. Тамъ она сдѣлала ему опять знакъ хранить молчаніе и отворила вторую дверь, скрытую въ обояхъ. Въ комнату проникъ вдругъ яркій свѣтъ. Г-жа Бонасье скрылась. Д'Артаньянъ нѣкоторое время не двигался съ мѣста, задавая себѣ вопросъ, гдѣ онъ очутился, но вдругъ лучъ свѣта, проникнувшій въ эту комнату, теплый благоуханный воздухъ, дошедшій до него разговоръ двухъ или трехъ женщинъ, говорящихъ изящнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнымъ тономъ и нѣсколько разъ повторенное слово «ваше величество», ясно показали ему, что онъ былъ въ комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ королевы. Молодой человѣкъ стоялъ въ тѣни и ожидалъ. Королева имѣла видъ очень веселый и счастливый, что, казалось, очень удивляло окружавшихъ ее лицъ, видѣвшихъ ее почти всегда озабоченной. Королева

объясняла свою веселость великолѣпіемъ праздника, удовольствіемъ, которое доставилъ ей балетъ. Противорѣчить королевѣ, смѣялась ли она или плакала, не позволялось и всѣ еще болѣе восхваляли любезность городскихъ старшинъ Парижа.

Д'Артаньянъ не зналъ королевы, но онъ скоро различилъ ея голосъ между всѣми другими, прежде всего по легкому иностранному акценту, а затѣмъ по повелительному тону, который невольно, совершенно естественно, слышится во всѣхъ словахъ коронованныхъ особъ. Онъ слышалъ, какъ она приближалась и удалялась отъ этой двери и два или три раза онъ могъ уловить даже ея тѣнь, пересѣкающую свѣтъ. Наконецъ, вдругъ рука обворожительной формы и бѣлизны показалась изъ-за пріотворенной двери; д'Артаньянъ понялъ, что это была его награда: онъ бросился на колѣни, схватилъ эту руку и почтительно приложился къ ней губами; затѣмъ эта рука скрылась, оставивъ въ его рукахъ какую-то вещицу; онъ догадался, что это былъ перстень; дверь тотчасъ же затѣмъ затворилась и д'Артаньянъ очутился въ полнѣйшей темнотѣ. Д'Артаньянъ надѣлъ перстень на палецъ и сталъ снова ожидать; было очевидно, что не все еще кончено. Вслѣдъ за наградой за самоотверженность, должна послѣдовать награда за любовь. Къ тому же, балетъ былъ оконченъ, но вечеръ только что начался: ужинъ былъ назначенъ въ три часа а часы св. Іоанна пробили недавно два и три четверти.

Мало-по-малу голоса стихли въ сосѣдней комнатѣ, затѣмъ они стали удаляться, потомъ дверь кабинета, гдѣ находился д'Артаньянъ, отворилась и въ нее стремительно вошла г-жа Бонасье.

— Наконецъ-то вы! вскричалъ д'Артаньянъ.

— Молчите! сказала молодая женщина, прикладывая руку къ его губамъ:—молчите и отправляйтесь той же дорогой, по которой пришли.

— Но когда и гдѣ я опять увижу васъ? вскричалъ д'Артаньянъ.

— Вы узнаете это изъ записочки, которую вы найдете у себя дома. Идите, идите.

И съ этими словами она открыла дверь коридора и вытолкнула въ нее д'Артаньяна изъ комнаты.

— Д'Артаньянъ повиновался съ покорностью ребенка, безъ сопротивленія и безъ возраженія, что доказывало что онъ дѣйствительно былъ влюбленъ.

XXIII.

Свиданіе.

Д'Артаньянъ вернулся къ себѣ бѣгомъ, и хотя было уже болѣе трехъ часовъ ночи и ему пришлось идти по самымъ глухимъ, опаснымъ кварталамъ Парижа, но онъ не имѣлъ ни одной непріятной встрѣчи. Онъ нашелъ дверь своего коридора полуотворенною, поднялся къ себѣ на лѣстницу и постучался въ свою дверь тихонько, какъ было условлено между нимъ и его лакеемъ.

— Приносилъ кто нибудь письмо ко мнѣ? съ живостью спросилъ д'Артаньянъ.

— Никто не приносилъ вамъ письма, сударь, отвѣтилъ Плянше,—но есть письмо, которое само пришло.

— Что ты хочешь этимъ сказать, дуракъ?

— Я хочу сказать, что, вернувшись домой, я нашелъ на зеленомъ суквѣ стола въ вашей спальнѣ письмо, хотя ключъ отъ вашей комнаты все время былъ у меня въ карманѣ и я ни разу не вынималъ его.

— Но гдѣ же это письмо?

— Я оставилъ его тамъ, гдѣ нашелъ его, сударь. Но не естественное дѣло, чтобы письма приходили сами къ людямъ. Если бы еще окно было открыто или по крайней мѣрѣ полуоткрыто, я ничего бы не сказалъ, а то нѣтъ, все было герметически закрыто. Берегитесь, сударь, тутъ навѣрное дѣло не совсѣмъ чисто.

Тѣмъ временемъ молодой человѣкъ бросился въ комнату и распечаталъ письмо; оно было отъ г-жи Бонасье и заключало въ себѣ слѣдующія строки:

«Васъ хотятъ горячо поблагодарить и передать вамъ

такую же благодарность отъ другихъ. Будьте сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, въ Сенъ-Клу, напротивъ павильона, на углу дома д'Эстре. К. Б.».

Читая это письмо, д'Артаньянъ чувствовалъ, какъ его сердце то судорожно сжималось, то расширялось, въ одно и то же время и мучительно, и пріятно для сердца влюбленныхъ.

Это была первая записка, которую онъ получилъ, это было первое свиданіе, которое ему назначили. Сердце его, полное радостнаго опьяненія, замирало и, казалось, перестанетъ биться на порогѣ въ земной рай, называемый любовью.

— Ну, что же! сударь, сказалъ Плянше, видя, какъ его баринъ попеременно то блѣднѣлъ, то краснѣлъ;—ну, что же, развѣ я не угадалъ правду, что тутъ дѣло неладно?

— Ты ошибаешься, Плянше, отвѣтилъ д'Артаньянъ—и въ доказательство этого, вотъ, возьми экю и выпей за мое здоровье.

— Благодарю, сударь, за экю, который вы мнѣ даете и обѣщаю вамъ точно исполнять всѣ ваши приказанія; но тѣмъ не менѣе все-таки скажу, что письма, попадающія въ запертыя квартиры...

— Падаютъ съ неба, мой другъ, падаютъ съ неба.

— Такъ баринъ доволенъ? спросилъ Плянше.

— Любезный мой Плянше, я самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ!

— И я могу воспользоваться вашимъ счастьемъ, сударь, чтобы пойти спать?

— Да, иди.

— Да будутъ на васъ всѣ благословенія неба, сударь, но тѣмъ не менѣе это письмо...

И Плянше удалился, качая головой съ видомъ сомнѣнія, которое не вполнѣ сгладила даже щедрость д'Артаньяна.

Оставшись одинъ, д'Артаньянъ читалъ и перечитывалъ записку, затѣмъ онъ разъ двадцать перецѣловалъ эти строки, написанныя рукой его прелестной любовницы. Наконецъ онъ легъ, уснулъ и ему снились золотые сны.

Въ семь часовъ утра онъ всталъ и позвалъ Плянше, который явился, отворивъ дверь только на второй зовъ, съ лицомъ, носившимъ еще слѣды вчерашняго страха и безпокойства.

— Плянше, сказалъ ему д'Артаньянъ,—я ухожу изъ дому можетъ быть на цѣлый день, а потому до семи часовъ вечера ты свободенъ, но въ семь часовъ будь дома и приготовь мнѣ двухъ лошадей.

— Какъ кажется, мы опять собираемся подставлять нашу шкуру, чтобы ее пробило въ нѣсколькихъ мѣстахъ?

— Ты возьмешь твой мушкетъ и пистолеты.

— Ну, что же! Не говорилъ ли я? вскричалъ Плянше. Такъ и есть, я былъ въ этомъ увѣренъ; проклятое письмо!

— Да успокойся же, дуракъ, на этотъ разъ дѣло идетъ просто о пріятной прогулкѣ.

— Да! въ родѣ такой же пріятной прогулки, какъ въ прошлый разъ, когда на насъ градомъ сыпались пули и всюду разставлены были ловушки.

— Впрочемъ, если вы боитесь, г. Плянше, возразилъ д'Артаньянъ, я поѣду безъ васъ;—я предпочитаю путешествовать одинъ, чѣмъ имѣть товарища, который вѣчно дрожитъ.

— Баринъ меня обижаетъ, сказалъ Плянше;—а между тѣмъ, мнѣ кажется, онъ видѣлъ, какимъ я показалъ себя ча дѣлѣ.

— Да, но я думалъ, что ты истратилъ всю твою храбрость въ одинъ разъ.

— Баринъ увидитъ, что, при случаѣ, у меня и еще найдется; только я прошу васъ, сударь, не слишкомъ щедро расходовать ее, чтобы у меня хватило надолго.

— Думаешь ли ты, что ты будешь въ состояніи потратить изъ нея извѣстное количество сегодня вечеромъ?

— Надѣюсь.

— И такъ, я разсчитываю на тебя.

— Въ назначенный часъ я буду готовъ, но мнѣ кажется, что у барина была только одна лошадь въ гвардейскихъ конюшняхъ?

— Можетъ быть и до настоящей минуты тамъ стоитъ

только одна, но сегодня вечеромъ ихъ будетъ тамъ четыре.

— Кажется наша поѣздка была за ремонтомъ?

— Совершенно вѣрно, сказалъ д'Артаньянъ и, отдавъ Плянше еще послѣднее приказаніе, онъ вышелъ.

Г. Бонасье стоялъ у дверей.

Намѣреніе д'Артаньяна было пройти мимо, ничего не говоря почтенному торговцу, но послѣдній съ такимъ кроткимъ и благодушнымъ видомъ поклонился ему, что жилецъ по-неволѣ принужденъ былъ не только отвѣтить ему на поклонъ, но и вступить съ нимъ въ разговоръ.

Къ тому же, какъ же не имѣть нѣкоторой снисходительности къ мужу, жена котораго назначила свиданіе въ тотъ же самый вечеръ въ Сенъ-Клу, напротивъ павильона г. д'Эстре! Д'Артаньянъ подошелъ къ нему съ самымъ любезнымъ видомъ, на какой былъ только способенъ.

Разговоръ естественно коснулся тюремнаго заключенія бѣдняги. Г. Бонасье, не знавшій, что д'Артаньянъ слышалъ его разговоръ съ незнакомцемъ Менга, разсказалъ своему молодому жильцу о преслѣдованіяхъ этого чудовища г. де-Ляффемъ, котораго онъ въ продолженіе всего своего разсказа не называлъ иначе, какъ кардинальскимъ палачомъ, и очень распространился о Бастиліи, о желѣзныхъ запорахъ, о калиткахъ, отдушинахъ, о рѣшеткахъ и всякихъ инструментахъ пытки.

Д'Артаньянъ слушалъ съ удивительной любезностью и затѣмъ, когда тотъ кончилъ, спросилъ его:

— А относительно г-жи Бонасье, узнали ли вы, кто ее похитилъ? Вѣдь я не забылъ, что, благодаря этому непріятному случаю, я имѣлъ счастіе познакомиться съ вами.

— А, сказалъ Бонасье, — они были такъ осторожны, что не сказали мнѣ этого, да и жена моя клялась всѣми святыми, что она не знала этого. Но сами-то вы, продолжалъ г. Бонасье съ полнымъ добродушіемъ,—что съ вами было и что вы подѣлывали всѣ эти дни? Я давно не видѣлъ ни васъ, ни вашихъ друзей и, должно пола-

гать, вы не на улицѣ Парижа такъ запылили ваши сапоги; я видѣлъ, какъ Пляншe чистилъ ихъ вчера.

— Вы правы, мой любезный Бонасье, я съ своими друзьями совершилъ небольшое путешествіе.

— Далеко?

— О, нѣтъ, какихъ нибудь сорокъ миль отсюда: мы ѣздили проводить г. Атоса на Форжескія воды, гдѣ мои друзья и остались.

— А вы вернулись? спросилъ Бонасье,—придавая своему лицу самое лукавое выраженіе.—Такимъ красавцамъ, какъ вы, не удается на долго получить отпуска отъ своей любовницы и навѣрное васъ съ нетерпѣніемъ ждали въ Парижѣ, не правда ли?

— Честное слово, это правда, смѣясь отвѣчалъ молодой человѣкъ,—я въ этомъ признаюсь вамъ тѣмъ болѣе, мой любезный Бонасье, что отъ васъ ничего нельзя скрыть. Да, меня ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, ручаюсь вамъ въ этомъ.

Легкое облачко пробѣжало по лицу Бонасье, но такое легкое, что д'Артаньянъ не замѣтилъ его.

— А теперь васъ вознаградятъ за наше прилежаніе? продолжалъ торговецъ съ легкимъ измѣненіемъ въ голосѣ, на которое д'Артаньянъ обратилъ не больше вниманія, какъ на минутное облачко, омрачившее передъ тѣмъ лицо почтеннаго человѣка.

— Ага, вы притворяетесь добрякомъ! смѣясь, замѣтилъ д'Артаньянъ.

— Нѣтъ, я сказалъ это только для того, отвѣтилъ Бонасье,—чтобы узнать, поздно ли вы вернетесь домой.

— Но къ чему этотъ вопросъ, любезный хозяинъ? спросилъ д'Артаньянъ,—развѣ вы намѣрены меня дождаться?

— Нѣтъ, но послѣ моего ареста и случившагося у меня воровства, я очень пугаюсь, когда слышу, что отворяютъ дверь, въ особенности ночью. Что-жъ дѣлать.—Я совсѣмъ не военный!

— Ну, такъ не пугайтесь же, если я вернусь въ часъ, два или три часа ночи. И если я даже вовсе не вернусь, все-таки вы не пугайтесь.

На этотъ разъ Бонасье такъ поблѣднѣлъ, что д'Артаньянъ не могъ не замѣтить этого, и спросилъ, что съ нимъ.

— Ничего, ничего. Съ тѣхъ поръ какъ меня постигли несчастія, я подверженъ обморокамъ, которые случаются со мной вдругъ, и теперь я вдругъ почувствовалъ дрожь. Не обращайте на меня вниманія. Вамъ только и заботы, что о своемъ счастіи.

— Въ такомъ случаѣ у меня много заботъ, потому что я счастливъ.

— Не совсѣмъ еще, погодите; вы сказали: сегодня вечеромъ.

— Такъ что-жъ! Этотъ вечеръ настанетъ, надѣюсь! А можетъ быть, вы его ждете съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, какъ и я? Можетъ быть, сегодня вечеромъ г-жа Бонасье навѣститъ своего супруга?

— Г-жа Бонасье сегодня вечеромъ не свободна, важно отвѣтилъ ея мужъ;—она занята въ Луврѣ своей службой.

— Тѣмъ хуже для васъ, любезный хозяинъ, тѣмъ хуже; когда я счастливъ, мнѣ хочется, чтобы всѣ были счастливы, но, повидимому, это невозможно.

И молодой человѣкъ удалился, хохоча во все горло отъ шутки, понятной, какъ онъ думалъ, только ему одному.

— Желаю вамъ хорошо повеселиться! отвѣчалъ Бонасье гробовымъ голосомъ.

Но д'Артаньянъ уже былъ слишкомъ далеко, чтобы его услышать, да если бы и разслышалъ, въ томъ настроеніи духа, въ которомъ онъ былъ, вѣроятно, онъ и не замѣтилъ бы этого.

Онъ направился въ отель г. де-Тревиля.

Его посѣщеніе наканунѣ, какъ помнятъ, было очень коротко и онъ не успѣлъ почти ничего объяснить. Онъ нашелъ г. де-Тревиля внѣ себя отъ радости. Король и королева были въ высшей степени любезны съ нимъ на балу. Правда, что кардиналъ за то былъ очень угрюмъ.

Въ часъ ночи онъ удалился съ бала подъ предлогомъ, что ему нездоровится, что же касается до ихъ величествъ, то они вернулись въ Лувръ только въ 6 часовъ утра.

— А теперь, сказалъ г. де-Тревиль, понижая свой голосъ и вопросительнымъ взглядомъ осматривая всѣ углы комнаты, чтобы убѣдиться, что они въ самомъ дѣлѣ были одни; теперь поговоримъ о васъ, молодой другъ мой, такъ какъ очевидно, что ваше счастливое возвращеніе было отчасти причиной радости короля, тріумфа королевы и униженія его высокопреосвященства. Теперь вамъ слѣдуетъ сильно остерегаться.

— Чего же мнѣ бояться, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—пока я буду имѣть счастіе пользоваться милостью ихъ величествъ?

— Всего, повѣрьте мнѣ. Кардиналъ не такой человѣкъ, чтобы позабыть мистификацію, пока не сведетъ счетовъ съ мистификаторомъ, а мистификаторомъ былъ, какъ мнѣ кажется, нѣкій знакомый мнѣ гасконецъ.

— Думаете ли вы, что кардиналу такъ же все хорошо извѣстно, какъ вамъ, и что онъ знаетъ, что это я былъ въ Лондонѣ?

— Чортъ возьми! вы были въ Лондонѣ! Такъ это изъ Лондона вы привезли этотъ чудный брилліантъ, который блеститъ на вашемъ пальцѣ? Берегитесь, любезный д'Артаньянъ, нехорошо принимать подарки отъ врага; кажется, на это даже есть какіе-то латинскіе стихи... Постойте.

— Да, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ д'Артаньянъ который никогда не могъ себѣ вбить въ голову никакихъ правилъ латинской грамматики и своимъ полнымъ невѣжествомъ въ этомъ отношеніи приводилъ въ отчаяніе наставника;—да, безъ сомнѣнія, должно быть, есть какіе нибудь стихи.

— Да, навѣрно есть, сказалъ де-Тревиль, нѣсколько знакомый съ литературой: де-Банефадъ говорилъ мнѣ ихъ когда-то..... Постойте же..... Ахъ, вотъ они:

.....Timeo Danaos et dona ferentes.

Это означаетъ: «не довѣряйтесь врагу, который дѣлаетъ вамъ подарки».

— Этотъ брилліантъ полученъ мною не отъ врага, капитанъ, отвѣтилъ д'Артаньянъ,—мнѣ дала его королева·

— Королева! о, о! сказалъ де-Тревиль.—Дѣйствительно, это настоящій царскій подарокъ, стоющій не меньше тысячи пистолей. Но черезъ кого же королева передала вамъ этотъ подарокъ?

— Она сама мнѣ дала его.

— Гдѣ это?

— Въ кабинетѣ, рядомъ съ комнатой, гдѣ она переодѣвалась.

— Какъ?

— Она дала мнѣ поцѣловать свою руку.

— Вы поцѣловали руку королевы! вскричалъ де-Тревиль, смотря на д'Артаньяна.

— Ея величество сдѣлала мнѣ честь удостоить меня этой милости.

— И это въ присутствіи свидѣтелей? Неосторожная, трижды неосторожная!

— Нѣтъ, капитанъ, успокойтесь, никто этого не видѣлъ, сказалъ д'Артаньянъ, и онъ разсказалъ де-Тревилю, какъ это произошло.

— О, женщины, женщины! вскричалъ старый солдатъ,—я ихъ хорошо узнаю по ихъ романическимъ фантазіямъ; все, что имѣетъ видъ таинственности, ихъ очаровываетъ; и такъ, вы видѣли одну руку и больше ничего: вы встрѣтите королеву и можете не узнать ея; она можетъ встрѣтить васъ и не узнаетъ, кто вы.

— Нѣтъ, но по этому брилліанту..... сказалъ молодой человѣкъ.

— Слушайте, сказалъ де-Тревиль, — хотите, я вамъ дамъ совѣтъ, хорошій совѣтъ, совѣтъ друга?

— Вы окажете мнѣ этимъ честь, капитанъ, сказалъ д'Артаньянъ.

— Если такъ, отправляйтесь къ первому попавшемуся ювелиру и продайте ему брилліантъ за ту цѣну, которую онъ за него дастъ; какимъ бы жидомъ онъ ни былъ, вы всегда получите за него 800 пистолей. У пистолей нѣтъ имени, мой молодой человѣкъ, а этотъ перстень заключаетъ въ себѣ нѣчто ужасное, что можетъ открыть тайну того, кто его носитъ.

— Продать этотъ перстень! Перстень, подаренный мнѣ моей королевой! Никогда! сказалъ д'Артаньянъ.

— Такъ поверните же его по крайней мѣрѣ камнемъ внутрь, бѣдный глупецъ, потому что каждому хорошо извѣстно, что гасконскій молодчикъ не найдетъ такой драгоцѣнной бездѣлушки въ ларчикѣ своей матери.

— Такъ вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ чего нибудь опасаться? спросилъ д'Артаньянъ.

— То есть я скажу вамъ, молодой человѣкъ, что тотъ, кто засыпаетъ на минѣ, фитиль которой уже зажженъ, долженъ считать себя внѣ опасности въ сравненіи съ вами.

— Чортъ возьми! сказалъ д'Артаньянъ, котораго увѣренный тонъ де-Тревиля началъ сильно безпокоить;— чортъ возьми! но что же надо дѣлать?

— Быть осторожнымъ во всемъ и прежде всего. Кардиналъ обладаетъ отличною памятью и длинными руками. Повѣрьте мнѣ, онъ съ вами сыграетъ какую нибудь штуку.

— Но какую?

— Я почемъ знаю; развѣ не къ его услугамъ всѣ хитрости демона? Самое меньшее, что можетъ быть съ вами, это то, что васъ арестуютъ.

— Какъ! Развѣ посмѣютъ арестовать человѣка, состоящаго на службѣ его величества?

— Чортъ возьми! Не поцеремонились же съ Атосомъ! Во всякомъ случаѣ, молодой человѣкъ, повѣрьте мнѣ, какъ человѣку, который тридцать лѣтъ находится при дворѣ: не будьте безпечны, полагаясь на вашу неприкосновенность, или вы погибли; скорѣе, напротивъ,—я совѣтую вамъ, — всюду ищите враговъ. Если будутъ искать съ вами ссоры, избѣгайте этого, будь это хоть ребенокъ десяти лѣтъ; если на васъ нападутъ ночью или днемъ, отступайте безъ всякаго стыда; будете проходить черезъ мостъ, щупайте каждую доску, изъ опасенія, чтобы какая нибудь доска не провалилась подъ ногой; если вы пойдете мимо строющагося дома, смотрите вверхъ, изъ предосторожности, чтобы вамъ не упалъ на голову ка-

мень; если вы возвращаетесь поздно, пусть васъ сопровождаетъ слуга и чтобы этотъ слуга былъ вооруженъ, и, къ тому же, необходимо еще, чтобы вы были въ немъ вполнѣ увѣрены. Не довѣряйтесь никому на свѣтѣ, ни другу, ни брату, ни любовницѣ, въ особенности любовницѣ.

Д'Артаньянъ покраснѣлъ.

— Любовницѣ, машинально повторилъ онъ,—но отчего не довѣрять больше ей, чѣмъ кому либо другому?

— Потому что любовница—одно изъ самыхъ любимыхъ и дѣйствительныхъ средствъ кардинала: женщина продастъ васъ за десять пистолей. Помните вы Далилу? Читали вы когда нибудь Священное Писаніе?

Д'Артаньянъ вспомнилъ о свиданіи, назначенномъ въ тотъ самый вечеръ г-жею Бонасье, но мы должны сказать въ похвалу нашему герою, что дурное мнѣніе, которое де-Тревиль имѣлъ вообще о всѣхъ женщинахъ, не внушило ему ни малѣйшаго подозрѣнія относительно его хорошенькой хозяйки.

— Кстати, спросилъ де-Тревиль, — что сдѣлалось съ вашими тремя товарищами?

— Я только что хотѣлъ спросить у васъ, не получили ли вы какого нибудь извѣстія о нихъ.

— Никакого.

— Я оставилъ ихъ по дорогѣ: Портоса въ Шантильи— его вызвали на дуэль; Арамиса въ Кревкёрѣ съ пулей въ плечѣ и Атоса въ Амьенѣ, обвиненнаго въ изготовленіи фальшивой монеты.

— Вотъ видите! сказалъ де-Тревиль, а какъ же вамъ удалось ускользнуть?

— Чудомъ, капитанъ, долженъ сознаться; я получилъ ударъ шпаги въ грудь и пригвоздилъ графа де-Варда точно бабочку къ стѣнѣ на краю дороги въ Кале.

— Этого еще недоставало! Де-Варда, человѣка преданнаго кардиналу, двоюроднаго брата Рошфора! Слушайте, милый другъ, мнѣ пришла въ голову мысль.

— Говорите, капитанъ.

— На вашемъ мѣстѣ я бы поступилъ иначе.

— Какъ именно?

— Въ то время, какъ его высокопреосвященство велѣлъ бы меня искать въ Парижѣ, я бы потихоньку, безъ всякаго шума, повернулъ по дорогѣ въ Пикардію и поѣхалъ бы узнать, что сталось съ тремя моими товарищами. Чортъ возьми! они вполнѣ заслуживаютъ этого вниманія съ вашей стороны.

— Добрый совѣтъ, капитанъ, завтра я поѣду.

— Завтра! но почему же не сегодня вечеромъ?

— Сегодня, капитанъ, меня удерживаетъ въ Парижѣ очень важное дѣло.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Какая нибудь любовная интрижка. Повторяю вамъ, берегитесь,— женщина погубила насъ всѣхъ безъ исключенія, она же и снова погубитъ насъ всѣхъ. Послѣдуйте моему совѣту, уѣзжайте сегодня вечеромъ.

— Невозможно, капитанъ.

— Значитъ, вы дали слово?

— Да, капитанъ.

— Это другое дѣло; но обѣщайте мнѣ, что если васъ не убьютъ сегодня ночью, то завтра вы уѣдете.

— Обѣщаю.

— Не нужно ли вамъ денегъ?

— У меня еще есть 50 пистолей. Думаю, что мнѣ этого хватитъ.

— А вашимъ товарищамъ?

— Я думаю, что и у нихъ нѣтъ въ нихъ недостатка. Мы выѣхали изъ Парижа, имѣя каждый по 75 пистолей въ карманѣ.

— Увижу я еще васъ передъ вашимъ отъѣздомъ?

— Не думаю, капитанъ, развѣ случится еще что нибудь новое.

— Въ такомъ случаѣ, добраго пути.

— Благодарю, капитанъ.

Д'Артаньянъ простился съ де-Тревилемъ, тронутый болѣе, чѣмъ когда нибудь, отеческой заботой де-Тревиля къ его мушкетерамъ. Онъ зашелъ по очереди къ Атосу, Портосу и Арамису; ни одинъ изъ нихъ не возвращался.

Слугъ тоже не было и онъ не имѣлъ возможности получить какія либо свѣдѣнія о тѣхъ, или о другихъ.

Проходя мимо гвардейскихъ казармъ, онъ заглянулъ въ конюшню: изъ четырехъ три лошади уже были тамъ. Пляншe, въ высшей степени изумленный, чистилъ ихъ скребницей и двѣ изъ нихъ уже были совсѣмъ вычищены.

— Ахъ, баринъ, сказалъ Пляншe, увидя д'Артаньяна,— какъ я радъ, что вижу васъ!

— Почему это, Пляншe? спросилъ молодой человѣкъ.

— Довѣряете ли вы нашему хозяину, Бонасье?

— Я? Нисколько.

— Какъ вы хорошо дѣлаете, баринъ.

— Но почему ты меня спрашиваешь объ этомъ?

— А потому, что въ то время, какъ вы говорили съ нимъ,—отнюдь не подслушивая васъ,—я слѣдилъ за вами и замѣтилъ, баринъ, какъ онъ два или три раза измѣнился въ лицѣ.

— Вотъ какъ!

— Баринъ не замѣтилъ этого, занятый только что полученнымъ имъ письмомъ, а я, напротивъ; странный способъ, какимъ это письмо попало къ намъ въ домъ, заставилъ меня держаться на-сторожѣ и я не упустилъ изъ виду ни малѣйшаго измѣненія въ его лицѣ.

— И ты вывелъ заключеніе?

— Что нашъ хозяинъ измѣнникъ.

— Право?

— Тѣмъ болѣе, что какъ только вы, сударь, оставили его и скрылись за угломъ улицы, Бонасье тотчасъ же взялъ шляпу, заперъ дверь и пустился бѣгомъ въ противоположную улицу.

— Дѣйствительно, ты правъ, Пляншe, все это кажется мнѣ очень подозрительнымъ, и будь покоенъ, мы не заплатимъ ему за квартиру безъ того, чтобы все это не объяснилось точно и ясно.

— Вы шутите, баринъ, но сами увидите.

— Что дѣлать, Пляншe,—чему быть, того не миновать.

— Такъ вы не отказываетесь отъ вечерней прогулки?

— Совсѣмъ напротивъ, Пляншe; чѣмъ больше я буду сердиться на Бонасье, тѣмъ сильнѣе мнѣ хочется отправиться на свиданіе, назначенное мнѣ письмомъ, которое тебя такъ безпокоитъ.

— Въ такомъ случаѣ, если это окончательное ваше рѣшеніе...

— Непоколебимое, мой другъ; и такъ, въ девять часовъ будь готовъ и жди меня здѣсь, въ казармахъ, я приду за тобой.

Пляншe, убѣдившись, что нѣтъ никакой надежды заставить своего барина отказаться отъ его намѣренія, глубоко вздохнулъ и принялся за чистку третьей лошади.

Д'Артаньянъ былъ въ сущности малый очень благоразумный: вмѣсто того, чтобы вернуться домой, онъ пошелъ обѣдать къ тому священнику-гасконцу, который въ минуту полнаго безденежья угостилъ его и трехъ его товарищей за завтракомъ шоколадомъ.

XXIV.

Павильонъ.

Въ девять часовъ д'Артаньянъ былъ въ гвардейскихъ казармахъ; онъ нашелъ Пляншe въ полномъ вооруженіи. Четвертая лошадь тоже была доставлена. Пляншe былъ вооруженъ мушкетомъ и пистолетомъ.

На д'Артаньянѣ была шпага, а за поясъ онъ заткнулъ два пистолета; затѣмъ оба сѣли на лошадей и выѣхали безъ шуму. Ночь была темная и никто не видѣлъ, какъ они уѣхали. Пляншe поѣхалъ слѣдомъ за господиномъ и ѣхалъ въ десяти шагахъ позади него.

Д'Артаньянъ миновалъ набережныя, выѣхалъ черезъ ворота Конференціи и поѣхалъ по дорогѣ, ведущей въ Сенъ-Клу, который въ то время была много красивѣе, чѣмъ теперь.

Все время, пока ѣхали городомъ, Пляншe сохранялъ почтительное разстояніе, которое онъ себѣ опредѣлилъ, но какъ только дорога начала дѣлаться болѣе пустын-

ною и еще болѣе стемнѣло, онъ понемногу сталъ сокращать это разстояніе, такъ что когда они въѣхали въ Булонскій лѣсъ, онъ, вполнѣ естественно, очутился рядомъ съ своимъ господиномъ. И дѣйствительно, нельзя не сознаться, что шелестъ большихъ деревьевъ и отраженіе въ темномъ лѣсу луннаго свѣта сильно тревожили его. Д'Артаньянъ замѣтилъ, что съ его слугой происходитъ что-то необыкновенное.

— Пляншe, что съ тобой? спросилъ онъ.

— Не находите ли вы, баринъ, что лѣса имѣютъ сходство съ храмами?

— Почему, Планше?

— Да потому, что и въ тѣхъ, и въ другихъ не говорятъ громко.

— Но отчего же ты не говоришь громко? Развѣ ты трусишь?

— Да, баринъ, я опасаюсь, что насъ услышатъ.

— Опасаешься, что насъ услышатъ! А между тѣмъ въ нашемъ разговорѣ нѣтъ ничего безнравственнаго, любезный Планше, и едва ли кто найдетъ, въ чемъ бы насъ можно было упрекнуть.

— Ахъ, баринъ, сказалъ Пляншe, возвращаясь къ болѣе всего занимающей его мысли,—сколько у этого Бонасье чего-то скрытнаго въ бровяхъ и непріятнаго въ движеніяхъ губъ.

— Кто же заставляетъ тебя думать объ этомъ Бонасье!

— Думаютъ, сударь, о томъ, о чемъ думается, а не о томъ, о чемъ хочется думать.

— Это потому, что ты трусъ, Пляншe.

— Баринъ, не смѣшивайте осторожность съ трусостью; осторожность — добродѣтель.

— А ты, небось, добродѣтеленъ, Пляншe? Не такъ ли?

— Смотрите, баринъ, кажется, тамъ блеститъ дуло мушкета? Не нагнуть ли намъ головы?

— Въ самомъ дѣлѣ, прошепталъ д'Артаньянъ, вспомнившій о наставленіяхъ де-Тревиля: эта скотина кончитъ тѣмъ, что напугаетъ и меня.

И онъ пустилъ лошадь рысью.

Пляншe, точно тѣнь, послѣдовалъ за своимъ господиномъ и продолжалъ рысью же ѣхать съ нимъ рядомъ.

— Развѣ мы будемъ такъ ѣхать цѣлую ночь, баринъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Пляншe, ты уже пріѣхалъ.

— Какъ я пріѣхалъ? А вы, баринъ?

— Я?—я еще сдѣлаю нѣсколько шаговъ дальше.

— И вы, баринъ, оставляете меня одного?

— Ты боишься, Пляншe?

— Нѣтъ, но я только замѣчу вамъ, баринъ, что ночь будетъ очень холодная, и что отъ ночного свѣжаго воздуха можно схватить ревматизмъ, а слуга съ ревматизмомъ— плохой слуга, въ особенности для такого живого, веселаго господина, какъ вы.

— Ну, что же, если тебѣ холодно, Пляншe, поди въ одинъ изъ тѣхъ кабаковъ, которые ты тамъ видишь, и жди меня завтра въ шесть часовъ у дверей.

— Благодарю васъ, баринъ, — я и поѣлъ, и выпилъ на экю, который вы мнѣ дали сегодня утромъ, такъ что у меня не осталось ни одного подлаго гроша на тотъ случай, если мнѣ сдѣлается холодно.

— Вотъ тебѣ полъ-пистоля до завтра.

Д'Артаньянъ спрыгнулъ съ лошади, бросилъ поводья на руки Пляншe и быстро удалился, завернувшись въ плащъ.

— Боже мой, какъ мнѣ холодно! вскричалъ Пляншe, какъ только потерялъ изъ виду барина и, торопясь согрѣться, онъ поспѣшилъ поскорѣе постучаться въ дверь домика, украшеннаго всѣми атрибутами городского кабака.

Между тѣмъ д'Артаньянъ продолжалъ свой путь по проселочной дорогѣ и дошелъ уже до Сенъ-Клу, но вмѣсто того, чтобъ идти по большой дорогѣ, онъ обошелъ замокъ, достигъ одного очень отдаленнаго переулка и вскорѣ очутился напротивъ указаннаго въ запискѣ павильона. Съ одной стороны этого переулка тянулась большая стѣна, на углу которой находился павильонъ, а съ другой — изгородь, защищавшая отъ прохожихъ маленькій садикъ, въ глубинѣ котораго была жалкая хижина.

Д'Артаньянъ пришелъ на мѣсто свиданія, и такъ какъ ему не было сказано, чтобы онъ какимъ нибудь сигналомъ далъ знать о своемъ присутствіи, то онъ и сталъ ждать.

Не слышно было ни малѣйшаго шума; можно было подумать, что находишься за сто миль отъ столицы. Д'Артаньянъ прислонился къ изгороди, предварительно оглянувшись кругомъ. Позади изгороди сада и хижины густой туманъ окутывалъ своими складками это необъятное пространство, въ которомъ покоится Парижъ, зіяющая бездна, въ которой блестѣло нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, зловѣщихъ звѣздъ этого ада.

Но для д'Артаньяна все принимало счастливый видъ, всякая мысль улыбалась ему, всякая темнота казалась прозрачной. Наступилъ часъ свиданія. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ на башнѣ Сенъ-Клу медленно раздались десять громкихъ ударовъ. Было что-то мрачное въ звукѣ этого бронзоваго колокола, который точно плакалъ среди ночи. Но каждый изъ этихъ ударовъ, составляющихъ частичку ожидаемаго часа, гармонически отзывался въ сердцѣ молодого человѣка. Глаза его были устремлены на маленькій павильонъ, находившійся на углу стѣны и всѣ окна котораго были закрыты ставнями исключая одного въ первомъ этажѣ. Черезъ это окно проникалъ мягкій свѣтъ, серебрившій дрожащіе листья двухъ или трехъ липъ, растущихъ и сгруппировавшихся внѣ парка. Очевидно, что позади этого маленькаго окошечка, такъ привѣтливо освѣщеннаго, его ждала хорошенькая Бонасье.

Убаюканный этою сладкой мечтою, д'Артаньянъ съ своей стороны безъ всякаго нетерпѣнія прождалъ еще полчаса, устремивъ глаза на это маленькое прелестное жилище, гдѣ можно было видѣть часть его потолка съ позолоченной рѣзной отдѣльной, доказывавшей изящество и остальной внутренности павильона.

На башнѣ Сенъ-Клу пробило половина одиннадцатаго.

На этотъ разъ, самъ не понимая почему, у д'Артаньяна пробѣжала дрожь по жиламъ. Можетъ быть его началъ

пронимать холодъ и чисто физическое ощущеніе онъ принималъ за нравственное впечатлѣніе. Затѣмъ ему пришла мысль, что онъ, можетъ быть, не такъ прочиталъ и что свиданіе назначено только въ одиннадцать часовъ.

Онъ подошелъ къ окну, сталъ тамъ, куда падалъ изъ окна свѣтъ, вынулъ изъ кармана письмо и перечелъ его; ошибки не было, свиданіе было назначено именно въ десять часовъ.

Онъ занялъ свое прежнее мѣсто, начиная тревожиться и этимъ молчаніемъ, и этимъ одиночествомъ.

Пробило одиннадцать часовъ.

Д'Артаньянъ началъ серьезно бояться, не случилось ли чего нибудь съ г-жей Бонасье.

Онъ три раза ударилъ въ ладоши, обыкновенный сигналъ влюбленныхъ; но ему никто не отвѣтилъ, даже эхо.

Тогда онъ съ нѣкоторой досадой подумалъ, что, можетъ быть, молодая женщина заснула, дожидаясь его.

Онъ подошелъ къ стѣнѣ и сдѣлалъ попытку влѣзть на нее, но стѣна была только что оштукатурена и д'Артаньянъ вернулся, безполезно поломавши себѣ ногти.

Въ эту минуту онъ увидѣлъ деревья, листья которыхъ продолжали серебриться отъ падающаго на нихъ свѣта, и такъ какъ вѣтви одного изъ нихъ выступали на дорогу, то онъ и заключилъ, что, взобравшись на ихъ середину, онъ могъ бы взглядомъ проникнуть во внутренность павильона.

Съ деревомъ сладить было легче; къ тому же, д'Артаньяну было не болѣе двадцати лѣтъ, а потому, слѣдовательно, онъ еще помнилъ свои школьныя похожденія. Въ одну минуту онъ взобрался на нихъ и черезъ освѣщенныя окна устремилъ глаза во внутренность павильона.

Д'Артаньянъ увидѣлъ странное явленіе, заставившее его задрожать съ ногъ до головы: мягкій, ровный свѣтъ лампы освѣщалъ картину страшнаго безпорядка: одно оконное стекло было разбито, дверь выломана и, на половину сломанная, висѣла на петляхъ; столъ, на которомъ, очевидно, былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ,

валялся на полу; разбитыя бутылки, раздавленные фрукты покрывали паркетный полъ; все доказывало, что въ этой комнатѣ происходила жестокая, отчаянная борьба; д'Артаньяну показалось даже, что посреди этого страннаго безпорядка были клочки одежды, а на скатерти и на занавѣскахъ кровяныя пятна.

Онъ поспѣшилъ слѣзть съ дерева съ страшнымъ біеніемъ сердца; ему хотѣлось видѣть, не найдется ли другихъ слѣдовъ насилія.

Слабый, мягкій свѣтъ продолжалъ мерцать среди ночной тишины; д'Артаньянъ замѣтилъ тогда то, чего не замѣчалъ прежде, такъ какъ ничто не побуждало его обратить на это вниманіе, а именно, что на землѣ, мѣстами утоптанной, мѣстами изрытой, виднѣлись смѣшанные слѣды человѣческихъ ногъ и лошадиныхъ копытъ. И кромѣ того, колеса кареты, повидимому пріѣхавшей изъ Парижа, образовали въ рыхлой землѣ глубокую колею, которая не шла дальше павильона и заворачивалась обратно къ Парижу.

Наконецъ, продолжая свои изслѣдованія, д'Артаньянъ нашелъ около стѣны разорванную женскую перчатку. Впрочемъ, эта перчатка во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не коснулась грязной земли, была безупречной чистоты и свѣжести. Эта была одна изъ тѣхъ раздушенныхъ перчатокъ, которыя любовники такъ любятъ срывать съ хорошенькой руки.

По мѣрѣ того какъ д'Артаньянъ продолжалъ свои изслѣдованія, его лобъ все болѣе и болѣе покрывался холоднымъ, обильнымъ потомъ, сердце сжималось ужасной тоской, дыханіе сдѣлалось прерывистомъ, а между тѣмъ, чтобы успокоить себя, онъ говорилъ, что, можетъ быть, этотъ павильонъ не имѣетъ ничего общаго съ г-жей Бонасье, что молодая женщина назначила ему свиданіе передъ павильономъ, а не въ самомъ павильонѣ; что ее могла задержать въ Парижѣ служба, можетъ быть даже ревность мужа.

Но какъ стѣна, пробитая брешью, всѣ эти размышленія были разрушены, уничтожены чувствомъ душевной

печали, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ и громко говоритъ и во всемъ указываетъ намъ, что насъ ожидаетъ большое несчастіе

Тогда д'Артаньянъ точно обезумѣлъ: онъ побѣжалъ н. большую дорогу, пошелъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ раньше, дошелъ до парома и сталъ разспрашивать перевозчика.

Около семи часовъ вечера перевозчикъ перевезъ на паромѣ женщину, закутанную въ черный плащъ, которая, повидимому, очень старалась не быть узнанной, но именно вслѣдствіе принятыхъ ею предосторожностей перевозчикъ обратилъ на нее большое вниманіе и замѣтилъ, что женщина была и молода, и красива.

Въ то время, какъ и теперь, масса молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ пріѣзжала въ Сенъ-Клу и всѣ онѣ очень заботились о томъ, чтобы ихъ не видѣли и не узнали, а между тѣмъ д'Артаньянъ не сомнѣвался болѣе ни одной минуты, что женщина, которую замѣтилъ перевозчикъ, была именно г-жа Бонасье.

Д'Артаньянъ воспользовался свѣтомъ лампы, освѣщавшей хижину перевозчика, чтобы еще разъ перечесть записочку г-жи Бонасье и удостовѣриться, что онъ не ошибся, что свиданіе точно было назначено въ Сенъ-Клу, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, напротивъ павильона д'Эстре, а не въ другой улицѣ.

Все клонилось къ тому, чтобы доказать д'Артаньяну, что предчувствія его не обманывали и что случилось большое несчастіе.

Онъ вернулся къ замку бѣгомъ; ему казалось, что въ его отсутствіе въ павильонѣ, можетъ быть, случилось что нибудь новое и что онъ получитъ тамъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Переулокъ оставался также пустъ и тотъ же самый ровный, мягкій свѣтъ проливался изъ оконъ.

Д'Артаньяну пришло тогда на умъ, что эта нѣмая, слѣпая развалина, безъ сомнѣнія, все видѣла и можетъ быть сообщитъ ему что нибудь.

Калитка въ заборѣ была заперта, но онъ перескочилъ

черезъ изгородь и, не смотря на лай цѣпной собаки, приблизился къ хижинѣ. При его первыхъ ударахъ, когда онъ постучался, никто не отвѣтилъ. Гробовое молчаніе царствовало въ хижинѣ, какъ и въ павильонѣ, но такъ какъ эта хижина была его послѣдней надеждой, онъ настойчиво продолжалъ стучать.

Вскорѣ ему послышался внутри легкій, робкій голосъ, который, казалось, боялся самъ, что его услышатъ.

Тогда д'Артаньянъ пересталъ стучать и началъ просить отворить ему дверь голосомъ, выражающимъ столько тревоги, ужаса и ласковой мольбы, что онъ могъ бы успокоить самаго трусливаго. Наконецъ, старая, полусгнившая ставня отворилась или, скорѣе, пріоткрылась, и тотчасъ же снова закрылась, какъ только свѣтъ крошечной жалкой лампы, горѣвшей въ одномъ углу, освѣтилъ перевязь, эфесъ шпаги и рукоятки пистолетовъ д'Артаньяна. Тѣмъ не менѣе, какъ ни было быстро это движеніе, д'Артаньянъ успѣлъ увидѣть мелькомъ голову старика.

— Ради Бога! сказалъ онъ,—выслушайте меня: я жду одно лицо, которое не пришло, и я умираю отъ безпокойства. Не случилось ли какого нибудь несчастія въ окрестностяхъ? Скажите.

Окно медленно открылось и то же самое лицо показалось снова; только на этотъ разъ оно было еще блѣднѣе. Д'Артаньянъ откровенно разсказалъ свою исторію, не называя никого. Онъ сказалъ, что у него было назначено свиданіе съ молодой женщиной передъ этимъ павильономъ и что, видя, что она не приходитъ, онъ влѣзъ на липу и при свѣтѣ лампы увидѣлъ весь безпорядокъ, царившій въ комнатѣ.

Старикъ внимательно слушалъ его и кивалъ головой въ подверждение того, что все было именно такъ; а затѣмъ, когда д'Артаньянъ кончилъ, онъ покачалъ головой съ такимъ видомъ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ д'Артаньянъ.— Ради Бога, скажите, объяснитесь!

— О, сударь! не спрашивайте меня ни о чемъ, потому

что если я вамъ разскажу то, что я видѣлъ, навѣрно мнѣ отъ этого будетъ мало хорошаго.

— Такъ, значитъ, вы видѣли что нибудь? Въ такомъ случаѣ, ради Бога, продолжалъ онъ, бросая ему пистоль,— скажите, что вы видѣли, и даю вамъ слово дворянина, что у меня не вырвется ни одного слова.

Старикъ, видимо, боролся, но онъ видѣлъ столько искренности и печали на лицѣ д'Артаньяна, что сдѣлалъ ему знакъ молчать и сказалъ вполголоса:

— Было приблизительно часовъ девять, когда я услышалъ какой-то шумъ на улицѣ и захотѣлъ узнать, что бы это могло означать; когда я подошелъ къ калиткѣ, я замѣтилъ, что въ нее пытались войти. Такъ какъ я человѣкъ бѣдный и не боюсь быть обокраденнымъ, то я и открылъ калитку и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея увидѣлъ трехъ мужчинъ. Въ тѣни, поодаль, стояла запряженная карета и верховыя лошади. Эти лошади, очевидно, принадлежали тремъ мужчинамъ, одѣтымъ всадниками.

«— А, добрые господа мои! сказалъ я,—что вамъ угодно?

«— Навѣрно у тебя есть лѣстница? сказалъ тотъ изъ нихъ, который казался начальникомъ отряда.

«— Да, сударь; у меня есть лѣстница, съ помощью которой я снимаю фрукты.

«— Одолжди ее намъ и уходи прочь. Вотъ тебѣ экю за то, что мы тебя побезпокоили. Помни только, что если ты скажешь хоть одно слово изъ того, что ты увидишь и услышишь—(я увѣренъ, что какъ бы мы тебѣ ни угрожали, ты все-таки подглядишь и подслушаешь)—ты погибъ.

«Съ этими словами онъ бросилъ мнѣ экю, который я поднялъ, а онъ взялъ мою лѣстницу. И въ самомъ дѣлѣ, заперевши за ними калитку, я сдѣлалъ видъ, что вернулся къ себѣ домой, но я тотчасъ же опять вышелъ задней дверью и пробрался къ кусту бузины, изъ-за котораго я могъ все видѣть, не будучи замѣченнымъ. Трое мужчинъ, отдавъ приказанiе подвезти карету безъ всякаго шума, вытащили оттуда маленькаго человѣчка, толстаго, коротенькаго, съ просѣдью, плохо одѣтаго во что-

то темное, который съ осторожностью поднялся по лѣстницѣ, сердито посмотрѣлъ во внутренность комнаты, сошелъ на цыпочкахъ внизъ и прошепталъ вполголоса:

«— Это она!

«Тотчасъ же тотъ, который говорилъ со мной, подошелъ къ двери павильона, отперъ ее ключемъ, который былъ у него, снова заперъ за собой дверь и исчезъ; въ это самое время двое другихъ забрались на лѣстницу. Маленькій старичокъ стоялъ у дверцы кареты, кучеръ сдерживалъ лошадей, а другой слуга держалъ верховыхъ.

«Вдругъ въ павильонѣ раздались страшные крики, къ окну подбѣжала женщина и открыла его, точно желая въ него броситься, но какъ только она увидѣла двухъ мужчинъ, она отскочила назадъ, а они оба бросились за ней въ комнату.

«Послѣ этого я болѣе ничего не видѣлъ, но слышалъ шумъ, какъ будто бы ломали мебель. Женщина кричала и звала на помощь, но вскорѣ эти крики затихли; трое мужчинъ подошли къ окну, неся на рукахъ женщину; двое изъ нихъ сошли по лѣстницѣ и перенесли ее въ карету, куда за ней вошелъ маленькій старичокъ. Тотъ, который оставался въ павильонѣ, заперъ окно, минуту спустя вышелъ черезъ дверь и удостовѣрился, что женщина была дѣйствительно въ каретѣ. Двое его товарищей дожидали его уже сидя на лошадяхъ, онъ въ свою очередь вскочилъ въ сѣдло; слуга занялъ свое мѣсто около кучера и карета быстро помчалась, конвоируемая тремя всадниками, и все было кончено. Съ этой минуты я ничего болѣе не видѣлъ и не слышалъ».

Д'Артаньянъ, подъ вліяніемъ этой ужасной новости, стоялъ неподвиженъ и нѣмъ, между тѣмъ какъ всѣ муки гнѣва и ревности терзали и клокотали въ его сердцѣ.

— Но, мой господинъ, сказалъ старикъ, на котораго это нѣмое отчаяніе, конечно, производило больше впечатлѣнія, чѣмъ могли бы это сдѣлать крики и слезы; не отчаявайтесь же такъ: они вѣдь не убили ея, а это главное.

— Не знаете ли вы хоть приблизительно, спросилъ д'Артаньянъ,—кто руководилъ этой адской экспедиціей?

— Я его не знаю.

— Но вы говорили съ нимъ, вы могли его видѣть?

— А, такъ вы хотите, чтобы я его описалъ?

—- Да.

— Высокаго роста, сухой, смуглый, съ черными усами и глазами, по наружности дворянинъ.

— Такъ и есть, вскричалъ д'Артаньянъ; — опять онъ, всегда онъ! Кажется, это мой злой геній. А другой?

— Который?

— Маленькій.

— О! этотъ не изъ вельможъ, ручаюсь въ этомъ; къ тому же, у него не было шпаги и другіе обращались съ нимъ безъ всякаго уваженія.

— Какой нибудь слуга, прошепталъ д'Артаньянъ.— Ахъ, бѣдная женщина! бѣдная женщина! Что они съ ней сдѣлали?!

— Вы обѣщали мнѣ сохранить эту тайну, сказалъ старикъ.

— И я повторяю вамъ мое обѣщаніе, будьте покойны, я дворянинъ. У дворянина нѣтъ ничего дороже его слова и я вамъ далъ его.

Д'Артаньянъ съ сокрушеннымъ сердцемъ направился къ парому. То ему не вѣрилось, что это была г-жа Бонасье, и онъ надѣялся увидѣться съ ней на слѣдующій день въ Луврѣ, то онъ боялся, не имѣла ли она интригу съ кѣмъ другимъ и не этотъ ли ревнивецъ подкараулилъ и похитилъ ее. Онъ колебался, мучился, приходилъ въ отчаяніе.

— О, еслибъ со мной были мои друзья! вскричалъ онъ,— у меня была бы по крайней мѣрѣ надежда найти ее, но кто знаетъ, что случилось съ ними самими.

Было около полуночи; надобно было найти Планше. Д'Артаньянъ велѣлъ открывать себѣ по дорогѣ всѣ кабаки, гдѣ только онъ замѣчалъ хоть малѣйшій свѣтъ; ни въ одномъ изъ нихъ онъ не нашелъ Планше. Подойдя къ шестому, онъ вспомнилъ, что всѣ его поиски были совершенно неосновательны. Д'Артаньянъ назначилъ своему слугѣ свиданіе въ 6 часовъ утра, и гдѣ бы онъ ни былъ, онъ имѣлъ на то полное право.

Къ тому же, молодому человѣку пришла въ голову мысль, что, оставаясь въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ случилось происшествіе, ему, можетъ быть, удастся получить нѣкоторыя разъясненія этого таинственнаго дѣла. И такъ, придя въ шестой кабакъ, какъ мы сказали, д'Артаньянъ остановился, спросилъ бутылку самаго лучшаго вина, выбралъ самый темный уголъ у стола, облокотился и рѣшился въ такомъ положеніи дождаться утра; но и на этотъ разъ надежда его опять была обманута, и хотя онъ насторожилъ уши и слушалъ съ полнымъ вниманіемъ, но, кромѣ брани, глупыхъ шутокъ и ругательствъ, которыми обмѣнивались между собою работники, слуги и извозчики, составляющіе почтенное общество, въ которомъ онъ находился, онъ не услышалъ ничего такого, что могло бы его навести на слѣдъ бѣдной похищенной женщины. Поневолѣ онъ долженъ былъ, выпивъ отъ бездѣлья и чтобы не возбудить подозрѣній, бутылку вина, поискать себѣ въ углу, по возможности, болѣе или менѣе удобное положеніе и худо ли, хорошо ли заснуть. Д'Артаньяну, какъ уже помнятъ, было всего 20 лѣтъ и въ эти годы сонъ имѣетъ такія неотъемлемыя права, которыя настоятельно предъявляетъ даже и въ такія минуты, когда человѣку очень тяжело.

Около 6 часовъ утра д'Артаньянъ проснулся съ тѣмъ непріятнымъ, тяжелымъ чувствомъ, которое обыкновенно бываетъ послѣ дурно проведенной ночи. Его туалетъ не потребовалъ много времени; онъ ощупалъ себя, чтобы узнать, не воспользовались ли его сномъ, чтобы обокрасть его, и, найдя свой бриліантовый перстень на пальцѣ, кошелекъ въ карманѣ и пистолеты за поясомъ, онъ всталъ, расплатился за бутылку вина и вышелъ посмотрѣть, не будетъ ли онъ утромъ счастливѣе въ поискахъ своего слуги, чѣмъ ночью. И, дѣйствительно, онъ вскорѣ замѣтилъ сквозь сырой и сѣроватый туманъ вѣрнаго Пляншe, который, держа въ поводьяхъ пару лошадей, ждалъ его у дверей маленькаго кабака безъ оконъ, мимо котораго д'Артаньянъ прошелъ, даже не заподозрѣвъ объ его существованіи.

XXV.

Портосъ.

Вмѣсто того, чтобы вернуться домой, д'Артаньянъ слѣзъ съ лошади у дверей г. де-Тревиля и быстро поднялся по лѣстницѣ. На этотъ разъ онъ рѣшился разсказать ему все только что съ нимъ случившееся. Безъ сомнѣнія, онъ подастъ ему хорошій совѣтъ во всемъ этомъ дѣлѣ, а затѣмъ, такъ какъ де-Тревиль почти каждый день видѣлся съ королевой, то онъ, можетъ быть, можетъ получить отъ ея величества нѣкоторыя свѣдѣнія о бѣдной женщинѣ, которую, безъ сомнѣнія, заставляютъ расплачиваться за ея преданность королевѣ. Де-Тревиль выслушалъ разсказъ молодого человѣка съ суровымъ, серьезнымъ видомъ, доказывающимъ, что онъ видѣлъ во всемъ этомъ происшествіи нѣчто гораздо большее, чѣмъ только любовную интригу. Затѣмъ, когда д'Артаньянъ кончилъ, онъ замѣтилъ:

— Гм! —все это за цѣлую милю даетъ знать объ его высокопреосвященствѣ.

— Что же дѣлать? спросилъ д'Артаньянъ.

— Ничего, теперь абсолютно ничего, но оставить Парижъ, какъ я уже вамъ совѣтовалъ, и какъ можно скорѣе. Я увижусь съ королевой, разскажу всѣ подробности исчезновенія этой бѣдной женщины, о чемъ, безъ сомнѣнія, она не знаетъ; эти подробности наведутъ ее въ свою очередь на слѣдъ и, можетъ быть, къ вашему возвращенію я буду имѣть возможность сообщить вамъ какія нибудь добрыя новости. Положитесь въ этомъ на меня.

Д'Артаньянъ зналъ, что де-Тревиль, хотя и гасконецъ, не имѣлъ привычки обѣщать напрасно, но если разъ онъ что нибудь случайно обѣщалъ, то дѣлалъ всегда больше того, что обѣщалъ. А потому онъ поклонился ему, полный чувства благодарности за прошедшія благодѣянія и за будущія, а почтенный капитанъ, принимавшій горячее участіе въ храбромъ и рѣшительномъ молодомъ че-

ловѣкѣ, съ чувствомъ пожалъ ему руку и пожелалъ счастливаго пути.

Рѣшившись на практикѣ примѣнить совѣты де-Тревиля, тотчасъ же, ни мало не медля, д'Артаньянъ направился въ улицу Могильщиковъ, чтобы присмотрѣть за уборкой своего чемодана. Приблизившись къ своему дому, онъ увидѣлъ Бонасье, стоявшаго въ утреннемъ костюмѣ у порога своей двери. Все сказанное ему наканунѣ осторожнымъ Пляние относительно коварства хозяина, пришло на память д'Артаньяну, взглянувшему на него съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ онъ это дѣлалъ прежде. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о желтовато-блѣдномъ, болѣзненномъ цвѣтѣ лица, явно доказывающемъ на разлитіе желчи, что, къ тому же, могло быть только случайностью, д'Артаньянъ замѣтилъ что-то необыкновенно хитрое въ складкахъ его лица. Мошенникъ не такъ же смѣется, какъ честный человѣкъ, лицемѣръ плачетъ не тѣми же слезами, какими плачетъ человѣкъ чистосердечный. Всякая фальшь есть маска, и какъ бы ловко ее ни носили, при нѣкоторомъ вниманіи всегда возможно отличить ее. И такъ, д'Артаньяну показалось, что Бонасье носитъ маску и что даже эта маска одна изъ самыхъ непріятныхъ. Вслѣдствіе этого, побуждаемый чувствомъ отвращенія къ этому человѣку, онъ хотѣлъ пройти мимо, не сказавъ съ нимъ ни слова, но Бонасье, вдругъ, какъ и наканунѣ, обратился къ нему съ вопросомъ.

— Однакожъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ ему,— повидимому, мы проводимъ очень скоромныя ночи? ужъ 7 часовъ утра, чортъ возьми! Кажется, вы возвращаетесь, совершенно вопреки принятымъ обычаямъ, въ такой часъ, въ который другіе только выходятъ.

— Вамъ нельзя сдѣлать такого же упрека, г. Бонасье, сказалъ молодой человѣкъ,—вы образецъ людей порядочныхъ. И то правда: когда обладаешь хорошенькой молодой женой, тогда незачѣмъ искать счастья: само счастье найдетъ васъ; не правда ли, г. Бонасье?

Бонасье поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и скорчилъ улыбку.

— Ахъ, вы шутникъ! сказалъ Бонасье. Но гдѣ это вы

прошатались всю ночь, молодой человѣкъ: кажется проселочныя дороги не особенно-то хороши.

Д'Артаньянъ взглянулъ на свои сапоги, всѣ покрытые грязью, но въ это же самое время его глаза случайно упали на башмаки и чулки торговца; можно было подумать, что они были промочены въ той же самой лужѣ: на тѣхъ и на другихъ были видны совершенно точно такія же пятна.

Внезапная мысль промелькнула тогда въ головѣ д'Артаньяна. Маленькій толстенькій человѣкъ небольшого роста, сѣдой, что-то въ родѣ слуги, одѣтый въ платье темнаго цвѣта, къ которому безъ всякаго уваженія относились люди военные, составляющіе конвой,—это, безъ сомнѣнія, былъ самъ Бонасье. Мужъ присутствовалъ при похищеніи жены. Д'Артаньяномъ овладѣло страшное желаніе схватить за горло торговца и задушить его, но, какъ мы уже сказали, это былъ очень благоразумный малый, и онъ сдержался. Тѣмъ не менѣе перемѣна, происшедшая въ его лицѣ, была такъ замѣтна, что Бонасье испугался и хотѣлъ отступить шагъ назадъ, но онъ какъ разъ находился передъ половинкой двери, которая была закрыта, и встрѣченное имъ препятствіе заставило его остаться на томъ же мѣстѣ.

— А, да вы шутите, мой любезный, сказалъ д'Артаньянъ;—мнѣ кажется, что если мои сапоги нуждаются въ чисткѣ губкой, ваши чулки и башмаки тоже требуютъ хорошей щетки. Развѣ и вы, въ свою очередь, тоже гдѣ нибудь шатались, г. Бонасье? Эге, человѣку вашихъ лѣтъ это уже совсѣмъ не пристало, особенно такому, у котораго такая молоденькая и хорошенькая жена.

— О, совсѣмъ нѣтъ! Я вчера былъ въ Сенъ-Манде, чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія о служанкѣ, безъ которой я никакъ не могу обойтись:дороги прескверныя, я и привезъ всю эту тину, отъ которой еще не успѣлъ сегодня вычиститься.

Мѣсто, названное Бонасье, куда онъ будто бы ѣздилъ, было новымъ доказательствомъ дѣйствительности подозрѣній д'Артаньяна. Бонасье указалъ на Сенъ-Манде по-

тому именно, что оно находится въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Сенъ-Клу. Это вѣроятное предположеніе было для него первымъ утѣшеніемъ. Если Бонасье знаетъ, гдѣ его жена, всегда можно, употребивши нѣкоторыя крайнія мѣры, заставить торговца развязать языкъ и заставить выдать тайну. Теперь рѣчь шла о томъ, чтобы отъ вѣроятнаго предположенія придти къ чему нибудь вѣрному.

— Извините, любезный Бонасье, если я обойдусь съ вами безъ церемоніи, сказалъ д'Артаньянъ, — но ничто такъ не вредитъ, какъ безсонныя ночи; у меня страшная жажда, позвольте мнѣ выпить у васъ стаканъ воды,— кажется, въ этомъ нельзя отказать сосѣду.

И, не дожидаясь позволенія хозяина, д'Артаньянъ быстро вошелъ въ его квартиру и бросилъ бѣглый взглядъ на постель. Постель была не смята. Бонасье не ложился. Онъ, слѣдовательно, вернулся только часъ или два тому назадъ; онъ проводилъ жену до мѣста, куда ее отвезли, или по крайней мѣрѣ до первой станціи.

— Благодарю васъ, г. Бонасье, сказалъ д'Артаньянъ, выпивъ стаканъ воды, — вотъ все, что мнѣ отъ васъ требовалось. Теперь я пойду къ себѣ и велю Плянше вычистить мнѣ сапоги, а когда онъ кончитъ, если хотите, я пришлю его вамъ, чтобы онъ почистилъ ваши башмаки.

И съ этими словами онъ разстался съ торговцемъ, въ высшей степени изумленнымъ его поведеніемъ и спрашивавшимъ себя, не навредилъ ли онъ чѣмъ нибудь самъ себѣ.

На верху лѣстницы онъ встрѣтилъ Плянше, чѣмъ-то очень испуганнаго.

— Ахъ, баринъ! вскричалъ Плянше, какъ только завидѣлъ его;—я такъ ждалъ васъ, чтобы сообщить вамъ новость.

— Что-же такое случилось? спросилъ д'Артаньянъ.

— Держу, баринъ, сто противъ одного, даже тысячу, что вы не отгадаете, кто у насъ былъ во время вашего отсутствія.

— Но когда именно?

— Полчаса тому назадъ, въ то время, какъ вы были у г. де-Тревиля.

— Кто же приходилъ? Говори!

— Г. де-Кавуа.

— Де-Кавуа?

— Онъ лично.

— Капитанъ гвардейцевъ его высокопреосвященства?

— Онъ самый.

— Онъ приходилъ меня арестовать.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, хотя онъ былъ очень сладокъ.

— Ты говоришь, онъ былъ сладокъ.

— То есть, что твой медъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Онъ приходилъ, какъ сказалъ онъ, отъ имени его высокопреосвященства, желающаго вамъ всего хорошаго, попросить васъ послѣдовать за нимъ въ Пале-Рояль.

— И ты ему отвѣтилъ?..

— Что это невозможно, такъ какъ васъ нѣтъ дома, въ чемъ онъ и самъ могъ удостовѣриться.

— Что онъ сказалъ на это?

— Чтобы вы непремѣнно къ нему пришли сегодня, а затѣмъ онъ вполголоса прибавилъ: «Скажи своему барину, что его высокопреосвященство очень расположенъ къ нему и что, можетъ быть, все его счастіе зависитъ отъ этого свиданія».

— Западня не изъ особенно искусныхъ: кардиналъ могъ бы выдумать что нибудь получше, сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Да, я и самъ замѣтилъ, что это была западня, и отвѣтилъ ему, что, вернувшись, вы будете въ отчаяніи, что не были дома.

«— А куда онъ уѣхалъ? спросилъ г. де-Кавуа.

«— Въ Труа, въ Шампанью, отвѣтилъ я ему.

«— А когда уѣхалъ?

«— Вчера вечеромъ.

— Пляншe, мой другъ, перебилъ его д'Артаньянъ,—да ты просто драгоцѣнный человѣкъ.

— Очень просто, сударь: я подумалъ, что если вы захотите видѣть г. де-Кавуа, всегда будетъ время поправить ошибку, сказавши, что вы не уѣхали; вѣдь въ этомъ случаѣ солгалъ бы только я, а такъ какъ я не дворянинъ, то мнѣ лгать позволительно.

— Успокойся, Пляншe, за тобой останется репутація правдиваго человѣка: черезъ четверть часа мы уѣзжаемъ.

— Я только что хотѣлъ дать вамъ этотъ совѣтъ, сударь; а куда, осмѣлюсь спросить, мы ѣдемъ?

— Конечно, въ противоположную сторону, а не въ ту, которую ты назвалъ. Къ тому же, развѣ тебѣ не хочется поскорѣе имѣть какія нибудь свѣдѣнія о Гримо, Мускетонѣ и Базенѣ, какъ мнѣ хочется знать, что сталось съ Атосомъ, Портосомъ и Арамисомъ.

— Напротивъ, сударь,—я поѣду, когда куда вамъ будетъ угодно; воздухъ провинціи, мнѣ кажется, здоровѣе для насъ въ настоящую минуту, чѣмъ воздухъ Парижа. А потому...

— А потому, укладывайся, Пляншe, и ѣдемъ; я пойду впередъ, заложивъ руки въ карманы, чтобы не давать поводъ къ подозрѣніямъ, а ты присоединишься ко мнѣ въ гвардейскихъ казармахъ. Кстати, Пляншe, мнѣ кажется, ты совершенно правъ относительно нашего хозяина и онъ въ самомъ дѣлѣ ужасная каналья.

— О, вѣрьте мнѣ, сударь, когда я вамъ говорю что нибудь; не шутя, я большой физіономистъ!

Д'Артаньянъ вышелъ первый, какъ было условлено; затѣмъ, чтобы не упрекнуть себя въ чемъ нибудь, онъ еще въ послѣдній разъ зашелъ на квартиру своихъ друзей, но о нихъ не было никакого извѣстія; только на имя Арамиса получено было раздушенное письмо, написанное тонкимъ изящнымъ почеркомъ. Д'Артаньянъ взялся передать его. Десять минутъ спустя, Пляншe присоединился къ нему въ конюшняхъ гвардейскихъ казармъ. Д'Артаньянъ, чтобы не терять времени, самъ осѣдлалъ свою лошадь.

— Хорошо, одобрилъ онъ Пляншe, когда тотъ ко всему

вооруженію присоединилъ еще и чемоданъ,— теперь сѣдлай остальныхъ трехъ и поѣдемъ.

— Развѣ вы думаете, что мы поѣдемъ скорѣе, если у каждаго изъ насъ будетъ по двѣ лошади? спросилъ Пляншe.

— Нѣтъ, злой насмѣшникъ, отвѣтилъ д'Артаньянъ, — но на нашихъ четырехъ лошадяхъ мы будемъ имѣть возможность привезти нашихъ трехъ друзей, если только найдемъ ихъ въ живыхъ.

— Это было бы большимъ счастьемъ, отвѣчалъ Пляншe. — Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ отчаяваться въ Божьемъ милосердіи.

— Аминь, сказалъ д'Артаньянъ, вскакивая на лошадь.

Выѣхавъ изъ гвардейскихъ казармъ, они разъѣхались въ противоположныя стороны, потому что одинъ изъ нихъ долженъ былъ выѣхать изъ Парижа черезъ Виллетскую заставу, а другой—черезъ Монмартрскую, чтобы затѣмъ съѣхаться вмѣстѣ за Сенъ-Дени—стратегическій маневръ, исполненный съ пунктуальной точностью и увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. Д'Артаньянъ и Пляншe въ одно время въѣхали въ Піеррефитъ.

Пляншe, надо сказать правду, былъ гораздо храбрѣе днемъ, чѣмъ ночью. Но тѣмъ не менѣе его обычная осторожность не покидала его ни на минуту; онъ не забылъ ни одного малѣйшаго случая первой поѣздки и во всякомъ, встрѣчавшемся имъ на пути, видѣлъ врага. Онъ постоянно держалъ шляпу на отлетѣ, раскланиваясь со всѣми, за что получалъ строгіе выговоры отъ д'Артаньяна, который опасался, чтобы, благодаря этой излишней учтивости, его не сочли бы за слугу человѣка низкаго происхожденія.

Впрочемъ, или прохожіе дѣйствительно были тронуты вѣжливостью Пляншe, или на этотъ разъ никто не былъ подосланъ на пути молодого человѣка, но наши два путешественника пріѣхали въ Шантильи безъ всякаго приключенія и остановились въ гостинницѣ «Великаго Сенъ-Мартена», въ той самой, въ которой они останавливались во время своей первой поѣздки.

Хозяинъ гостинницы, увидѣвъ молодого человѣка, за которымъ слѣдовалъ слуга, ведущій двухъ верховыхъ лошадей въ поводу, почтительно встрѣтилъ его на порогѣ двери. А такъ какъ они сдѣлали уже одиннадцать миль, то д'Артаньянъ разсудилъ за лучшее остановиться, все равно, окажется ли тутъ Портосъ или нѣтъ. Да и едва ли было бы разумно прямо, съ перваго же раза, справляться о томъ, что сталось съ мушкетеромъ. Д'Артаньянъ, не спрашивая ни о чемъ, спѣшился, поручилъ лошадей своему слугѣ, вошелъ въ маленькую комнатку, предназначенную для тѣхъ изъ путешественниковъ, которые пожелали бы быть одни, и спросилъ у хозяина бутылку лучшаго вина и наилучшій завтракъ—требованіе, которое еще болѣе укрѣпило хорошее мнѣніе, составившееся у трактирщика съ перваго взгляда на путешественника.

Приказаніе д'Артаньяна было, поэтому, исполнено замѣчательно быстро.

Въ гвардейскій полкъ поступали члены лучшихъ дворянскихъ фамилій королевства и д'Артаньянъ, путешествующій въ сопровожденіи слуги и четырехъ чудныхъ лошадей, не смотря на простоту своего мундира, не могъ не произвести нѣкоторой сенсаціи. Хозяинъ вызвался прислуживать ему лично и, замѣтивъ это, д'Артаньянъ приказалъ принести два стакана и завелъ съ нимъ бесѣду.

— Ну, любезный хозяинъ, началъ д'Артаньянъ, наполняя виномъ оба стакана,—я спросилъ себѣ самаго лучшаго вина, и если вы меня обманули, то вы сами же и будете наказаны за свой грѣхъ, такъ какъ я терпѣть не могу пить одинъ, и вы будете пить со мною. Берите же стаканъ и выпьемъ. За чье же здоровье мы будемъ пить, чтобы не задѣть чьей либо щепетильности? Выпьемте за благосостояніе вашего заведенія!

— Ваша милость оказываете мнѣ честь, сказалъ хозяинъ, и я васъ искренно благодарю за ваше пожеланіе.

— Но не заблуждайтесь, сказалъ д'Артаньянъ;—въ моемъ тостѣ скрывается, можетъ быть, гораздо болѣе эгоизма,

чѣмъ вы думаете: хорошее помѣщеніе и вообще удобства только и можно найти въ тѣхъ гостинницахъ, которыя хорошо ведутъ свои дѣла, а въ тѣхъ, дѣла которыхъ уже пошатнулись, все идетъ скверно, и путешественникъ дѣлается жертвою затруднительнаго положенія хозяина; а такъ какъ мнѣ приходится много путешествовать и въ особенности часто по этой дорогѣ, то я желалъ бы видѣть всѣ гостинницы въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ хозяинъ,—мнѣ кажется, что я уже не первый разъ имѣю честь видѣть васъ, сударь.

— Ба, да я, можетъ быть, разъ десять уже побывалъ въ Шантильи и изъ десяти разъ по крайней мѣрѣ три или четыре раза останавливался у васъ. Да не прошло еще десяти или двѣнадцати дней, какъ я былъ здѣсь; я провожалъ моихъ друзей, мушкетеровъ. Можетъ быть вы припомните, какъ одинъ изъ нихъ заспорилъ съ какимъ-то незнакомцемъ, который, повидимому, хотѣлъ съ нимъ затѣять ссору.

— Ахъ, да, правда, сказалъ хозяинъ,—я отлично это помню. Не говоритъ ли ваша милость о г. Портосѣ?

— Да, именно такъ зовутъ моего товарища по путешествію. Не случилось ли съ нимъ какого несчастія?

— Но ваша милость должны были сами видѣть, что онъ не могъ ѣхать дальше.

— Дѣйствительно, онъ обѣщалъ догнать насъ и мы его съ тѣхъ поръ не видѣли.

— Онъ оказалъ намъ честь и остался здѣсь.

— Какъ, онъ сдѣлалъ вамъ честь остаться здѣсь?

— Да, сударь, въ этой гостинницѣ; мы даже сильно безпокоимся.

— О чемъ?

— Видите, я ему отпускаю въ кредитъ.

— Ну, онъ заплатитъ.

— Ахъ, сударь, какъ вы меня утѣшили! Мы оказали ему большой кредитъ и издержали уже на него много денегъ; и еще сегодня утромъ хирургъ объявилъ, что

если г. Портосъ не заплатитъ ему, то онъ потребуетъ эти деньги съ меня, такъ какъ я посылалъ за нимъ.

— Такъ Портосъ, значитъ, раненъ?

— Не съумѣю вамъ сказать этого.

— Какъ вы не можете сказать этого? но вамъ между тѣмъ должно быть это извѣстно лучше, чѣмъ кому либо другому?

— Да, но въ нашемъ положенiи мы не говоримъ всего, что знаемъ, сударь, въ особенности, когда насъ предупредили, что наши уши отвѣтятъ за то, что разболтаетъ языкъ.

— А могу я видѣть Портоса?

— Конечно, сударь. Поднимитесь по лѣстницѣ въ первый этажъ и постучитесь въ комнату № 1, только предупредите, что это вы.

— Почему же необходимо предупреждать, что это я?

— Потому что иначе съ вами можетъ случиться несчастiе.

— Какое несчастiе?

— Г. Портосъ можетъ принять васъ за кого нибудь изъ принадлежащихъ къ моему заведенiю и въ порывѣ гнѣва заколетъ или застрѣлитъ васъ.

— Что же такое вы ему сдѣлали?

— Напоминали ему о деньгахъ.

— Ахъ, чортъ возьми! теперь я понимаю; такое требованiе Портосъ очень не долюбливаетъ, когда онъ не при деньгахъ; но я знаю, что онѣ должны были у него быть.

— Мы и сами такъ думали, сударь, а такъ какъ наша гостинница въ большомъ порядкѣ и мы сводимъ счеты каждую недѣлю, то, по прошествiи восьми дней, мы представили ему счетъ, но, какъ кажется, попали не въ добрую минуту, потому что какъ только мы коснулись этого вопроса, онъ послалъ насъ ко всѣмъ чертямъ; правда, что онъ наканунѣ игралъ.

— Какъ, онъ наканунѣ игралъ? Съ кѣмъ?

— Ктожъ его знаетъ?! Съ какимъ-то проѣзжимъ вельможей, которому онъ предложилъ партiю въ ландскнехтъ.

— Такъ и есть,—несчастный, должно быть все проигралъ.

— Даже лошадь, сударь, потому что когда незнакомецъ собирался уѣзжать, мы видѣли, что его слуга сѣдлалъ лошадь г. Портоса. Мы ему это замѣтили, но онъ отвѣтилъ намъ, что мы вмѣшиваемся не въ свое дѣло, что лошадь принадлежитъ ему. Мы немедленно же доложили объ этомъ г. Портосу, но онъ велѣлъ намъ сказать, что мы бездѣльники, потому что осмѣливаемся не довѣрять слову дворянина: коль скоро дворянинъ сказалъ, что лошадь его—значитъ и сомнѣнія не можетъ быть.

— Узнаю его, прошепталъ д'Артаньянъ.

— Я велѣлъ ему сказать, продолжалъ хозяинъ,—что такъ какъ мы, повидимому, расходимся во взглядахъ относительно платежа по счету, то я надѣюсь, что онъ будетъ по крайней мѣрѣ такъ добръ, что удостоитъ чести моего сотоварища, хозяина гостинницы Золотого Орла, и переѣдетъ къ нему. Г. Портосъ отвѣтилъ, что моя гостинница лучше и онъ желаетъ остаться въ ней. Отвѣтъ былъ слишкомъ лестный, чтобы я могъ дольше настаивать на томъ, чтобы онъ выѣхалъ. Я просилъ только уступить мнѣ занимаемую имъ комнату, лучшую въ цѣлой гостинницѣ, и помѣститься въ кабинетѣ въ третьемъ этажѣ. На это г. Портосъ отвѣтилъ, что такъ какъ онъ съ минуты на минуту ждетъ къ себѣ любовницу, одну изъ самыхъ знатныхъ придворныхъ дамъ, то я долженъ понять, что даже комната, которую онъ занимаетъ, оказывая мнѣ этимъ честь, еще очень плоха для такой особы. Вполнѣ сознавая, что онъ правъ, я продолжалъ настаивать, но онъ не сталъ даже разговаривать со мной, а взялъ пистолетъ, положилъ его на ночной столикъ и объявилъ, что при первомъ словѣ о какомъ бы то ни было перемѣщеніи, внѣшнемъ или внутреннемъ, онъ пуститъ пулю въ лобъ тому, кто будетъ настолько неосторожен, что станетъ соваться въ дѣло, касающееся только лично его. А потому съ этой минуты, сударь, никто не ходитъ въ его комнату, кромѣ слуги.

— Такъ Мускетонъ тоже здѣсь?

— Да, сударь; пять дней спустя послѣ своего отъѣзда, онъ вернулся, и также въ самомъ дурномъ расположенiи духа,—повидимому, у него тоже въ дорогѣ были большiя непрiятности. Къ несчастью, онъ еще проворнѣе своего барина: для него онъ ставитъ здѣсь все вверхъ дномъ, а чтобы не получать отказа въ томъ, что ему требуется, онъ самъ беретъ все, ни у кого не спрашивая.

— Я всегда замѣчалъ въ Мускетонѣ необыкновенную преданность и значительную сообразительность, сказалъ д'Артаньянъ.

— Очень возможно, сударь; однако если мнѣ только четыре раза въ году придется имѣть дѣло съ такою сообразительностiю и преданностью, то я окончательно разорюсь.

— Успокойтесь, Портосъ вамъ заплатитъ.

— Гм! произнесъ хозяинъ съ видомъ сомнѣнiя.

— Это любимецъ одной очень знатной дамы, которая не откажетъ ему въ такой малости.

— Осмѣлюсь сказать, что я думаю относительно этого...

— Говорите!

— Скажу больше: я знаю.

— Что же вы знаете?

— Не только знаю, но увѣренъ.

— Въ чемъ вы увѣрены, говорите.

— Я знаю эту важную даму.

— Вы?

— Да, я.

— Откуда же вы ее знаете?

— О, сударь, могу ли я довѣриться вашей скромности...

— Говорите! Даю слово дворянина,— вамъ не придется раскаяться въ вашемъ довѣрiи.

— Вы поймете, сударь, что безпокойство заставляетъ дѣлать и то, что не слѣдовало.

— Что же вы сдѣлали?

— Ничего такого, на что не имѣлъ бы права кредиторъ.

— Напримѣръ?

— Г. Портосъ передалъ намъ письмо къ этой герцогинѣ съ приказанiемъ отправить его на почту. Его слуга

тогда еще не возвращался, а самъ онъ еще не выходилъ изъ комнаты, такъ что онъ поневолѣ принужденъ былъ обратиться къ намъ.

— Что же дальше?

— Вмѣсто того, чтобы отправить его по почтѣ, что не всегда бываетъ вѣрно, я воспользовался случаемъ и поручилъ одному изъ моихъ мальцовъ, который кстати ѣхалъ въ Парижъ, передать это письмо лично самой герцогинѣ. Вѣдь такимъ образомъ приказанія г. Портоса, который очень безпокоился о своемъ письмѣ, были исполнены въ точности, не правда ли?

— Почти такъ.

— Что же, сударь, оказалось,— знаете ли вы, кто эта важная дама?

— Нѣтъ; я слышалъ о ней только отъ Портоса.

— Знаете ли вы, кто эта мнимая герцогиня?

— Я вамъ повторяю, что не знаю.

— Это старая прокурорша, сударь, мадамъ Кокенаръ; ей по меньшей мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ и она ревнуетъ. Мнѣ, признаться, показалось довольно страннымъ: какъ это герцогиня, а живетъ въ Медвѣжьей улицѣ.

— Откуда вы все это знаете?

— Она очень разсердилась, получивши письмо, и сказала, что г. Портосъ вѣтренникъ и что онъ получилъ ударъ шпаги опять навѣрное изъ-за какой нибудь женщины.

— Такъ, значитъ, онъ раненъ?

— Ахъ, Боже мой, что я только сказалъ!

— Вы сказали, что Портосъ получилъ ударъ шпаги.

— Да, но онъ мнѣ строго запретилъ говорить объ этомъ.

— Почему же?

— Почему? Вы, сударь, помните, какъ онъ хвастался, что пробуравитъ того незнакомца, съ которымъ онъ началъ ссору еще при васъ, а незнакомецъ-то, наоборотъ, не смотря на всѣ его бахвальства, самъ пригвоздилъ его къ полу; а такъ какъ г. Портосъ человѣкъ очень тщеславный со всѣми, кромѣ герцогини, которую онъ думалъ заинтересовать разсказомъ о своемъ приключеніи, то онъ и не хочетъ никому признаться, что онъ раненъ.

— Эта рана удерживаетъ его въ постели?

— Да еще какая ужасная, увѣряю васъ. Должно полагать, что вашъ другъ живучъ какъ кошка.

— Такъ, значитъ, вы присутствовали при дуэли?

— Я слѣдилъ за ними, сударь, изъ любопытства, такъ что видѣлъ сраженіе, а сражающіеся меня не видѣли.

— Какъ же все произошло?

— О, дѣло не затянулось, ручаюсь вамъ. Они стали въ позицію: незнакомецъ прибѣгнулъ къ хитрости, сдѣлавъ видъ, что накололся: все это произошло такъ быстро, что когда Портосъ былъ готовъ отразить ударъ, у него уже на три дюйма желѣзо было въ груди. Онъ упалъ навзничь. Незнакомецъ тотчасъ же приставилъ ему конецъ шпаги къ горлу и Портосъ, видя себя во власти противника, принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Тогда незнакомецъ спросилъ, какъ его зовутъ, и узнавши, что онъ г. Портосъ, а не д'Артаньянъ, подалъ ему свою руку, проводилъ въ гостинницу, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

— Такъ значитъ противъ д'Артаньяна этотъ незнакомецъ имѣлъ что-то?

— Кажется, что такъ.

— Не знаете ли вы, что съ нимъ потомъ сталось?

— Нѣтъ; и раньше я никогда его не видѣлъ, и послѣ того я больше не видѣлся съ нимъ.

— Прекрасно; теперь я знаю все, что мнѣ нужно было знать. Вы говорите,—комната Портоса въ первомъ этажѣ, № 1?

— Да, сударь, самая лучшая во всей гостинницѣ; эту комнату я уже разъ 10 имѣлъ случай сдать.

— Будьте покойны, сказалъ д'Артаньянъ со смѣхомъ,— Портосъ заплатитъ вамъ изъ денегъ герцогини Кокенаръ.

— Ахъ, сударь, мнѣ рѣшительно все равно, прокурорша она, или герцогиня, лишь бы она раскошелилась но она очень положительно отвѣтила, что ей надоѣли требованія и вѣтренность г. Портоса и что она не пришлетъ ему ни гроша.

— А вы передали этотъ отвѣтъ вашему постояльцу?

— Ну, нѣтъ, мы поостереглись отъ этого: тогда бы онъ догадался, какъ мы исполнили его порученія.

— Значитъ, онъ все еще ждетъ денегъ?

— О, да! Онъ написалъ снова вчера, но на этотъ разъ письмо снесъ на почту его слуга.

— Вы говорите, что прокурорша стара и дурна собой?

— Ей по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ, сударь, и, по словамъ Пато, она вовсе некрасива.

— Въ такомъ случаѣ будьте покойны, она смягчится; къ тому же, Портосъ не могъ вамъ задолжать особенно много.

— Какъ не много! Уже около двадцати пистолей, не считая доктора. О, онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ,— видно, что онъ привыкъ хорошо жить.

— Ничего, ничего! Если его любовница откажется отъ него, у него найдутся друзья, могу васъ увѣрить. И такъ, любезный хозяинъ, не безпокойтесь нисколько и продолжайте попрежнему заботиться о немъ, какъ требуетъ его положеніе.

— Вы обѣщали мнѣ, сударь, не говорить ему ни слова ни о прокуроршѣ, ни о ранѣ.

— Это ужъ дѣло рѣшенное,—я далъ вамъ слово.

— О, онъ бы тогда, вѣроятно, убилъ меня!

— Не бойтесь; онъ не такъ страшенъ, какъ кажется.

Д'Артаньянъ поднялся по лѣстницѣ, оставивъ хозяина нѣсколько успокоившимся.

Онъ поднялся на лѣстницу. На самой видной двери корридора написанъ былъ черными чернилами гигантской величины № 1; д'Артаньянъ постучался и послѣ полученнаго извнутри позволенія вошелъ. Портосъ лежалъ и игралъ съ Мускетономъ въ ландскнехтъ, чтобы не разучиться, между тѣмъ какъ на вертелѣ жарились надъ огнемъ рябчики, а на обоихъ углахъ большого камина, на двухъ жаровняхъ, кипѣли 2 кострюли, изъ которыхъ распространялся смѣшанный запахъ фрикасе изъ кроликовъ и рыбы, пріятно щекотавшій обоняніе. Верхняя часть конторки и мраморная доска комода были заставлены пустыми бутылками. При видѣ друга, Пор-

тосъ радостно вскрикнулъ, а Мускетонъ, ставъ, почтительно уступилъ ему мѣсто и подошелъ посмотрѣть, что дѣлается въ кострюляхъ, за которыми, кажется, онъ особенно наблюдалъ.

— Ахъ, это вы, сказалъ Портосъ д'Артаньяну,—добро пожаловать, желанный гость; прошу извинить меня, что я не всталъ вамъ навстрѣчу. Но, прибавилъ онъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотря на д'Артаньяна,— вы знаете, что со мной случилось?

— Нѣтъ.

— Хозяинъ ничего вамъ не сказалъ?

— Я спросилъ про васъ и прямо прошелъ сюда.

Портосъ, казалось, вздохнулъ свободнѣе.

— Но что же съ вами случилось, любезный Портосъ? продолжалъ д'Артаньянъ.

— А со мной то случилось, что, когда я напалъ на моего противника, которому я уже нанесъ три удара и четвертымъ хотѣлъ совсѣмъ его приколоть, я наткнулся ногой на камень и ранилъ себѣ колѣно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь честью! очень счастливо для бездѣльника, потому что я не выпустилъ бы его иначе, какъ пришибивъ на мѣстѣ.

— А что-жъ съ нимъ сталось?

— О, право не знаю; съ него было довольно и этого, и онъ уѣхалъ, не дожидаясь конца; но вы, мой любезный д'Артаньянъ, что съ вами случилось?

— Такъ что только этотъ ушибъ удерживаетъ васъ въ постели, любезный Портосъ? продолжалъ д'Артаньянъ.

— Ахъ, Боже мой! да ничего больше; впрочемъ, черезъ нѣсколько дней я уже буду на ногахъ.

— Отчего же въ такомъ случаѣ не велѣть себя перевезти въ Парижъ. Вы, должно быть, здѣсь смертельно скучаете.

— Таково было и мое намѣреніе, но я долженъ, любезный другъ, признаться вамъ кое въ чемъ.

— Въ чемъ же?

— Мнѣ было страшно скучно, какъ это вы сами сей-

часъ замѣтили, и въ карманѣ у меня болтались 75 пистолей, которыя вы намъ раздѣлили,—я и велѣлъ, чтобы разсѣяться, пригласить ко мнѣ наверхъ проѣзжаго дворянина, которому предложилъ сыграть партію въ кости. Онъ согласился и, честное слово, мои 75 пистолей изъ моего кармана очень быстро перешли въ его карманъ, не считая лошади, которую онъ тоже увелъ. Ну, какъ вы поживаете, любезный д'Артаньянъ?

— Нельзя, любезный Портосъ, быть счастливымъ во всемъ, замѣтилъ д'Артаньянъ; развѣ вы не знаете пословицы: «кто несчастливъ въ игрѣ, счастливъ въ любви». Вы слишкомъ счастливы въ любви, чтобы игра не мстила вамъ за себя; эка важность, что вы тутъ несчастливы. Развѣ у васъ нѣтъ, счастливый плутишка, вашей герцогини, которая никогда не откажетъ придти вамъ на помощь?

— Но видите ли, любезный д'Артаньянъ, — я играю очень несчастливо, продолжалъ Портосъ съ самымъ развязнымъ видомъ, нисколько не смущаясь,—поэтому я и написалъ, чтобы она прислала мнѣ какихъ нибудь 50 луидоровъ, которые мнѣ были положительно необходимы, принимая во вниманіе положеніе, въ которомъ я находился...

— Ну?

— Должно быть, она была въ своихъ помѣстьяхъ, такъ какъ не отвѣчала мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, не отвѣчала. Поэтому я отправилъ ей вчера второе посланіе, еще болѣе убѣдительное, чѣмъ первое. Но, однако, наконецъ вы здѣсь, дорогой мой, поговоримъ же о васъ. Сознаюсь, что я начиналъ сильно безпокоиться о васъ.

— Кажется, хозяинъ гостинницы держитъ себя прекрасно по отношенію къ вамъ, милый Портосъ, замѣтилъ д'Артаньянъ, показывая больному на полныя кострюли и пустыя бутылки.

— Такъ себѣ, ничего! отвѣчалъ Портосъ. Дня три или четыре тому назадъ этотъ грубіянъ подалъ мнѣ, правда,

какой-то счетъ, но я его вытурилъ въ шею; и вотъ живу здѣсь и дѣйствую на правахъ побѣдителя; но постоянно опасаюсь осады и, поэтому, какъ видите, вооруженъ съ ногъ до головы.

— Однако же, смѣясь указалъ д'Артаньянъ на кострюли и бутылки,—мнѣ кажется, время отъ времени вы дѣлаете вылазки.

— Къ несчастію, не я! возразилъ Портосъ.—Проклятая нога держитъ меня въ постели, но Мускетонъ предпринимаетъ развѣдки у непріятеля и добываетъ припасы. Другъ мой, Мускетонъ, продолжалъ Портосъ,—видишь, къ намъ подошло подкрѣпленіе и слѣдовательно понадобится добавленіе къ провіанту.

— Мускетонъ, обратился къ нему д'Артаньянъ,—окажи мнѣ услугу.

— Какую прикажете?

— Сообщи свой рецептъ Пляншe. Я вѣдь тоже могу быть осажденнымъ въ свою очередь и не буду въ претензіи, если онъ окружитъ меня тѣми же удобствами, какими ты окружаешь своего барина.

— О, отвѣчалъ самымъ скромнымъ тономъ Мускетонъ,—ничего нѣтъ легче. Нужно быть ловкимъ, вотъ и все. Я былъ воспитанъ въ деревнѣ, а мой отецъ въ трудныя минуты жизни немного занимался браконьерствомъ.

— А чѣмъ онъ вообще занимался?

— Онъ промышлялъ ремесломъ, которое я всегда находилъ довольно прибыльнымъ.

— Какимъ же именно?

— Во время войны католиковъ съ гугенотами онъ видѣлъ, что католики во имя религіи изводятъ гугенотовъ, а гугеноты католиковъ, поэтому отецъ мой создалъ для себя смѣшанную религію, что позволяло ему быть самому то католикомъ, то протестантомъ. Обыкновенно онъ прогуливался съ своимъ мушкетомъ на плечѣ за придорожными изгородями, и когда видѣлъ одиноко идущаго католика, протестантская вѣра немедленно увлекала его. Онъ прицѣливался въ путешественника, и когда послѣдній находился отъ него шагахъ въ десяти, между ними

обыкновенно начинались переговоры, почти постоянно кончавшіеся тѣмъ, что путешественникъ, ради спасенія жизни, оставлялъ ему свой кошелекъ. Само собой разумѣется, что когда ему встрѣчался гугенотъ, то его охватывало такое же страстное усердіе къ католической вѣрѣ, что онъ не понималъ даже, какимъ образомъ четверть часа тому назадъ онъ могъ сомнѣваться въ преимуществѣ нашей святой религіи: самъ я, сударь, католикъ, а брата моего отецъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, сдѣлалъ гугенотомъ.

— А какъ кончилъ этотъ достойный человѣкъ? спросилъ д'Артаньянъ.

— О, самымъ несчастнымъ образомъ. Однажды онъ очутился на пустынной дорогѣ между гугенотомъ и католикомъ, съ которыми у него было уже дѣло. Узнавши его, они соединились и повѣсили его на деревѣ, а потомъ пришли похвастаться своей прекрасной выходкой въ кабачокъ ближайшей деревни, въ которомъ мы съ братомъ попивали въ это время вино.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ д'Артаньянъ.

— Мы не помѣшали имъ разсказывать, возразилъ Мускетонъ. — Потомъ, когда они разстались и разошлись въ противоположныя стороны, мой братъ сѣлъ въ засаду на католика, а я—на протестанта. Часа два спустя все было кончено, — мы распорядились каждый съ своимъ какъ слѣдовало, дивясь предусмотрительности нашего бѣднаго родителя, имѣвшаго предосторожность воспитать насъ въ разныхъ религіяхъ.

— Дѣйствительно, судя по твоимъ разсказамъ, Мускетонъ, отецъ вашъ былъ, должно быть, не дуракъ. Ты говоришь, что въ тяжелыя времена твой отецъ дѣлался браконьеромъ.

— Да, и онъ научилъ меня ставить силки и забрасывать удочки. Когда я увидѣлъ, что нашъ негодяй-хозяинъ кормитъ насъ мясомъ, которое, положимъ, хорошо для крестьянъ, но совершенно негодится такимъ двумъ слабымъ желудкамъ, какъ наши, я снова принялся помаленьку за старое ремесло. Прогуливаясь въ лѣсу, я сталъ

ставить силки, а валяясь по берегамъ около воды, налаживалъ въ прудахъ удочки. Такимъ образомъ, съ Божiей помощью, мы теперь не нуждаемся, какъ вы можете, сударь, сами удостовѣриться, ни въ куропаткахъ, ни въ кроликахъ, ни въ карпахъ и угряхъ,—все здоровой и легкой пищѣ, приличной больнымъ.

— Но вино, сказалъ д'Артаньянъ,—кто снабжаетъ васъ виномъ? хозяинъ?

— Да какъ сказать: и да, и нѣтъ.

— Какъ это: и да, и нѣтъ?

— Снабжаетъ-то онъ, это вѣрно, но онъ не знаетъ, что удостоенъ этой чести.

— Объяснись, Мускетонъ. Твоя бесѣда необыкновенно поучительна.

— Извольте, сударь. Случай натолкнулъ меня во время моихъ скитанiй на одного испанца, который видѣлъ много странъ и, между прочимъ, Новый Свѣтъ.

— Какое же отношенiе можетъ имѣть Новый Свѣтъ къ этимъ бутылкамъ на конторкѣ и комодѣ?

— Терпѣнiе, сударь, всему свой чередъ.

— Справедливо, Мускетонъ. Полагаюсь на тебя и слушаю.

— Испанецъ этотъ имѣлъ слугу, который сопровождалъ его въ путешествiи по Мексикѣ. Слуга этотъ былъ моимъ соотечественникомъ и мы сошлись другъ съ другомъ еще скорѣе потому, что въ нашихъ характерахъ было много общаго. Оба мы любили болѣе всего охоту и онъ разсказывалъ мнѣ между прочимъ, какимъ образомъ туземцы охотятся въ пампасахъ на тигровъ и быковъ съ простыми затяжными арканами, лассо, которые они набрасываютъ на шею этихъ свирѣпыхъ животныхъ. Сперва я не хотѣлъ вѣрить, чтобы можно было достигнуть такой ловкости — кидать веревку куда захочется, за двадцать или тридцать шаговъ, но, сдѣлавъ опытъ, долженъ былъ признать справедливость разсказа. Мой другъ ставилъ въ тридцати шагахъ бутылку и каждый разъ захватывалъ петлей за ея горлышко. Я сталъ упражняться въ этомъ искусствѣ, и такъ какъ природа

одарила меня нѣкоторыми способностями, то я кидаю теперь лассо не хуже уроженца тѣхъ странъ. Ну, понимаете ли вы теперь, въ чемъ дѣло? У нашего хозяина превосходный винный погребъ, но ключъ отъ него онъ держитъ всегда при себѣ. Въ этомъ погребѣ имѣется, однако, одна отдушина и вотъ черезъ нее-то я и кидаю свое лассо и вылавливаю, конечно, бутылочки наилучшаго вина, такъ какъ мнѣ отлично извѣстно, въ какомъ уголку онѣ стоятъ. Такъ вотъ, сударь, въ какомъ отношенiи находится Новый Свѣтъ съ тѣми бутылками, которыя стоятъ на комодѣ и конторкѣ. А теперь, не угодно ли вамъ будетъ попробовать нашего винца и безъ всякаго предубѣжденія сказать намъ, какъ вы его находите.

— Спасибо, любезный другъ, спасибо, но, къ несчастію, я только что хорошо закусилъ.

— Накрывай, однако, столъ, Мускетонъ, сказалъ Портосъ,—а пока мы будемъ завтракать, д'Артаньянъ разскажетъ намъ о своихъ приключеніяхъ за тѣ десять дней, какъ онъ разстался съ нами.

— Охотно, согласился д'Артаньянъ.

Въ то время, какъ Портосъ и Мускетонъ уничтожали завтракъ съ настоящимъ аппетитомъ выздоравливающихъ больныхъ и тѣмъ братскимъ согласіемъ, которое сближаетъ людей въ несчастіи, д'Артаньянъ разсказалъ, почему раненый Арамисъ вынужденъ былъ остановиться въ Кревкорѣ; какъ онъ оставилъ въ Амьенѣ Атоса отбояриваться отъ четырехъ господъ, обвинявшихъ его въ производствѣ фальшивой монеты, и какъ онъ, д'Артаньянъ, долженъ былъ убить графа Варда, чтобы доѣхать до Англіи.

На этомъ д'Артаньянъ остановился, не желая откровенничать дальше. Онъ добавилъ только, что на возвратномъ пути захватилъ изъ Англіи четырехъ великолѣпныхъ лошадей: одну для себя, а остальныхъ для каждаго изъ своихъ товарищей; затѣмъ онъ объявилъ Портосу, что та изъ нихъ, которая назначена ему, водворена уже въ конюшнѣ хозяина гостинницы.

Въ эту минуту вошелъ Пляные и доложилъ, что лошади достаточно отдохнули и доѣхать для ночлега въ Клермонъ вполнѣ возможно.

Д'Артаньянъ почти успокоился насчетъ Портоса; съ другой стороны, ему хотѣлось поскорѣе получить извѣстія относительно двухъ другихъ своихъ друзей, поэтому онъ простился съ больнымъ товарищемъ и предупредилъ его, что отправляется въ дорогу для дальнѣйшихъ развѣдокъ. Впрочемъ, если Портосъ останется еще въ продолженіе семи-восьми дней въ гостиницѣ «Св. Мартина», то, предполагая возвратиться тою же дорогой, онъ готовъ взять его съ собой.

Портосъ отвѣчалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, больная нога удержитъ его на это время, да къ тому же ему необходимо остаться въ Шантильи, пока не получитъ отвѣта отъ герцогини.

Д'Артаньянъ пожелалъ ему, чтобы отвѣтъ этотъ былъ благопріятенъ и пришелъ какъ можно скорѣе. Поручивъ затѣмъ Портоса попеченіямъ Мускетона и заплативъ по счету въ гостинницѣ, онъ снова пустился въ путь съ Пляншe, у котораго въ поводу оказалось уже одной лошадью меньше.

XXVI.

Тезисъ Арамиса.

Д'Артаньянъ ничего не сказалъ Портосу объ его ранѣ и о женѣ прокурора. Беарнецъ нашъ, не смотря на молодость, былъ малый очень неглупый. Онъ притворился, что вѣритъ всему, что разсказывалъ ему кичливый мушкетеръ, будучи убѣжденъ, что вывѣданная противъ его желанія тайна уязвитъ его самолюбіе и гордость и испортитъ дружбу. Онъ зналъ, что всегда имѣешь нравственное превосходство надъ тѣми, чью жизнь знаешь. Притомъ, составивъ себѣ планы будущихъ интригъ, д'Артаньянъ рѣшилъ обратить своихъ трехъ товарищей въ орудіе своей карьеры и былъ вовсе не прочь заблаговре-

менно соединить въ своихъ рукахъ невидимыя нити, посредствомъ которыхъ предполагалъ управлять своими друзьями.

Между тѣмъ въ теченіе всей дороги глубокая грусть сжимала его сердце. Онъ думалъ о молоденькой и хорошенькой Бонасье, которая пожертвовала собой, но спѣшимъ оговориться, что грусть молодого человѣка происходила не столько изъ сожалѣнія объ утраченномъ личномъ счастіи, сколько изъ боязни, чтобы не случилось какой нибудь бѣды съ этой бѣдной женщиной. Для него не было сомнѣнія, что она была жертвой мщенія кардинала, а всѣмъ было извѣстно, что мщеніе его высокопреосвященства было ужасно. Какимъ образомъ кардиналъ пощадилъ его самого, д'Артаньянъ не понималъ, но это открылъ бы ему де-Кавуа.

Ничто такъ не сокращаетъ времени и не укорачиваетъ дорогу, какъ какая нибудь мысль, поглощающая всѣ чувства и способности занятаго ею человѣка. Внѣшнее существованіе кажется тогда какимъ-то сномъ, а мысль эта—грезой. Подъ вліяніемъ ея время теряетъ опредѣленность, а пространство—измѣреніе. Изъ одного мѣста выѣзжаютъ, пріѣзжаютъ въ другое. Вотъ и все. О пройденномъ пути въ вашей памяти остается какой-то смутный туманъ, въ которомъ стушевываются тысячи неопредѣленныхъ образовъ деревьевъ, горъ и пейзажей.

Подъ вліяніемъ подобной галлюцинаціи, д'Артаньянъ проѣхалъ шесть или восемь лье, которыя отдѣляютъ Шантильи отъ Кревкера, тѣмъ аллюромъ, какимъ угодно было идти самому коню, и положительно не помнилъ о томъ, что встрѣчалось или видѣлось ему на пути къ этой деревнѣ.

Въ ней только онъ пришелъ въ себя, встряхнулся, и, увидѣвъ кабачокъ, въ которомъ онъ оставилъ Арамиса, пустилъ лошадь рысью и подъѣхалъ къ дверямъ. На этотъ разъ встрѣтилъ его не хозяинъ, а хозяйка. Будучи хорошимъ физіономистомъ, д'Артаньянъ по одному взгляду на толстую и веселую фигуру этой особы понялъ, что скрытничать съ нею нѣтъ никакой нужды,

какъ и опасаться чего нибудь отъ такой радостной физіономіи.

— Милая моя, спросилъ д'Артаньянъ, — не можете ли вы сообщить мнѣ, что сталось съ однимъ изъ моихъ друзей, котораго мы были вынуждены оставить здѣсь дней десять тому назадъ?

— Красивый молодой человѣкъ двадцати-трехъ, двадцати-четырехъ лѣтъ, стройный и любезный?

— Именно такъ, и—раненый въ плечо.

— Совершенно вѣрно. Онъ все еще здѣсь.

— Милая моя, вскричалъ радостно д'Артаньянъ, соскакивая съ лошади и бросая уздечку въ руки Пляншe, вы воскрешаете меня! Гдѣ же дорогой Арамисъ? я долженъ скорѣе обнять его; откровенно сознаюсь, я горю нетерпѣніемъ видѣть его.

— Простите, сударь, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ принять васъ сейчасъ.

— Почему это? Развѣ у него женщина?

— Господи Іисусе! Что вы говорите, бѣдный мой мальчикъ! Нѣтъ, онъ не съ женщиной.

— Такъ съ кѣмъ же?

— Съ приходскимъ священникомъ изъ Мондидье и настоятелемъ амьенскихъ іезуитовъ.

— Боже мой! вскрикнулъ д'Артаньанъ,— бѣдному малому, значитъ, худо?

— Нѣтъ, сударь, напротивъ; но вслѣдствіе болѣзни его осѣнила благодать Божія и онъ рѣшился постричься въ монахи.

— Правда, правда, сказалъ д'Артаньянъ,—я и забылъ, что онъ былъ мушкетеромъ только на время.

— Вамъ все-таки угодно, сударь, видѣть его?

— Болѣе чѣмъ когда нибудь.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно ли подняться по правой лѣстницѣ во дворѣ во второй этажъ, № 5.

Д'Артаньянъ бросился по указанному направленію и нашелъ одну изъ тѣхъ наружныхъ лѣстницъ, которыя встрѣчаются еще до сихъ поръ въ старыхъ гостинницахъ. Но добраться до будущаго аббата этимъ путемъ

нельзя было. Проходъ въ комнату Арамиса былъ оберегаемъ не менѣе строго, чѣмъ въ сады Армиды; Базенъ дежурилъ въ коридорѣ и загородилъ ему проходъ съ стремительностью, оправдываемою тѣмъ, что онъ видѣлъ себя наконецъ достигающимъ той желанной цѣли честолюбія, которая далась ему только послѣ многихъ лѣтъ испытаній.

Дѣйствительно, всегдашнею мечтою бѣдняка Базена было находиться въ услуженіи у церковнослужителя и онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, той минуты, когда Арамисъ промѣняетъ, наконецъ, военное полукафтанье на сутану. Единственно ежедневное увѣреніе молодого человѣка, что минуты этой ждать недолго, удерживало его на службѣ мушкетера,—службѣ, на которой, какъ говорилъ онъ, неминуемо тотъ погубитъ свою душу.

Базенъ былъ, значитъ, наверху блаженства, потому что, по всѣмъ видимостямъ, господинъ его на этотъ разъ устоитъ въ своемъ намѣреніи. Совокупность физическихъ и моральныхъ страданій произвела такъ давно желанный эфектъ: мучаясь одновременно и тѣломъ, и душою, Арамисъ остановилъ, наконецъ, свой взглядъ и мысли на религіи и усмотрѣлъ въ двухъ несчастныхъ случаяхъ, приключившихся съ нимъ, какъ бы предопредѣленіе свыше.

Понятно, при такомъ настроеніи Арамиса, для Базена ничто не могло быть болѣе непріятнымъ, какъ возвращеніе д'Артаньяна: этотъ пріѣздъ снова могъ отвлечь его господина въ вихрь свѣтскихъ помысловъ, уже и безъ того долго увлекавшихъ его.

Онъ рѣшился мужественно защищать дверь; предупрежденный хозяйкою гостинницы, онъ не могъ уже сказать, что Арамиса нѣтъ дома, за то онъ попробовалъ убѣдить д'Артаньяна, что съ его стороны было бы верхомъ нескромности разстраивать благочестивую бесѣду барина, начатую имъ съ утра, бесѣду, которая, по мнѣнію Базена, не могла кончиться ранѣе вечера. Но д'Артаньянъ и не думалъ убѣждаться краснорѣчивыми росказнями Базена и, не желая продолжать полемику съ

слугою своего друга, онъ преспокойно отстранилъ его одной рукою, а другой повернулъ дверную ручку пятаго нумера. Дверь отворилась и д'Артаньянъ вошелъ въ комнату.

Арамисъ, въ черномъ сюртукѣ, съ головой, причесанной гладко и въ кружокъ, на манеръ скуфьи, сидѣлъ за продолговатымъ столомъ, покрытымъ связками бумагъ и громадными in-folio. По правую его руку помѣщался настоятель іезуитовъ, а по лѣвую — кюре изъ Мондидье. Сторы были полуопущены, производя таинственный полусвѣтъ, приспособленный къ благочестивымъ грезамъ. Всѣ мірскія вещи, могущія бросаться въ глаза, когда входятъ въ комнату молодого человѣка, въ особенности если онъ притомъ еще мушкетеръ, исчезли какъ бы волшебствомъ, само собой разумѣется, изъ боязни, что ихъ видъ снова можетъ навести господина на грѣховныя мысли. Базенъ не далъ пощады шпагѣ, пистолетамъ, шляпѣ съ перьями, вышивкамъ и кружевамъ всякаго вида и рода. А вмѣсто нихъ д'Артаньянъ замѣтилъ, или ему такъ показалось, въ темномъ углу нѣчто въ родѣ бичевальной плети, повѣшенной на стѣнномъ гвоздѣ.

При шумѣ, который произвелъ д'Артаньянъ, отворяя дверь, Арамисъ поднялъ голову и узналъ своего друга. Но, къ большому удивленію молодого человѣка, видъ его, казалось, не произвелъ большого впечатлѣнія на мушкетера, до такой степени умъ его отрѣшился отъ земной юдоли.

— Здравствуйте, дорогой д'Артаньянъ, сказалъ Арамисъ; — будьте увѣрены, что я очень радъ васъ видѣть.

— И я не менѣе, отвѣчалъ д'Артаньянъ,—хотя я еще далеко не увѣренъ, что говорю съ Арамисомъ.

— Съ нимъ самимъ, мой другъ, съ нимъ самимъ. Но что могло дать вамъ поводъ сомнѣваться въ этомъ?

— Я боялся, что ошибся комнатою, полагая сначала, что вошелъ въ помѣщеніе какого нибудь церковнослужителя; потомъ же, когда я видѣлъ васъ въ обществѣ этихъ господъ, мною овладѣлъ ужасъ, такъ какъ я подумалъ, что вы отчаянно больны.

Оба черныхъ человѣка метнули на д'Артаньяна почти угрожающій взглядъ, такъ какъ поняли его намѣреніе, но тотъ ни мало этимъ не смутился.

— Я можетъ быть нарушилъ ваше спокойствіе, дорогой Арамисъ, продолжалъ д'Артаньянъ: судя по тому, что, я вижу, вы собираетесь исповѣдываться этимъ господамъ.

Арамисъ незамѣтно покраснѣлъ.

— Вы можете меня бузпокоить?! О, напротивъ, милый другъ, клянусь вамъ, и въ подтвержденіе этого позвольте сказать вамъ, что я радъ, что виже васъ здравымъ и невредимымъ.

— Эге, подается! подумалъ д'Артаньянъ.

— Господинъ этотъ—мой другъ; онъ избѣгнулъ недавно страшной опасности, продолжалъ Арамисъ, съ умиленіемъ показывая на д'Артаньяна рукою обоимъ духовнымъ особамъ.

— Восхвалите Господа, отвѣчали тѣ, одновременно наклоняя голову.

— Я такъ и поступилъ, почтенные отцы, отвѣчалъ молодой человѣкъ, отдавая имъ въ свою очередь поклонъ.

— Вы пріѣхали кстати, дорогой д'Артаньянъ, сказалъ Арамисъ: принявъ участіе въ преніяхъ, вы освѣтите ихъ вашими свѣдѣніями. Г. настоятель амьенскій, г. кюре Монпелье и я обсуждаемъ нѣкоторые богословскіе вопросы, занимающіе уже давно наше вниманіе, и мнѣ было бы чрезвычайно пріятно узнать о нихъ ваше мнѣніе.

— Мнѣніе военнаго человѣка лишено въ этомъ случаѣ вѣса, отвѣчалъ д'Артаньянъ, который началъ уже безпокоиться оборотомъ разговора,— и я полагаю, что вы можете довѣриться учености этихъ господъ.

Оба духовныхъ отвѣсили поклонъ.

— Напротивъ, возразилъ Арамисъ,—и ваше мнѣніе будетъ для насъ драгоцѣнно. Вотъ о чемъ идетъ рѣчь: г. настоятель полагаетъ, что моя диссертація должна быть по преимуществу догматической и дидактической.

— Ваша диссертація! Вы пишете, значитъ, диссертацію?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ іезуитъ,—для экзамена, предшествующаго посвященію, диссертація обязательна.

— Посвященіе! вскричалъ д'Артаньянъ, который не вѣрилъ словамъ хозяйки гостинницы и Базена.—Посвященіе!

И онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на трехъ лицъ, бывшихъ передъ нимъ.

— И такъ, вы слышали, д'Артаньянъ, продолжалъ Арамисъ, принявши въ креслѣ прежнюю граціозную позу и любуясь своей бѣлой и пухлой, какъ у женщины, рукой, которую онъ приподнялъ, чтобы оттекла кровь: г. настоятель хотѣлъ бы, чтобы я выбралъ тезисъ догматическій; я предпочелъ бы, однако, идеализировать его. Вотъ почему г. настоятель предлагалъ слѣдующій сюжетъ, еще не разработанный, и въ которомъ я признаю достаточно матеріала для превосходнаго развитія моихъ идей: «Utraque manus in benedicendo clericis inferioribus necessaria est».

Д'Артаньянъ, ученость котораго намъ уже извѣстна, не болѣе поморщился и при этой цитатѣ, какъ и при той, какая была произнесена де-Тревилемъ по поводу подарковъ, полученныхъ, по предположенію послѣдняго, д'Артаньяномъ отъ Букингама.

— Что значитъ, продолжалъ Арамисъ, чтобы не ставить своего друга втупикъ:—обѣ руки церковнослужителямъ низшаго духовенства необходимы для преподанія благословенія.

— Восхитительный сюжетъ! вскричалъ іезуитъ.

— Восхитительный и догматическій! подтвердилъ кюре, который, будучи почти одинаково съ д'Артаньяномъ силенъ въ латыни, тщательно присматривался къ іезуиту, чтобы не отставать отъ него, и вторилъ его словамъ какъ эхо.

Д'Артаньянъ же оставался совершенно равнодушнымъ къ энтузіазму черныхъ рясъ.

— Да, восхитительный! prorsus admirabile! продолжалъ Арамисъ,—но онъ требуетъ глубокаго изученія твореній отцовъ церкви и Св. Писанія. А я съ полнѣй-

шимъ смиреніемъ сознался этимъ духовнымъ ученымъ, что безсонныя ночи въ караулахъ и вообще королевская служба принудили меня немного-таки запустить научныя занятія. Я чувствовалъ бы потому себя болѣе свободнымъ, facilius natans, въ темѣ по своему выбору, которая, по отношенію къ этимъ строгимъ богословскимъ вопросамъ, играла бы ту же роль, какъ мораль и метафизика въ философіи.

Д'Артаньянъ жестоко соскучился. Кюре не менѣе.

— Посмотрите, какое вступленіе! вскричалъ іезуитъ.

— Exordium, повторилъ кюре, чтобы сказать что нибудь.

— Quemadmodum inter coelorum immensitatem.

Арамисъ бросилъ взглядъ въ сторону д'Артаньяна и увидѣлъ, что его другъ зѣвалъ съ опасностію вывихнуть себѣ челюсти.

— Будемъ говорить по-французски, отецъ мой, сказалъ онъ іезуиту.—Г. д'Артаньянъ живѣе будетъ чувствовать наслажденіе нашей бесѣды.

— Да, я утомился съ дороги, сказалъ д'Артаньянъ,— и вся эта латынь, признаться, ускользаетъ отъ меня.

— Согласенъ, сказалъ іезуитъ, пронюхавшій уже коечто, между тѣмъ какъ кюре, преисполненный удовольствія, бросилъ на д'Артаньяна взглядъ, выражавшій его полнѣйшее удовольствіе...—И такъ, посмотримъ, что можно извлечь изъ такого вступленія. Моисей, служитель Бога... онъ только служитель, вникните хорошо въ это!.. Моисей благословляетъ обѣими руками; онъ заставляетъ поддерживать свои руки въ то время, когда происходятъ битвы евреевъ съ ихъ врагами; значитъ, благословляетъ обѣими руками. Затѣмъ, евангелистъ говоритъ: Imponite manus, а не manum! возлагайте руки, а не руку.

— Возлагайте руки, повторилъ кюре, дѣлая соотвѣтствующій жестъ.

— У ап. Петра, коего намѣстники папы, продолжалъ іезуитъ,—напротивъ: porrige digitos, простри персты. Понимаете ли вы теперь, въ чемъ суть?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ услажденный Арамисъ,— хотя это штука мудреная.

— Персты! продолжалъ іезуитъ;—ап. Петръ благословлялъ перстами. Папа, значитъ, тоже благословляетъ перстами. А сколькими перстами благословляетъ онъ? Тремя: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

Всѣ перекрестились; д'Артаньянъ счелъ нужнымъ послѣдовать ихъ примѣру.

— Папа намѣстникъ ап. Петра и олицетворяетъ три Ѵпостаси св. Троицы; остальныя лица низшей церковной іерархіи, ordines inferiores, благословляютъ именемъ святыхъ архангеловъ и ангеловъ. Самые же низшіе церковнослужители, какъ, напримѣръ, діаконы, ключари, ризничіе и прочіе, благословляютъ кропилами, которыя уподобляются безконечному числу перстовъ. Вотъ вамъ упрощенный сюжетъ. Argumentum omni denudatum ornamento.—Мнѣ хватитъ его на два такихъ тома, продолжалъ іезуитъ и въ своемъ энтузіазмѣ ударялъ рукою по твореніямъ св. Іоанна Златоуста in-folio, заставляя подъ тяжестью ихъ гнуться столъ.

Д'Артаньянъ содрогнулся.

— Конечно, сказалъ Арамисъ, — я отдаю справедливость красотамъ этого тезиса, но въ то же время сознаюсь, что онъ подавляетъ меня. Я избралъ слѣдующій текстъ и скажите мнѣ, милый д'Артаньянъ, понравится ли онъ вамъ: Non inutile est desiderium in oblasione, или, еще лучше: въ молитвѣ, посвященной Богу, сѣтованія и печаль неприличны.

— Остановитесь! вскричалъ іезуитъ,—потому что этотъ тезисъ клонится къ ереси. Почти подобное же положеніе проведено въ «Augustinus'ѣ ересіарха Янсенія, книгѣ, которая рано или поздно будетъ сожжена рукою палача. Берегитесь, мой юный другъ; вы склоняетесь къ ложнымъ доктринамъ, вы губите себя.

— Вы губите себя, поддакнулъ кюре, горестно склоняя голову.

— Вы становитесь на извѣстную точку толкованія свободной воли, составляющую гибельный соблазнъ. Вы

прямо сходитесь съ заблужденіями послѣдователей Пелагія и полупелагіевъ.

— Но, ваше преподобіе... возразилъ Арамисъ, нѣсколько ошеломленный градомъ аргументовъ, сыпавшихся на его голову.

— Какъ вы докажете, продолжалъ іезуитъ, не давая ему говорить, что должно сожалѣть о мірѣ, когда посвящаешься Богу? Вотъ загадка: Богъ есть Богъ, а міръ—діаволъ. Скорбѣть о мірѣ, значитъ скорбѣть о діаволѣ:—таковъ мой выводъ.

— И мой также, сказалъ кюре.

— Помилуйте!.. возразилъ Арамисъ.

— Desideras diabolum, несчастный! вскричалъ іезуитъ.

— Сожалѣетъ о діаволѣ! О, мой юный другъ, возразилъ кюре со вздохомъ, не сожалѣйте о діаволѣ, умоляю васъ.

Д'Артаньянъ началъ чувствовать, что впадаетъ въ идіотизмъ; ему казалось, что онъ въ съумасшедшемъ домѣ, и самъ скоро станетъ такимъ же съумасшедшимъ, какъ тѣ, которыхъ онъ видитъ. Ему приходилось молчать, такъ какъ онъ не понималъ языка говорившихъ.

— Выслушайте меня, однако, снова началъ Арамисъ съ вѣжливостію, сквозь которую уже начинало проглядывать нетерпѣніе; я не говорю, что сожалѣю: нѣтъ, я никогда не произнесу фразы, которая была бы противна понятіямъ истинной церкви...

Іезуитъ поднялъ руки къ небу; то же сдѣлалъ и кюре.

— Нѣтъ, но сознайтесь по крайней мѣрѣ, что недостойно посвящать Господу только то, что уже окончательно опротивѣло.—Правъ ли я, д'Артаньянъ?

— Я полагаю, что такъ! вскричалъ тотъ.

Кюре и іезуитъ привскочили на стульяхъ.

— Моя точка отправленія—силлогизмъ: міръ не лишенъ обаянія, я оставляю этотъ міръ, слѣдовательно приношу жертву; а Св. Писаніе положительно говоритъ: принесите жертву Господу.

— Это правда, сказали оба противника.

Арамисъ, щипля себя за ухо, чтобы оно покраснѣло,

какъ прежде онъ встряхивалъ руки, чтобы онѣ побѣлѣли, продолжалъ:

— Я написалъ на этотъ сюжетъ рондо, которое сообщилъ въ прошломъ году г. Вуатюру, и получилъ за него отъ этого молодого человѣка тысячу похвалъ.

— Рондо! пренебрежительно процѣдилъ іезуитъ.

— Рондо! машинально произнесъ кюре.

— Прочтите его, прочтите, вскричалъ д'Артаньянъ,—это насъ немного развлечетъ.

— Нѣтъ, такъ какъ оно въ религіозномъ духѣ—это богословіе въ стихахъ.

— Эка хватилъ! вырвалось у д'Артаньяна.

— Вотъ оно, сказалъ Арамисъ съ немножко скромнымъ видомъ, не лишеннымъ нѣкотораго оттѣнка притворства.

Vous qui pleurez un passé plein de charmes,
Et qui traînez des jours infortunés,
Tout vos malheurs se verront terminés
Quand à Dieu seul vous offrirez vos larmes,
Vous qui pleurez *).

Д'Артаньянъ и кюре остались, казалось, довольны. Іезуитъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи.

— Убѣгайте въ богословскомъ стилѣ отъ мірскихъ вкусовъ. Что говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, св. Августинъ? Severus sit clericorum sermo.

— Да, чтобы проповѣдь была понятна! пояснилъ кюре.

Іезуитъ поспѣшилъ перебить своего спутника, видя, что тотъ перевираетъ:

— А вашъ тезисъ понравится женщинамъ, вотъ и все: онъ будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ тяжба m-me Патріо.

— На то воля Божья! сказалъ въ восторгѣ Арамисъ.

— Вы видите, замѣтилъ іезуитъ,—міръ еще сильно говоритъ въ васъ, altissimâ voce. Міръ еще владѣетъ вами,

---

*) Вы, оплакивающіе полное очаровательныхъ прелестей прошлое, влачащіе несчастные дни,—всѣ ваши невзгоды окончатся, если единому Богу слезы свои обратите вы, плачущіе.

мой юный другъ, и я трепещу, что благодать не снизойдетъ на васъ.

— Разубѣдитесь, преподобный отецъ, я отвѣчаю за себя.

— Мірская самонадѣянность!..

— Я себя знаю, отецъ мой, мое рѣшеніе непреложно.

— И вы настаиваете на разработкѣ этого тезиса?

— Я чувствую, что призванъ обсудить именно этотъ, а не другой тезисъ; буду, значитъ, продолжать разрабатывать его и надѣюсь, что завтра вы будете вполнѣ удовлетворены поправками, которыя я сдѣлаю въ немъ согласно вашимъ указаніямъ.

— Не спѣшите работой, сказалъ кюре,—мы оставляемъ васъ въ превосходномъ настроеніи.

— Да, нива совсѣмъ засѣяна, сказалъ іезуитъ,—и намъ нечего бояться, что какая либо часть сѣмянъ упала на камень, или при дорогѣ, и что птицы небесныя поклюютъ остальныя, aves coeli comoederunt illam.

— Чтобъ чума заѣла тебя съ твоею латынью! проворчалъ д'Артаньянъ, чувствовавшій, что онъ совершенно изнемогаетъ.

— Прощайте, сынъ мой, сказалъ кюре,—до завтра.

— До завтра, молодой смѣльчакъ, произнесъ іезуитъ.— Вы обѣщаете сдѣлаться однимъ изъ свѣтилъ св. церкви; да благоволятъ только небеса, чтобы свѣтъ этотъ не обратился въ пожирающій пламень.

Д'Артаньяна, грызшаго себѣ уже цѣлый часъ отъ нетерпѣнія ногти, начиналъ разбирать голодъ. Черныя рясы встали, поклонились Арамису и д'Артаньяну и направились къ двери. Базенъ, стоявшій все время и слушавшій пренія съ благочестивою радостію, бросился къ нимъ, взялъ требники кюре и іезуита и почтительно пошелъ передъ ними, чтобы очищать дорогу.

Арамисъ проводилъ ихъ до самаго низа лѣстницы и тотчасъ поднялся обратно къ д'Артаньяну, который стоялъ еще въ задумчивости.

Оставшись одни, оба друга хранили сперва неловкое молчаніе. Однако нужно же было, чтобы кто нибудь изъ

нихъ первый прервалъ его, и д'Артаньянъ, повидимому, рѣшился предоставить эту честь своему другу.

— Какъ видите, началъ Арамисъ,—вы находите меня возвратившимся къ моему призванію.

— Да, истинная благодать осѣнила васъ, какъ сейчасъ говорилъ этотъ господинъ.

— О, эти планы объ удаленіи изъ міра лелѣялъ я уже давно; и вы слышали уже о нихъ отъ меня, не правда ли, мой другъ?

— Конечно, но, сознаюсь, я думалъ, что вы шутите.

— Такими вещами, д'Артаньянъ!

— Отчего же? и съ смертью часто шутятъ.

— Совсѣмъ напрасно, д'Артаньянъ, такъ какъ смерть—дверь, которая равно ведетъ къ погибели и спасенію.

— Согласенъ; но, пожалуйста, перестанемъ богословствовать, Арамисъ; на сегодня съ васъ должно быть довольно, а я—я почти забылъ и ту малость латыни, которую я когда-то зналъ; къ тому же я долженъ вамъ сознаться, я ровно ничего не ѣлъ съ десяти часовъ утра и чертовски голоденъ.

— Мы сейчасъ пообѣдаемъ, дорогой другъ; только помните, что сегодня пятница, а въ такой день я не смѣю не только ѣсть мясо, но и глядѣть на него. Будете ли вы довольны моимъ обѣдомъ?—онъ состоитъ изъ поджареныхъ четыреугольниковъ и плодовъ.

— Что за четыреугольники? спросилъ д'Артаньянъ съ безпокойствомъ.

— Гренки со шпинатомъ, возразилъ Арамисъ;—но для васъ я добавлю яица, а это большое нарушеніе правилъ: яица суть мясо, ибо изъ нихъ вылупляется цыпленокъ.

— Угощенье не питательное, но что же дѣлать,—чтобы провести время съ вами, я приму его.

— Благодарю васъ за жертву, сказалъ д'Артаньянъ,—но если это не принесетъ пользы вашей плоти, то, будьте увѣрены, принесетъ пользу вашей душѣ.

— Значитъ, рѣшительно, Арамисъ, вы посвящаете себя религіи. Что скажутъ наши друзья, что скажетъ де-Тре-

виль? Они станутъ, я вамъ предсказываю, считать васъ дезертиромъ.

— Я не посвящаю себя религіи, а возвращаюсь къ ней. Я измѣнилъ церкви для міра, такъ какъ, вы знаете, что я вынужденъ былъ надѣть мундиръ мушкетеровъ.

— Я объ этомъ ничего не знаю.

— Такъ вамъ неизвѣстно, какимъ образомъ я покинулъ семинарію?

— Неизвѣстно.

— Вотъ моя исторія; въ Св. Писаніи говорится: «Исповѣдуйтесь другъ другу»,—и я буду исповѣдаться вамъ, д'Артаньянъ.

— А я заранѣе разрѣшаю васъ. Вы видите, что я добрый.

— Не шутите съ святыми предметами, мой другъ.

— Ну, разсказывайте, я слушаю.

— Я поступилъ въ семинарію девяти лѣтъ, а за три дня до двадцати лѣтъ мнѣ предстояло сдѣлаться аббатомъ, и все кончилось бы. Однажды вечеромъ я отправился, по обыкновенію, въ одинъ домъ, который посѣщалъ съ удовольствіемъ,—молодость беретъ свое: что же дѣлать, человѣкъ еще слабъ. Одинъ офицеръ, глядѣвшій ревнивымъ окомъ на мои чтенія хозяйкѣ дома Житій Святыхъ, вошелъ безъ доклада въ комнату. Въ этотъ вечеръ я какъ-разъ перевелъ одно мѣсто изъ Юдиѳи и декламировалъ свои стихи этой дамѣ, которая страшно расхваливала меня и, склонившись на мое плечо, перечитывала ихъ со мною. Поза ея, по правдѣ сказать, нѣсколько непринужденная, оскорбила этого офицера. Онъ не сказалъ ничего, но когда я вышелъ, онъ вышелъ тоже и догналъ меня.

«— Милый аббатъ, сказалъ онъ,— любите ли вы палочные удары?

«— Не могу вамъ сказать, отвѣчалъ я,—никто еще не осмѣливался давать ихъ мнѣ.

«— Ну, такъ слушайте меня, господинъ аббатъ, если вы вернетесь въ домъ, гдѣ я васъ встрѣтилъ сегодня вечеромъ, то я осмѣлюсь угостить васъ ими.

«Кажется, что я струсилъ, сдѣлался очень блѣденъ, почувствовалъ, что у меня подкашиваются ноги, искалъ и не находилъ отвѣта и промолчалъ.

«Офицеръ ожидалъ этого отвѣта и видя, что не дождется, принялся хохотать, повернулся ко мнѣ спиною и вернулся обратно въ домъ.

«Я вернулся въ семинарію.

«Я хорошій дворянинъ и кровь у меня горячая, какъ вы могли замѣтить, дорогой д'Артаньянъ;—оскорбленіе было жестокое, и хотя оно осталось неизвѣстнымъ въ обществѣ, но я чувствовалъ, что оно живетъ и шевелится въ глубинѣ моего сердца. Я объявилъ своимъ начальникамъ, что чувствую себя недостаточно подготовленнымъ къ посвященію и, по моей просьбѣ, церемонію отложили на годъ.

«Я розыскалъ лучшаго учителя фехтованія въ Парижѣ, заключилъ съ нимъ условіе на ежедневные уроки и бралъ ихъ каждый день въ продолженіе цѣлаго года. Потомъ, въ годовщину того дня, когда я былъ оскорбленъ, я повѣсилъ на гвоздь свою сутану, надѣлъ полный костюмъ дворянина и отправился на балъ, который давала жена одного изъ моихъ друзей, гдѣ, я зналъ, долженъ былъ быть тотъ человѣкъ, который мнѣ нуженъ. Это была улица Франкъ-Буржуа, очень недалеко отъ де-ла-Форсъ.

«Дѣйствительно, мой офицеръ былъ тамъ. Я приблизился къ нему въ то время, когда онъ, нѣжно поглядывая, напѣвалъ жалобную любовную пѣсню какой-то дамѣ, и прервалъ его на срединѣ второго куплета.

«— М. г., сказалъ я ему,—продолжаетъ ли вамъ попрежнему не нравиться, чтобы я возвратился въ извѣстный домъ извѣстной вамъ улицы, и не отказались вы еще отъ намѣренія отколотить меня, если мнѣ вздумается ослушаться васъ.

«Офицеръ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, а потомъ сказалъ:

«— Что вамъ отъ меня угодно? Я васъ не знаю.

«— Я маленькій аббатъ, который читалъ Житія Святыхъ и переводилъ стихами изъ книги Юдиѳь,

«— А, а! вспоминаю, сказалъ насмѣшливо офицеръ; — что же вамъ отъ меня угодно?

«— Я желаю, чтобы вы выбрали свободное время и сдѣлали со мною небольшую прогулку.

«— Завтра утромъ, если вамъ угодно, и съ величайшимъ удовольствіемъ.

«— Нѣтъ, не завтра утромъ, а сію минуту, если позволите.

«— Если вы непремѣнно требуете этого...

«— Да, я требую.

«— Тогда отправимтесь. Не безпокойтесь, милостивыя государыни. Немного времени, чтобы только убить этого господина, и я возвращусь окончить вамъ послѣдній куплетъ.

«Мы вышли.

«Я привелъ его въ улицу, именно на то мѣсто, гдѣ годъ тому назадъ, часъ въ часъ, онъ сказалъ мнѣ любезность, которую я передалъ вамъ. Была превосходная лунная ночь. Мы скрестили шпаги, и при первомъ выпадѣ я убилъ его наповалъ.

— Чортъ возьми! проговорилъ д'Артаньянъ.

Арамисъ продолжалъ:

— А такъ какъ дамы не дождались возвращенія ихъ пѣвца и его нашли на улицѣ, пронизаннаго здоровымъ ударомъ шпаги, то заключили, что это я такъ обработалъ его, и вышелъ скандалъ. Я былъ, значитъ, принужденъ отказаться на нѣкоторое время отъ сутаны. Атосъ, съ которымъ я познакомился въ это время, и Портосъ, показавшій мнѣ, независимо отъ моихъ уроковъ фехтованія, нѣсколько смѣлыхъ ударовъ рапирою, убѣдили меня проситься въ мушкетеры. Король очень любилъ моего отца, убитаго при осадѣ Арраса, и меня приняли. Вы понимаете, значитъ, что теперь пришелъ для меня день снова вернуться въ лоно церкви.

— А почему сегодня, а не вчера и не завтра? Съ вами случилось, значитъ, что нибудь сегодня, направляющее на такія скверныя мысли?

— Эта рана, другъ мой д'Артаньянъ, служила мнѣ предвѣстникомъ неба.

— Эта рана? Ба! она почти зажила, и я увѣренъ, что сегодня не она главнымъ образомъ заставляетъ васъ страдать.

— А что же? спросилъ Арамисъ, краснѣя.

— У васъ сердечная рана, Арамисъ, гораздо болѣе острая и кровавая,— рана, нанесенная женщиной.

Взглядъ Арамиса сверкнулъ помимо его воли.

— Ахъ, возразилъ онъ, стараясь скрыть свое смущеніе подъ маскою притворнаго равнодушія,—не стоитъ говорить о такихъ вещахъ: мнѣ думать о нихъ! имѣть любовныя огорченія? Vanitas vanitatum! У меня, слѣдовательно, голова стала ходить кругомъ, по вашему мнѣнію, и ради кого? какой нибудь гризетки, какой нибудь горничной, за которыми я ухаживалъ, находясь на службѣ въ гарнизонѣ, фи!

— Виноватъ, дорогой Арамисъ, но я думалъ, что вы мѣтили выше.

— Выше? А что я такое, чтобы имѣть столько самомнѣнія? бѣдный мушкетеръ, совершенно убогій и неизвѣстный, ненавидящій рабство.

— Арамисъ, Арамисъ! вскричалъ д'Артаньянъ, глядя на своего друга съ недовѣріемъ.

— Прахъ, я обращаюсь въ прахъ! Жизнь полна униженій и страданій, продолжалъ онъ, впадая въ мрачное настроеніе.—Всѣ нити, привязывающія ее къ счастью, рвутся по очереди въ рукахъ человѣка, особенно золотыя нити. О, мой дорогой д'Артаньянъ, снова началъ Арамисъ, придавая своему голосу легкій оттѣнокъ горечи; повѣрьте мнѣ, скрывайте хорошенько раны, когда получите ихъ. Молчаніе—послѣдняя изъ радостей несчастныхъ; остерегайтесь навести кого бы то ни было на слѣдъ своихъ страданій: любопытные высасываютъ наши слезы, какъ мухи кровь раненой лани.

— Увы, милый Арамисъ! сказалъ д'Артаньянъ, испуская въ свою очередь глубокій вздохъ,—вы разсказываете мнѣ собственную мою исторію.

— Какъ?

— Да, одна женщина, которую я любилъ, которую обожалъ, похищена у меня силою. Я не знаю, гдѣ она и куда ее отправили; она можетъ быть въ темницѣ, а быть можетъ умерла.

— Но вы имѣете хотя то утѣшеніе, что можете сказать себѣ, что она не по своей волѣ бросила васъ: что если вы не получаете извѣстій отъ нея, то только потому, что всѣ сношенія ея съ вами прерваны, между тѣмъ...

— Между тѣмъ...

— Нѣтъ, ничего, возразилъ Арамисъ,— ничего.

— И такъ, вы отрекаетесь навсегда отъ міра; это рѣшено, намѣреніе ваше безповоротное?

— Навсегда. Сегодня вы мой другъ, завтра будете для меня не болѣе какъ тѣнь, или, даже скорѣе, вы совершенно не станете существовать для меня. Что касается свѣта,—онъ не болѣе какъ могила.

— Что бы тамъ ни было, а все то, что вы говорите, очень грустно.

— Что же дѣлать?! меня влечетъ призваніе, оно уноситъ меня.

Д'Артаньянъ улыбнулся и ничего не сказалъ на это. Арамисъ продолжалъ:

— А пока я еще привязанъ къ земному, хотѣлось бы поговорить съ вами о васъ и о нашихъ друзьяхъ.

— А я хотѣлъ было поговорить о васъ самихъ, но вижу, что вы отреклись отъ всего: любовь—вы презираете ее; друзья—тѣни, свѣтъ—могила.

— Увы! вы сами убѣдитесь въ этомъ по опыту, проговорилъ Арамисъ со вздохомъ.

— Нечего, значитъ, говорить объ этомъ, произнесъ д'Артаньянъ,—и сожгемъ это письмо, которое возвѣщало вамъ какую нибудь новую невѣрность вашей гризетки или горничной.

— Какое письмо? вскричалъ съ оживленіемъ Арамисъ.

— Письмо, полученное у васъ во время вашего отсутствія и переданное мнѣ для врученія вамъ.

— Отъ кого?

— Должно быть отъ какой нибудь неутѣшной горничной, или гризетки, пришедшей въ отчаяніе; можетъ быть камеристка герцогини де-Шеврезъ, вынужденная вернуться въ Туръ съ своею госпожей, и которая, чтобы пустить пыли въ носъ, взяла раздушенную бумагу и запечатала письмо печатью съ короною герцогини.

— Что вы такое разсказываете?

— Постойте, не потерялъ ли я его, грустнымъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ, дѣлая видъ, что ищетъ.—По счастью, свѣтъ — могила; люди, а слѣдовательно и женщины—тѣни; любовь же,—чувство, которое для васъ совсѣмъ не существуетъ!

— Ахъ, д'Артаньянъ, д'Артаньянъ! вскричалъ Арамисъ,—ты уморишь меня!

— Наконецъ-то, вотъ оно! сказалъ д'Артаньянъ, вытаскивая письмо изъ кармана.

Арамисъ сдѣлалъ скачокъ, схватилъ письмо, прочелъ, или, скорѣе, проглотилъ его и лицо у него расцвѣло.

— Кажется, что у горничной недуренъ слогъ, замѣтилъ небрежно исполнитель порученія.

— Спасибо, д'Артаньянъ! вскричалъ Арамисъ въ упоеніи.—Она была принуждена возвратиться въ Туръ; она не измѣнила мнѣ и любитъ попрежнему. Дай, мой другъ, дай расцѣловать тебя, я задыхаюсь отъ счастія.

И оба друга принялись вытанцовывать вокругъ твореній св. Іюанна Златоуста, храбро топча ногами листки тезиса, упавшаго со стола на полъ.

Въ эту минуту входилъ Базенъ съ яичницей и шпинатомъ.

— Сгинь, несчастный! вскричалъ Арамисъ, швыряя ему въ лицо свою скуфью,— возвращайся туда, откуда пришелъ, неси назадъ эти страшныя и отвратительныя овощи. Спроси фаршированнаго зайца, жирнаго каплуна, баранину съ чеснокомъ и четыре бутылки стараго бургундскаго.

Базенъ, глядѣвшій на своего барина и не понимавшій совершенно этой перемѣны, меланхолически вывалилъ яичницу въ шпинатъ, а шпинатъ на полъ.

— Вотъ минута посвятить жизнь монашеству, сказалъ д'Артаньянъ, — если вы не оставили своего намѣренія. Non inutile desiderium in oblatione.

— Убирайтесь къ дьяволу съ вашей латынью! дорогой д'Артаньянъ, будемъ пить на радостяхъ, пить много и разскажите мнѣ хоть что нибудь изъ того, что тамъ подѣлываютъ.

XXVII.

Жена Атоса.

— Остается теперь разузнать объ Атосѣ, сказалъ д'Артаньянъ прыгающему Арамису, послѣ того, какъ онъ передалъ ему обо всемъ, что произошло въ столицѣ послѣ ихъ отъѣзда, а превосходный обѣдъ заставилъ одного изъ нихъ забыть свой тезисъ, а другого усталость.

— Вы, значитъ, полагаете, что съ нимъ случилось несчастье? спросилъ Арамисъ.—Атосъ такъ хладнокровенъ, такъ храбръ и превосходно владѣетъ шпагой.

— Да, безъ сомнѣнія, — никто лучше меня не знаетъ мужество и ловкость Атоса; но я предпочитаю отражать лучше шпагою удары копья, чѣмъ палокъ: я боюсь, что Атосу челядь набила бока: хамье отродье, колотитъ крѣпко и не скоро отвязывается. Вотъ почему, признаюсь вамъ, я бы хотѣлъ тронуться дальше по возможности скорѣе.

— Я постараюсь ѣхать съ вами, сказалъ Арамисъ,— хотя чувствую, что едва ли въ состояніи ѣхать верхомъ. Вчера я было попробовалъ постегать себя плетью, которую вы видите на стѣнѣ, но сильная боль помѣшала мнѣ продолжать это благочестивое упражненіе.

— Это потому, дорогой другъ, что никто еще не видѣлъ, чтобы старались вылечить мушкетную рану ударами молотка; но вы были больны, а болѣзнь туманитъ голову, вслѣдствіе этого я и извиняю васъ.

— Когда вы думаете выѣхать?

— Завтра, на разсвѣтѣ; отдохните возможно лучше

этою ночью, а завтра, если будете въ состоянiи, отправимся вмѣстѣ.

— И такъ, до завтра, сказалъ Арамисъ,—хотя вы точно выкованы изъ желѣза, но, должно быть, все-таки нуждаетесь въ отдыхѣ.

Утромъ, когда д'Артаньянъ вошелъ къ Арамису, онъ засталъ его у окна.

— На что вы смотрите? спросилъ д'Артаньянъ.

— Я любуюсь на этихъ трехъ великолѣпныхъ коней, которыхъ держатъ въ поводу конюха; путешествовать на такихъ рысакахъ чисто королевское удовольствiе.

— Дорогой Арамисъ, вы испытаете это удовольствiе, потому что одинъ изъ этихъ коней вашъ.

— Ба! а который?

— Какого выберете: я не отдаю предпочтенiя ни одному изъ нихъ.

— А богатый чепракъ, покрывающiй его, тоже мой?

— Безъ сомнѣнiя.

— Смѣетесь вы, что ли, д'Артаньянъ.

— Съ той минуты, какъ вы начали говорить по-французски, я уже не смѣюсь больше.

— Эти вызолоченныя кабуры, бархатный чепракъ и сѣдло, украшенное серебряными гвоздями — мои?

— Да, а та лошадь, которая не стоитъ на мѣстѣ,—моя, и гарцующая—Атоса.

— Ну-ну! это—превосходныя животныя.

— Очень польщенъ тѣмъ, что онѣ вамъ понравились.

— Это король сдѣлалъ вамъ такой подарокъ?

— Одно вѣрно,—не кардиналъ. О томъ, откуда онѣ, не заботьтесь, а примите только къ свѣдѣнiю, что одна изъ нихъ ваша собственность.

— Я выбираю ту, которую держитъ въ поводу рыжiй конюхъ.

— Прекрасно!

— Слава Богу! вскричалъ Арамисъ,—я совсѣмъ не чувствую боли; сяду верхомъ съ тридцатью пулями въ тѣлѣ. Что за чудныя стремена, чортъ возьми! Эй, Базенъ! Поди сюда, сiю минуту!

Базенъ, угрюмый и съ изнуреннымъ видомъ, показался на порогѣ.

— Отточи шпагу, расправь перья на шляпѣ, вычисти плащъ и заряди пистолеты, приказалъ Арамисъ.

— О пистолетахъ нѣтъ надобности заботиться, прервалъ д'Артаньянъ;—въ кобурахъ имѣются уже заряженные.

Базенъ вздохнулъ.

— Э, полно, Базенъ, успокойся, замѣтилъ д'Артаньянъ:— заслужить царство небесное всегда будетъ время.

— Баринъ былъ уже такъ силенъ въ богословіи! произнесъ чуть не плача Базенъ:—онъ бы сдѣлался епископомъ, а можетъ быть кардиналомъ.

— Ну, добрый мой Базенъ, поразмысли-ка немного, для чего необходимо быть духовнымъ лицомъ? Это не избавляетъ отъ обязанности сражаться; тебѣ хорошо извѣстно, что въ случаѣ войны кардиналъ надѣнетъ шишакъ и возьметъ въ руки бердышъ, а что ты скажешь о монсиньорѣ де-Ногаре де-ла-Валеттъ? — онъ вѣдь тоже кардиналъ. Спроси-ка у его слуги, сколько разъ приготовлялъ онъ ему корпію.

— Увы! вздохнулъ Базенъ,—знаю, баринъ: теперь все на свѣтѣ перевернулось верхъ дномъ.

Тѣмъ временемъ оба молодыхъ человѣка и слуга спустились внизъ.

— Подержи мнѣ стремя, Базенъ, приказалъ Арамисъ.

Арамисъ вспрыгнулъ въ сѣдло съ тою же легкостію и граціею, какъ обыкновенно, но послѣ нѣсколькихъ вольтовъ и скачковъ благороднаго животнаго, сѣдокъ почувствовалъ невыносимыя страданія, поблѣднѣлъ и зашатался. Д'Артаньянъ, предвидя это, не упускалъ его изъ виду, бросился къ нему, помогъ слѣзть съ лошади и отвелъ назадъ въ комнату.

— Нѣтъ, дорогой Арамисъ, полечитесь, сказалъ онъ,— я поѣду одинъ на поиски Атоса.

— Вы изъ бронзы вылиты, замѣтилъ ему Арамисъ.

— Нѣтъ, мнѣ просто везетъ, вотъ и все. Но какъ вы будете проводить время до моего возвращенія? Не будетъ уже больше словопреній и богословія... а?

— Будьте покойны, отвѣчалъ Арамисъ, вы найдете меня готовымъ ѣхать съ вами.

Они простились и, спустя десять минутъ, д'Артаньянъ, поручивши своего друга Арамиса попеченіямъ Базена и хозяйки, скакалъ по дорогѣ къ Амьену.

Какимъ образомъ найдетъ онъ Атоса, да и найдетъ ли?

Положеніе, въ которомъ онъ оставилъ его, было критическое: онъ легко могъ пасть въ борьбѣ. Эта мысль, омрачила его чело и вырвала у него нѣсколько вздоховъ, и въ душѣ онъ далъ клятву отмстить. Изо всѣхъ его друзей Атосъ былъ самымъ старшимъ и, повидимому, менѣе другихъ подходилъ къ его симпатіямъ и вкусамъ.

Между тѣмъ онъ оказывалъ этому дворянину особенное предпочтеніе. Благородная и полная достоинства внѣшность Атоса, проблески величія, пробивавшіеся время отъ времени изъ мрачности, въ которую онъ охотно замыкалъ себя, это невозмутимо-ровное расположеніе духа, дѣлавшее его самымъ покладистымъ товарищемъ, непринужденная и язвительная веселость, отвага, которую можно было бы назвать слѣпою, если бы она не была слѣдствіемъ самаго рѣдкаго хладнокровія,—всѣ эти качества возбуждали къ нему въ д'Артаньянѣ болѣе чѣмъ дружбу или уваженіе, скорѣе какое-то благоговѣніе.

Дѣйствительно, Атосъ,—въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа,—могъ съ успѣхомъ выдерживать сравненіе даже съ де-Тревилемъ, изящнымъ и благороднымъ придворнымъ. Онъ былъ средняго роста, но ростъ этотъ былъ замѣчательно въ мѣру пропорціоналенъ, и не разъ, въ борьбѣ съ Портосомъ, онъ одолѣвалъ этого гиганта, физическая сила котораго вошла въ пословицу между мушкетерами; его голова, съ пронизывающими насквозь глазами, прямымъ носомъ и подбородкомъ, обрисованнымъ какъ въ бюстѣ Брута, носила неподдающійся описанію характеръ величія и прелести; его руки, о которыхъ онъ совершенно не заботился, приводили въ отчаяніе Арамиса, холившаго свои и употреблявшаго для этого миндальное тѣсто и душистыя масла; звукъ его голоса былъ убѣдительный и вмѣстѣ

мелодичный. Но что было совершенно непостижимо въ Атосѣ, старавшемся всегда оставаться въ тѣни, незамѣтнымъ,—это знаніе свѣта и обычаевъ самаго блестящаго общества, привычки человѣка знатнаго рода, сквозившія противъ его желанія во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Касалось ли дѣло пира. Атосъ устраивалъ его какъ никто въ свѣтѣ, разсаживая каждаго изъ приглашенныхъ сообразно его знатности по происхожденію или личнымъ достоинствамъ. Касалось ли дѣло до геральдики, Атосъ зналъ всѣ дворянскія фамиліи въ королевствѣ, ихъ генеалогію, родственныя связи, гербы и происхожденіе. Въ этикетѣ ни одна мелочь не была неизвѣстна ему. Онъ зналъ, какія права были у крупныхъ вассаловъ; ему были извѣстны въ совершенствѣ правила псовой и соколиной охоты, и однажды, говоря объ этомъ великомъ искусствѣ, онъ удивилъ самого короля Людовика XIII, считавшагося знатокомъ.

Какъ всѣ знатные сеньоры той эпохи, онъ превосходно ѣздилъ верхомъ и владѣлъ оружіемъ. Болѣе того—онъ былъ такъ воспитанъ, что хорошо зналъ даже схоластическія науки, почти незнакомыя дворянамъ того времени, и онъ посмѣивался надъ крохами латыни Арамиса, тогда какъ Портосъ дѣлалъ только видъ, что понимаетъ; два или три раза ему случалось даже, къ великому изумленію его друзей—когда у Арамиса проскальзывала какая нибудь ошибка въ латинской грамматикѣ — поправлять время въ глаголѣ или падежъ въ существительномъ. Честность его была безукоризненна, тогда какъ въ этомъ вѣкѣ военные легко заключали полюбовныя сдѣлки съ религіей и совѣстью, а бѣдняки съ седьмою заповѣдью. Атосъ былъ, значитъ, человѣкъ необыкновенный.

А между тѣмъ эта возвышенная натура, это прекрасное твореніе, эта тончайшая эссенція, видимо болѣе имѣла склонности къ животной жизни, какъ старики—къ физическому и моральному безсилію. Атосъ въ часы своего добровольнаго удаленія изъ общества,—а это случалось съ нимъ часто,—утрачивалъ свою свѣтлую сторону.

Тогда полубогъ замиралъ, и едва оставался обыкно-

венный смертный. Съ опущенной головой, тусклымъ взглядомъ, тяжелою и утомленною рѣчью, Атосъ въ продолженіе долгихъ часовъ глядѣлъ на бутылку и стаканъ съ виномъ, или на Гримо, который, привыкши по знакамъ уже угадывать его приказанія, читалъ въ неподвижномъ взглядѣ своего господина выраженіе малѣйшаго желанія и немедленно исполнялъ его.

Если въ такія минуты собирались остальные друзья, то одно, много два слова, да и то, видимо, стоившія страшнаго усилія, составляли вкладъ Атоса въ общую бесѣду. Взамѣнъ Атосъ пилъ одинъ за четверыхъ, и при этомъ онъ только болѣе хмурилъ брови и имъ овладѣвала глубокая грусть.

Д'Артаньянъ, пытливый и проницательный умъ котораго мы знаемъ, при всемъ желаніи удовлетворить свое любопытство, не могъ объяснить себѣ ничѣмъ причину такого упадка силъ, ни подмѣтить что нибудь, что могло бы бросить лучъ свѣта. Атосъ никогда не получалъ писемъ и никогда не скрывалъ своихъ дѣйствій отъ друзей.

Нельзя было сказать, чтобы вино наводило на него эту грусть; напротивъ, собственно для того только онъ и пилъ, чтобы разогнать ее, хотя лекарство это не помогало, а скорѣе усиливало его тоску. Нельзя было приписать мрачное настроеніе его духа игрѣ, потому что, въ противоположность Портосу, сопровождавшему пѣснями или рѣзкими выходками колебаніе шансовъ въ игрѣ, Атосъ какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ оставался одинаково непринужденнымъ. Однажды вечеромъ, въ кружкѣ мушкетеровъ, онъ выигралъ тысячу пистолей, потомъ проигралъ не только ихъ, но даже вышитый золотомъ парадный кушакъ, снова вернулъ все съ прибавкою сотни луидоровъ,—и все это не заставило его нахмурить прекрасныя черныя брови хотя бы на полулинію; руки его не утратили своего перламутроваго оттѣнка, а увлекательная бесѣда его въ тотъ вечеръ не утратила своей прелести и непринужденности.

Не происходило это, какъ у нашихъ сосѣдей — англичанъ, отъ вліянія атмосферическихъ явленій, потому что

грусть его вообще болѣе всего усиливалась съ наступленіемъ хорошаго времени года: іюнь и іюль были самыми ужасными мѣсяцами для Атоса.

Въ настоящемъ у него не было горя; онъ пожималъ плечами, когда заходилъ разговоръ о будущемъ; тайна его была, значитъ, въ прошедшемъ, какъ смутно намекали д'Артаньяну.

Эта таинственность, окружавшая Атоса, дѣлала его еще болѣе загадочнымъ; глаза и языкъ ни разу не выдали его, даже въ совершенно пьяномъ состояніи и не смотря на всю ловкость разспросовъ.

— Да, размышлялъ д'Артаньянъ, — можетъ быть, бѣдный Атосъ теперь уже умеръ, и умеръ по моей винѣ, такъ какъ я вовлекъ его въ это дѣло; онъ не зналъ ни начала его, не будетъ знать и результата и отъ него ему нѣтъ никакой пользы.

— Прибавьте къ этому, баринъ, замѣтилъ Пляншe,—что сохраненіемъ жизни мы, вѣроятно, обязаны ему. Помните ли, какъ онъ закричалъ: выбирайтесь на просторъ, д'Артаньянъ, я захваченъ! И, послѣ того, какъ онъ разрядилъ свои пистолеты, какъ страшно гремѣлъ онъ своею шпагой. Можно было подумать, что это двадцать человѣкъ, или, скорѣе, двадцать взбѣсившихся чертей!

Послѣ этихъ словъ д'Артаньянъ еще болѣе подгонялъ лошадь, хотя та и безъ того мчалась въ карьеръ.

Около одиннадцати часовъ утра увидѣли Амьенъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго подскакали къ дверямъ злополучной гостинницы.

Д'Артаньянъ давно уже измышлялъ, какъ бы получше отомстить вѣроломному хозяину, заранѣе утѣшался въ мысляхъ этимъ мщеніемъ. Онъ вошелъ въ гостинницу, надвинувъ на глаза шляпу, положивши лѣвую руку на рукоять шпаги, а правой—щелкая хлыстомъ.

— Узнаете ли вы меня? обратился онъ къ хозяину,—вышедшему встрѣтить его.

— Не имѣю еще этого счастія, милостивый государь, отвѣчалъ тотъ, ослѣпленный блестящей обстановкою д'Артаньяна.

— А! вы меня не узнаете?

— Нѣтъ, милостивый государь.

— Ну, такъ два слова вернутъ вамъ память. Что вы сдѣлали съ тѣмъ дворяниномъ, къ которому, около пятнадцати дней тому назадъ, вы имѣли дерзость предъявить обвиненіе въ дѣланіи фальшивой монеты?

Хозяинъ поблѣднѣлъ, такъ какъ д'Артаньянъ принялъ самую угрожающую осанку, а Пляншe подражалъ ему.

— О, милостивый государь, и не говорите о немъ, началъ хозяинъ самымъ плачевнымъ тономъ;—ахъ, сударь, какъ дорого поплатился я за эту ошибку. О, я несчастный!

— Что случилось съ этимъ дворяниномъ, спрашиваю я васъ?

— Благоволите выслушать, милостивый государь, и будьте милосердны. Да присядьте, ради Бога!

Д'Артаньянъ, страшно разгнѣванный, сѣлъ грознымъ судіею. Пляншe гордѣливо прислонился къ его креслу.

— Вотъ что произошло, милостивый государь, продолжалъ трясущійся отъ страха хозяинъ. — Я узнаю васъ теперь: вы уѣхали, когда началась у меня несчастная ссора съ тѣмъ дворяниномъ, о которомъ вы спрашиваете?

— Да, я; вы видите, значитъ, что ждать вамъ пощады нечего, если не скажете всей правды.

— Благоволите только выслушать и вы узнаете всю правду.

— Слушаю..

— Я былъ предупрежденъ властями, что въ мою гостинницу пріѣдетъ одинъ знаменитый фальшивый монетчикъ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей; всѣ они будутъ переряжены гвардейцами или мушкетерами. Ваши лошади, ваша прислуга, ваша наружность, однимъ словомъ все было мнѣ описано подробно.

— Далѣе, далѣе? торопилъ д'Артаньянъ, быстро сообразившій, откуда шли такія точныя указанія.

— Въ виду этого я принялъ,—согласно распоряженію начальства, приславшаго мнѣ въ подкрѣпленіе шесть человѣкъ, — такія мѣры, какія считалъ необходимыми для

того, чтобы обезопасить себя отъ предполагаемыхъ фальшивыхъ монетчиковъ.

— Что?! прикрикнулъ д'Артаньянъ, которому слово фальшивый монетчикъ рѣзало уши.

— Простите, милостивый государь, что я говорю такъ, но въ этомъ названіи именно и заключается мое оправданіе. Начальство напугало меня, а вы знаете, что трактирщикъ долженъ подчиняться начальству.

— Я спрашиваю васъ еще разъ, гдѣ этотъ дворянинъ? что съ нимъ сдѣлалось? Умеръ онъ? живъ?

— Потерпите, милостивый государь, сейчасъ дойдемъ. Послѣ вашего внезапнаго отъѣзда, добавилъ хозяинъ съ лукавствомъ, которое не ускользнуло отъ д'Артаньяна,— этотъ дворянинъ, вашъ другъ, защищался отчаянно. Его слуга, который, по непредвидѣнному несчастію, затѣялъ ссору съ людьми, присланными властями и переряженными въ конюховъ...

— А, презрѣнный! вскричалъ д'Артаньянъ,—вы были, значитъ, въ заговорѣ, и я не знаю, что удерживаетъ меня уничтожить васъ всѣхъ.

— О, нѣтъ, милостивый государь, мы не всѣ были въ заговорѣ, вы это сами увидите. Господинъ вашъ другъ (простите, что не называю его по носимому имъ, безъ сомнѣнія, почетному имени, но мы не знаемъ его); господинъ вашъ другъ двумя выстрѣлами изъ пистолетовъ вывелъ изъ битвы двухъ человѣкъ и началъ отступать, защищаясь шпагою, которою онъ изувѣчилъ еще одного изъ моихъ людей, а ударомъ плашмя оглушилъ и меня.

— Скоро ли ты кончишь, палачъ? торопилъ д'Артаньянъ,—что сталось съ Атосомъ?

— Отступая, какъ я докладывалъ вамъ, онъ набрелъ на лѣстницу въ погребъ и, воспользовавшись тѣмъ, что дверь была отворена, онъ захватилъ ключъ и забаррикадировался внутри. Будучи увѣренными, что онъ оттуда не уйдетъ, его оставили въ покоѣ.

— Значитъ—его не хотѣли убить, а желали взять въ плѣнъ.

— Правосудный Боже! взять его въ плѣнъ? онъ самъ

заточилъ себя, клянусь вамъ. Прежде всего онъ натворилъ большихъ бѣдъ: одинъ человѣкъ былъ уложенъ на мѣстѣ, двое серьезно ранены. Убитый и оба раненые были унесены товарищами, и я болѣе не слыхалъ ни о тѣхъ, ни о другихъ. Самъ же я, какъ только пришелъ въ себя, отправился къ губернатору, которому разсказалъ обо всемъ происшедшемъ и спросилъ, что дѣлать съ плѣнникомъ. Но губернаторъ показалъ видъ, точно онъ упалъ съ облаковъ; онъ сказалъ мнѣ, что совершенно не понимаетъ, о чемъ я толкую, что приказанія, полученныя мною, шли не отъ него, и если я имѣлъ несчастіе сказать кому нибудь, что онъ, губернаторъ, принималъ какое либо участіе въ этой дерзкой стычкѣ, то онъ прикажетъ повѣсить меня. Полагаю, что я ошибся, сударь, задержавши одного вмѣсто другого, а тотъ, кого слѣдовало захватить, спасся.

— Говори, гдѣ Атосъ? загремѣлъ д'Артаньянъ, нетерпѣніе котораго удвоилось отъ небрежности властей въ этомъ дѣлѣ,—что съ нимъ сталось?

— Я спѣшилъ исправить свои вины по отношенію къ плѣннику, продолжалъ трактирщикъ,—и отправился къ погребу, чтобы освободить его. Услышавъ, что ему предлагаютъ выйти на свободу, онъ объявилъ, что ему разставляютъ западню, и сталъ предписывать свои условія. Я сознаю, что я поставилъ себя въ скверное положеніе, обвинивши мушкетера его величества, поэтому я почтительно доложилъ ему, что готовъ подчиниться условіямъ.

— Прежде всего, сказалъ онъ,—я требую, чтобы мнѣ привели моего слугу въ полномъ вооруженіи.

Приказаніе его поспѣшили исполнить, такъ какъ вы отлично понимаете, сударь, что мы были расположены исполнить все, чего захочетъ вашъ другъ. Г. Гримо (онъ назвалъ его, хотя вообще онъ не разговорчивъ) былъ, значитъ, сведенъ въ погребъ, израненный, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ. Тогда господинъ его забаррикадировалъ дверь, а намъ приказалъ оставаться въ нашей лавкѣ.

— Да, наконецъ, вскричалъ д'Артаньянъ,—гдѣ же онъ? гдѣ Атосъ?

— Въ погребѣ, сударь.

— Какъ, негодяй, вы держите его до сихъ поръ въ погребѣ?

— Нѣтъ, сударь, право нѣтъ! Держать его въ погребѣ! Вы не знаете, значитъ, что онъ натворилъ тамъ, въ погребѣ? Да если бы вы могли вызвать его оттуда, сударь, такъ я остался бы благодаренъ вамъ до конца жизни, я почиталъ бы васъ за своего святого.

— Такъ онъ тамъ? Я его найду тамъ?

— Безъ сомнѣнія, сударь. Онъ рѣшился тамъ остаться. Ежедневно ему подаютъ черезъ отдушину на вилахъ хлѣбъ, а когда онъ спрашиваетъ, то говядину; но, увы! онъ употребляетъ больше всего не хлѣбъ и не говядину! Я было сдѣлалъ какъ-то попытку спуститься въ погребъ съ двумя своими работниками, но онъ пришелъ въ страшную ярость. Я слышалъ, какъ онъ сталъ заряжать пистолеты, а слуга его—мушкетъ. А когда мы спросили ихъ, что они намѣрены дѣлать, господинъ отвѣтилъ, что у него и у его слуги сорокъ зарядовъ, и что онъ разстрѣляетъ скорѣе ихъ всѣ до послѣдняго, чѣмъ позволитъ кому нибудь изъ насъ сойти въ погребъ. Я пожаловался губернатору, но тотъ мнѣ отвѣтилъ, что я получаю по заслугамъ, и это отучитъ меня оскорблять благородныхъ путешественниковъ, останавливающихся у меня.

— Значитъ, съ тѣхъ поръ?.. спросилъ д'Артаньянъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха, при видѣ жалкой фигуры хозяина.

— Съ тѣхъ поръ, сударь, мы ведемъ самую грустную жизнь, какую только можно себѣ представить; потому что всѣ наши запасы въ погребѣ: тамъ вино въ бутылкахъ и бочкахъ, пиво, масло и пряности, сало и колбасы; а такъ какъ намъ запрещено спускаться туда, то мы вынуждены отказывать въ питьѣ и ѣдѣ заѣзжающимъ къ намъ путешественникамъ, вслѣдствіе чего трактиръ нашъ терпитъ ежедневно убытки. Если еще недѣлю вашъ другъ пробудетъ въ погребѣ, мы будемъ разорены.

— Это будетъ вполнѣ справедливо, дурачина. Развѣ не

ясно было видно по одной нашей наружности, что мы люди порядочные, а не фальшивые монетчики?

— Да, сударь, вы правы.—Позвольте, однако, позвольте!—вотъ онъ расходился.

— Его, вѣроятно, потревожили.

— Да его необходимо потревожить! вскричалъ хозяинъ.—Къ намъ только что пріѣхали двое англичанъ.

— Ну, такъ что же?

— Англичане любятъ хорошее вино, какъ вы знаете, сударь; эти же потребовали самаго лучшаго. Жена моя спрашивала у г. Атоса позволенія удовлетворить этихъ господъ, а онъ отказалъ, какъ всегда. Ну, вотъ, подымается настоящій содомъ.

Д'Артаньянъ услыхалъ сильный шумъ въ сторонѣ погреба. Онъ встаӆъ и, вмѣстѣ съ хозяиномъ, который ломалъ въ отчаяніи руки, и Планше, который держалъ наготовѣ заряженный мушкетъ,—приблизился къ погребу. Тамъ они застали обоихъ англичанъ, которые были возмущены. Они сдѣлали большой переѣздъ и умирали отъ голода и жажды.

— Да это просто насиліе, кричали они на хорошемъ французскомъ языкѣ, хотя съ небольшимъ иностраннымъ акцентомъ,—этотъ съумасшедшій не дозволяетъ добрымъ людямъ пользоваться своимъ же добромъ. Мы выломаемъ дверь, и если онъ въ самомъ дѣлѣ взбѣсился,—мы убьемъ его.

— Потише, господа! сказалъ д'Артаньянъ, вынимая изъ-за пояса пистолеты;—вы никого не убьете.

— Ну, ну, слышался изъ-за двери спокойный голосъ Атоса,—пускай-ка они покажутся немного, эти людоѣды, мы поглядимъ на нихъ.

Какъ ни были, повидимому, храбры оба англичанина, они переглянулись, однако, въ нерѣшительности; казалось, что въ погребѣ сидитъ одинъ изъ гигантовъ, голодныхъ лѣшихъ, героевъ народныхъ легендъ, и проникнуть къ нему безнаказанно въ пещеру немыслимо.

Наступила на минуту тишина, но, наконецъ, англичанамъ сдѣлалось стыдно отступать и тотъ, который былъ

задорливѣй изъ нихъ, спустился на пять или шесть ступенекъ, составлявшихъ лѣстницу, и ударилъ въ дверь ногой съ такою силою, что могла повалиться стѣна.

— Плянше, сказалъ д'Артаньянъ, заряжая свои пистолеты, — я возьму на себя того, который стоитъ наверху, а ты позаботься о стоящемъ внизу. Господа! Вы, значитъ, желаете сраженія! Ну, что-жъ, давайте сражаться.

— Боже мой, закричалъ изъ погреба Атосъ,—я слышу, кажется, д'Артаньяна.

— Да, отвѣчалъ д'Артаньянъ, возвышая въ свою очередь голосъ,—я тутъ, дорогой другъ.

— Превосходно! кричалъ Атосъ,—мы обработаемъ ихъ, этихъ выламывателей дверей.

Авгличане обнажили шпаги, но они были поставлены между двухъ огней; они съ минуту стояли въ нерѣшимости; но, какъ и въ первый разъ, гордость взяла верхъ и отъ второго удара ноги дверь треснула во всю вышину.

— Сторонись, д'Артаньянъ, сторонись, кричалъ Атосъ,— сторонись, я стану стрѣлять!

— Господа! сказалъ д'Артаньянъ, [котораго не покидало хладнокровіе, — господа, поразмыслите! Терпѣніе, Атосъ. Вы впутываетесь въ скверное дѣло и будете пристрѣлены: я съ своимъ человѣкомъ выпустимъ въ васъ три выстрѣла и столько же послѣдуетъ изъ погреба; послѣ у насъ будутъ шпаги, которыми, могу васъ увѣрить, мой другъ и я владѣемъ недурно. Предоставьте мнѣ устроить и ваши, и свои дѣла.—Сейчасъ вамъ принесутъ вино, даю вамъ слово.

— Если сколько нибудь осталось, раздался насмѣшливый голосъ Атоса.

У трактирщика выступилъ холодный потъ.

— Какъ, не осталось вина! пробормоталъ онъ.

— Конечно, найдется, возразилъ д'Артаньянъ;—будьте покойны, вдвоемъ они не могли выпить весь погребъ. Вложите, господа, ваши шпаги въ ножны.

— А вы заткните пистолеты за-поясъ.

— Охотно.

Д'Артаньянъ первый подалъ примѣръ. Потомъ, повер-

нувшись къ Планше, онъ сдѣлалъ ему знакъ разрядить мушкетъ.

Успокоенные англичане вложили, ворча, шпаги въ ножны. Имъ разсказали исторію Атоса, и они согласились, что во всемъ виноватъ трактирщикъ.

— Господа, сказалъ д'Артаньянъ, отправляйтесь въ отведенное вамъ помѣщеніе и отвѣчаю, что черезъ десять минутъ вамъ принесутъ все, чего вы пожелаете.

Англичане поклонились и ушли.

— Теперь я остался одинъ, дорогой Атосъ, сказалъ д'Артаньянъ,—откройте мнѣ, пожалуйста, двери.

— Сію минуту, отозвался Атосъ.

Послышался страшный трескъ отъ падающихъ бревенъ и досокъ: это бастіоны и контръ-эскарпы Атоса разрушались самимъ осажденнымъ.

Черезъ минуту дверь распахнулась и показалась блѣдная голова Атоса, который быстрымъ взглядомъ обозрѣвалъ мѣстность.

Д'Артаньянъ бросился къ нему на шею и нѣжно поцѣловалъ. Онъ хотѣлъ утащить его изъ его сырого помѣщенія и тогда только замѣтилъ, что Атосъ едва стоитъ на ногахъ.

— Вы ранены? спросилъ онъ его.

— Ничуть не бывало; я смертельно пьянъ,—вотъ и все, и никогда человѣкъ не былъ въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы напиться. Хвала Богу, хозяинъ! я одинъ выпилъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ бутылокъ.

— Умилосердьтесь! вскричалъ хозяинъ, если слуга выпилъ только половину того, что баринъ, я разоренъ.

— Гримо — слуга хорошаго дома, и онъ не позволилъ бы себѣ дѣлать то же, что я. Онъ пилъ только изъ бочки. Постойте, мнѣ кажется, что онъ забылъ воткнуть втулку. Слышите? течетъ!

Д'Артаньянъ прыснулъ со смѣху, а хозяина бросало изъ озноба въ жаръ.

Гримо также показался изъ-за спины своего господина съ мушкетомъ на плечѣ и трясущейся головой,

какъ у пьяныхъ сатировъ на картинахъ Рубенса. Онъ спереди и сзади былъ облитъ жирною жидкостію, въ въ которой хозяинъ тотчасъ распозналъ свое лучшее оливковое масло.

Вся группа прошла черезъ большой залъ и водворилась въ лучшей комнатѣ гостинницы, которую д'Артаньянъ занялъ по праву сильнаго.

Хозяинъ съ женой бросились съ лампами въ погребъ, входъ въ который имъ былъ такъ долго запрещенъ. Тамъ ихъ ожидало ужасное зрѣлище.

Укрѣпленія Атоса, въ которыхъ онъ сдѣлалъ брешь для выхода, состояли изъ хвороста, досокъ и пустыхъ бочекъ, наваленныхъ по всѣмъ правиламъ стратегіи. Тамъ-и-сямъ видны были, плавающіе въ лужахъ масла и вина, кости отъ съѣденныхъ окороковъ; цѣлая груда побитыхъ бутылокъ валялась въ лѣвомъ углу погреба, а одна бочка, кранъ которой не былъ завернутъ, выпускала черезъ него послѣднія капли живительной влаги. Опустошеніе и смерть, какъ сказалъ поэтъ древности, царили здѣсь, какъ на полѣ брани.

Изъ пятидесяти колбасъ, повѣшенныхъ на брусьяхъ, осталось только десять.

Стоны хозяина и хозяйки проникали сквозь своды погреба, и самъ д'Артаньянъ былъ взволнованъ. Атосъ не повернулъ даже головы.

Но горе смѣнила ярость.

Вооружившись вертеломъ, хозяинъ въ отчаяніи бросился въ комнату, куда удалились оба друга.

— Вина! приказалъ Атосъ, увидѣвъ его.

— Вина! вскричалъ изумленный хозяинъ, вина! но вы выпили его у меня болѣе чѣмъ на сто пистолей; я человѣкъ разоренный, погибшій, уничтоженный!

— Ба! сказалъ Атосъ,—у насъ все время была жажда.

— Если бы вы удовольствовались еще тѣмъ, что пили; но вы перебили всѣ бутылки.

— Вы толкнули меня на цѣлую груду ихъ и она разсыпалась. Это ваша вина.

— Все у меня погибло!

— Масло составляетъ цѣлебный бальзамъ для ранъ и бѣдному Гримо нужно же было залечивать себѣ тѣ, которыя вы нанесли ему.

— Колбасы мои съѣдены!

— Въ этомъ погребѣ масса крысъ.

— Вы заплатите мнѣ за все! кричалъ раздраженный хозяинъ.

— Ты трижды шутъ, сказалъ Атосъ, приподнимаясь; но тотчасъ же снова сѣлъ: силы стали ему измѣнять. Д'Артаньянъ поддержалъ его и поднялъ хлыстъ.

Хозяинъ попятился, весь въ слезахъ.

— Это выучитъ васъ, замѣтилъ д'Артаньянъ,—держать себя вѣжливѣе съ путешественниками, посылаемыми вамъ Богомъ.

— Богомъ! нѣтъ, не Богомъ.

— Любезный другъ, сказалъ д'Артаньянъ, — если вы не перестанете терзать намъ уши, мы всѣ четверо запремся въ вашъ погребъ и поглядимъ, дѣйствительно ли убытокъ такъ великъ, какъ вы говорите.

— Ну, да, господа, сказалъ хозяинъ,—я виноватъ, сознаюсь; но помилосердствуйте: вы вельможи, а я бѣдный трактирщикъ, пожалѣйте меня.

— Если ты станешь разговаривать такимъ образомъ, то растрогаешь мнѣ сердце и изъ глазъ у меня польются слезы, какъ текло вино изъ твоихъ бочекъ. Люди не всегда бываютъ такими извергами, какъ кажется. Подойди сюда, поговоримъ.

Хозяинъ боязливо приблизился.

— Подойди, говорю тебѣ, и не бойся, продолжалъ Атосъ. — Когда я хотѣлъ расплатиться съ тобою, я положилъ свой кошелекъ на столъ.

— Да, милостивый государь.

— Въ этомъ кошелькѣ было шестьдесятъ пистолей; куда дѣвался кошелекъ?

— Отданъ на храненіе въ канцелярію губернатора; мнѣ сказали, что это была фальшивая монета.

— Ну, заставь возвратить тебѣ мой кошелекъ и возьми себѣ эти шестьдесятъ пистолей.

— Но, милостивый государь, вы хорошо знаете, что канцелярія губернатора не выпуститъ то, что попало въ въ ея руки. Если бы это была въ самомъ дѣлѣ фальшивая монета, то еще была бы надежда; но, къ несчастію, это настоящая.

— Устроивайся съ нимъ, мой любезный, это до меня не касается, тѣмъ болѣе, что у меня не осталось ни гроша.

— Послушайте, сказалъ д'Артаньянъ,—а старая лошадь Атоса, гдѣ она?

— Въ конюшнѣ.

— Сколько она стоитъ?

— Самое большое пятьдесятъ пистолей.

— Она стоитъ восемьдесятъ, бери ее и мы квиты.

— Какъ! ты продаешь мою лошадь, спросилъ Атосъ,— ты продаешь моего Баязета? На комъ же я отправлюсь въ походъ, на Гримо?

— Я привелъ тебѣ другого коня.

— Другого?

— И превосходнаго! вскричалъ хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ, если есть другой, красивѣе и моложе, бери стараго и давай вина.

— Какого? спросилъ окончательно просіявшій хозяинъ.

— Того, который лежитъ въ глубинѣ около рѣшетинъ,— его еще остается бутылокъ двадцать пять; остальныя всѣ были разбиты во время моего паденія. Принесите бутылокъ шесть.

— Этотъ человѣкъ—просто сороковая бочка, сказалъ въ сторону хозяинъ;—если онъ останется здѣсь только пятнадцать дней и будетъ платить за все, что выпьетъ, я совсѣмъ поправлю свои дѣла.

— Не забудь еще, продолжалъ д'Артаньянъ,— подать четыре бутылки того же вина гг. англичанамъ.

— Теперь, сказалъ Атосъ,—пока принесутъ вина, разскажи, д'Артаньянъ, что приключилось съ другими. Послушаемъ.

Д'Артаньянъ разсказалъ, какъ онъ нашелъ Портоса въ постели съ вывихомъ, а Арамиса за диспутомъ съ

богословами. Разсказъ его пришелъ къ концу, когда вошелъ хозяинъ съ затребованными бутылками вина и окорокомъ, оставшимся, по счастью для него, не спрятаннымъ въ погребъ.

— Отлично, сказалъ Атосъ, наполняя стаканы для себя и для д'Артаньяна,—за здоровье Портоса и Арамиса. Ну а лично съ вами, мой другъ, что случилось? Я нахожу, что у васъ какой-то зловѣщій видъ.

— Увы! сказалъ д'Артаньянъ, это потому, что изъ всѣхъ насъ я самый несчастный.

— Вы несчастны, д'Артаньянъ? Посмотримъ, въ чемъ ваше несчастье? Разсказывайте.

— Послѣ, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Послѣ, а почему не сейчасъ? Потому что вы думаете, что я пьянъ, д'Артаньянъ? Знайте же, что никогда у меня голова не бываетъ свѣтлѣе, чѣмъ въ то время, когда я выпью. Говорите же, я весь обратился въ слухъ.

Д'Артаньянъ разсказалъ приключенiе съ г-жей Бонасье.

Атосъ слушалъ его, не мигнувши глазомъ, а когда тотъ кончилъ, онъ замѣтилъ:

— Все на этомъ свѣтѣ пустяки, пустяки!

Это была поговорка Атоса.

— Вамъ все пустяки, дорогой Атосъ! сказалъ д'Артаньянъ;—вамъ это легко, потому что вы никогда не любили.

Потухшiе глаза Атоса вдругъ вспыхнули, но только на мгновенье, и снова померкли и приняли то же неопредѣленное выраженiе, какъ прежде.

— Ты правъ, отозвался онъ,—я никогда не любилъ.

— Скажите же, каменное вы сердце, какое вы имѣете право относиться сурово къ намъ, нѣжнымъ сердцамъ.

— Нѣжныя сердца, пронзенныя сердца! сказалъ Атосъ.

— Что вы говорите?

— Я говорю, любовь—лотерея и кто выигрываетъ въ эту лотерею—тому капутъ. Въ томъ, что вы проиграли, ваше великое счастье, повѣрьте мнѣ, дорогой д'Артаньянъ. Самое искреннее мое пожеланiе вамъ, чтобы вы всегда проигрывали.

— Казалось, она меня такъ любила!

— Только казалось?

— О, нѣтъ сомнѣнія, она любила меня.

— Дитя, нѣтъ человѣка, который бы не воображалъ, какъ вы, что любовница любитъ его, и нѣтъ человѣка, котораго любовница не обманула бы.

— Исключая васъ, Атосъ, у котораго любовницъ не было.

— Это правда, сказалъ Атосъ послѣ минутнаго молчанія,—я не имѣлъ ихъ никогда. Давайте пить!

— Однако, философъ вы этакій, научите меня, поддержите; мнѣ необходимо и утѣшеніе.

— Утѣшеніе, въ чемъ?

— Въ моемъ несчастіи.

— Ваше несчастіе просто смѣшно, сказалъ Атосъ, пожимая плечами;—мнѣ очень любопытно, что вы скажете, если я разскажу вамъ одну любовную исторію.

— Случившуюся съ вами?

— Съ однимъ изъ моихъ друзей,—не все ли равно?!

— Разскажите, Атосъ, разскажите.

— Давайте пить, это будетъ лучше.

— Пейте и разсказывайте.

— Да, это возможно, сказалъ Атосъ, выпивая залпомъ и снова наполняя свой стаканъ; — одно дѣло ничуть не мѣшаетъ дѣлать другое.

— Я слушаю, сказалъ д'Артаньянъ.

Атосъ сосредоточился и, по мѣрѣ того какъ уходилъ въ себя, онъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ; онъ былъ въ томъ періодѣ хмѣля, когда обыкновенные пьяницы сваливаются и засыпаютъ. Атосъ бредилъ на яву. Этотъ лунатизмъ пьянства казался чѣмъ-то ужаснымъ.

— Вы непремѣнно хотите этого? спросилъ онъ.

— Я прошу васъ разсказать, сказалъ д'Артаньянъ.

— Пусть будетъ по вашему. — Одинъ изъ моихъ друзей,—одинъ изъ моихъ друзей, запомните это хорошенько, а не я,—началъ Атосъ, прерывая себя съ мрачной улыбкой,—одинъ изъ графовъ моей провинціи, т. е. Берри, благородный не менѣе Дандоло или Монморанси, влю-

бился, въ двадцать пять лѣтъ, въ молодую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, прекрасную, какъ сама любовь. Сквозь наивность ея лѣтъ пробивался острый умъ, умъ не женщины, а поэта; она не нравилась, а опьяняла. Она жила въ небольшомъ городкѣ, гдѣ братъ ея былъ священникомъ.

«Оба были чужими въ странѣ и пріѣхали неизвѣстно откуда;—никто объ нихъ не зналъ, но никому и въ голову не приходило разспрашивать при видѣ ея красоты и благочестія ея брата. Какъ бы то ни было, но всѣ считали, что они хорошаго происхожденія. Мой другъ, бывшій владѣльцемъ края, могъ бы, по своему желанію, соблазнить ее или взять силою по праву сюзерена, — кто явился бы на помощь двумъ иностранцамъ, никому неизвѣстнымъ? Къ несчастію, онъ былъ честный человѣкъ, женился на ней. Дуракъ, простофиля, глупецъ!

— Почему глупецъ, если онъ любилъ ее? спросилъ д'Артаньянъ.

— Не перебивайте, сказалъ Атосъ.—Онъ привезъ ее въ свой замокъ, сдѣлалъ первой дамой въ провинціи, и, нужно отдать ей справедливость, она держала себя превосходно.

— Ну? спросилъ д'Артаньянъ.

— Однажды, когда она была на охотѣ съ своимъ мужемъ, продолжалъ Атосъ тихимъ голосомъ,—она упала съ лошади и съ ней сдѣлался обморокъ; графъ бросился на помощь, а такъ какъ она задыхалась въ платьѣ, то онъ распоролъ его кинжаломъ и обнажилъ ей плечо. Догадайтесь, что у нея было на плечѣ, д'Артаньянъ? вдругъ спросилъ Атосъ, съ взрывомъ хохота.

— Откуда же я могу знать? отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Цвѣтокъ лиліи: она была заклеймена.

И Атосъ залпомъ выпилъ стаканъ вина, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Ужасно! вскричалъ д'Артаньянъ;—правду ли вы мнѣ только разсказываете?!

— Истину, другъ мой: ангелъ былъ демономъ. Бѣдная дѣвушка была воровка.

— Какъ же поступилъ графъ?

— Графъ былъ знатный сеньоръ и имѣлъ на своихъ земляхъ право верховнаго и низшаго суда; онъ изорвалъ все платье на графинѣ, скрутилъ ей за спиной руки и повѣсилъ на деревѣ.

— Боже мой, Атосъ, убійство! вскричалъ д'Артаньянъ.

— Да, убійство, не болѣе, сказалъ Атосъ, блѣдный, какъ смерть. У меня, кажется, нѣтъ вина.

И Атосъ схватилъ послѣднюю бутылку, поднесъ ее ко рту и опорожнилъ безъ передышки, точно это былъ обыкновенный стаканъ. Онъ опустилъ голову на руки; д'Артаньянъ пораженный, стоялъ передъ нимъ.

— Это вылечило меня отъ прекрасныхъ, поэтичныхъ и увлекательныхъ женщинъ, заключлъ Атосъ, и всталъ, не думая продолжать апологію графа.—Пошли вамъ Господь то же самое! Давайте пить!

— Она умерла? пробормоталъ д'Артаньянъ.

— Чортъ возьми!—Да протяните же вашъ стаканъ. Ветчины, дурачина! приказалъ Атосъ, — мы не можемъ пить болѣе.

— А ея братъ? спросилъ тихо д'Артаньянъ.

— Ея братъ? повторилъ Атосъ.

— Да, священникъ.

— Ахъ, да. Я послалъ за нимъ, чтобы повѣсить и его, но онъ предупредилъ меня и наканунѣ оставилъ свой приходъ.

— Узнали ли по крайней мѣрѣ, кто былъ этотъ негодяй?

— Это былъ, безъ сомнѣнія, первый любовникъ и сообщникъ красавицы, достойный ея человѣкъ, выдававшій себя за священника, быть можетъ, для того, что выдать замужъ свою любовницу и обезпечить такимъ образомъ свою судьбу. Его бы четвертовали, надѣюсь!

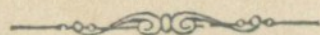
— Боже мой, Боже мой! шепталъ д'Артаньянъ,—совершенно ошеломленный этимъ ужаснымъ разсказомъ.

— Кушайте, однако, ветчину, д'Артаньянъ, она превосходна, замѣтилъ Атосъ, отрѣзывая кусокъ и кладя его на тарелку молодого человѣка.—Какое несчастье, что та-

кихъ окороковъ было только четыре въ погребѣ! Я выпилъ бы пятидесятью бутылками больше.

Д'Артаньянъ не могъ больше поддерживать разговоръ, который произвелъ на него удручающее впечатлѣніе. Онъ опустилъ голову на руки и притворился спящимъ.

— Молодежь совсѣмъ не умѣетъ пить, сказалъ Атосъ, — смотря на него съ сожалѣніемъ,—а этотъ еще изъ наилучшихъ!..



ОГЛАВЛЕНІЕ.